

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра «Архитектурное проектирование и рисунок»

КОМИТЕТ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА БРЕСТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА



II Международная научно-практическая конференция
29-30 апреля 2010 года

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО
РЕГИОНА. СОХРАНЕНИЕ И КУЛЬТУРНО-
ТУРИСТСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Брест 2010

УДК 725.945(476.6)(476.7):796.5

Под редакцией **Власюка Н.Н.**, к. арх., доцент, БрГТУ, Беларусь

Рецензенты: **Сергачев С.А.**, доктор арх., профессор БНТУ, Беларусь

Морозов В.Ф., доктор арх., prof. Wydziału Architektury Politechniki Białostockiej, Polska

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ

Председатель:

– **Рубанов В.С.**, проф., проректор по НИР БрГТУ, Беларусь

Сопредседатель комитета:

– **Власюк Н.Н.**, канд. арх., доц., зав. кафедрой «Архитектурное проектирование и рисунок» БрГТУ, Беларусь

Ответственный секретарь:

– **Панченко Т.А.**, ст. преп. каф. «Архитектурное проектирование и рисунок» БрГТУ, Беларусь

Члены комитета:

– **Dąbrowska-Milewska G.**, dr. hab.inż., arch., prof. PB, dziekan WA PB; Dean of Faculty of Architecture BUT «Politechnika Białostocka», Polska

– **Сергачёв С.А.**, докт. арх., проф., зав. каф. «Архитектура жилых и общественных зданий» БНТУ, Беларусь

– **Морозов В.Ф.**, докт. арх., проф. Faculty of Architecture BUT «Politechnika Białostocka», зав. кафедрой «История и теория архитектуры» БНТУ, Беларусь

– **Нестерчук Л.М.**, канд. ист. наук, главный специалист управления культуры по охране историко-культурного наследия Брестского облисполкома, Беларусь

– **Потаев Г.А.**, докт. арх., проф., зав. каф. «Градостроительство» БНТУ, Беларусь

– **Малков И. Г.**, докт. арх., проф., зав. каф. «Архитектура гражданских и промышленных зданий» БелГУТ, Беларусь

– **Uścińowicz J.**, dr. hab.inż., arch., kierownik Zakładu Architektury Kultur Lokalnych Wydziału Architektury Politechniki Białostockiej; dyrektor Programu Roboczego Międzynarodowej Unii Architektów „Miejsca Duchowe”, Polska

– **Морозова Е.Б.**, докт. арх., доц., зав. каф. «АПО и АК» БНТУ, Беларусь

– **Войтенко А.В.**, зам. пред. комитета по арх. и строительству Брестского облисполкома, главный архитектор Брестской области

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

– **Власюк Н.Н.**, канд. арх., доц. БрГТУ, Беларусь

– **Кудиненко А.Д.**, канд. арх., проф. БрГТУ, Беларусь

– **Uścińowicz J.**, dr. hab. inż., arch. prof. Wydziału Architektury Politechniki Białostockiej, Polska

Доклады международной конференции посвящены историческим особенностям архитектуры приграничных регионов, современным тенденциям развития региональной архитектуры малых городов, проблемам сохранения, охраны и культурно-туристского использования историко-культурного наследия.

СОДЕРЖАНИЕ

I РАЗДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Власюк Н.Н. ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ	6
Ожешковская И.Н. АРХИТЕКТУРА УНИАТСКИХ ХРАМОВ ПОДЛЯШЬЯ	16
Малікаў Я.Р. ГІСТОРЫКА-АРХІТЭКТУРНАЯ СПАДЧЫНА ЦЭНТРАЛЬНАГА ПАЛЕССЯ – ПРАБЛЕМЫ ЗАХАВАННЯ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫКАРЫСТАННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ г.ТУРАВА)	19
Воробей В.А. ИКОНОСТАС СВЯТО-ПОКРОВСКОГО ХРАМА В Д. ПОКРЫ БРЕСТСКОГО РАЙОНА	23
Морозов В.Ф. СТРОИТЕЛЬСТВО кн. А.САПЕГИ В РУЖАНАХ, ДЕРЕЧИНЕ И ВЫСОКОМ	27
Кишик Ю.Н. ДЛИННЫЙ РЫНОК – ПАМЯТНИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ	35
Trojnieł P. NIEZREALIZOWANE PROJEKTY ADAPTACJI SYNAGOG NA PODLASIU SEJNY, KRYNKI, SUWAŁKI, MILEJCZYCE	39
Басов С.В., Гладыщук А.А. РУРМУС – ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ БЕРЕСТЕЙСКОГО ЗАМКА XVI ВЕКА	45
Вавернюк И.И. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БРЕСТА-НАД-БУГОМ (1921–1939 гг.)	50
Власюк Н.Н. (ст.) НЕКРОФАЦИИ	52
Лаврецкий Г.А. ИССЛЕДОВАНИЕ 2009–2010 гг. КРЕПОСТЕЙ-ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ	55
Никитчик А.Д., Никитчик Т.А. СВЯТО-НИКОЛАЕВСКИЙ СОБОР ВЕЛИКОГО ГРАДА ВЕЛИКОГО БЕРЕСТЬЯ. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ И АРХИТЕКТУРУ	58
Залесская Г.Л. РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ БЕЛАРУСИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	63
Восович С.М. БРЕСТСКАЯ БРАТСКАЯ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	66
Januszkiewicz A. DAWNE CERKWIE GARNIZONOWE WOJSK ROSYJSKICH NAD BUGIEM	69
Купрейчик Л. В. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА БРЕСТА	73
Морозова Е.Б. БРЕСТСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ УЗЕЛ КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	77
Попко О. Н. УСАДЬБА АРТУРА БЕРТОЛЬДИ В ОЗЯТАХ КОРОЛЕВСКИХ (ЖАБИНКОВСКИЙ Р-Н)	81

II РАЗДЕЛ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Клицунова В.А., Сергачев С.А. “ЗЕЛЕНЫЕ МАРШРУТЫ” – ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	89
Нитиевская Е.Е. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА ТЕРРИТОРИИ «ПРИБУЖСКОГО ПОЛЕСЬЯ»	90
Сергачев С.А. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)	93
Орлов А.М., Соломенник О.И. ПРОЕКТ ПО ЭСТЕТИЗАЦИИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ «АГРОУСАДЬБА». ОФОРМЛЕНИЕ ДВУХ ОБРАЗЦОВЫХ УСАДЕБ: УСАДЬБА «ДУБРАВА» БРЕСТСКОГО РАЙОНА И УСАДЬБА «ХИЛЯКИ» МАЛОБЕРЕСТОВИЦКОГО РАЙОНА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	96

Агранович Д.В., Агранович-Пономарева Е.С., Мазаник А.В. ТУРИЗМ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СТРАНАХ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ	98
Буната Е.Г., Новик Е.Г., Сысоева В.А. СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСЕЛКЕ РАКОВ.....	102
Лазовская Н.А., Мазаник А.В. ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА.....	105
Давидюк Э.А., Смитиенко И.В. РЕСТАВРАЦИЯ СВЯТО - НИКОЛАЕВСКОГО ГАРНИЗОННОГО СОБОРА В БРЕСТЕ.....	108

III РАЗДЕЛ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Потаев Г.А., Потаева Г.Р. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ – ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ТУРИЗМА.....	114
Кудиненко А.Д. СОХРАНЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ ГОРОДОВ.....	117
Белова О.В., БНТУ, Минск ГОРОД КАК МЕСТО, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	121
Давидюк Э. А., Смитиенко И. В. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛИЦЫ СОВЕТСКОЙ В г. БРЕСТЕ	123

IV РАЗДЕЛ ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Несцярчук Л.М. АХОВА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ: СУЧАСНЫ СТАН, ПЕРСПЕКТЫВЫ.....	128
Кожар Н.В. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	129
Мисиюк В.С. ТРАДИЦИОННЫЙ ДОМ ПРИБУЖЬЯ И ПРОБЛЕМА РЕЕСТРА ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ.....	133
Пацкевич А.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКОНОВ ПОСТРОЕНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	136
Пацкевич А.В. РОЛЬ «ИНФОРМАЦИОННЫХ КАНАЛОВ» В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА.....	141
Пацкевич А.В. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ СТРУКТУР В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	145
Малыхина Л.Ю. ДНЕПРОВСКО-БУГСКИЙ КАНАЛ: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.....	149
Ковалёва Н.Н. ДНЕПРОВСКО-БУГСКИЙ КАНАЛ: РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА В XIX в. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.....	156

V РАЗДЕЛ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Dąbrowska-Milewska G. TENDENCJE W KSZTAŁTOWANIU FORMY ARCHITEKTONICZNEJ ZABUDOWY MIESZKANIOWEJ W MIASTACH PŁN.-WSCH. POLSKI W LATACH 1990-2010.....	162
Малков И.Г., Ковалев Д.П. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В БЕЛОРУССКОМ ПОЛЕСЬЕ.....	165
Панченко Т.А. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА.....	170
Свибович И. И. АРХИТЕКТУРА ЗРЕЛИЩНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ СРЕДЕ г. БРЕСТА.....	172

I РАЗДЕЛ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АРХИТЕКТУРЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ**

УДК 712:796.5 (476.7)

Власюк Н.Н., БрГТУ, Брест**ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ**

На протяжении всей истории формирования белорусского этноса границы территорий претерпевали существенные изменения. Изучая архитектуру, строительные приемы регионов современной Беларуси мы можем глубже понять истоки национальной архитектуры.

Историко-культурное наследие приграничных регионов западного Полесья имеет большой пласт до конца не изученной, самобытной культуры, истории, архитектуры белорусского, польского, украинского народов со своими местными особенностями, отличительным колоритом, характерным для данного региона. Это не только величественные каменные руины замков, элементы сохранившихся дворцово-парковых ансамблей, усадеб, монастырей, фортификаций, но и представляющая большой интерес деревянная архитектура приграничных сел, не тронутых войнами, а порой и цивилизацией XX–XXI века – деревень, уникального сакрального зодчества региона XVII–XX вв. Культурное наследие Западного Полесья – это результат многовекового напластования различных культур. Следы их можно найти везде. Это наследие, которое имеет общемировую ценность. Деревянное зодчество Полесья уже сегодня рассматривается для включения в список ЮНЕСКО.

Деревянное зодчество на протяжении многих столетий являлось частью культурного пейзажа территорий в бассейнах рек Западного Буга и Припяти. Древесина использовалась при строительстве оборонительных сооружений, жилых домов, храмов. Это способствовало созданию оригинальных форм стиля, приемов отличающихся от форм, которые использовали соседние народы. На территории современной Беларуси также в связи с различными экономическими особенностями, техническими навыками и особенностями культуры имеются региональные особенности деревянной архитектуры. Одним из таких регионов является Западное Полесье с сохранившимися до нашего времени многими примерами.

Сегодня удобное географическое расположение (через регион проходит магистраль М1 (Е30), равномерная сеть транспортных сообщений, близость рекреационных ландшафтов – Национального парка Беловежская пуща, ландшафтных, биологических, гидрологических заказников Полесья) делает данный регион перспективным для развития различных видов туризма, в том числе агротуризма.

В Беларуси у агротуризма действительно большое будущее, сегодня насчитывается порядка 250 действующих усадеб, планируется увеличение до 1000-1500 объектов. К сожалению, более 90% представленных сельских усадеб не имеют ничего общего с национальной, традиционной архитектурой Беларуси, региона. Как правило, это современная коробка – коттедж, построенный из силикатного кирпича, или послевоенный деревенский дом, облицованный, тем же кирпичом или сайдингом с интерьерами в духе 90-х гг. – часто безвкусно с налетом китча. Мало кто из хозяев применяет или имеет представление о региональных строительных приемах, богатых традициях региональной декоративной резьбы, украшениях домов как шляхты, так и крестьянского жилья. Это и солярные символы на фронтонах, характерные для Полесья, орнаменты на основе геометрических композиций, барочного и классического характера, пропиленные узоры, характерные для юго-восточной региональной традиции, и некоторые другие. На сегодняшний день объектов деревянной архитектуры становится все меньше.

Если говорить о привлечении наших и особенно иностранных туристов, то прежде всего их интересует не столько комфорт, сколько аутентика (условия жизни, местная архитектура, натуральная пища, местная архитектура, традиции и фольклор). Поэтому при организации и строительстве домов, предназначенных для агротуризма, необходимо применять черты *региональной, местной архитектуры*. Для этого знакомить владельцев с особенностями архитектуры регионов Беларуси. Необходима разработка каталога, где были бы собраны по регионам наиболее характерные примеры построек, с вариантами их адаптации для сегодняшнего времени, конструктивные элементы, конструкции крыш, элементы деревянной резьбы фронтонов, наличников, козырьков, различных кованых элементов, хозяйственные постройки, малые архитектурные формы.

Богатейший материал сакральной деревянной архитектуры сохранился на Брестчине. Стык западной и восточных культур, объединение православия и католицизма – как результат унии, историческое влияние язычества на этих землях – дало уникальный духовный синтез и как его материальное проявление, выраженное в дереве – храмы (рис. 1.)

В качестве примера выявления имеющегося историко-культурного наследия, деревянной архитектуры приграничных сел хочется привести материалы последних экспедиций по регионам Брестчины.

Каменецкий район. Представляет интерес, с точки зрения декора, деревянная резьба щитов и наличников хат в д. *Рожовка* (Каменецкого р-на) (рис.2-5). Более десятка разновидностей резьбы с солярными и христианскими символами, элементами растительного орнамента с прорезными датами построек 1929–1938 гг., уникальный каменный колодец XIX века в д. *Чвирки* (Каменецкого р-на) (рис.6), униатская церковь в д. *Щитники* (Каменецкий р-н), храм-часовня XVII века на кладбище в д. *Тростяница*, сохранились более двух десятков захоронений ятвягов, часовня нач. XX века в д. *Раковица* (неоготика), усадьба в д. *Гремяче*.

Усадьба рода *Ротов* в д. *Капылы* Каменецкого района (рядом с польской границей) с сохранившимся, частично перестроенным усадебным домом и хозяйственными постройками (уникальная конюшня в стиле модерн 1908 года разрушена в 2008 году, амбар из красного кирпича 1911 года, свинарник). Сохранился парк с элементами пейзажной и регулярной планировки, каштановыми, грабовыми и липовыми аллеями по периметру, водоемами, боскетами, фруктовым садом, фрагментами малых форм. В настоящее время загрязнен свалками мусора из соседних совхозов. По объекту в 2002-2005 гг. выполнены обмерные чертежи хозяйственных построек, генплан усадьбы с парком, произведена фотофиксация (рис. 7).

Усадьба рода *Высоцких* в д. *Лумно* Каменецкого района (рис.8). Деревянный усадебный дом кон. XIX века, конюшня из тесаного камня и красного кирпича, пейзажный парк около 3 га с двумя грабовыми и каштановыми беседками. Сохранилась на хозяйственном дворе коллекция зимних саней XIX–XX вв., представляющих также интерес для экспозиции.

Пружанский район. Деревянная колокольня XVIII века в д. *Шерешево* (Пружанский р-н) (фото на обложке).

Малоритский район. Деревянная церковь Рождества Богородицы в д. *Доропеевичи* XVII в. с четвериковой башней-звонницей, поделенной козырьком на два яруса. Представляет интерес балкончик с нарисованными окнами с трех сторон колокольни (рис. 10).

Кобринский район. Двухсрубная церковь Параскевы Пятницы 1740 г в д. *Дивин* с деревянной колокольней “восьмерик на четверике”. Кровля была гонтовой. Балконы на фасаде, возможно, соединялись с хорами. Витражи в виде креста. В 90-е годы изменена форма центрального купола.

Дмитриевская церковь XVIII в д. *Леликово* с двухъярусной колокольней. Представляет интерес выполненная недавно резьба, украшающая церковь.

Церковь святой Параскевы 1882 г. в д. *Болота* однокупольная с колокольней, с тремя портиками (по две колонны), резным иконостасом XIX в. Представляют интерес сохранившиеся фрагменты иконостаса старого храма XVII–XVIII вв., которые хранятся в храме. Вблизи храма, у дороги находится старое кладбище. На трети захоронений до сих пор стоят 2–3 метровые и небольшие деревянные кресты, характерные для захоронений центрального Полесья. Кресты ставились у ног, надписи наружу.

Дрогичинский район. Ильинская церковь 1881 г. в д. *Велемичи*. Церковь крестово-центрической композиции – памятник Полесской школы деревянного зодчества с чертами барокко. На сегодняшний день (апрель 2010 г.) аутентичные кованые кресты с барочными луковичами заменены стандартными современными золочеными куполами без каких-либо отличительных особенностей. Заменены также окна с переплетами на стеклопакеты без импостов.

Покровская церковь 1862 г. в д. *Радостово*. Трехсрубное строение. По три ромбовидных окна с каждой стороны второго яруса центрального объема.

Свято-Воскресенская церковь в *Антополе* 1854 г. Односрубный храм с двумя куполами и четырехколонным портиком. Деревянная колокольня стоит отдельно. На территории храма стоит мемориальная восьмиметровая колонна, видимо, в честь архангела (наподобие колонн в д. *Вистычи* и д. *Скоки* Брестского района). В храме резной иконостас (старый и новый), сохранились униатские иконы с резными окладами XVIII в.

Столинский район. Михайловская церковь XVIII в. в д. *Ремель*, крытая гонтом (рис.12 а, б). Особый интерес представляют кресты. Церковь была реставрирована в 1988 году. Сейчас в ней проводят отпевания.

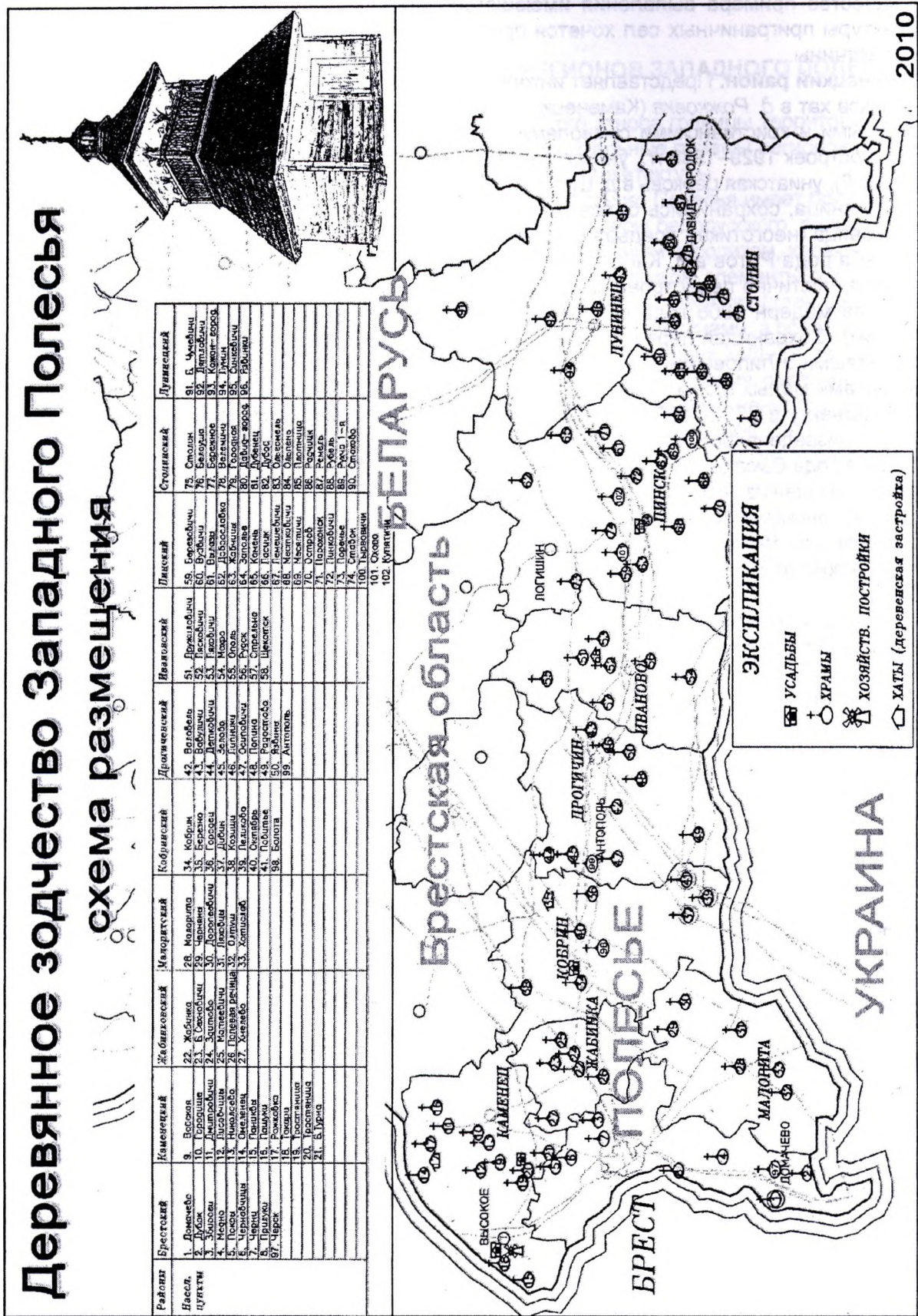


Рисунок 1 – Схема размещения деревянного зодчества Западного Полесья (сост. Власюк Н.Н.)

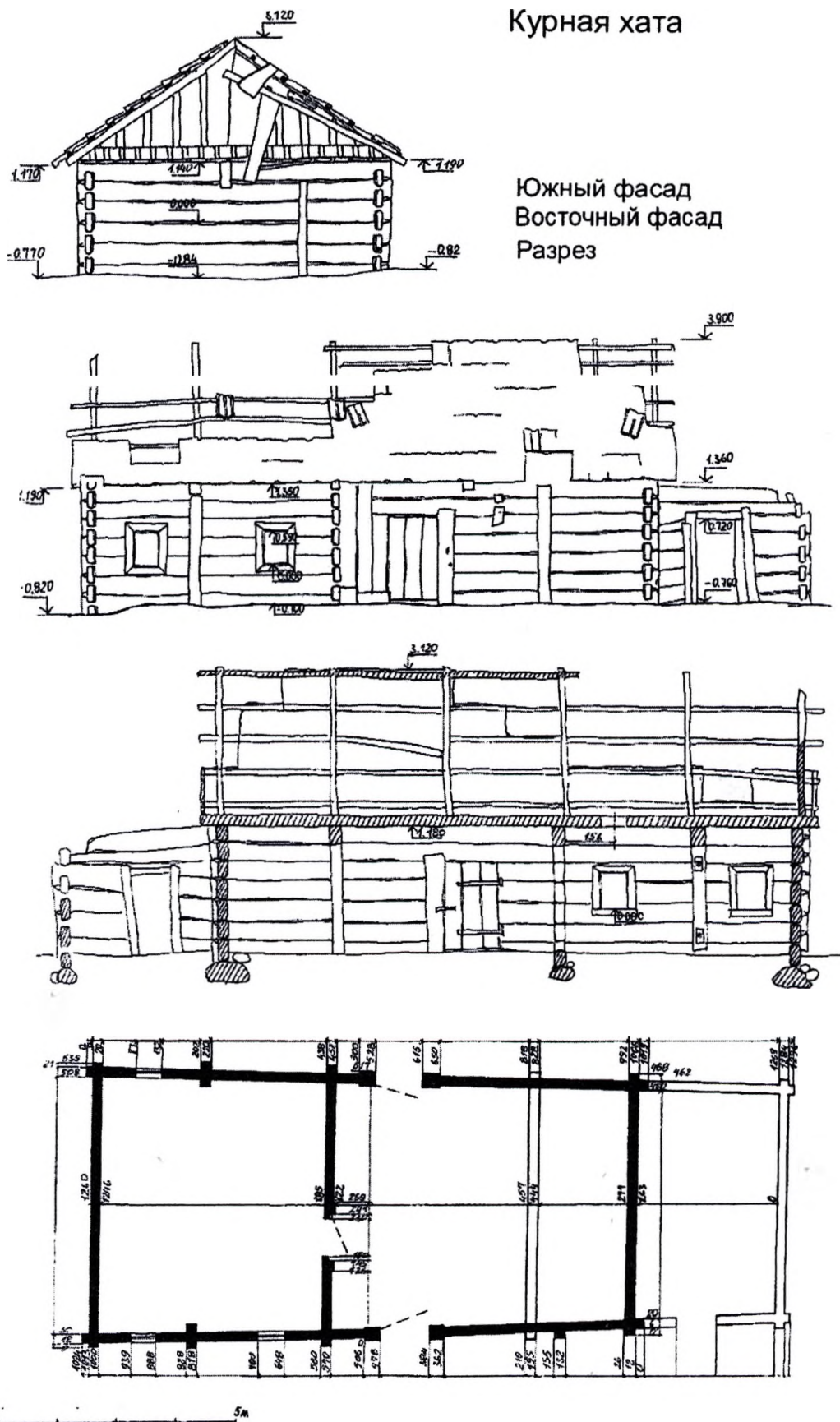


Рисунок 2 – Обмерный чертёж курной хаты (1837 г.) в д. Рожковка,
Каменецкого р-на (кроки автора 2002 г.)



Рисунок 3 – Декорированные фронтоны деревенских хат Брестской области: а, б, в – солярная символика – район центрального Полесья; г-и – декорирование фронтонов в западном Полесье (д. Рожковка, Каменецкий р-н)

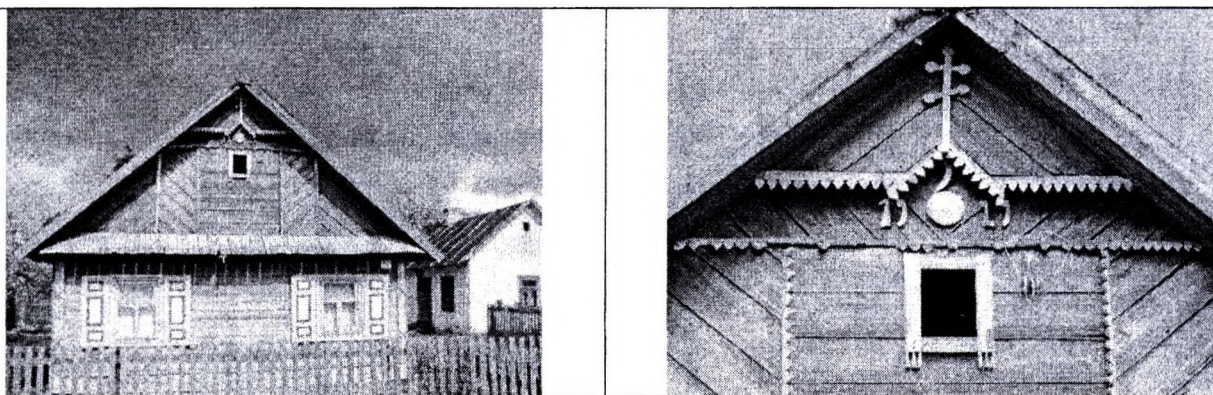


Рисунок 4 – Совмещение солярной и христианской символики на декорированных фронтонах деревенских хат западного Полесья (Каменецкий р-н)

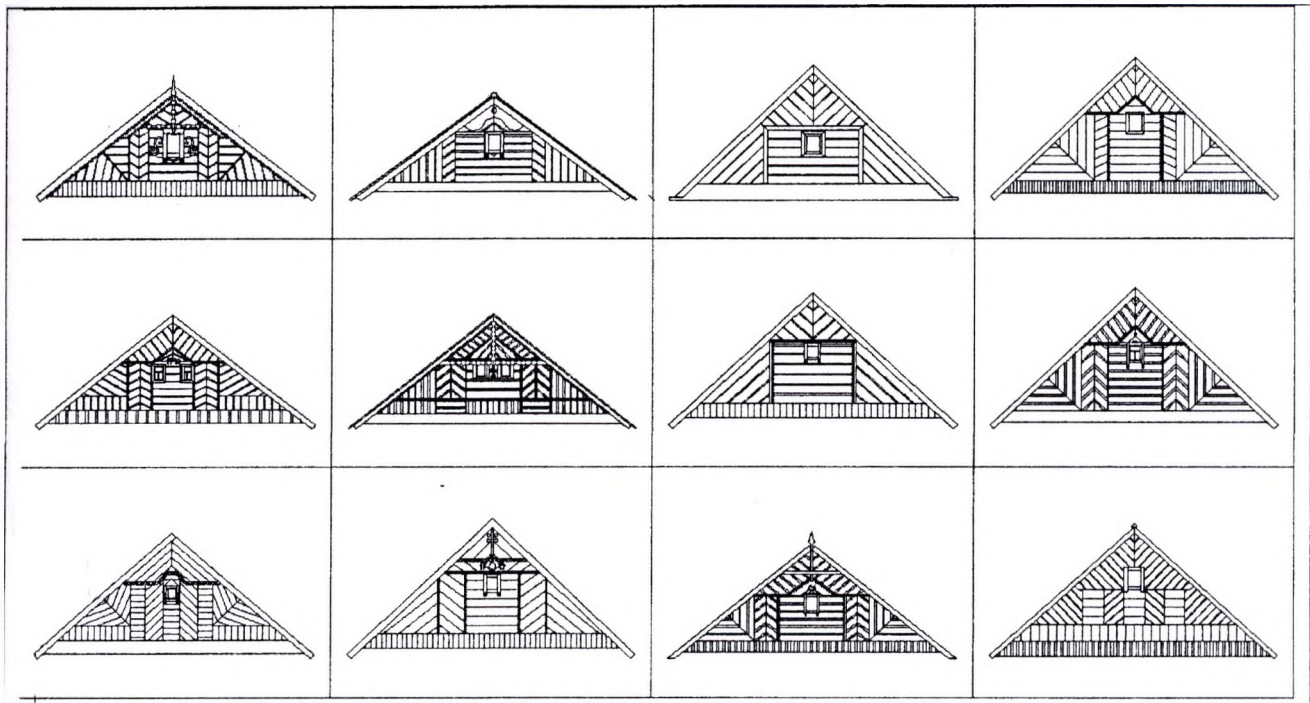


Рисунок 5 – Виды фронтонов в д. Рожковка Каменецкого района

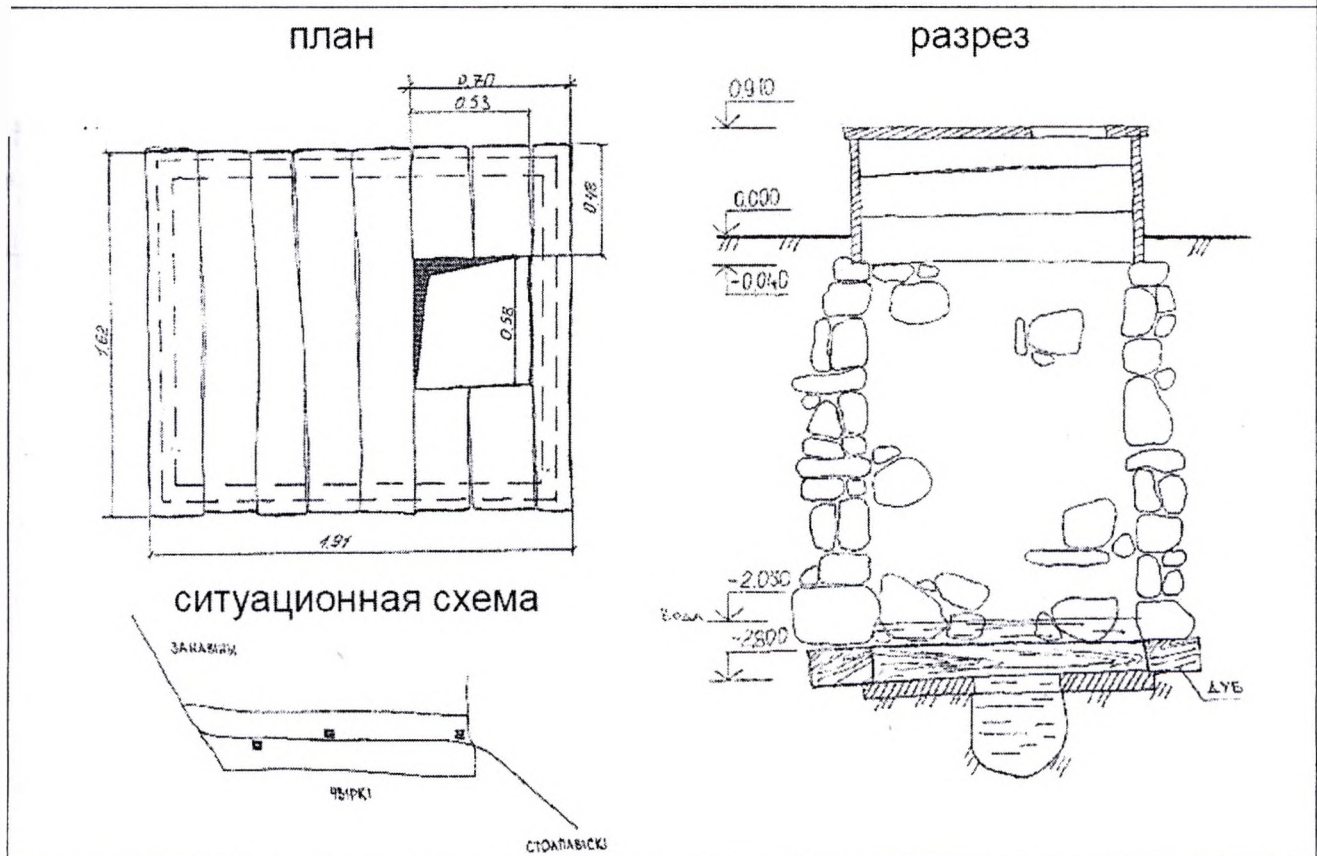


Рисунок 6 – Каменный колодец XIX в. (на фундаменте из дуба) – 1,6 x 1,9 м., глубиной около 3 м в д. Чвирки Каменецкого района

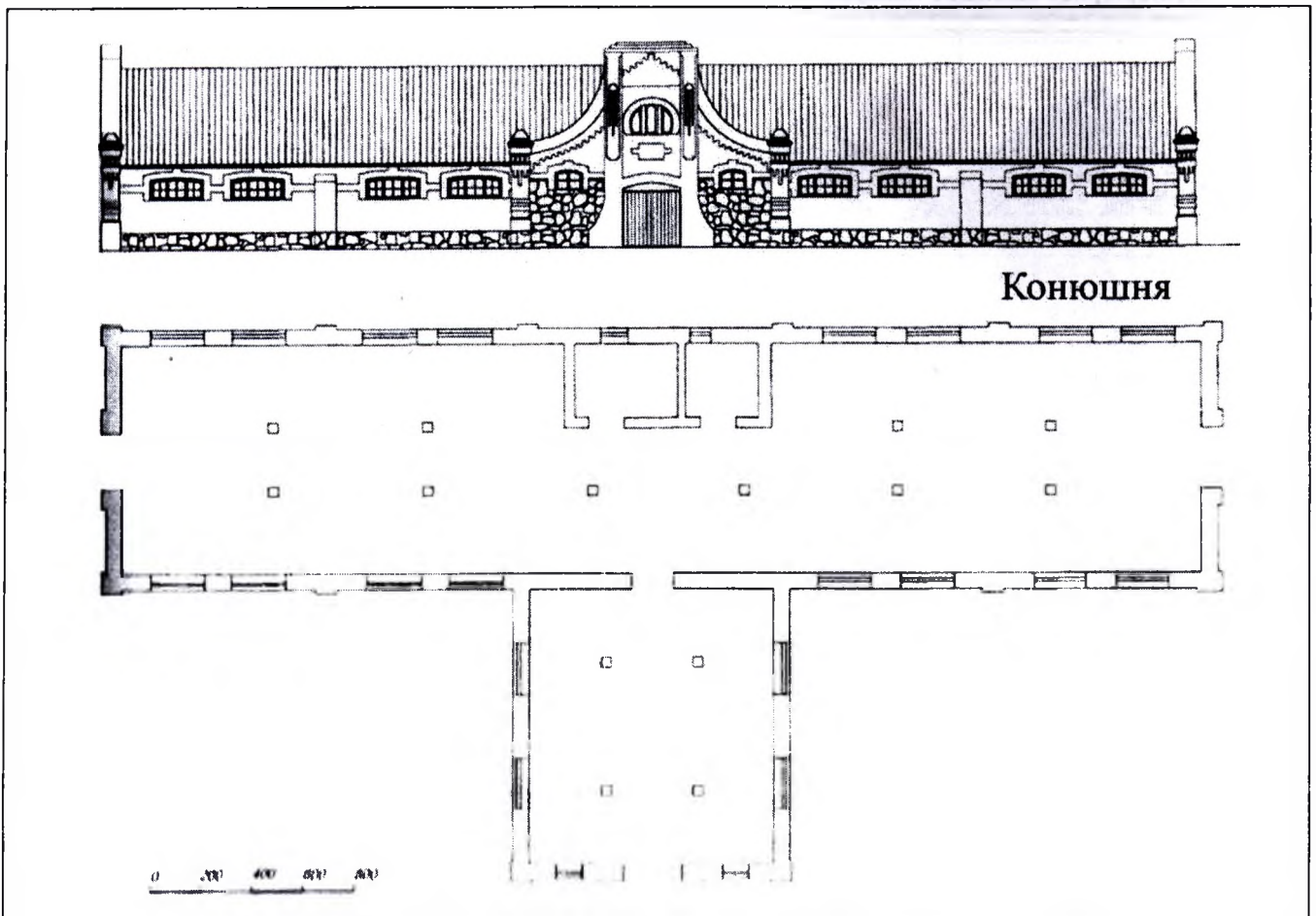
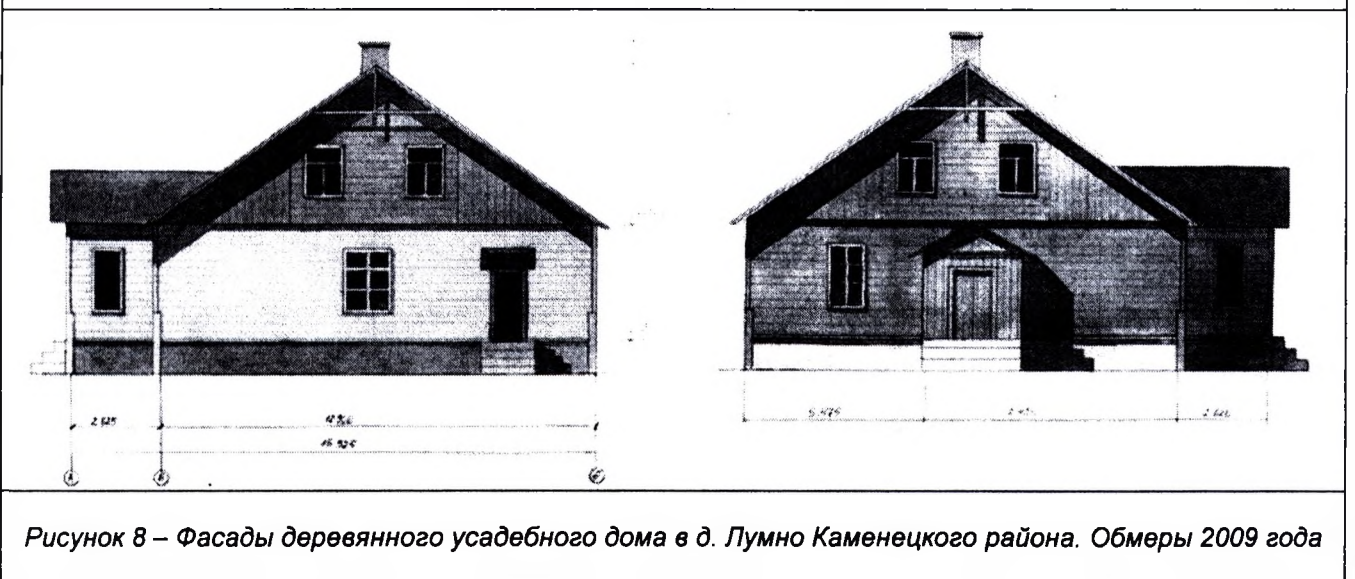


Рисунок 7 – Обмерный чертёж конюшни 1908 г. (модерн) в д. Копылы Каменецкого района. (2002 г.), в 2008 г. объект утрачен



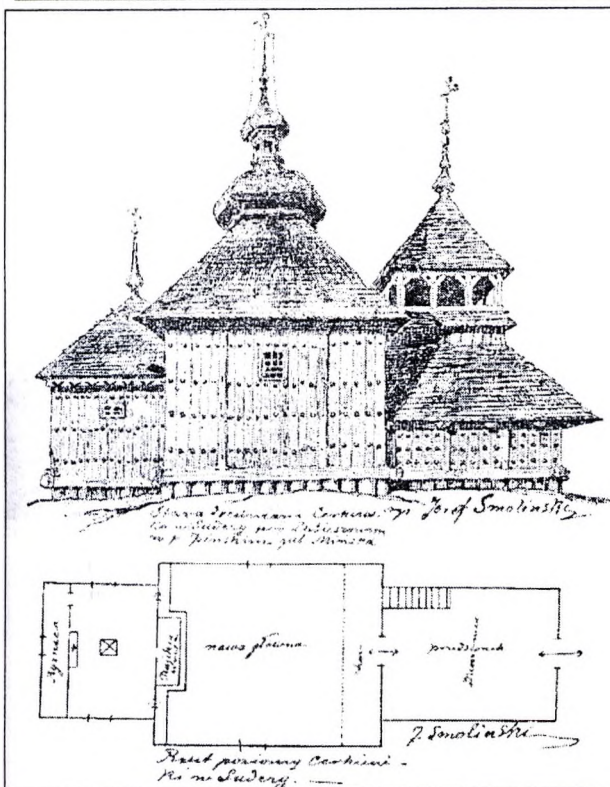


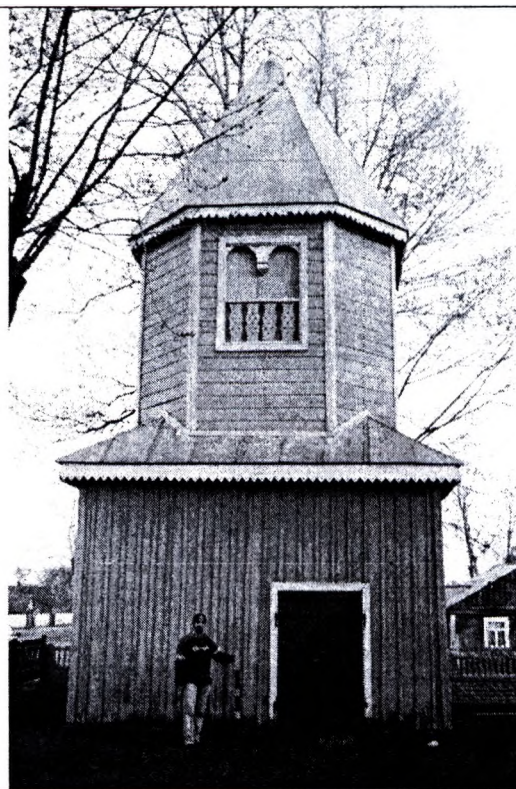
Рисунок 9 – Церковь на Полесье, XVIII в.



Рисунок 10 – Церковь Рождества Богородицы в д. Доропеевичи XVII в.



Рисунок 11 – Церковь Параскевы Пятницы 1740 г. с колокольней в д. Дивин Кобринского района



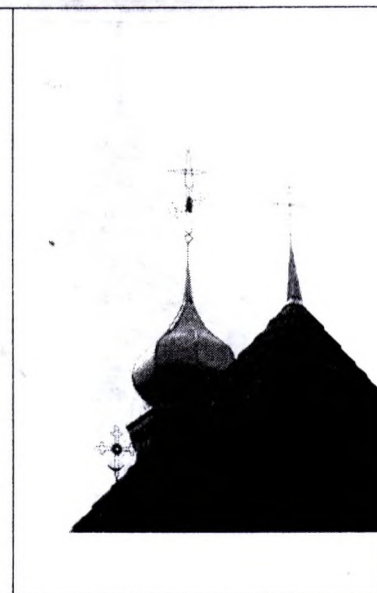


Рисунок 12 – а) Михайловская церковь XVIII в. в д. Ремель, б) кресты церкви



Рисунок 13 – Дмитриевская церковь XVIII в д. Леликово

Рисунок 14 – Козырек Свято-Троицкого храма

Заключение

Архитектура приграничных регионов Западного Полесья обладает самобытностью и своими особенностями. К сожалению, многое сегодня исчезает. Необходимо сохранять и фиксировать то немногое, что еще можно увидеть.

Даже эти примеры обследованных, самых различных объектов историко-культурного наследия приграничья показывают уникальность и самобытность региона, необходимость сохранения и культурно-туристского использования.

В каждом предлагаемом турпродукте должен присутствовать этнический акцент, аутентичность. Инфраструктура, которой пока нет, появится позже, главное сегодня – сохранить, не испортить имеющуюся самобытность. Необходимо создать адаптированный к современным условиям каталог для проектировщиков, владельцев агроусадоб, районных архитекторов, где были бы собраны по региону наиболее характерные примеры и приемы построек с различным оформлением декора, элементами благоустройства и т.п.



Рисунок 15 а, б – Проект включения локальных районов деревянного зодчества в список мирового наследия ЮНЕСКО; проект туристского маршрута «Жемчужины Берестейщины»

Литература

1. Пушча без межаў: матэрыялы міжнар. белар.- польскіх інвентарызацыйных семі-нараў гіст.-культ. спадчыны рэгіёна Белавежская пушча / Пад рэд. Н. Łapinska – Białowieża-Kamieniuki, 2003. – 192 с.
2. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область – Минск: Бел. Сов. Энциклопедия, 1986. – 418 с.

RESUME

Historical and cultural heritage of the a southwest part of Belarus (region western polesye) has a lot of not studied in the field of culture, history of Belarus people which is necessary for using for development of tourism. At construction of houses intended for sustainable tourism it is necessary to apply features of regional, local architecture, to acquaint owners with features of architecture of regions of Belarus. Today, necessary to create the catalogue with the most typical examples of constructions the regions: constructive elements, designs of roofs, elements of a wooden groove of pediments, platbands, various metal elements, authentic small architectural forms.

УДК 72 (476) (091)

*Ожешковская И.Н., БНТУ, Минск***АРХИТЕКТУРА УНИАТСКИХ ХРАМОВ ПОДЛЯШЬЯ**

Современная территория Подляшья, земли которой некогда входили в состав многонационального и полирелигиозного государственного объединения, представляет научный интерес с точки зрения сохранившихся культовых сооружений, а именно бывших униатских храмов. Расположенное на западе этнической территории Беларуси в Прибужском регионе, Подляшье сыграло важную роль в деле становления и укрепления униатской культуры. Исторически сложилось, что Прибужский регион является границей между католическим и православным славянским населением. Именно здесь в начале XVII в. на базе Супрасльского монастыря возникает крупнейший униатский духовный центр [5, с.373].

Изучение архитектуры униатских храмов Прибужского региона позволит составить более полное представление о строительной деятельности униатов всего Великого княжества Литовского. Ответ на многие возникающие вопросы не прост и не всегда может быть однозначен. Сложность заключается, во-первых, в неоднородной структуре земель ВКЛ. Различные этнические, культурные и религиозные факторы оказывали влияние на своеобразие униатской архитектуры каждого региона. Во-вторых, немногочисленные храмы, сохранившиеся до наших дней, датированные XVII в. и старше, являются перестроенными порой до такой степени, что первоначальный облик невозможно определить. Мы никогда не узнаем точно, как выглядели первоначальные униатские сооружения, как они видоизменялись в своем развитии и какие они могли бы быть сегодня. Сохранившиеся бывшие униатские храмы Подляшья принадлежат к группе памятников, имеющих самый длительный период существования относительно других земель ВКЛ. Последние из них были адаптированы в римско-католические церкви после 1918г., поскольку подавляющее большинство униатов перешли в католичество [7, с. 14]. В течение всего XIX в. подляшские униаты сильно подвергались русификации, а их храмы перестраивались согласно православному обряду. По сравнению с белорусскими землями, где ликвидация унии происходила постепенно и с согласия иерархов униатской церкви, униаты Подляшья переводились в православие сильно с помощью самых жестоких мер. Почти в каждом местечке сохранился памятный знак в честь погибших униатов.

Для униатского зодчества всех земель ВКЛ, в том числе и Подляшья, характерны общие тенденции развития. Расцвет наступает в конце XVII в., на протяжении XVIII в. происходит постепенная латинизация обрядов и архитектуры. При этом характерно замещение в богослужении русского языка национальным: в данном случае – польским.

Самым распространенным типом храма в многочисленных униатских приходах было небольшое деревянное сооружение. Для них был характерен однефный план, близкий к квадрату, с более узкой алтарной частью, прямоугольной или многогранной. Стены рубленые, а крутая гонтовая крыша придавала церквям готический силуэт [1, с. 600]. К такому типу относятся церкви Михаила Архангела в Городищах (1778 г.), св. Варвары в Долхе (1766 г.), Непорочного Зачатия Пресвятой Божьей Матери в Дрелове (1653 г.), св. Троицы в Иване Подляс-

ском (1714 г.) и др. [7, с. 24-45]. Прямоугольная форма плана была характерна для всех этнических земель ВКЛ вплоть до XX в. Это самое простое пространственное построение храма. Преобладание однефной системы можно считать традиционным, но встречаются и трехнефные церкви с трансептом (бывшие униатские храмы - костел св. Ивана Евангелиста в Бубеле Старом (1740 г.), Рождества Богородицы в Голубятах (1545 г.), Рождества Богородицы в Коденце (1795 г.) и др. [7, с. 20–50]). Нередко встречаются храмы, имеющие в плане греческий крест: Пресвятой Богородицы в Лысово (1785 г.), св. Николая в Межречье (1782–84 гг.) [7, с. 69–75].

Главные фасады, формируемые на схеме продольного прямоугольника, завершались треугольным фронтоном (церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Божьей Матери в Дрелове (1653 г.), св. Троицы в Иване Подляском (1714 г.), Рождества Богородицы в Коденце (1795 г.), св. апостолов Симеона и Фадея. (1858–59 гг.) в Чоломые и др.) [7, с. 22–50]. Особое место в архитектурном пейзаже ВКЛ занимали двухбашенные деревянные и каменные храмы. На основе сохранившихся униатских памятников Подляшья можно увидеть, что церкви с двухбашенным фасадом существовали и здесь. Например, барочная церковь св. Троицы в Иване Подляском (1714 г.), церковь Рождества Богородицы в Коденце (1795 г.) и др. [7, с. 44–50].

Самым распространенным в середине XVIII в. типом храма стала модель церкви с каплицами, расположенными в сакристиях и трансептах, которые обогащали прямоугольно-зальную и трехнефную структуру. Такой тип храма является собственной разработкой литовских земель ВКЛ, является особенностью деревянной костельной архитектуры, встречающейся также в униатских храмах Подляшья [6, 230]. Церковь Рождества Богородицы в местечке Голубята (1545 г.) и церковь св. Анны в Кодене (1629–36 гг.) представляют собой прямоугольные в плане храмы с главным и боковыми нефами, с обособленным пресбтериумом, к которому примыкают сакристии, с расположенными в них каплицами [7, с. 37–53]. Такой прием был возможен только вне православной традиции.

Но наиболее интересным, безусловно, являются специфические особенности интерьеров униатских храмов. Это связано с соотношением православных и католических элементов во внутреннем убранстве церквей. Анализ данных храмов Подляшья выявил следующие: сочетание важнейших атрибутов литургии двух христианских конфессий принимает четыре формы существования.

Это, во-первых, униатские храмы, которые соответствовали традициям православного богослужения. Интерьер включал в себя иконостас с царскими вратами, состоящих из икон, ориентированных на западноевропейские образцы, и полное отсутствие католического оборудования, т.е. богослужение наиболее соответствовало восточному обряду. Таких униатских храмов было меньше всего. Например, деревянные церкви св. Троицы в Рокитно (1835 г.) и св. Михаила в Витулине (1741 г.) и др. [7, с. 109–112].

Во-вторых, униатские храмы, которые своим внутренним устройством полностью соответствовали костелам. Интерьер упомянутых храмов был оборудован всеми атрибутами католического богослужения: органами, лавками для прихожан, конфессионалами (исповедальнями), боковыми алтарями, амвонами и др. Богослужение проходило с музыкальным сопровождением органа и звоном колокольчиков. Иконостаса не было, он был заменен алтарем по костельному образцу. Такая замена была характерна для униатских храмов этнических белорусских земель, начиная с середины XVIII в. [3, с. 126]. Один из самых распространенных типов униатского храма Подляшья конца XVIII – I-ой половины XIX вв. Например, церковь св. Троицы в местечке Иван Подляский (1714г.) кроме главного алтаря имела два в завершении боковых нефов и шесть алтарей, расположенных вдоль боковых нефов. Балюстрада хоров украшается фигурами апостолов, Ивана Крестителя и ангелами [7, с. 44–45]. Боковые алтари и органы присутствовали в церкви св. Николая в Межречье (1782–84 гг.), костеле апостолов св. Петра и Павла (о.1739-42гг.) в Ханне, св. Варвары в Долхе (1766г.) и др. [7, с. 24–73], а богатая резьба алтаря вшей униатской церкви костеле апостолов св. Петра и Павла (о.1739–42 гг.) в местечке Ханна рей со статуями была главным украшением интерьеров униатских храмов. Например, в бы сдвоенные колонны интерьера имеют украшение в виде головок ангелов на консолях [7, с. 32–34]. А резной деревянный алтарь стиля рококо в церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Божьей Матери в Дрелове (1653 г.) имел скульптуры Моисея, Аарона и ангелов [7, с. 26–27].

В-третьих, когда при сохранении традиций православного богослужения используется католический алтарь. Например, деревянные церкви св. Онуфрия в Белом Подляшье (1826 г.), св. Стефана в Ополе (1826 г.) [7, с. 109–112].

В-четвертых, наиболее интересный тип униатского храма представляет собой пример организации сакрального пространства на основе религиозного синтеза традиций. В таком храме одновременно уживаются концептуально противоположные друг другу элементы культового обряда. Иконостас с царскими вратами и престолом в алтарной части, конфессионалы, скамьи для прихожан в наосе, и орган на хорах – эти и другие элементы оборудования гармонично уживаются в одном пространстве храма. Таких храмов было большинство, начиная с середины XVII и вплоть до II-ой половины XIX вв. Например, униатский храм св. Ильи в Костеневичах (1673–83 гг.) наряду с царскими вратами имел алтарь с треном, орган, а сам иконостас был украшен статуями [7, с. 60].

В Бельском, Коденском, Лошицком, Соколовском, Межреченском, Влодавском, Паркчевском и Вижницком деканатах Подляшья Холмской епархии из 174 униатских храмов, существовавших в 1861 г., только 9 принадлежали к храмам первого типа. Органы присутствовали в 73 униатских храмах, в 50 из них параллельно использовались в богослужении органы и иконостасы с царскими вратами [7].

Периодизация всех четырех различных типов интерьера униатских храмов не имеет четких временных границ, и они практически совпадают. Это говорит о сильном влиянии заказчиков на образ униатского храма. В роли донаторов униатских храмов Подляшья, как, в прочем, и белорусских земель ВКЛ, выступали крупнейшие католические магнатские роды Радзивиллов и Сапегов. Карл Станислав Радзивилл (1669–1719 гг.) поддерживал наряду с костелами строительство униатских храмов и монастырей. Как владелец многочисленных поместий Брестского воеводства, Литвы и Польши он являлся основателем многих униатских святынь. Например, Мирского базилианского монастыря на Беларуси [6, с. 55], униатских церквей Подляшья – костела Благовещения в Макаровке (1701 г.) и костела апостолов св. Петра и Павла (о. 1739-42 гг.) в Ханне и др. [7, с. 32–71].

О близости во II-ой половине XVIII в. униатского и латинского богослужения свидетельствует массовое паломничество униатов к чудотворной иконе Богородицы в католический монастырь в Лесную Подляску. Литургию здесь проводили также в греко-католическом обряде. Костельные инвентари подтверждают, что монастырь был обеспечен и оборудован для отправления униатского богослужения, которые служили одинаково для униатов и для сторонников латинского обряда. Участие в общих литургиях, общие молитвы укрепляли среди сторонников обоих обрядов ощущение принадлежности к одной церкви и народу [7, с. 57–58].

После III раздела Речи Посполитой (1795–97 гг.) на территории Подляшья, отошедшей к Российской империи, происходит насильственная адаптация униатских храмов под православные. Для этого периода были характерны изменения, как во внешнем облике, так и во внутреннем убранстве церквей. Полностью перестраивались интерьеры согласно православному обряду. Храмы теряли и свой наружный первоначальный облик: перестраивались крыши и завершения башен на картофелеобразные главки. Таким образом, в 1875г. была адаптирована под православную церковь св. Анны в Кодене (1629–36 гг.) [7, с. 53]. Было характерно появление мнимых куполов с сигнатурками, как в бывшем униатском храме, сегодня - костеле св. Ивана Евангелиста (1740 г.) в Старом Бубеле [7, с. 20]. При этом выбрасывались на улицу старые алтари, хоругви, иконы... Как, например, в церкви Рождества Богородицы в Голубятах (1545 г.) [7, с. 38]. На их месте появляются типовые иконостасы российского образца, церковные московские служебники, православные священнослужители вместо репрессированных униатских. Все эти меры служили «для поспешнейшего введения в униатских церквях однообразно-го богослужения в надлежащей чистоте...» [2, с. 23].

После II мировой войны (1941-1945гг.) большинство прежних униатов приняли латинский обряд, древние униатские церкви были перестроены в католические святыни. Но несколько десятков тысяч прежних униатов, приписанных в 1875 г. к православию, стремились принадлежать католической Церкви, но хотели при этом сохранить традиции восточного обряда. Для них декрет Конгрегации Церкви Восточной от 21.01.1924 г. утвердил новый обряд, названный впоследствии византийско-славянским или неоуниатским [7, с. 58]. Он сохранил полностью православный обряд, добавив в литургию лишь молитву о папе римском и епископе епархии. В 1939 г. зарегистрировано 12 неоуниатских парафий. Послевоенные миграции населения повлекли падение неоуниатского движения. Местечко Костомлоты Прибужского региона единственная парафия этого обряда. Сегодня Костомлоты являются важным центром сближения христиан. Здесь встречаются католики, православные, протестанты со всего мира. Представители разных церквей молятся на священной горе, где текла кровь униатов, пострадавших за свою веру, чтобы объединиться в общей молитве к Богу.

Выполненный обзор материалов памятников относительно объемно-конструктивного и художественного решений является всего лишь началом более глубокого научного изучения. Необходим анализ иконографических материалов, рукописных источников, архивов. Наиболее существенной проблематикой является выяснение взаимоотношений между заказчиком, исполнителем, проектировщиком и потребителем и о результате, отразившемся на архитектурном облике униатских храмов. Можно сформулировать следующие выводы: архитектура униатских храмов Подляшья имеет много общего с униатскими храмами белорусских земель и создает единую культурную среду. Особенно выразительна разница в сопоставлении униатских храмов со строительством церквей вне границ Великого княжества Литовского.

Литература

1. Всеобщая история архитектуры в 12 т. / Редкал.: В. Маркузон (гл. ред.) [и др.] – М: Издательство литературы по строительству, 1967 – 1977. – Т.5: Архитектура Западной Европы XV–XVI веков. Эпоха Возрождения / В. Маркузон [и др.]. – 1967. – 656 с.
2. Чистович, И. Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения с православною церковью западно - русских униатов. Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I / И. Чистович. – С.-Петербург: Синодальная типография, 1889. – 64 с.
3. Рэлігія і царква на Беларусі. Энцыклапедычны даведнік / Рэдкал.: Г. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 2001. – 365с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1996 – 2003. – Т. 5: М - Пуд / – Г. Пашкоў [і інш.]. – 1999. – 590с.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1996 – 2003. – Т. 6, кніга I: Пузелі - усяя / – Г. Пашкоў [і інш.]. – 2001. – 591с.
6. Brykowski, R. DREWNIANA ARCHITEKTURA KOŚCIELNA NA ZIEMIACH WIELKIEGO KSIĘSTWA LITEWSKIEGO. Rozważania wstępne, – Warszawa, 2002. – 320 s.
7. Maliszewski, M. Unici Podlascy Przewodnik historyczny / M. Maliszewski, G. Welik. – Siedlce: Towarzystwo Miłośników Podlasia, 1992. – 108 s.

RESUME

The analysis of the saved monuments of architecture of unia temples of Podlyash'ya is conducted – historical area of Great Duchy Lithuanian in Pribuzhskom region. An analysis exposed general progress of architecture trends from a build activity of unia of all WKL. The fact of religious synthesis most interesting in the interiors of unia temples. It is combination in divine service of catholic and orthodox equipment, that is unique in architecture. Simultaneous use in single temple space of organ music and iconostasis with tsar's gates. Creates the unia temples of Podlyash'ya single cultural environment with the unia temples of Byelorussian earths.

УДК 72.03 (476)

Малікаў Я.Р., БелДУТ, Гомель

ГІСТОРЫКА-АРХІТЭКТУРНАЯ СПАДЧЫНА ЦЭНТРАЛЬНАГА ПАЛЕССЯ – ПРАБЛЕМЫ ЗАХАВАННЯ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫКАРЫСТАННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ г.ТУРАВА)

Цэнтральнае Палессе – геаграфічны тэрмін, які азначае тэрыторыю, што знаходзіцца на памежжы Гомельскай і Брэсцкай абласцей, этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі Усход-няе і Заходняе Палессе. Дадзеная тэрыторыя лакалізуецца ўздоўж рэчышча Гарыні, на лініі Тураў–Давід-Гарадок–Столін, дасягаючы на захадзе Пінскага раёна, на ўсходзе – Лельчыцкага і Жыткавіцкага раёнаў.

Важнейшым старажытным эканамічным, палітычным і культурным цэнтрам на гэтай тэрыторыі з'яўляецца г.Тураў, цэнтр Тураўскага княства X–XIII ст. Сёння Тураў – невялікі горад з 3,5 тыс. жыхароў. Дзякуючы свайму гістарычнаму мінуламу, ён уваходзіць у турыстычны маршрут “Залатое кола Гомельшчыны”. Негледзячы на такі высокі статус, нават ў параўнанні з заходне-беларускімі малымі гарадамі турыстычная інфраструктура Турава вельмі скудная на аўтэнтычную захаваную гісторыка-архітэктурную спадчыну. Аб былой велічы горада нагадваюць нешматлікія,

нешматлікія, хоць безумоўна унікальныя помнікі – старажытнае гарадзішча з падмуркамі храма XII ст., царква Усіх святых (1810 г.), тураўскія каменныя крыжы – цудадзейныя святыні, мясцовы краязнаўчы музей. Таму кожнага, хто наведвае Тураў, не пакідае адчуванне некаторай фрагментранасці і незвязанасці яго турыстычных аб'ектаў. З разрэкламаваных помнікаў мала што ўражае. Такая гісторыя, такая рэклама – і такое іх невыразнае турыстычнае ўвасабленне! З асабістых назіранняў можна адзначыць – ніхто два разы ў Тураў на экскурсію не ездзіць.

Прычына гэтага ў тым, што ў сучаснай беларускай практыцы ў якасці патэнцыяла для развіцця рэгіянальнага турызма каштоўным успрымаецца выключна наяўнасць *гістарычнага аб'екта* (храма, замка, будынка і г.д.), у той час як у еўрапейскай практыцы ужо даўно – наяўнасць *гістарычнага асяродка*. Адпаведна, нават у сучаснай беларускай рэстаўрацыі ўвага засяроджваецца на аднаўленні асобных аб'ектаў, а не на захаванні традыцыйнага гістарычнага асяродка.

Зусім іншы Тураў адкрываецца падчас карпатлівага абыходу яго старых вулачак – Інтэрнацыянальнай, Вароўскага, Войкава і інш. Тут яшчэ захавалася некалькі дзсяткаў старых хат канца XIX – першай паловы XX ст. з унікальным разьбяным дэкорам. Фактычна гэта вялізны, абсалютна не вядомы ні мясцовым уладам, ні тым больш тураператарам, і нікім не задейнічаны турыстычны патэнцыял – традыцыйнае дойлідства.

Традыцыйнае дойлідства Турава – гэта ў значнай меры канцэнтрацыя лакальных асаблівасцей архітэктуры ўсяго Цэнтральнага Палесся, своеасаблівасць якой ярка заўважна ў праўнанні з народнай архітэктурай з іншых тэрыторый Беларусі.

Асноўны тып дома, шырока распаўсюджаны ў Тураве (і ва ўсім Цэнтральным Палессі) уяўляе сабой двух-трохкамерную пабудову, пастаўленую тарцом да вуліцы і перакрытую двухсхільнай страхой з дашчатым шчытом-франтонам (малюнак 1). Гаспадарчыя памяшканні прыбудовваліся у адну лінію да дваровага тарца такой хаты, утвараючы лінейны ("пагонны") тып двара, уласцівы таксама Заходняму Палессю і Панямонню. Уваход у хату знаходзіцца ў бакавой сцяне, з двара. Галоўны тарцавы фасад нешырокі, на два акны. Кампазіцыя фасада дома вызначаецца выразным чляненнем на трохвугольны франтон і прамавугольную плоскасць сцяны, прапарцыянальнасцю асобных частак і ўсяго цэлага, падкрэсленай сіметрыяй.

Сцены хат складзены з бярэвенняў, звычайна злёжку абцясаных у брус і нешаляваных. Асноўны дэкор у гэтым месцы сканцэнтраваны на пластычнай апрацоўцы доўгіх канцоў кансолей, якія выступаюць на тарцавой сцяне дома і ўтвораны двума бярэвеннямі (зрэдку – адным), з якіх ніжняе падцясана ў выглядзе паўдугі. Кансолі зрокава пераходзяць у пластычныя вертыкальныя роўныя лініі вуглоў з астаткам. Пластыка вугла ў месцы яго перасячэння з карнізам часта дапаўняецца скульптурнай апрацоўкай ніжніх канцоў крокваў у выглядзе паўдугі ці скругленняў, што ўзыходзіць да традыцыі скульптурнай апрацоўкі канцоў "куруц", якія падтрымлівалі вадасцёк на двухсхільных стрэхах (вядомы па матэрыялах старажытнага Бярэсця XII–XIII ст.) [3, с. 94, малюнак 82–2]. Пластычнасць фасаду дадае і апрацоўка выступаючага канца трама, якому звычайна надавалі прафіляваную ўступчатую форму, у цэлым сугучную з формай кансоляў таго ж дома.

Ліштвы вокнаў Цэнтральнага Палесся выразна стабільныя і простыя: абшыўка акна без аканіц, падаконніка і выступаючых канцоў абакеннікаў, разьба толькі на надаконніку ў выглядзе невысокага прафіляванага карніза-сандрыка, разьбяныя кароны не ўласцівы. Улічваючы шырокую распаўсюджанасць такіх карнізных ліштваў па ўсім поўдні Беларусі, іх можна лічыць найбольш старажытным тыпам на дадзенай тэрыторыі. Гэтую ж выснову дадаткова пацверджае і архітэктура пінскага езуіцкага калегіума (узведзенага ў 1635–1648 гг.), вокны якога аздоблены цаглянымі ліштвамі з высокімі прафіляванымі прамымі карнізамі, цалкам аналагічнымі асноўнаму распаўсюджанаму ў дадзеным горадзе і рэгіёне тыпу ліштваў у народным дойлідстве канца XIX ст.

Асноўныя дэкаратыўныя сродкі аздаблення дома ў цэнтральнапалескім рэгіёне знаходзяцца на франтонах, якія афармляліся шалёўкай разнастайнымі малюнкамі і, такім чынам, акцэнтавалі галоўны фасад (малюнак 2).

Звестак аб дакладным часе пачатку ўжывання дэкаратыўна ашаляваных шчытоў у народным дойлідстве Палесся няма, але яны вядомы тут на карчмах канца XVIII ст. (1779 г.) [4, с. 73], у храмавым будаўніцтве першай паловы XVIII ст. (цэрквы ў в. Вавулічы Драгічынскага і Чарнаўчыцы Брэсцкага раёнаў і інш.). Шырока вядомы таксама і сінагогі XVII–XVIII ст., франтоны якіх абшыты дошкамі, што ўтвараюць рытмічныя зігзагавыя кампазіцыі з тэрыторыі паўднёвай Беларусі (сінагогі ў Нароўлі, Кажан-Гарадку і інш.), а таксама ў заходняй Беларусі і памежных раёнах Польшчы (Гродна, Вількавішкі, Заблудаў, Насельск і інш.). Мастацкае аздабленне шчыта

сінагогі Століна, акрамя малюнка, утворанага вертыкальнымі і дыяганальнымі дошкамі, уключала яшчэ тры вялікія сонечныя дыскі з радыяльна пакладзеных шалёвак [1, с. 203]. Усе гэтыя факты сведчаць, што да канца XIX ст. на Палессі ўжо існавалі свае даўнія традыцыйны дэкаратыўнага шалёвання шчытоў, у тым ліку з ужываннем салярных матываў.

Характарызуючы ў цэлым драўляны разьбяны архітэктурны дэкор народнага дойлідства Цэнтральнага Палесся, варта адзначыць, што ён адыгрывае важную ролю ў стварэнні вобраза жылля, пластычна ўдакладняючы тэктоніку і мастацкае значэнне канструктыўных элементаў, кантрасна супрацьпастаўленых на фоне выразна – плоскастных асноўных частак хаты. Гэта добра бачна ў скульптурнай апрацоўцы вуглоў “з астаткам”, кансолей, выступаючых канцоў вільчыкаў, крокваў, трама, надаконнікаў, а таксама шул у брамах і інш., на фоне пласкасцей сцен, франтонаў, навясных варот.

Схільнасць да мастацкага ўспрымання канструктыўных элементаў і дэкаратыўнай апрацоўкі вялікіх плоскасцяў сцен, франтонаў (праз выкарыстанне бруса, шалёвання, афарбоўку, пабелку і т.п.), у цэлым характэрна не толькі для Цэнтральнага і Заходняга Палесся, але таксама для Заходняй Беларусі ў цэлым і прылеглых раёнаў Украіны і Польшчы [2, с. 31–52]. Адзначаная рыса архітэктуры Цэнтральнага Палесся з’яўляецца ўсходняй часткай вялікага арэала мастацка-архітэктурнай дэкарацыі, якая дасягае Валыні і Карпат, а на захадзе ўва-сабляюцца ў тым ліку ў лінейным фахвэркавым дэкоры дойлідства Польшчы, Чэхіі, Славакіі і Германіі (малюнкi 3, 4) [5, мал. с. 42, 110]. Сваімі дэкаратыўна-мастацкімі сродкамі цэнтральна-палескі разьбяны архітэктурны дэкор цалкам адпавядае агульным мастацкім прынцыпам гэтага вялізнага арэала, але пры гэтым дэманструе сваю індывідуальнасць, што выходзіць са спецыфікі мясцовай культуры.

У адрозненне ад суседніх усходніх тэрыторый, слядоў уплыву прафесійных мастацкіх стылей (у першую чаргу барока і класіцызма) на з’яўленне і развіццё цэнтральнапалескага разьбянога архітэктурнага дэкора не прасочваецца. Тут вызначальны ўплыў больш старажытных і глыбінных традыцый мясцовай аўтахтоннай культуры, характэрных таксама і для значнай часткі тэрыторыі Цэнтральнай Еўропы.

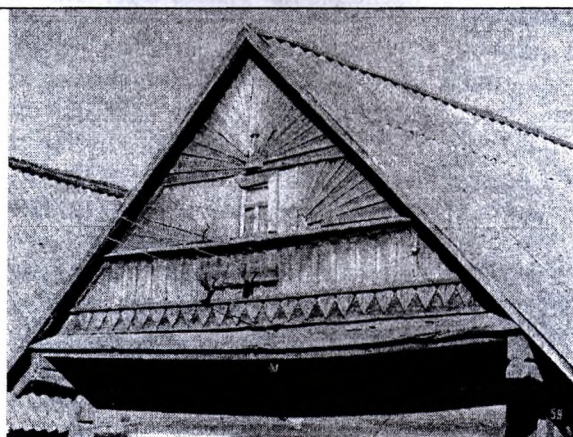
Негледзячы на відавочную унікальнасць традыцыйнай драўлянай архітэктуры, Цэнтральнага Палесся, яна, акрамя храмаў, абсалютна ніяк не задзейнічана ў развіцці мясцовага турызма. У гэты ж час стогадовыя дамы паступова парахнеюць, перабу-доўваюцца гаспадарамі, абшываюцца сайдынгам і абкладваюцца цэглай – людзям трэба жыць, і яны вырашаюць свае жыллёвыя праблемы. У выніку, малыя гарады, арыентуючыся на навамодную танную архітэктурную раёнаў прыватнай забудовы абласных цэнтраў, пераўтвараюцца ў дачныя прыгарады і губляюць апошнія прызнакі сваёй непаўторнасці – менавіта тое, што толькі і можа прыцягнуць у іх турыстаў. Да таго ж праблема ўскладняецца малай даследаванасцю драўлянай рэгіянальнай архітэктурнай спадчыны і абсалютнай яе незапапулярызаванасцю – у Беларусі у прынцыпе нідзе ў навучальны працэс не ўключаны лакальныя адметнасці народнага дойлідства. Гэта прывяло да таго, што мясцовыя улады, музеі і краязнаўцы, ведаючы гісторыю свайго рэгіёна, абсалютна не ведаюць і не ўяўляюць культурную каштоўнасць сваёй рэгіянальнай народнай архітэтуры, а значыцца не ўспрымаюць яе як аб’ект важны для захавання.

На жаль, нават у старажытным Тураве старая архітэтура захавалася ў значна раз-рэджаным выглядзе і не ўяўляе суцэльнага адзінага раёна. У звычайным абывацельскім уяўленні пашырана памылковая думка, што калі ў населеным пункце не захавалася цэльным традыцыйны архітэктурны асяродак, дык створаны ў адным месцы старога цэнтра раён з перанесеных старых хат ўяўляе навадзел і не можа быць гістарычнай каштоўнасцю. У выніку нічога не робіцца, старыя раёны разбураюцца, хаты знікаюць, мы духоўна і матэрыяльна бяднеем і з кожным годам ўяўляем усё меншую цікаўнасць для суседзяў і турыстаў.

Выйсце для Турава – стварэнне скансэна – музея народнай архітэктуры пад адкрытым небам, на аснове пераносу ў адно месца яшчэ захаваных старых традыцыйных дамоў. Па папярэдніх падліках на розных вуліцах Турава захавалася каля трох дзесяткаў такіх дамоў канца XIX – першай паловы XX ст. Пры навукова ўзважаным функцыянальным напаяўненні (майстэрні народных умельцаў, домік рыбака, ткача і т.п.) такі б музей мог бы годна прэзентаваць асаблівасці народнай архітэктуры Цэнтральнага Палесся, стаў бы важным турыстычным аб’ектам у рэгіёне і пэўным архітэктурным узорам для сучаснага будаўніцтва. Найлепшым месцам падаецца размяшчэнне такога музея ў раёне паміж Усесвяцкай царквой і Замкавай гарой, што дапаможа аб’яднаць у адзіны комплекс адасобленыя існуючыя турыстычныя аб’екты, робячы для сучасных турыстаў цікавай не гісторыю Турава, якую можна пачытаць і ў інтэрнэце, а сам горад, які можна пабачыць толькі ўжывую.



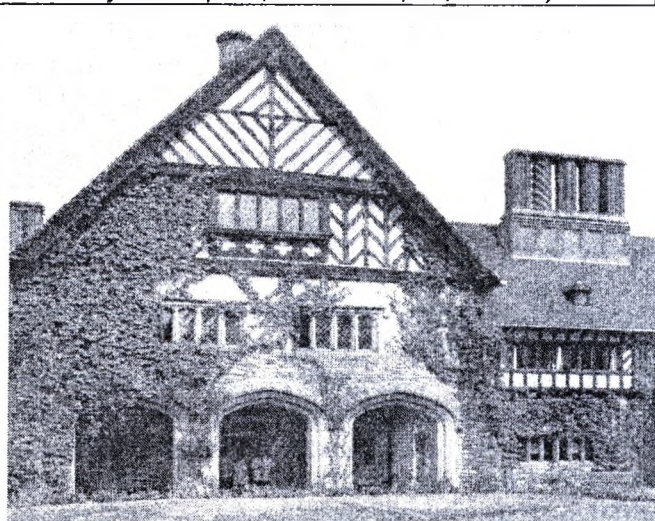
Малюнак 1 – Дэкаратыўнае афармленне цэнтральнапалескай хаты (г.п. Тураў, вул. Вароўскага 42, пачатак XX ст.)



Малюнак 2 – Афармленне шчыта цэнтральнапалескай хаты (г.п. Тураў, вул. Інтэрнацыянальная, 59, 1914 г.)



Малюнак 3 – Адзін з старэйшых вясковых драўляных жылых будынкаў Усходняй Германіі (1782 год пабудовы) мае зробленыя з бруса сцены і франтон фахвэркавай канструкцыі, бэлечныя перавязкі якога ўтвараюць лінейны дэкара-тыўны малюнак з ромбаў і касых крыжоў (Ландвюст, акруга Клінгэльталь).



Малюнак 4 – Дэкаратыўнае афармленне франтона фахвэркавай канструкцыі (Цэцыліенхоф, Пацдам, 1912 – 1916 г.).

Літаратура

1. Лакотка, А.І. Драўлянае сакральна-манументальнае дойлідства Беларусі / А.І. Лакотка. – Мінск : Беларусь, 2003. – 224 с.
2. Сахута, Я.М. Народнае мастацтва Беларусі / Я.М. Сахута. – Мінск : БелЭН, 1997. – 287 с.
3. Трацевский, В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии: учеб. пособие для вузов / В.В. Трацевский. – Минск : Вышэйшая школа, 1989. – 192 с.
4. Якімовіч, Ю.А. Драўлянае дойлідства беларускага Палесся: XVII–XIX стст. / Ю.А. Якімовіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 152 с.
5. Denkmale der Geschichte und Kultur: Ihre Erhaltung und Pflege in der Deutschen Demokratischen Republik / Gesamtredaktion H.Gtzelmann. – Leipzig : Henschelverlag, 1974. – 292 s.

RESUME

The Central Polesye is the territory on border of the Gomel and Brest regions. The major ancient economic, political and cultural centre in this territory is Turov which enters into a tourist route "The Golden Ring of Gomeishchina". The article is about cultural value of the remained wooden architecture of the region.

УДК 726.591.6(476.7)

Воробей В.А., БрГТУ, Брест

ИКОНОСТАС СВЯТО-ПОКРОВСКОГО ХРАМА В Д. ПОКРЫ БРЕСТСКОГО РАЙОНА

От темплона Святой Софии в Константинополе до высоких иконостасов резчика Клима Михайлова из Шклова и других белорусских мастеров XVII века – путь, пройденный алтарной преградой православных храмов.

Проанализируем композиционное построение иконостаса Свято-Покровской церкви в д. Покры Брестского района.

Иконостас – (греч. eikonostasion, от eikon – «изображение, образ» и stasis – «место стояния») в византийских и древнерусских храмах – алтарная преграда с иконами, отделяющая алтарь от остальной части церкви [1].

Существующий иконостас представляет собой архитектурную композицию, поднятую на высокий цоколь и оформленную пилястрами, многопрофильными карнизными поясами, рамами, барочной резьбой.

Подобно тому, как ордерная система стоечно-балочной конструкции включала пьедестал, колонну и антаблемент, фасадная часть иконостаса делится так же на три части: нижнюю – цоколь, среднюю – основное поле и верхнюю – завершающий антаблемент (Рис. 1).

Архитектурный ордер, примененный в иконостасе, включает в себя антаблемент, пилястру и пьедестал. Антаблемент иконостаса облегченный, включает в себя карниз и фриз. Пилястра включает капитель, фуст и базу. Пьедестал состоит из карниза, тела пьедестала и базы. Важнейшим из общих композиционных принципов является трехчастное соподчинение целого и положение самой ответственной части в среднем звене композиции.

В иконостасе в качестве архитектурного ордера применен афинский ордер – колонны заменены пилястрами [2]. После реставрации в конце XX века дорическая капитель заменена на подобие коринфской, однако накладные элементы новой капители не везде плотно подогнаны, и это дало возможность произвести реконструкцию. Капитель была скомпонована из полочки, четвертого вала и выкружек. Фуст пилястры не утоняется кверху, под накладками с имитацией резьбы, на нем находятся три вертикальные бороздки, стилизованные под каннелюры. По граням фуста сняты фаски, что очень характерно для приемов народной архитектуры в оформлении колонн, расположенных в нефках храмов. База пилястры аттическая и скомпонована из двух валов, разделенных выкружкой (Рис. 2).

На вертикальной оси центрального входного портала на венчающем ярус иконостаса карнизе над царскими воротами расположен аттик или аттиковый полуэтаж, равный $\frac{1}{2}$ интерколумния портала. Атик раскрепован – его обрамляют сдвоенные пилястры. Подобные приемы зрительного усиления элементов архитектурной композиции свойственны стилю барокко. Завершает композицию центрального портала полуциркулярный фронтон (его высота также равна $\frac{1}{2}$ интерколумния), увенчанный крестом.

Над северными и южными диаконскими дверями по аналогии с центральным входным порталом расположены вертикальные акценты – резные скрижали и ковчег завета соответственно, обрамленные барочной резьбой в виде эвольвенты, как и аттик входного портала.

Основной пропорциональный построения портала и фасада иконостаса в целом является система рациональных простых отношений. Все размеры по ширине и высоте колоннады пропорционально увязаны друг с другом. Здесь в роли модуля выступает интерколумний:

Высота пьедестала – 1 интерколумний;

Высота пилястры – 2 интерколумния;

Высота архитектурного ордера – 3,5 интерколумния;

Высота антаблемента – $\frac{1}{2}$ интерколумния.

В портале:

Высота портала до антаблемента – 2 интерколумния;

Высота антаблемента и аттика – 1 интерколумний;

Высота фронта – $\frac{1}{2}$ интерколумния.

В результате все элементы колоннады и центрального входного портала кратны квадрату. Центральное поле имеет соотношение ширины к высоте 1:2, а крайнее поле 1:3. (Рис. 3).

Ширина ниш для икон с обрамляющими пилястрами равна интерколумнию входного портала.

На вертикальной оси центрального входного портала иконостаса акцентированы главные идеи христианства: Непорочное Зачатие Бога (сцена Благовещения на царских воротах); Искупление (крест, венчающий иконостас); Слава Иисуса Христа (икона Деисус – вместо нее Тайная Вечеря).

Иконы местного ряда размещены в больших архитектурных рамах с циркульным завершением, создающим некоторую иллюзию аркады, контрастной прямоугольному дверному проему с Царскими воротами, что усиливает ощущение вертикальности и главенства входного портала иконостаса.

Главным композиционным элементом иконостаса являются Царские ворота. Выполнены они согласно художественной концепции 20-30 годов XX века и представляют собой соединение живописи с резьбой. Их створки имеют декоративную сквозную резьбу, превалирующую над произведениями живописи.

На Царских воротах, в символический способ открывающих путь к Спасению, начинается евангельская история искупления человечества. Благовещение иллюстрирует таинство Непорочного Зачатия. Закомпонованные ниже евангелисты (Иоанн, Матвей, Марк и Лука), как ученики Христа и его учения, завещают написанными текстами евангелия историю искупления и обещание жизни вечной. Все эти шесть образов помещены в малые круглые медальоны, размещенные в густом растительном окружении. Царские ворота – это символ Иисуса, который сам о себе сказал: «Я есть врата, кто через меня входит – будет спасен». Иисус изображен с евхаристической виноградной лозой, а обильные виноградные грозди на ней – знак его победы над грехом и смертью.

В XIX веке было три варианта композиционного решения Царских врат:

– Царские ворота с характерным для стиля барокко фигурным завершением, выполненные в технике сквозной резьбы, стыки створок прикрыты резной планкой, увенчанной короной с крестом; медальоны, размещенные на створках, декорированы барочным орнаментом. Резьба на створках врат начиналась от рамы створок.

– Царские ворота с фигурным завершением или прямоугольным завершением, занимавшие весь дверной проем по высоте; резьба выполнена в стиле барокко, медальоны уже не декорируются барочным орнаментом, планка имеет резьбу, но уже без короны; нижняя часть створок врат конструктивно повторяет пьедестал иконостаса, по уровню пьедестала не имеет резьбы, их поверхность идентична тумбе пьедестала и может быть украшена небольшими резными элементами.

– Царские ворота с классическим прямоугольным завершением, занимавшие весь входной проем по высоте, резьба врат барочная, пластина, прикрывающая створки, выполнена в форме восьмиконечного креста, медальоны не декорированы барочным орнаментом; резьба на створках начинается от рамы створок.

Царские ворота иконостаса относятся к третьему композиционному типу врат, но в них дополнительно введен сюжет Голгофы, а притворная планка выполнена в виде шестиконечного креста. Необходимо отметить, что сюжет Голгофы с шестиконечным крестом появился только в начале XX века. Сама резьба царских врат уже не имеет того изящества, живости, присущей резьбе Царских врат, выполненных в XIX столетии. Она сухая, даже несколько аморфная. Царские ворота, как и весь иконостас, во время последней реставрации претерпели изменения. Подлинники иконы конца XIX начала XX века были заменены на новоделы, написанные на ДВП.

Царские ворота, первоначально бывшие в иконостасе, представляют собой резную композицию в виде трельяжа с розетками на пересечении сетчатого каркаса. Иконы помещены в овальные медальоны, обрамленные барочной резьбой (Рис. 4). Аналогичные царские ворота в 2005 году были заменены в иконостасе храма д. Здитово. Подобные находятся в иконостасе церкви д. Дивин. Такие же ворота были и в храме д. Большие Сехновичи, но были заменены на однотипные с воротами в церкви д. Покры. Однако ограждение солеи там сохранилось в виде трельяжа с розетками на пересечении сетчатого каркаса. В Свято-Покровском храме ограждение хоров выполнено также в виде трельяжа, на это новая интерпретация 20–30 годов прошлого столетия и уже без розеток.

Иконостас выполнен на вертикальной основе из бруса толщиной 10 сантиметров и его бабочно-стоечная ордерная система носит декоративный характер. Но, тем не менее, это чисто архитектурная композиция, построенная по законам классицизма.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что рассмотренный иконостас – пример профессионального исполнения иконостаса, основанный на принципе классического гречастного построения архитектурных сооружений. Построение иконостаса осуществлено на основе ордерной системы.

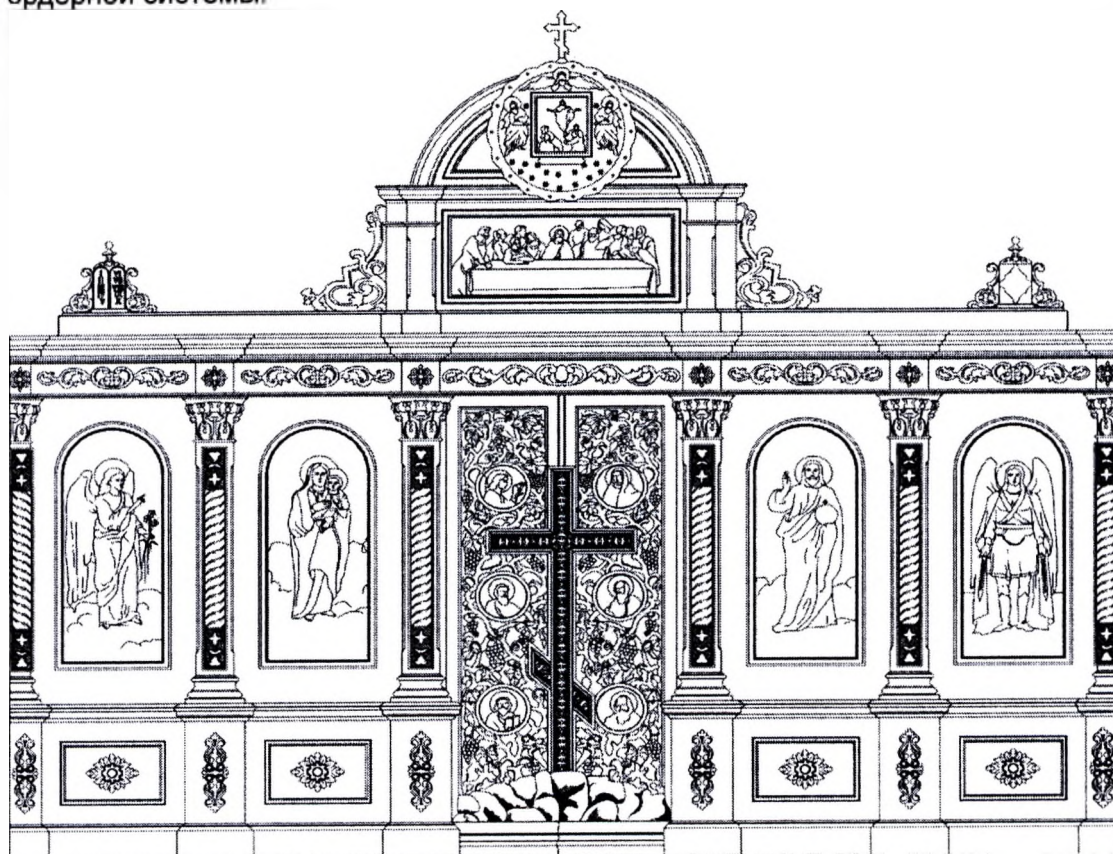


Рисунок 1 – Иконостас Свято-Преображенской церкви

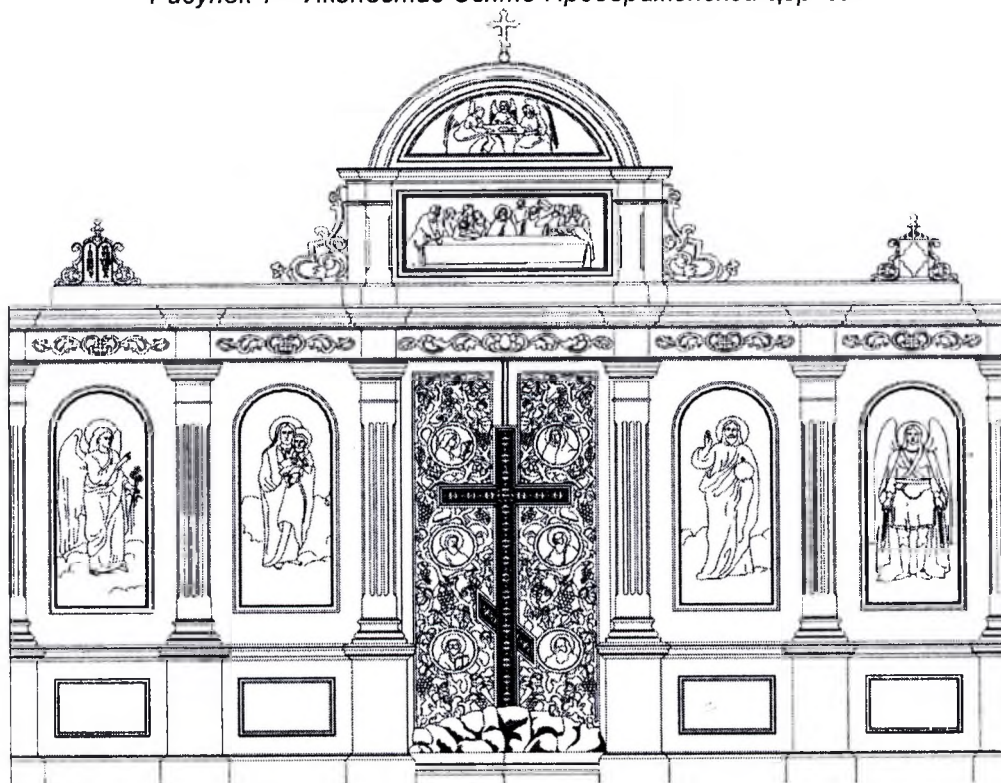


Рисунок 2 – Иконостас Свято-Преображенской церкви. Начало XX века.
(Реконструкция автора)

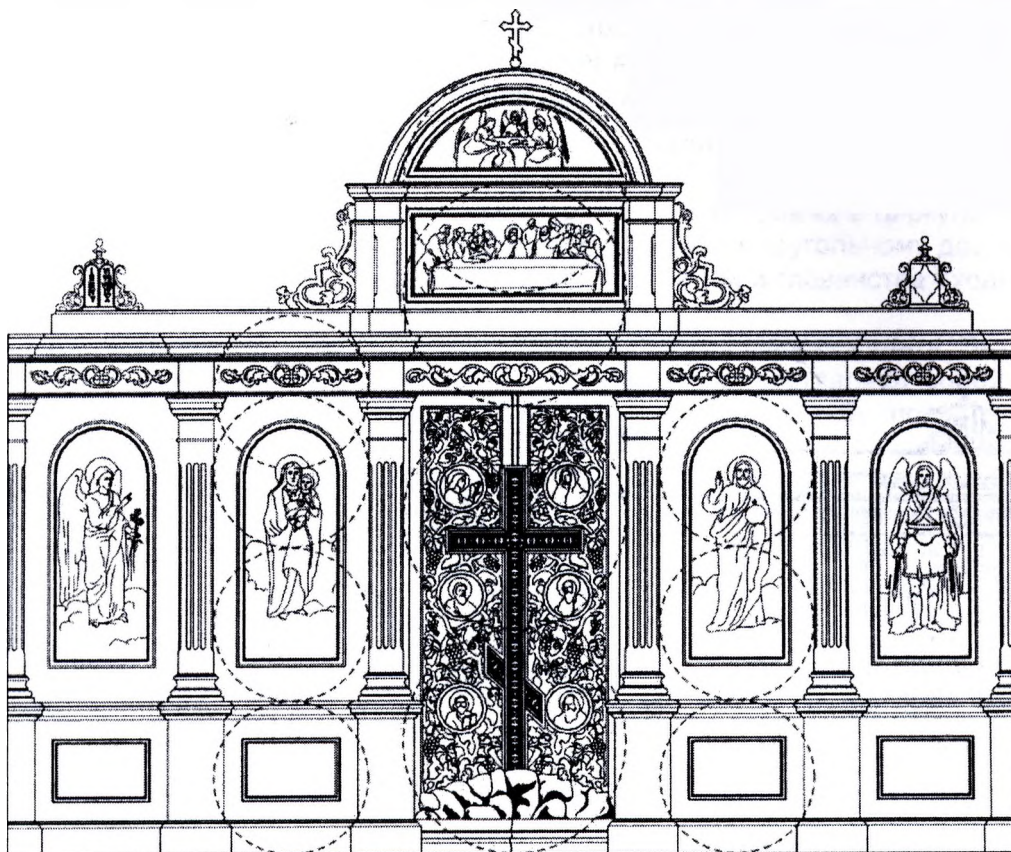


Рисунок 3 – Пропорциональные закономерности иконостаса

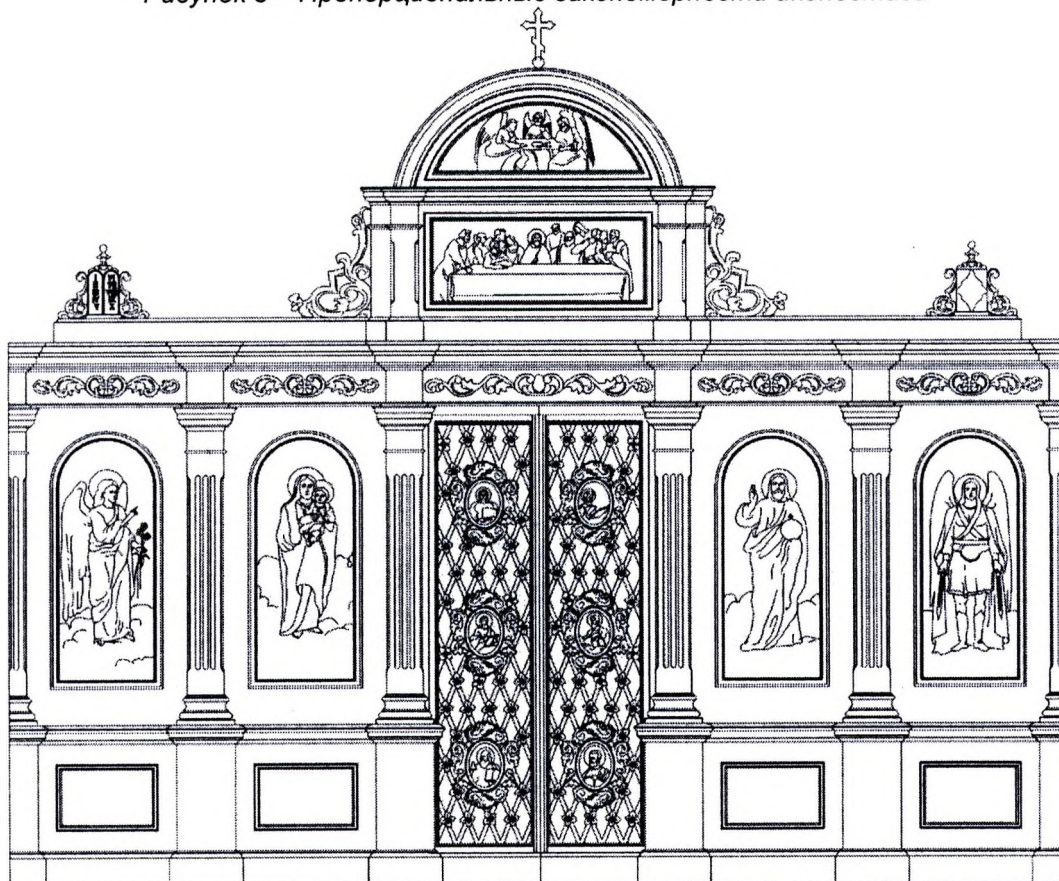


Рисунок 4 – Иконостас Свято-Преображенской церкви.
Вторая половина XIX века (Реконструкция автора)

Литература

1. Власов, В.Г. Новый энциклопедический словарь: в 10 т. - М., 2004-2007. – Т 4. – С. 83.
2. Трацевкий, В.В. Классические архитектурные формы – Мн.: Выш. школа – 2008. – С 120.

RESUME

In the article composite construction of the iconostasis of Saint-Pokrov church in the village of Pokry, the Brest district, is analyzed. The existing iconostasis represents the architectural composition created in classical tradition with baroque elements.

УДК 725.182 (476)

Морозов В.Ф., Политехника Белостоцка, Польша

СТРОИТЕЛЬСТВО кн. А.САПЕГИ В РУЖАНАХ, ДЕРЕЧИНЕ И ВЫСОКОМ

Изучение истории архитектуры Беларуси в последние десятилетия далеко вышло за пределы исключительно описания морфологических характеристик памятников архитектуры. Рассмотрено развитие архитектурной стилистики, архитектура отдельных типов зданий, творчество некоторых крупных архитекторов. Однако изучение роли заказчиков строительства, меценатов продвигается явно недостаточно, и мы пока можем говорить лишь об исследованиях построек в белорусских имениях князя М.Радзивилла-Сиротки и графа Н.П.Румянцева [1]. Тем не менее, именно заказчик строительства, меценат, а не архитектор во многом определял художественную программу строительства в собственных имениях. Об этом очень метко выразился Хельмут Лоренц, когда заметил, что написание истории искусства, в том числе и архитектуры, на основе художественных талантов художников – это то же, что и написание истории театра на основе исключительно характеристики таланта артистов, которые участвуют в представлении [2].

В истории белорусского зодчества существовало множество заказчиков строительства, построивших на свои средства выдающиеся произведения зодчества. В эпоху Просвещения особенно выделялась деятельность князя А.Сапеги, развернувшего в своих поместьях Ружаны, Деречин и Высокое обширное строительство. Задачей данного исследования является характеристика этого строительства.

Александр Сапега принадлежал к старинному магнатскому роду. Расцвет рода Сапегов пришелся на XVI – XVII века, когда по своему политическому положению и размерам богатства они уступали лишь Радзивиллам. С начала XVIII века их начинают теснить более активные Потоцкие, Чарторыйские, Браницкие. Однако эпоха Просвещения как бы придала второе дыхание деятельности представителей этого старинного рода.

Собственные интересы Александра Сапеги в области культуры и искусства, значительные богатства, но, главное, удачная женитьба в 1756 году на княжне Магдалене-Агнешке Любомирской, благодаря связям которой он сблизился с окружением короля, вошел в клан Чарторыйских и в 1775 году занял должность канцлера Великого княжества Литовского, ввели его в круг самых богатых и прогрессивных людей польского Просвещения [3]. Александр и Магдалена Сапеги стали активными участниками происходивших в эпоху Просвещения больших событий в общественной жизни страны, окунувшись в атмосферу небывалого доселе подъема, мечтаний, очарования идеями Просвещения и стремления больше совершить для блага людей. Их варшавский дворец на улице Закрочимской был всегда полон людей. Здесь устраивались балы, спектакли, здесь собиралось избранное светское общество и обсуждались новости политической и экономической жизни страны. В Варшаве перед глазами Сапегов разворачивались работы по переустройству королевских резиденций в новом классическом стиле, и к этим деяниям Сапеги были очень близки. Ведь в молодости Магдалена-Агнешка Любомирская была одной из симпатий будущего короля Станислава Понятовского, тогда еще первого стольника литовского [4]. И в этой атмосфере Сапеги начали обширное строительство в своих белорусских вотчинах. По своему размаху, художественному уровню и глубине вкладываемых идей оно было под стать королевскому. Однако оно не стало повторением строительства Станислава Августа, с которым развивалось одновременно, так как во многом питалось иными идеями.

Для осуществления грандиозного строительства у Сапегов, бесспорно, были свои побудительные мотивы и особые образцы в европейской культуре и зодчестве. К таким ориентирам, безусловно, относилась деятельность польского короля в изгнании Станислава Лещинского, проводимая им в Лотарингии. В городе Нанси он воздвиг широко известный ансамбль площадей с собственным дворцом, театром, зданием канцелярии, первой в Европе публичной библиотекой – ансамбль для общественной жизни города [5]. Кроме того, свои взгляды на развитие общества, в которых преобладали общественные и культурные интересы, он отразил в книге «Разговор европейца с островитянином из королевства Думокала», где создал яркий образ совершенного, на взгляд автора, общества. И это издание, безусловно, могло решительным образом повлиять на поведение Сапегов, склонив их к общественно полезной деятельности на белорусской земле. Тем более, что А.Сапега был склонным к чтению человеком и увлекающейся личностью. Немалую роль здесь играли и характерные для многих жителей Речи Посполитой симпатии к Станиславу Лещинскому и, вероятно, амбиции А.Сапеги, стремящегося к высоким должностям и к подражанию Лещинскому – кандидату на польский престол. Все это вылилось в осуществленную Сапегами широкую строительную программу, реальную и вместе с тем идеальную, проникнутую знанием местных традиций и во многом схожую с замыслами С.Лещинского.

Немалую роль в этом сыграл осуществлявший строительство придворный архитектор Сапег Иоганн Георг Беккер, находившийся на службе у них с начала 1760-х до 1790-х годов [6]. Вероятно, он происходил из дрезденского круга зодчих, где получил образование. На службу к А.Сапеге зодчий поступил в начале 1760-х годов в возрасте около тридцати лет.

Беккер был талантлив, много проектировал и строил. В Кабинете гравюр библиотеки Варшавского университета сохранились проекты пятнадцати его построек [7]. Однако на самом деле их было много больше. В стилистическом отношении архитектор был приверженцем барочного классицизма, создавая постройки в барочно-рокайльном стиле и в духе «большого стиля» французской архитектуры XVII века. Лишь в конце своего творческого пути в нескольких проектах он обратился к стилистике строгого классицизма [8].

Наиболее значительные строительные работы развернулись в Ружанах – родовом поместье Сапегов, где был перестроен дворец и созданы постройки в местечке. В этом строительстве слились идеи Просвещения и стремление воскресить былую славу Сапег - возродить родовое поместье, основанное самым выдающимся представителем рода – канцлером Львом Сапегой.

Главным сооружением стал реконструированный дворец. Сапегами был создан обширный комплекс, организованный вокруг большого парадного двора и изолированный от построек местечка (рис. 1,2) [9]. В его композицию вошли переделанное старое здание дворца, два больших флигеля, включающие театр, манеж, библиотеку и картинную галерею, въездная арка с двумя пристройками к ней для караульни и канцелярии. Все это было объединено полукруглыми в плане колоннадами и монументальными оградами. Кроме того, к флигелям были пристроены два корпуса, где размещались кухня и конюшня.

Несмотря на, казалось бы, характерную для эпохи Просвещения сдержанность в трактовке архитектурного образа, постройка отличалась грандиозным, воистину королевским размахом. Здесь проявились присущие польскому образу жизни черты парадности и, бесспорно, заказчики строительства ориентировались на современные им королевские постройки.

Документов, свидетельствующих о времени создания проекта и начале реконструкции дворца, пока обнаружить не удалось. Однако имеющиеся данные позволяют отнести время начала строительства к концу 1760-х – началу 1770-х годов [10]. Таким образом, становится очевидным, что начало работ по реконструкции дворца не связано с назначением А.Сапеги на должность канцлера, которое произошло позднее, в 1775 году.

На строительство Сапегов большое влияние оказали предпринятые королем работы по переустройству в духе Просвещения Королевского замка в Варшаве, проектные предложения В.Луи и Я.Фонтаны, с которыми дворец в Ружанах роднит близкая стилистике барочного классицизма архитектура, ориентированная на воссоздание «большого стиля» времен Людовика XIV, использование восьмиколонных портиков со сдвоенными колоннами, аналогичным портикам восточного фасада Лувра.

Многое здесь и от комплекса в Нанси – от использования отдельных архитектурных мотивов до включения в комплекс дворца помещений общественного назначения. В ружанском дворце применен характерный для Нанси мотив триумфальной арки наподобие римской, соединенной с невысо-

кими павильонами с рустованной поверхностью стен, мотив полукруглых колоннад, устроены помещения для театра, библиотеки и картинной галереи, совсем как во фланкирующих широкий бульвар корпусах французского ансамбля (рис. 3).

Создатели дворца в Ружанах обратились и к другим лучшим образцам европейской архитектуры, возведенным монархами европейских стран. Рассматривая композицию дворца, мы находим в нем близкие черты с Новым королевским дворцом в Сан-Суси в Потсдаме, построенном в 1755-1769 годах И.Бюрингом и Г.Мантером (рис. 4). Здесь мы видим тот же мотив полукруглых колоннад, тот же грандиозный размах строительства и идентичную по характеру архитектуры и рисунку деталей триумфальную арку. Это, возможно, было результатом симпатии Беккера к близкому ему немецкому зодчеству.

Продолжая поиск аналогов архитектуре ружанского дворца, начинаешь осознавать, что его создатели были хорошо знакомы с профессиональной литературой. В постройке использована характерная для Палладио тема полуциркульных колоннад. В создании интерьеров дворцовых залов И.Беккером устроены колоннады вдоль стен как бы по совету Ж.Блонделя, рекомендовавшего иметь в каждой резиденции «зал в итальянской манере» [11]. В архитектуре дворца мы видим связи с западноевропейскими постройками, так как композиция ансамбля во многом напоминает парижские отели, и влияние местного зодчества, ибо здесь, как и во дворце Радзивиллов в Несвиже, постройки группируются вокруг парадного двора с въездной брамой, устроенной наподобие римской триумфальной арки.

Но, тем не менее, дворец в Ружанах – это оригинальное произведение, в котором органично соединены западноевропейские влияния и местные традиции. Здесь четко проведена иерархия объемного построения, архитектура дворца удачно связана с рельефом местности, в традиционное композиционное построение здесь внесено новое «просвещенное» содержание.

Строительные программы многих деятелей Просвещения страдали определенным утопизмом. Так случилось и с создателями ружанского дворца. Слишком обширные были у них планы, и во многом поэтому дворец так и не был завершен. После смерти жены в 1780 году Александр Сапега продал дворец, и он стал медленно разрушаться.

Кроме дворца в Ружанах, была обновлена застройка площади (рис. 5). Здесь не было и тени необычных построений, присущих эпохе Просвещения и комплексу в Нанси. Композиция центральной площади местечка не связана с композицией дворца и организована традиционно как окаймляющая по периметру прямоугольной формы пространство застройка. И архитектурная стилистика здесь была иная. Не было здесь элементов, напоминавших о «большом стиле» французской архитектуры. Застройка площади выполнена в барочно-рокайльном стиле с элементами классицизма. Сапегами была построена униатская церковь с плоским однобашенным фасадом, во многом напоминающая церковь в Нанси, что лишний раз подтверждает гипотезу о связи построек в Ружанах с архитектурой этого французского города (рис. 6) [12]. Рядом с церковью было построено монастырское здание. Был создан не реализованный полностью проект перестройки приходского костела (рис. 7) [13]. Рядом с костелом была выстроена корчма с центральной двухэтажной частью и одноэтажными крыльями, напоминающая традиционные постройки барокко на белорусской земле (рис. 8) [14]. Кроме того, по соседству с Ружанами было начато возведение зверинца со звездчатым планом и расположенным в центре охотничьим замком, близким постройкам итальянского Возрождения. Однако от этого начинания сохранилось лишь несколько чертежей (рис. 9) [15].

Как уже отмечалось, строительная деятельность Сапегов далеко выходила за пределы их родового поместья Ружаны и охватывала иные владения – Высокое, Деречин, Друю и Зельву. Постройки были достаточно разнообразны по тематике. Особого внимания заслуживают наиболее значительные сооружения – здание Академии в Деречине и госпиталя в Высоком (рис. 10,11) [16]. Их закладка относится к началу строительной деятельности Сапегов – соответственно к 1768 и 1766 годам [17]. И эти постройки заставляют нас вспомнить фрагменты из книги С.Лещинского «Разговор европейца с островитянином из королевства Думокала», где описывается путешествие европейца по городу: «Великолепие было характерно только для общественных зданий. Один из этих домов был предназначен для школы или Академии, для местной молодежи различных сословий» [18]. Далее описывается госпиталь, предназначенный для горожан. В здании академии в Деречине для придания его облику «великолепия» был использован отмечающий вход величественный восьмиколонный портик со сдвоенными колоннами наподобие портика восточного фасада Лувра. Фасад

госпиталя в Высоком так же украшали портики, а главный его акцент составлял большой «античный» портик. Эти здания соседствовали с многочисленными мелкими постройками в стиле рококо – павильонами в деречинском парке и зданиями театра.

Постройки в поместьях А.Сапеги, выполненные в стилистике барочного классицизма, относятся к первым проявлениям классицистической стилистики в архитектуре Великого княжества Литовского. В художественном отношении они опережали осуществляемое в это же время строительство Гродненских королевских мануфактур и представляли собой практически неизвестную до сего времени широкую строительную деятельность магнатов Великого княжества Литовского, которые стремились путем реформ улучшить социально-экономическую ситуацию в стране.



Рисунок 1 – Дворец в Ружанах (1598 г. – конец XVIII в.). Общий вид

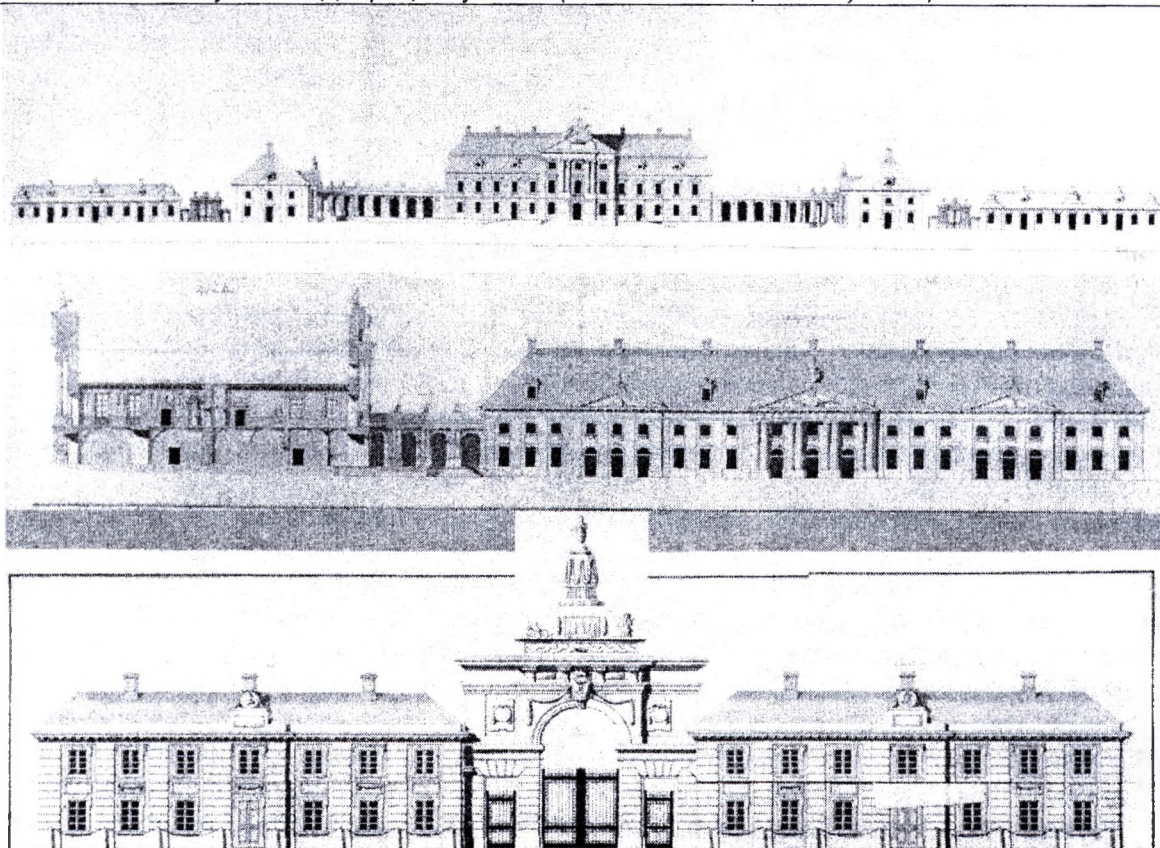


Рисунок 2 а, б, в – Проект перестройки дворца в Ружанах (нач. 1760-х гг., арх. И.Г.Беккер). Главный фасад. Разрез главного корпуса и фасад театрального флигеля. Фасад въездных ворот, корпусов канцелярии и кордегардии

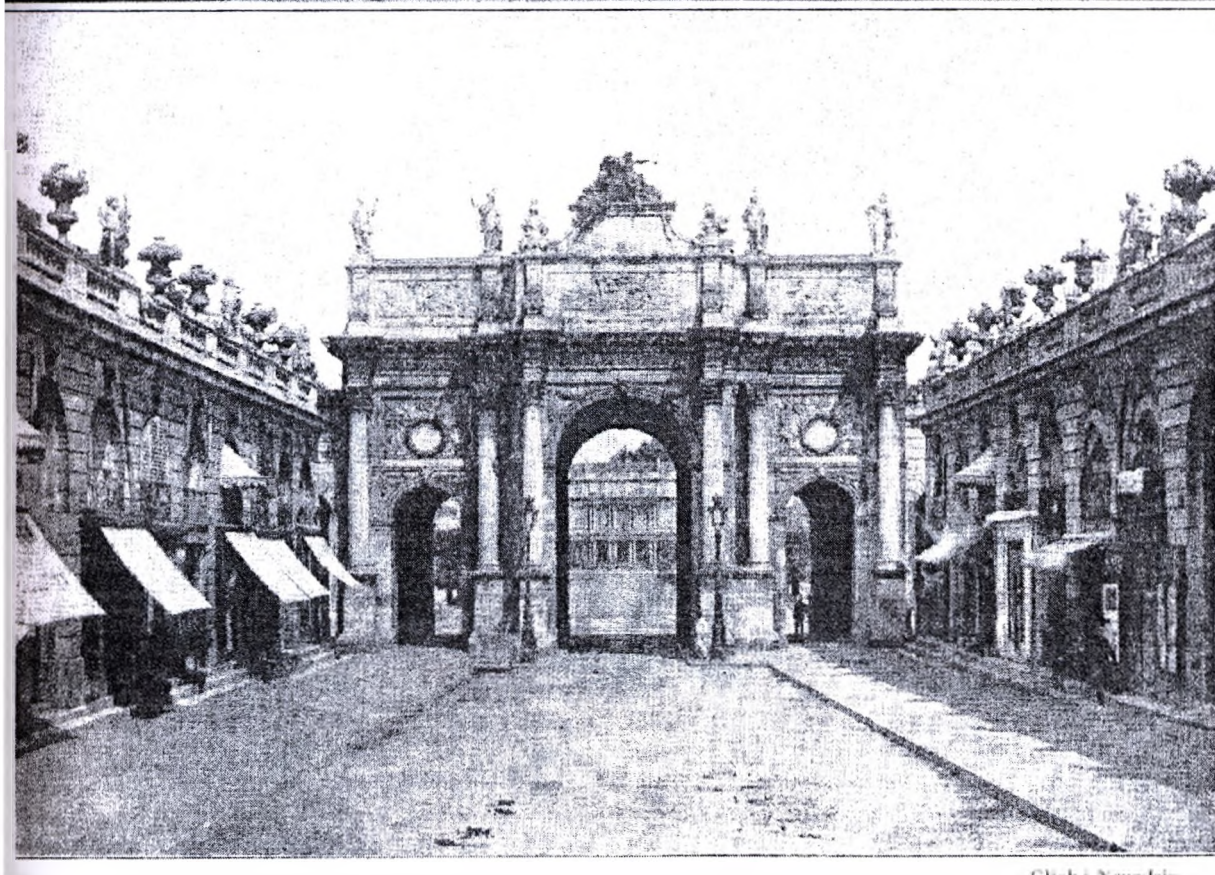
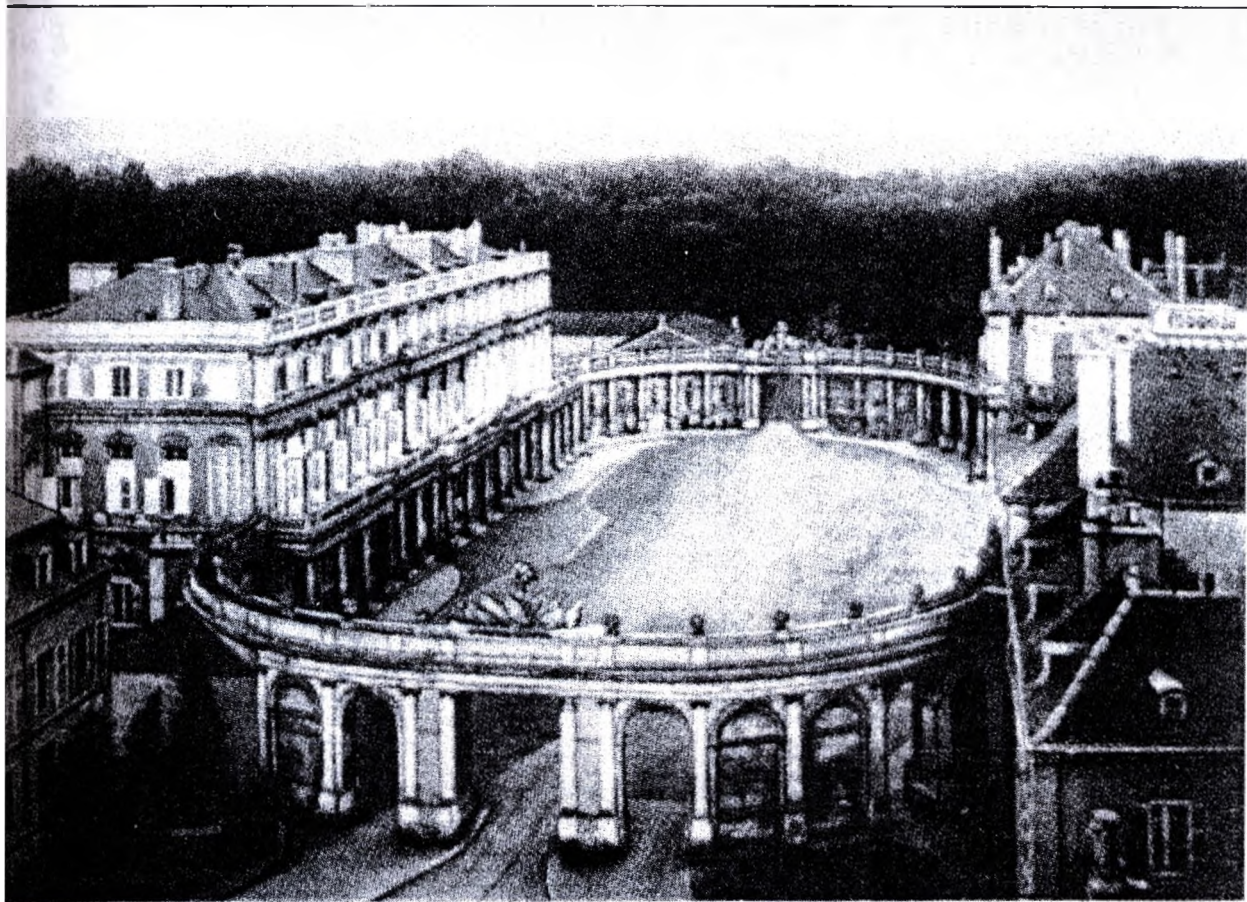


Рисунок 3 – Ансамбль центральных площадей в Нанси
(1752 – 1755 гг., арх. Эре де Корни). А. – Общий вид площади перед дворцом
Правительства. Б. – Триумфальная арка при Королевской площади

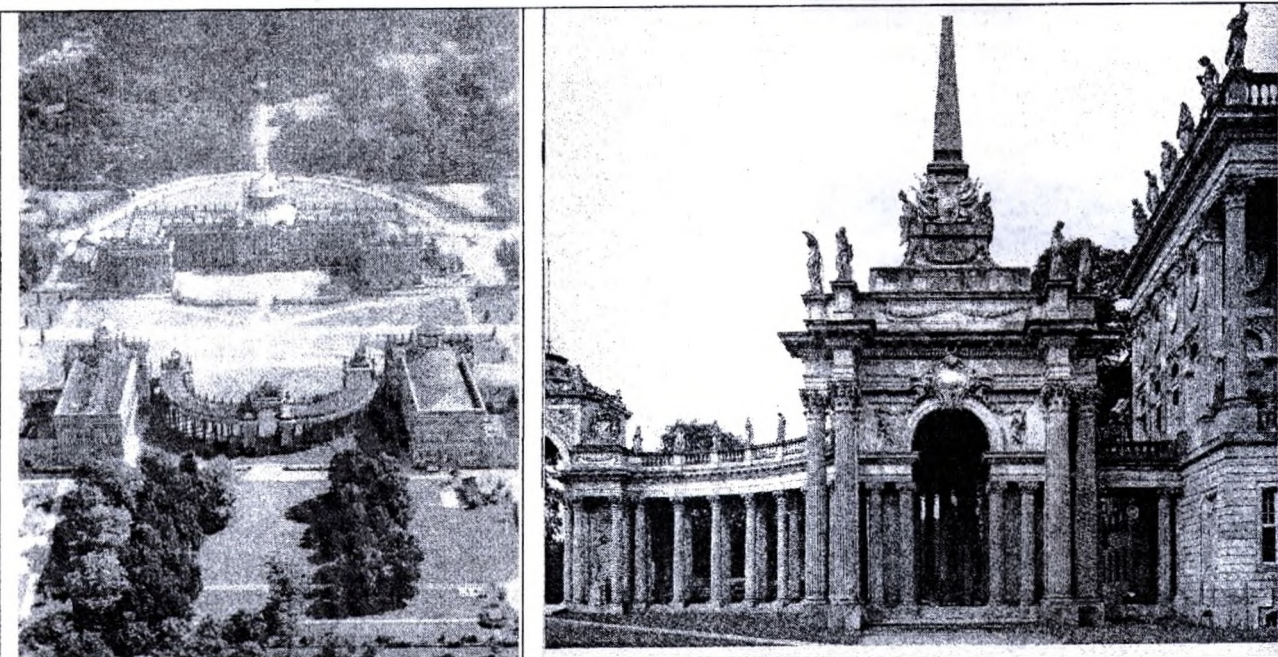


Рисунок 4 – Новый дворец и Комлекс в Потсдаме
(1755 – 1768 гг., арх. И.Г.Бюринг и др.) Общий вид. Триумфальная арка.

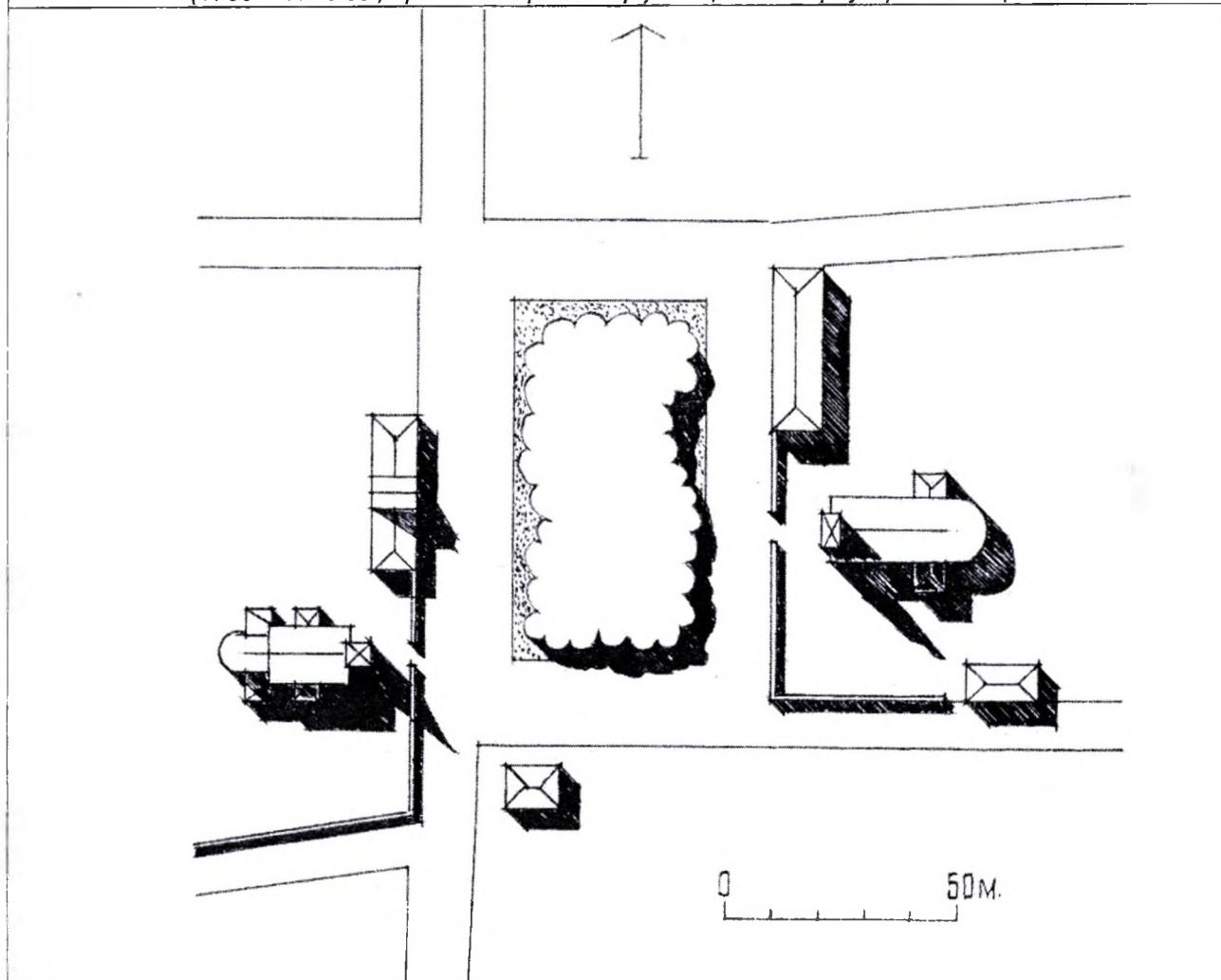


Рисунок 5 – Площадь в Ружанах. План

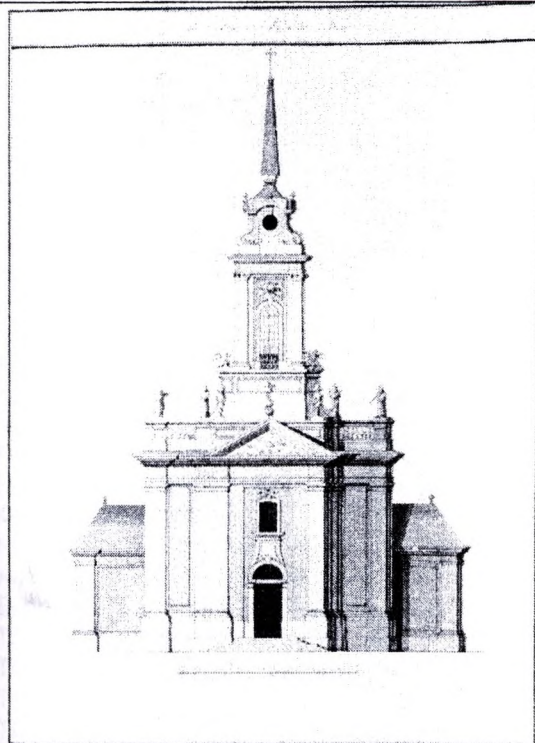


Рисунок 6 – Проект униатской церкви в Ружанах (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер).
Главный фасад

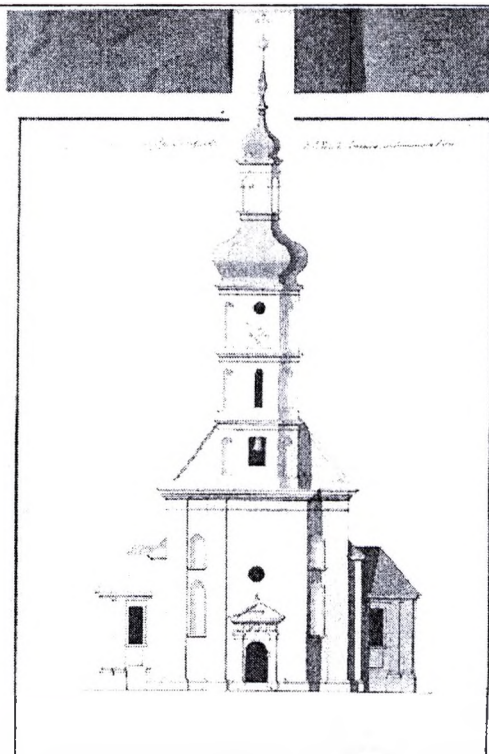


Рисунок 7 – Проект перестройки костела св. Троицы в Ружанах (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер).
Главный фасад.

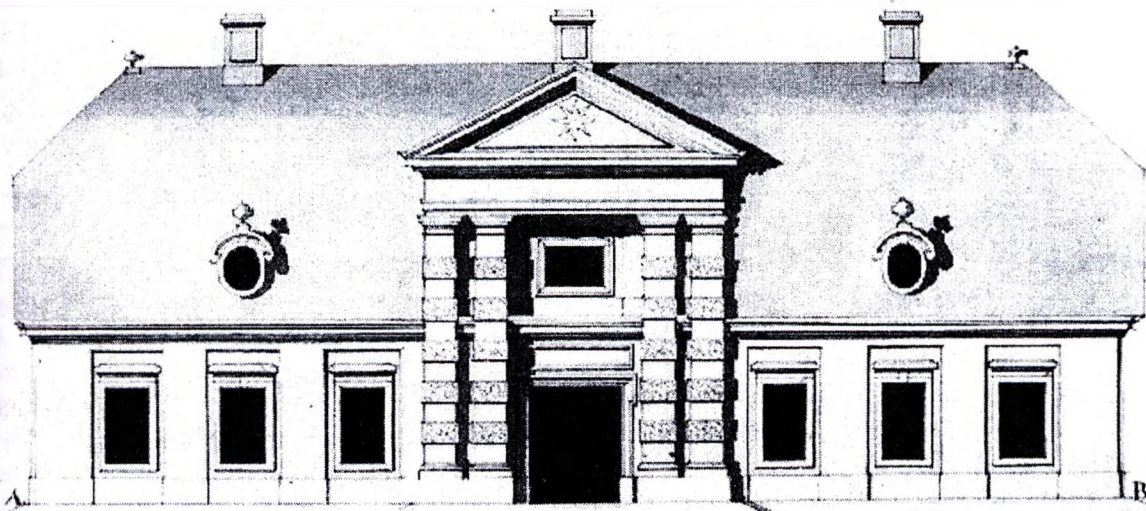


Рисунок 8 – Проект корчмы в Ружанах (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер). Главный фасад

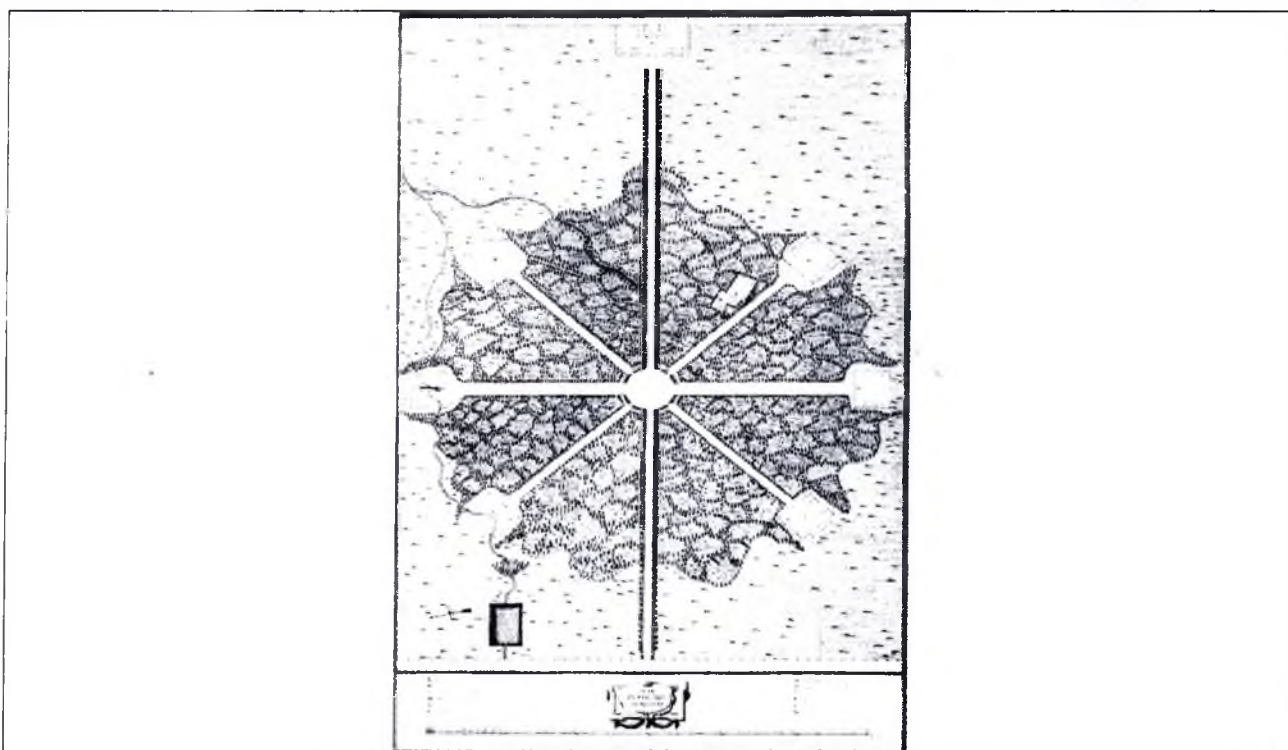


Рисунок 9 – Проект зверинца в Ружанах. План



Рисунок 10 – Академия в Деречине (1766 г., арх. И.Г.Беккер). Портик

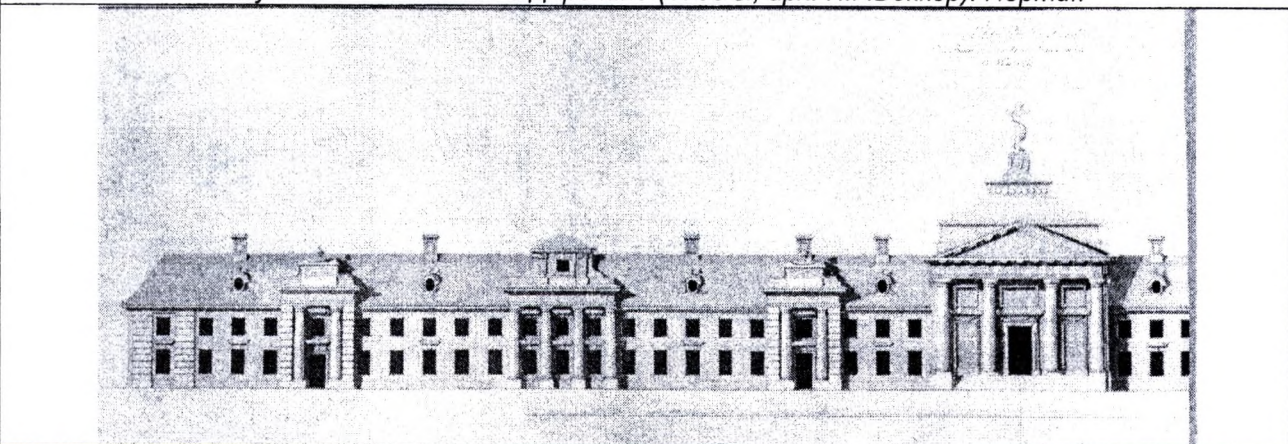


Рисунок 11 – Проект госпиталя в Высоком (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер).
Фрагмент главного фасада

Литература

1. Bernatowicz, T. Miles christianus et peregrinus. Fundacje Mikołaja Radziwiłła „Sierotki” w ordynacji Nieświeskiej / T. Bernatowicz. – Warszawa: Neriton, 1998. – 234 s.
2. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Минск: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
3. Baranowski, A.J. Między Pzymem a Wilnem / A.J. Baranowski. – Warszawa: ISPAN, 2006. – S. 14.
4. Malinowska, J. Pałac Sapiehów / J. Malinowska, – Warszawa: PWN, 1972. – S. 68 – 72.
5. Там же, с. 71.
6. Ostrowski, W. Wprowadzenie do historii budowy miast: Ludzie i środowisko / W. Ostrowski. - Warszawa: Oficyna wydawnicza Politechniki Warszawskiej, 1996. – S. 105.
7. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 3. – С. 65 – 85.
8. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 4. – С. 75 – 88.
9. Библиотека Варшавского университета. Кабинет гравюр. Д. 769, 770, 771 - 774, 782, 783, 786, 788, 796, 800, 819.
10. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 3. – С. 68, 69.
11. Библиотека Варшавского университета. Кабинет гравюр. Д.
12. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 4. – С. 79.
13. Klasycyzm i klasycyzmy: Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Warszawa, listopad 1991 r. / Stowarzyszenie Historyków Sztuki. - Warszawa, 1994. – S. 102.
14. Библиотека Варшавского университета. Кабинет гравюр. Д.
15. Там же. Д. 771, 772.
16. Там же. Д. 796.
17. Там же. Д. 788.
18. Там же. Д. 800.
19. Sapiehowe. Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe: W 3 t. – Petersburg: Druk. Suszczyńskiego, 1891 - 1894. – Т. 3. – 1894. - S. 378.
20. Ostrowski, W. Wprowadzenie do historii budowy miast: Ludzie i środowisko / W. Ostrowski – Warszawa: Oficyna wydawnicza Politechniki Warszawskiej, 1996. – S. 103.

RESUME

In 1760-80th there was developed a spacious construction of public and palace buildings in prince A. Sapiega's estates Ruzany, Derechin and Vysokoe. These buildings were created in baroque classic style and because of that forestalled the same king's construction in Grodno and surroundings.

УДК 711.4(476)

Кишик Ю.Н., БНТУ, Минск

ДЛИННЫЙ РЫНОК – ПАМЯТНИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

В ходе изучения градостроительного наследия Гродно нами была поставлена задача определить истоки неистребимого своеобразия его пространственно-планировочной композиции. Уже несколько поколений исследователей пытались рассмотреть облик древнего Гродно. Однако очень беден комплекс документов, которые могут дать представление о градостроительной структуре, скрытой в глубине веков. Практика же проведения археологических работ убеждает, что они, как правило, концентрируются вокруг замчища, на ограниченных площадях. Да и сама находка еще не гарантирует верных выводов о городской структуре. Известный археолог В.В. Седов (Москва) вполне определенно заявил, что многочисленные раскопки, например, в Киеве или Новгороде, так и не прояснили конкретную картину происхождения и поступательного развития города [1, с. 52].

Нужно было искать новые, методически целесообразные и эффективные пути исследования, способные воссоздать план раннесредневекового Гродно. В этой ситуации важным историческим первоисточником стал сам архивный план исторического города. Рисунок его уличной сети своей живописностью и нерегулярностью вызывает массу вопросов, но они сразу же получают объяснение, если предположить, что Гродно принадлежит к числу городов, где изменения планировочной структуры произошли в результате кратковременной акции. В истории европейского градостроительства такое явление известно. Начиная с XIII века, города на землях западных славян пере-

живали процесс завершения эволюционного развития на местном праве и начало городской реформы с введением магдебургского права и самоуправления. Правовое, а затем и пространственное переустройство городов получило специальное название – локация [2].

Поскольку городская реформа в Польше началась рано и проходила масштабно, то вполне логично, что методика воссоздания структуры долокационных городов была предложена тоже в Польше. В наиболее полном объеме она создана стараниями архитектора С. Бобинского. В своей книге «Польские города долокационного периода» [3] он обобщил результаты тридцатилетнего труда по выработке такой методики и дал примеры ее использования. До сих пор она находилась вне поля зрения историков градостроительства Беларуси.

Отправной точкой метода С. Бобинского является стабильность самой маленькой первичной единицы городского организма – частнособственнического земельного надела. Постоянство границ дворовых участков поддерживалось властью и освящалось религией. Земельные наделы раннесредневековых городов не были стандартными, но все же приводились к единству. Как правило, они характеризовались перпендикулярностью боковых сторон по отношению к фронту застройки. Это условие соблюдалось и на прямых, и на криволинейных улицах.

Локация неизбежно сопровождалась изменениями городской планировки, следовательно, в большей или меньшей степени изменялись и прежние земельные наделы. При этом наиболее устойчивыми оказывались соседские границы дворовых участков. Фронт же застройки претерпевал различные деформации. Так, боковые стороны прежде прямоугольных наделов могли оказаться под каким-либо постоянным или переменным углом к пробиваемой улице. Если на веер клинообразных участков накладывалась новая прямолинейная улица, то угол пересечения с межей постоянно менялся. Протяженные участки нередко делились проложенной улицей пополам, а иногда – еще раз пополам и т.д.

Зная порядок деформации первичных наделов, можно сделать обратное: выполнить реконструкцию блоков долокационной застройки. Основанием для утверждения о происшедшей перемене в планировке является сама неправильная структура участков. Безусловно, результаты исследования, полученные регрессивным методом, должны контролироваться другими методами и другими науками. Они нисколько не ограничивают работу историков и археологов. Напротив, они их активизируют.

Существует одно немаловажное условие для того, чтобы начать изучение раннесредневекового города по методике С. Бобинского. Для этого нужен как можно более давний план города с нанесенными границами земельных наделов. Гродно и в этом отношении оказался в исключительном положении среди белорусских городов. Землемер Юзеф Маркевич в 1780 году составил *Mapy miasta JKMcі Grodna* – план Гродно, фиксирующий городские земельные владения. Чертеж и поныне хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, ф. ВУА, д. 21872). План Ю.Маркевича был принят в качестве графической опоры исследования. На основе этого уникального графического документа с помощью методики С. Бобинского нам удалось выявить «следы» нескольких составляющих планировочной структуры раннесредневекового Гродно. Самой же характерной среди них следует назвать остатки большого планировочного элемента, сложившегося в центре города (рис. 1).

Четыре примечательные улицы, начинаясь в разных углах квадратной Советской площади (до ее последней реконструкции), спускались по рельефу к речным долинам Немана и Городничанки, постепенно сближаясь, пока почти не сливались вовсе. Образованная ими фигура была похожа на стрелку компаса с двумя острыми концами. Последующие разрушения и перепланировки лишили ее прежней четкости, исчезли острые вершины треугольников. И все же она напоминает о существовании здесь в прошлом длинного овала с торговой площадью посередине или старинного линзообразного планировочного элемента, или длинного рынка, или просто – веретена.

В истории градостроительства веретено достаточно известно как примета западнославянских городов [4, с. 160-162]. При этом принято было считать, что оно не продвинулось к востоку далее Польши [5, с. 10]. Впервые же на следы веретена в плане Гродно указал польский исследователь С. Шиманский [6, с. 246]. Однако он не обратил внимания на явные признаки регулирования застройки старого Гродно. Нужно было внимательно проанализировать начертание межевых границ соседних земельных наделов в окрестностях Рынка. Трудным для разгадывания первоначальной планировочной ситуации оказался участок, где Виленская улица приближается к торговой площади. Относительно прямая и широкая трасса новопроложенной

улицы, судя по опорному плану, пересекала веер узких и длинных плацев. По методу С. Бобинского, деформированный веер земельных участков, когда их границы находятся под переменным углом к оси новой улицы, почти всегда является характерным указателем происшедших в ходе локации перемен. Здесь же нужно было еще заметить, что наделы, оказавшиеся по разные стороны Виленской улицы, некогда были продолжением один другого.

Следовательно, эти длинные, деревенского уклада участки в начале Виленской улицы до локации выходили фронтом на какую-то уже несуществующую к XVIII веку дорогу. Она отвечала от основного пути приблизительно возле нынешнего кинотеатра «Гродно». Виленской улицы в долокационном Гродно не было вовсе. Была дорога, которая проходила по трассе современной улицы Калючинской. Там, где на Калючинскую сегодня выходит улица Кирова, торговый тракт разделялся на две ветви.

Еще одна подсказка обнаружилась в блоке земельных участков между улицами Калючинской и Городничанской. Здесь, по обе стороны нынешней улицы Урицкого, оказались расположенными наделы, длинники которых совпадают, являясь продолжением один другого. Это значит, что, во-первых, улица, которая сегодня носит имя Урицкого, была пробита в ходе перепланировки посредине существовавших плацев. Во-вторых, стало быть, улица, называемая ныне Городничанской, сложилась на месте той хозяйственной дороги, которая проходила позади земельных участков, образовавших веретено. В южной его половине своеобразным указателем долокационной трассы длинного овала стали земельные участки, примыкающие к западной стороне Мостовой улицы. На опорном плане Мостовая улица выглядит широкой и прямолинейной, что, наверняка, свидетельствует о ее поздней регуляции.

Если сложить воедино воссозданные фрагменты долокационной планировки, образуется фигура, подобная вытянутому овалу. Это и есть веретено, или длинный рынок. Он во многих отношениях напоминает деревню-овальницу. Такое же расширение дорог, образующих замкнутое внутреннее пространство. Такая же клинообразная форма земельных участков, границы которых разбегаются как реснички глаза. Такая же переменная длина наделов: в середине овала – очень большая, до 100-150 метров; чем ближе к его острым концам, тем короче. Однако ученые, занимавшиеся изучением генезиса длинных рынков, подчеркивают их принципиальное различие [3, с. 174].

Овальница возникала среди необжитого пространства как один из первичных элементов городской структуры. Длинный рынок появлялся в уже сложившемся поселении как новая часть городского организма. В то время, как население раннесредневековых городов группировалось в укрепленных или в открытых подградьях, длинные рынки возникали на некотором удалении от них. Большая и удобная площадка со слегка покатою территорией, свободная от застройки, вытянувшаяся вдоль торгового тракта, окружалась частоколом. Такого ограждения было достаточно, так как средствами нападения в раннем средневековье оставались стрелы и камни. Внутри рынка возводились необходимые сооружения – клетки, лавки, навесы, колодец. В острых концах устраивались ворота.

Появившись в городской структуре, рынок не мог оставаться обширным пустопорожним местом, используемым лишь периодически. Вслед за появлением огороженной территории торгового центра к нему начинало стягиваться местное население. Это были ремесленники и купцы, занимавшиеся также земледелием. Поэтому к ограде рынка начали примыкать длинные, насколько позволяла ситуация, дворовые наделы. Первые земельные участки появлялись, естественно, ближе к середине торгового центра. Огороды в глубине плацев отрезала и объединяла хозяйственная дорога. Обычно по краям рынка она сближалась с торговым трактом, и тогда длина наделов уменьшалась. Если же хозяйственный проезд имел какую-либо свою цель, то он мог следовать параллельно основной дороге (как, скажем, улица в раннем Гродно, ставшая Городничанской, направлявшаяся к мелкому броду через Городничанку).

С появлением достаточно плотной застройки по бокам длинного рынка надобность в его специальном укреплении отпадала. Теперь границами торгового центра становились улицы, отделявшие его от дворовых наделов, имевших свое ограждение. Острые концы овального пространства, менее удобные для торговли, тоже отводились под плацы. Логично предположить, что величина застроенного треугольного клина и свободного пространства торгового центра зависела от положения основных поперечных улиц-дорог.

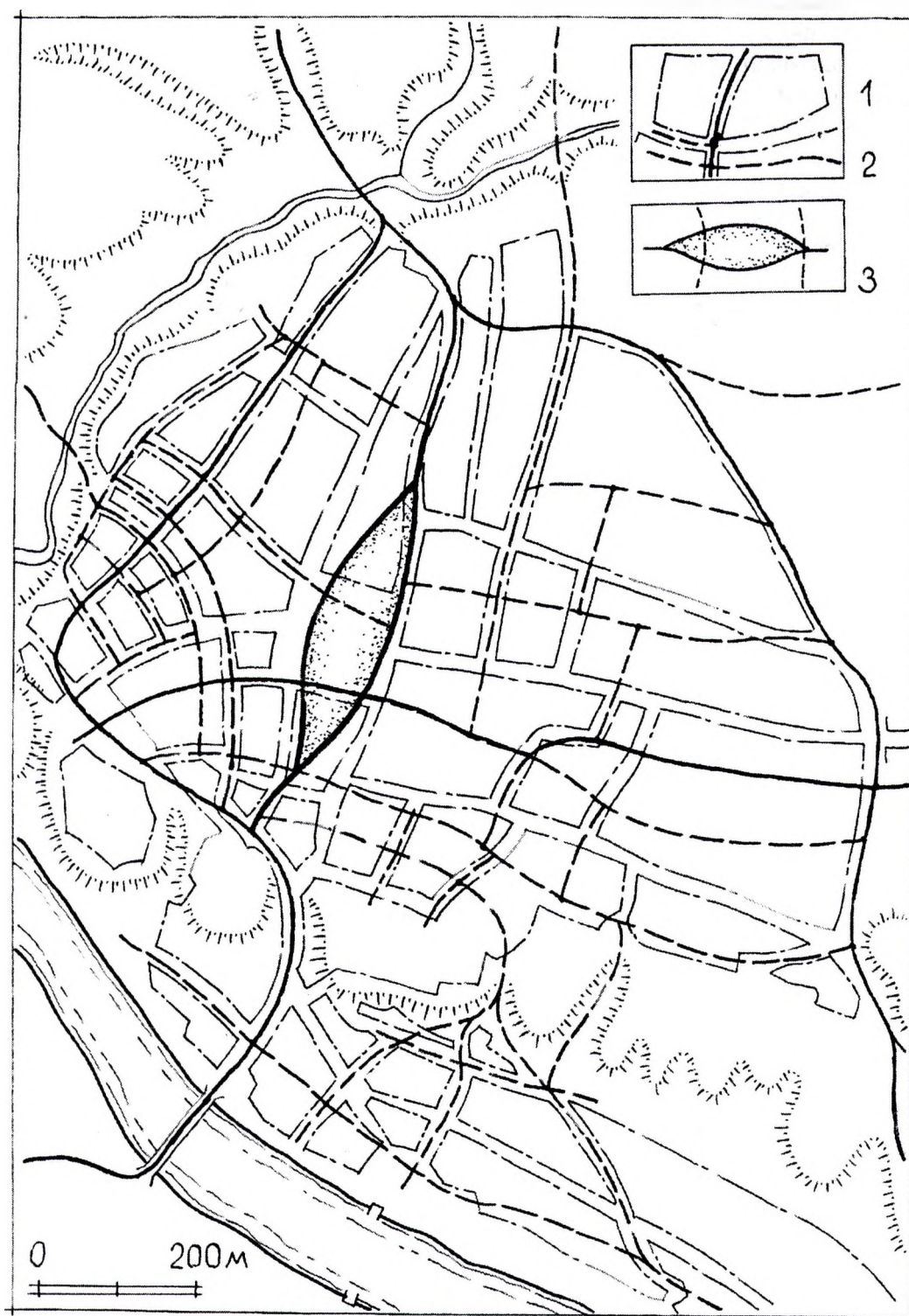


Рис. 1. Планировочная структура Гродно до и после локации.
 1 – блоки застройки после локации. 2 – главные и второстепенные улицы и дороги до локации. 3 – длинный рынок.

В истории западноевропейского градостроительства названы десятки, если не сотни, больших и малых городов с веретенообразным торгом. Но если с учетом изложенного материала более внимательно «вчитаться» в планы некоторых белорусских городов – Новогрудка, Лиды – «реликты» удлинённого торгового пространства обнаружатся и там. Можно сослаться также на исследование Ю.В. Чантурия, где он упоминает, что центральные площади Бобруйска, Кричева, Слонима и Минска также имели характерное миндалевидное очертание [7, с.245-247]. По его мнению, это явилось следствием трансформации длинного рынка – веретенообразной площади с замкнутым пространством, которое постепенно частично застраивалось.

Следовательно, длинный рынок не принадлежит к явлениям исключительным на землях восточных славян. Обнаруженные на опорном плане Гродно следы линзообразного элемента позволяют с большой степенью достоверности утверждать, что в долокационном городе сложилась площадь длинного рынка. На многие столетия она станет архитектурно-планировочной доминантой города, определяя специфику рисунка уличной сети. Вобрав подавляющую часть основных городских объектов, замкнув на себе многие транспортные, зрительные и композиционные связи, это планировочное образование оказалось акцентным среди других фрагментов городского плана. С этого периода оно стало кристаллизующим элементом планировочной структуры, ярким укладом и своеобразной композицией, воздействующей на архитектурно-планировочное развитие города.

Литература

1. Седов, В.В. Начало городов на Руси / В.В. Седов // Древнерусское государство и славяне. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 51 – 54.
2. Wroblewska, G. Kilka uwag w sprawie lokowania miast / G. Wroblewska // Kwartalnik Architektury i Urbanistyki. – 1972, N. 17, z. 4. – S. 249-264.
3. Bobinski, St. Urbanistika Polskich miast przedlokacyjnych / St. Bobinski // Studia i Materiały do Teorii i Historii Architektury i Urbanistyki. – Warszawa, 1975. – T.13. – 192 s.
4. Бунин, А.В. История градостроительного искусства: В 2-х т. / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. – М.: Стройиздат, 1979. – Т. 1. – 495 с.
5. Меркулова, И.Ю. Трансформация древнерусских городов / И.Ю. Меркулова, Г.Я. Мокеев // Архитектурное наследие. – М.: Стройиздат, 1986. – № 34. – С. 8 – 16.
6. Szymanski, St. Urbanistyczno-architektoniczne formowanie się Grodna w okresie od XIV do XVIII wieku / St. Szymanski // Rocznik Białostocki, IX, 1970. – S. 237-263.
7. Чантурия, Ю.В. Градостроительное искусство Беларуси 2-й половины XVI – 1-й половины XIX века: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю.В. Чантурия. – Минск: Белорус. наука, 2005. – 375 с.

RESUME

During the study of Grodno urban heritage we have fulfilled the town plan of period before urban reform. The method of Polish researcher S. Bobinski was used. The key point of his method is the stability of the feudal city land allotment. Analyzing the support plan of Grodno in 1780 we were able to identify some traces of planning elements of the early medieval period. The most characteristic among them should be the Long Market. For many centuries it was the architectural and planning city dominant.

Trojnieł P. WAPB, Białystok

NIEZREALIZOWANE PROJEKTY ADAPTACJI SYNAGOG NA PODLASIU SEJNY, KRYNKI, SUWAŁKI, MILEJCZYCE

Przedwojenny, wielokulturowy krajobraz Polski współtworzyła społeczność żydowska licząca ok. trzech i pół miliona osób. Społeczność ta została wymordowana podczas II wojny światowej, a Żydzi którzy przetrwali holocaust po wojnie w większości wyemigrowali z Polski. Po ludności żydowskiej, stanowiącej w wielu miejscowościach Podlasia znaczną część lokalnej społeczności pozostały obiekty kultu religii możeszowej – synagogi, bożnice, domy talmudyczne. Część z tych obiektów przetrwała okres wojny na ogół w stanie ruiny, ale zdarzały się wyjątki. Niektóre ze zniszczonych obiektów odbudowano dostosowując do nowych funkcji. Inne, które wojna pozostawiła w dobrym stanie były paradoksalnie, burzone. Jak zauważają Piechotkowie niewątpliwym wpływem na tego typu działania było niedocenie wartości architektonicznych i historycznych obiektów powstałych po II połowie XIX wieku i później¹.

Czas zniszczeń i zagłady wojennej na Podlasiu przetrwało w różnym stanie kilkadziesiąt budynków synagog będących świadectwem wieloletniej obecności Żydów na tych terenach. Holocaust i emigracja sprawiły, że po wojnie zabrakło właścicieli i prawowitych użytkowników tych ob-

¹ Piechotkowie, Maria i Kazimierz, Bożnice Polskie XIX w. (w:) Kalendarz Żydowski 1986-1987, Wyd. Związek religijny wyznania możeszowego w PRL, str. 84

iektów, a w ramach odbudowy powojennej pojawił się problem ich przystosowania do nowych funkcji. Skalę i istotę problemu dobrze pokazuje projekt artystyczny Wojciecha Wilczyka „Niewinne oko nie istnieje” prezentujący losy powojenne bożnic w skali całej Polski². Przekrój nowych funkcji w adaptowanych obiektach jest zaskakująco wielki. Od obiektów- muzeów poprzez liczne domy kultury, biblioteki, kina, różnego rodzaju usługi, sklepy, restauracje, funkcje mieszkalne do magazynów i budynków gospodarczych.

Podstawowym celem niniejszej pracy jest poddanie analizie i ocenie wybranych przykładów niezrealizowanych projektów adaptacji żydowskiej architektury sakralnej – dawnych synagog i domów modlitwy – zbudowanych dla dawnych lokalnych społeczności na obszarze Podlasia w XIX i XX wieku. W grupie tej przedstawione zostały projekty adaptacji, zarówno zachowanych bożnic w Milejczycach i Sejnach, jak i nieistniejących już bożnic w Suwałkach i Krynkach.

Synagoga w Sejnach

Gmina żydowska w Sejnach swoją historią sięga końca XVII wieku choć oficjalnie żydzi otrzymali przywilej zamieszkiwania miasta w roku 1768. Od tego czasu odsetek ludności żydowskiej rośnie, sięgając w latach 80-tych XIX wieku 75% społeczności³.

Synagoga w Sejnach (il.1) została zbudowana w 1857 roku w miejscu wcześniejszej drewnianej, w dawnej dzielnicy żydowskiej. Jest to obiekt orientowany, trójnawowy, z elewacją frontową zakończoną wysokim, ozdobnym szczytem. W architekturze opisywanej bożnicy można znaleźć elementy stylu klasycystycznego i neogotyckiego. Jednoprzestrzenne wnętrze (il.2) podzielone jest przez cztery ozdobne filary dźwigające łuki podpierające sklepienia o konstrukcji drewnianej: kolebkowe w nawie głównej i półkolebkowe w nawach bocznych. Pomiedzy filarami umieszczona była niegdyś bima. W ścianie wschodniej zachowała się nisza aron ha-kodesza.

Budynek bożnicy przetrwał wojnę przekształcony i przebudowany przez nazistów na remizę strażacką w roku 1941. Po wojnie obiekt służył jako zajezdnia samochodowa i w późniejszym czasie jako magazyn.

W latach pięćdziesiątych pojawiły się inne pomysły przeznaczenia dawnych budynków bożnicy i Domu Talmudycznego (pełniącego po wojnie funkcję magazynu zboża, później - zakładu obuwniczego) w Sejnach i wyprowadzenia z nich przypadkowych funkcji. W roku 1957 opracowano m.in. projekt adaptacji budynku na cele klubu sportowego – sali sportowej. Projekt został opracowany przez inż. I. Syferta w czerwcu 1957 roku. Adaptacja obiektów dawnych bożnic na cele związane ze sportem była obowiązującą tendencją, a przykładami przystosowanych do takich funkcji na Podlasiu obiektów należą m.in.: „Nowa” synagoga w Suchowoli, czy Synagoga Samuela Mohilewera w Białymstoku.

Podstawowymi założeniami projektu adaptacji Synagogi Białej w Sejnach był podział przestrzeni bożnicy na dwie strefy: strefę wejściową z holem i szatniami (dwie ułożone symetrycznie po obu stronach holu) oraz widownią umieszczoną nad holem od strony zachodniej (wejścia głównego) oraz zajmującą dwa przęsła przestrzeń Sali sportowej podzielonej przez istniejące filary wydzielające przestrzeń ringu bokserskiego(nawa główna) i sal ćwiczeniowych (nawy boczne) (il.3). Projekt zakładał także wyburzenie zbudowanej w czasie wojny wieży obserwacyjnej, a także przywrócenie uproszczonego wyglądu pierwotnego, jednak bez odtwarzania fasady (szczytu) frontowej (il.4). Założono odtworzenie i zachowanie istniejących detali oraz wyglądu ścian elewacji bocznych poprzez zlikwidowanie wrót dla samochodów ciężarowych i odtworzenie wysokich okien w elewacji bocznej. W miejscu aron ha-kodesza zaprojektowano wejście gospodarcze na sprzęt sportowy.

Autor projektu świadomy był problemów funkcjonalnych jakie niesie ze sobą zderzenie zastanej struktury konstrukcyjnej tej bożnicy z nową funkcją. W opisie zaznaczył że sala nadaje się przede wszystkim do treningów *natomiast absolutnie nie spełnia zadania sali (sportowej) z uwzględnieniem obserwowania zawodów*⁴ właśnie ze względu na układ filarów zlokalizowanych w centralnej części budynku. Finalnie projekt nie został zrealizowany, a obiekt przeznaczono na magazyn. Dopiero w roku 1979 opracowano projekt odtworzenia historycznej formy synagogi w Sejnach i adaptacji na salę wystawienniczą, który to projekt zrealizowano w latach 1979-1987. Obecnie bożnica użytkowana jest przez Fundację Pogranicze jako miejsce koncertów, spektakli i wystaw.

² Wilczyk, Wojciech, *Niewinne oko nie istnieje*, Atlas Sztuki, Łódź, 2009

³ Żydzi na Suwalszczyźnie, Materiały źródłowe, zbiory WUOZ o. w Suwałkach, str. 19,

⁴ Inż. M. Syfert, Opis techniczny do projektu hali sportowej w budynku synagogi żydowskiej w Sejnach, str.2, 1957, zbiory WUOZ Białystok o.Suwałki

Opisana koncepcja przystosowania bożnicy nie była jedyną dotyczącą obiektów żydowskich w Sejnach. Inny projekt zakładał adaptację Domu Talmudycznego na restaurację-stołówkę. Kolejny proponował rozbudowę i adaptację Domu Talmudycznego na cele związane z Domem Kultury. W koncepcji tej zakładano wybudowanie kubatury zawieszanej na słupach na poziomie wysokiego parteru jako rozbudowy mieszczącej zaplecze sali kinowo-widowiskowej pomiędzy istniejącym budynkiem, a elewacją frontową synagogi. Realizacja takiego rozwiązania uniemożliwiłaby odtworzenie historycznej formy bożnicy i zaburzyłaby historyczny układ pomiędzy budynkami dawnej gminy żydowskiej w Sejnach. Na szczęście również ta koncepcja nie doczekała się realizacji.

Atuty przyjętych rozwiązań:

- zachowanie układu przestrzennego bożnicy,
- częściowe odtworzenie elewacji.

Defekty przyjętych rozwiązań:

- wprowadzenie podziałów i nowych form we wnętrzu,
- uproszczenia w odtworzeniu elewacji frontowej,
- kontrowersyjna funkcja w obiekcie sakralnym.

Synagoga w Krynkach

W Krynkach ludność żydowska osiedliła się w XVII wieku uzyskując przywileje od Króla Władysława IV w 1639 roku. W XVIII wieku gmina żydowska w Krynkach jest drugą co do wielkości w kahale okręgowym w Grodnie. W II połowie XIX wieku Żydzi stanowią większą część mieszkańców miasta⁵.

Wielka synagoga w Krynkach została wybudowana wg Piechotków na początku XIX wieku⁶ (T. Wiśniewski sugeruje rok 1756⁷) w stylu klasycystycznym. Symetryczny układ form miał kształt litery T na osi wschód-zachód. Sala główna miała kształt prostokąta z umieszczonymi po obydwu stronach babińcami. Os strony frontowej salę główną poprzedzał obszerny przedsionek akcentowany w elewacji wysokim szczytem. Elewację frontową flankowały po obu stronach ryzality-pawilony zakończone mniejszymi szczytami. Ściany zewnętrzne były dekorowane rytmicznie rozmieszczonymi pilastrami oraz gzymsami. Budynek był wykorzystywany podczas wojny jako magazyn wojskowy i warsztat. Dopiero wycofujące się wojska niemieckie próbowały wysadzić bożnicę w 1944 roku.

Po wojnie zachowany częściowo budynek (il.5) postanowiono odbudować i zaadaptować na Dom Kultury (Dom Świetlicowy) mieszczący salę kinowo-widowiskową, bibliotekę, pracownię dla młodzieży. Projekt koncepcyjny został przygotowany w roku 1958 w PKZ przez inż. J. Grudzińskiego.

Podstawowymi założeniami projektowymi było odtworzenie formy historycznej na elewacjach i adaptacja zakładająca wynikająca z historycznych podziałów wnętrza. W dawnym przedsionku zaprojektowano hol z szatniami i kasą, w ryzalitach klatki schodowe z przejściem do dawnych babińców mieszczących w tej propozycji poczekalnie - foyer. W częściach wschodnich babińców zaprojektowano garderoby dla artystów. W sali głównej wykorzystując dużą przestrzeń sali modlitw zaprojektowano widownię na 350 osób oraz scenę (il.6.). Na piętrze nad przedsionkiem, zaprojektowano bibliotekę, wyżej pomieszczenia kabiny projekcyjnej z zapleczem oraz pracownię dla młodzieży. Na elewacjach (il.7) oraz we wnętrzu założono częściowe zamurowania otworów okiennych projektując w ich miejsca blendy. Finalnie z realizacji zrezygnowano. Na początku lat 70-tych XX wieku budynek wysadzono i rozebrano.

Atuty przyjętych rozwiązań:

- odtworzenie zewnętrznej formy historycznej,
- rozwiązanie funkcjonalne respektujące historyczny układ wnętrza,
- funkcja związana z kulturą.

Synagoga w Suwałkach

Wielka Synagoga w Suwałkach powstała w 1821 roku w stylu klasycystycznym. W czasie wojny budynek synagogi został zdewastowany, jednak przetrwał wojnę w dobrym stanie. Charakterystycznym elementem synagogi był portyk kolumnowy (cztery pary zdwojonych kolumn doryckich podpierających klasyczny tympanon nad wejściem) oraz falista attyka elewacji szczytowej korpusu budynku (il.8). Elewacja tylna sali głównej była zakończona łukiem (il.9). Po wojnie budynek synagogi stał opuszczony i stopniowo popadał w ruinę. W roku 1956, z polecenia władz lokalnych, mimo protestów, budynek wybur-

⁵ Wiśniewski, Tomasz, Bożnice Białostoczczyzny, wyd. Dawid, Białystok 1992, str.165

⁶ Piechotkowie, Maria Kazimierz, Bramy Nieba Bożnice Murowane, wyd. Krupski i s-ka, Warszawa 1999 str.400

⁷ Wiśniewski, Tomasz, Bożnice Białostoczczyzny, wyd. Dawid, Białystok 1992, str.166

zono tłumacząc tą decyzję złym stanem technicznym i małą ilością ludności żydowskiej. Wcześniej, w latach 50-tych XX w. w PKZ opracowano projekt adaptacji budynku na cele związane z kulturą – salę widowiskową z funkcjami towarzyszącymi.

Założenia projektowe były podobne do tych obowiązujących przy projekcie adaptacji bożnicy w Krynkach: projektowany podział funkcjonalny respektuje historyczne podziały wnętrza; zaprojektowano odtworzenie i konserwację wyglądu elewacji. Elementem różniącym projekt w Suwałkach była bryła mieszcząca zaplecze zascenia, którą zaprojektowano od strony tylnej jako odstawiony budynek mieszczący połączony łącznikiem wyprowadzonym w miejscu istniejącej wcześniej wnęki aron ha-kodesza (il.10).

Atuty przyjętych rozwiązań

- odtworzenie zewnętrznej formy historycznej,
- rozwiązanie funkcjonalne respektujące historyczny układ wnętrza,
- funkcja związana z kulturą.

Defekty

- łącznik zaplecza zascenia w miejscu aron ha-kodesza

Synagoga w Milejczycach 1987

Kolejny przykład projektu adaptacji pochodzi z Milejczyc (il.11). Synagoga ta powstała w roku 1927 w miejscu wcześniejszej, drewnianej bożnicy. Jest to budynek zbudowany na planie prostokąta z czerwonej cegły, mieszczący pod jednym kopertowym dachem salę modlitewną akcentowaną dawniej wysokimi, zakończonymi półkolistymi oknami oraz dwukondygnacyjną część mieszcząca babiniec, sąd kahalny i administrację gminy. Dawny podział funkcjonalny czytelny jest na elewacjach – mimo wielu przekształceń zatracających pierwotny układ. Ściany zewnętrzne dekorowane były przez liczne detale: gzymsy, lizeny, płyciny, gwiazdę Dawida wyrobione w cegle elewacyjnej.

Przedmiotowy projekt adaptacji powstał w roku 1987 i zakładał przystosowanie budynku na cele Gminnego Ośrodka Kultury. Autorem projektu był arch. Janusz Kaczyński z zespołem PKZ w Białymstoku. Projekt jest ciekawy ze względu na skalę rozbudowy zakładającą obudowanie istniejącego budynku wzdłuż jego elewacji nową strukturą.

W założeniach autorskich czytamy: *Ideaą było maksymalne zespolenie budynku starego z nową proponowaną architekturą w jedną całość [...] w części projektowanej jako materiał na ściany zewnętrzne zaproponowano cegłę klinkierową, różną (beżową) jednak w barwie od oryginalnej⁸ (czerwonej).* Postanowiono wyeksponować najciekawsze pod względem architektonicznym elewacje: od strony ulicy – południowo-zachodnią (il.12) oraz od strony podwórza - południowo-wschodnią (il.13). Funkcjonalnie w budynku zaprojektowano salę wielofunkcyjną ze sceną w dawnej Sali modlitw z niezbędnym zapleczem, salę kinową, bibliotekę, pracownię Domu Kultury, administrację i inne, towarzyszące funkcje gospodarcze i techniczne. Wejście główne zaprojektowano z dwóch stron: od strony ulicy poprzez wnękę pomiędzy starym i nowym budynkiem poprzedzoną ażurowym trejażem arkadowym oraz od strony północno-zachodniej akcentowanym dwiema ścianami obejmującymi hol oraz projektowaną klatkę schodową. W części istniejącej zaprojektowano zrekonstruowane zgodnie z historycznym wyglądem elewacje. W nowej części architektura posługuje się formami postmodernistycznymi. Pojawia się wspomniany trejaż arkadowy od strony ulicy, półkolistie zakończone okna i blendy okienne, okna zakończone łukiem odcinkowym z uproszczonym podziałem w stosunku do istniejącego w budynku synagogi oraz uproszczony w stosunku do części istniejącej detal. Wyżej opisane rozwiązania tworzą spójny stylistycznie zespół architektoniczny w którym czytelne są części stara i nowa. W zespole tym dawna synagoga wychodzi na pierwszy plan. Nowo projektowane skrzydła posługujące się uproszczonymi formami, innym kolorem i mniejszą skalą poprzez swój postmodernistyczny charakter starają się nie dominować. Jedynie ściany klatki schodowej i wejścia formowane w dynamiczny sposób stanowią wyraźną dominantę elewacji północno-zachodniej.

Atuty przyjętych rozwiązań:

- odtworzenie zewnętrznej formy historycznej w wyeksponowanych elewacjach,
- rozwiązania funkcjonalne respektujące pierwotny układ,
- funkcja związana z kulturą.

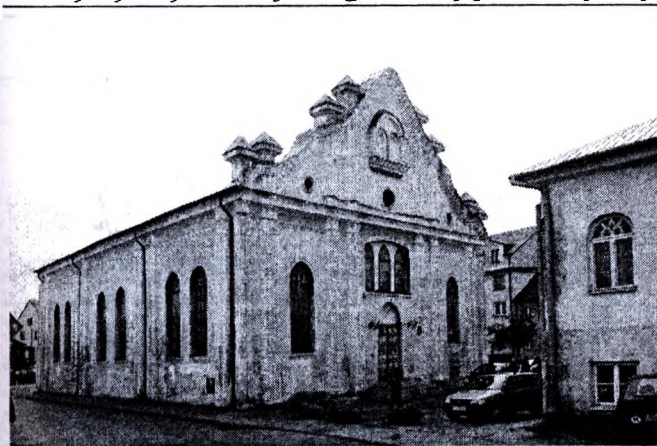
Defekty przyjętych rozwiązań:

- zmiana skali budynku- rozbudowa ingeruje w bryłę budynku.

⁸ Kaczyński, Janusz, Opis projektu rewaloryzacji rozbudowy dawnej synagogi na potrzeby GOK w Milejczycach, PKZ Białystok, 1987.

Podsumowanie

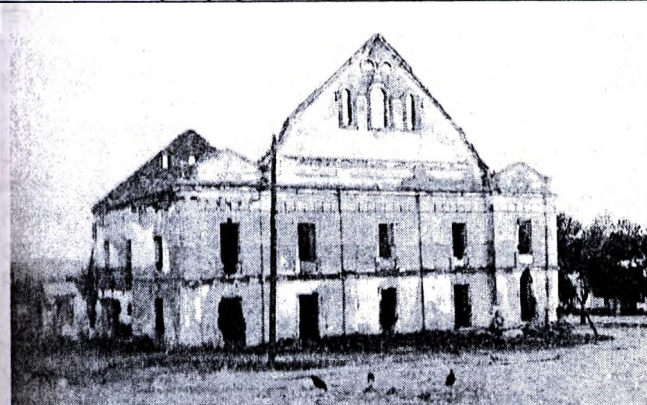
Żaden z prezentowanych przykładów projektów nie został zrealizowany. Projekt w Milejczycach zarzucono po rozpoczęciu realizacji. Synagogi w Suwałkach i Krynkach zostały niestety zburzone. Były to obiekty poprzez swoją skalę i rozwiązania architektoniczne niezwykle wartościowe dla architektury Podlasia. Projekty, które zakładały ich adaptację do nowych funkcji związanych z kulturą respektowały dawne układy funkcjonalne i zakładały odtworzenie oryginalnego wyglądu. Tym większą stratę dla stanowią wyburzenia tych obiektów, w kontekście ich racjonalnego przystosowania do nowych funkcji. Równie ciekawy jest przykład projektu w Milejczycach, kontrowersyjny jedynie przez skalę zmian bryły zewnętrznej, wprowadzonych jednak w sposób eksponujący najistotniejsze historycznie elewacje. Jako najmniej wartościowy należy uznać projekt adaptacji Białej Synagogi w Sejnach. Na taką ocenę składają się kontrowersyjna funkcja i zmiany wystroju zewnętrznego fałszujące historyczny wygląd budynku.



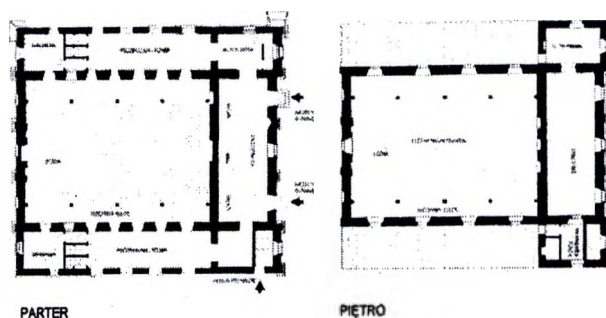
il. 1 Synagoga w Sejnach, rys. autor.



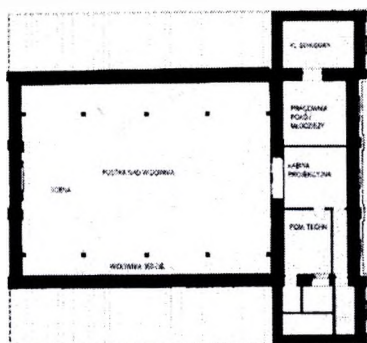
il. 2 Synagoga w Sejnach, rys. autor.



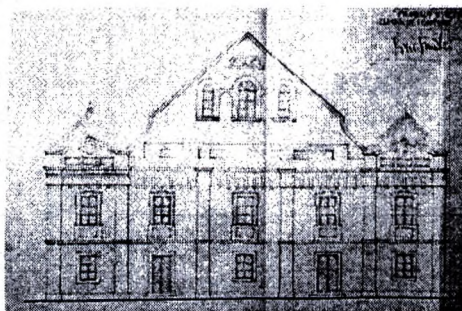
il. 5 Wielka Synagoga w Krynkach 1963 r.



il. 6 Wielka Synagoga w Krynkach projekt rzuty, oprac. autor.

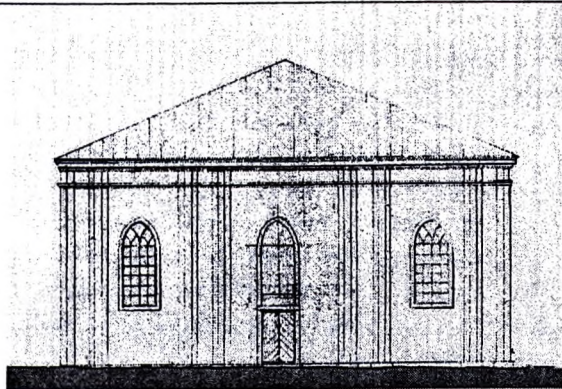


II PIĘTRO



ELEWACJA FRONTOWA

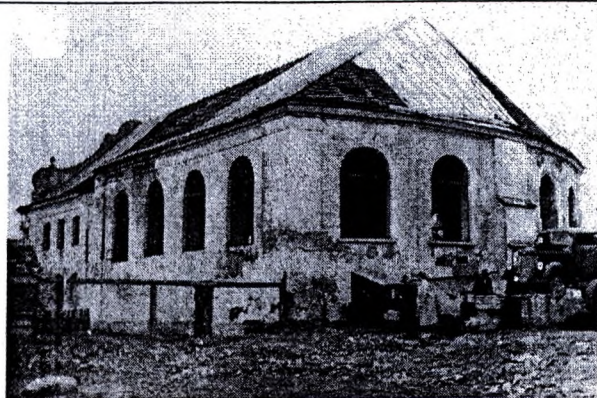
il. 7 Wielka Synagoga w Krynkach projekt rzut, elewacja, oprac. autor.



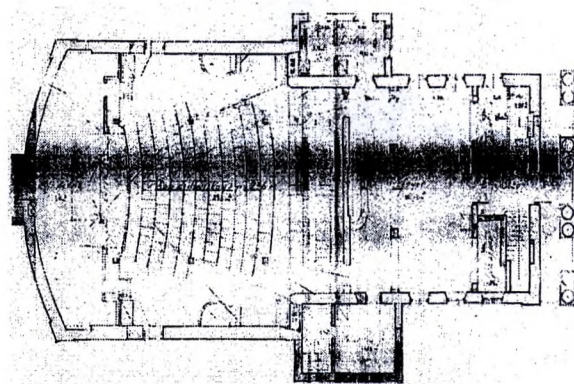
4.



5.



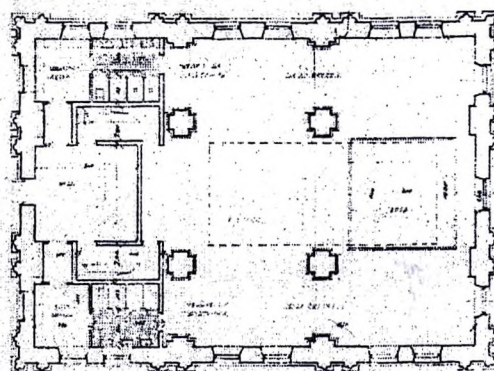
6.



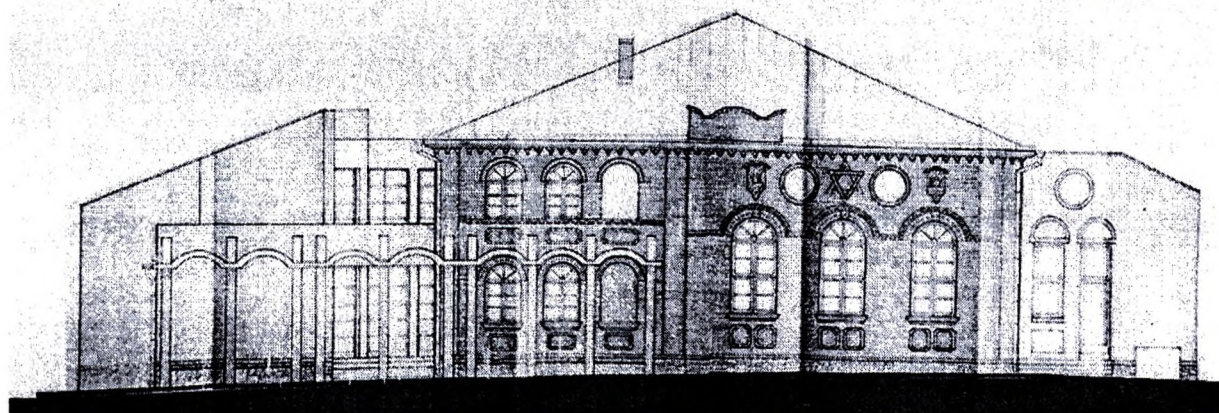
7.



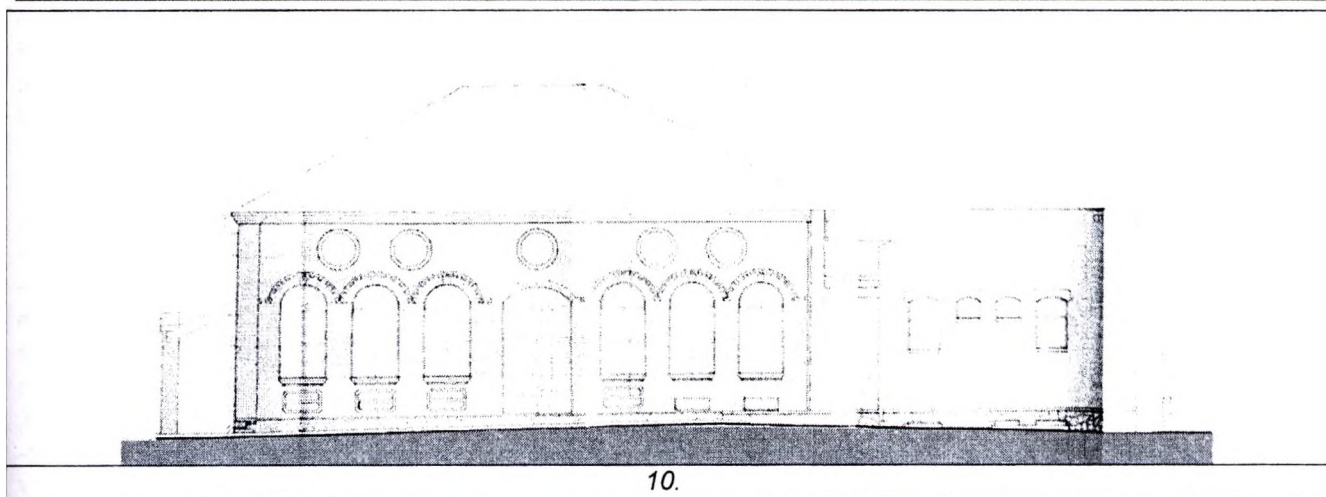
8.



11.



ил. 9 – Synagoga w Suwałkach



Literatura

1. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Bożnice Polskie XIX w. (w.) Kalendarz Żydowski* – Warszawa: Wyd. «Związek religijny wyznania mojżeszowego w PRL», 1986-1987. –S. 55-84.
2. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Bramy Nieba Bożnice murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej*. – Warszawa: Wydawnictwo Krupski i S-ka, 1999.
3. Projekt rewaloryzacji i rozbudowy Synagogi w Milejczycach na potrzeby GOK, PKZ, Pracownia. Projektowa, arch. J. Kaczyński. – Białystok, 1987.
4. Projekt wstępny odbudowy Wielkiej Synagogi w Krynkach na cele Domu Świetlicowego.
5. Projekt wstępny hali sportowej w budynku synagogi żydowskiej w Sejnach, inż. M. Syfert, 1957, inż. J. Grudziński, PKZ – Warszawa, 1958.
6. Wilczyk, Wojciech, *Niewinne oko nie istnieje // Atlas Sztuki*. – Łódź, 2009.
7. Wiśniewski, Tomasz, *Bożnice Białostoczczyzny Żydzi w Europie wschodniej do roku 1939*. – Białystok: Dom Wydawniczy Dawid, 1992.
8. *Żydzi na Suwalszczyźnie. Materiały źródłowe, zbiory WUOZ o. w Suwałkach* – rękopis.

RESUME

Jewish culture has deep roots in Poland. There are many Jewish cult monuments (synagogues) in Polish towns and cities. Many of them were destroyed during the Second World War and stay in bad condition. In the following article author analyses unrealized projects of synagogues adaptation in Podlasje region.

УДК 628(091):728.8(476.7)

Басов С.В., Гладыщук А.А., БрГТУ, Брест

РУРМУС – ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ БЕРЕСТЕЙСКОГО ЗАМКА XVI ВЕКА

Введение

В 2009 г. город Брест официально отметил 990-летие. Один из старейших городов Беларуси вправе гордиться многими событиями своей славной и героической истории, в том числе, связанных с гидротехникой.

2 ноября 2008 г. на заседании межведомственного координационного совета Брестского областного исполнительного комитета по охране материального и духовного наследия была представлена и обсуждена «Концепция сохранения, воссоздания и перспективного использования исторического наследия на территории Брестской крепости» [1]. Представленная концепция вызвала большой интерес, серьезную научную дискуссию и общественный резонанс, не утихающий до настоящего времени.

Необходимость подобной концепции, на наш взгляд, очевидна. Однако практическая ее реализация (после прохождения всех необходимых экспертиз, согласований и широкого общественного обсуждения) должна базироваться на научно-обоснованных выводах, масштабных археологических исследованиях с привлечением широкого круга специалистов – историков, краеведов, археологов, архитекторов, строителей, гидрологов и др.

Данное исследование проводилось в рамках выполнения поручений, предусмотренных пунктами 9 и 10 решения межведомственного координационного совета Брестского облисполкома по охране материального и духовного наследия «Аб мерах па захаванні гістарычнай спадчыны на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці (стары горад) і перспектывах аднаўлення, добраўпарадкавання яе аб'ектаў і іх далейшага выкарыстання» (Протокол № 3/21–КАС от 02.10.2008 г.).

Системы городского водоснабжения средневековых европейских городов

На сегодняшний день неизвестно, кто и когда построил первый водопровод в Берестье, а может, и во всей Беларуси, но то, что он в середине XVI столетия функционировал в Берестейском замке – это неоспоримый исторический факт. Доказательством тому служит «Описание старства Берестейскаго 1566 года» [2] – дошедший до нас подробный письменный источник XVI века. Именно здесь, в Реестре Берестейского замка дано описание водопроводной системы для принудительной подачи воды по деревянным трубам с Буга в замок: «Рурмусь, або млинъ, с которого вода рурами до замку идетъ, ободномъ колесе в одномъ валномъ великомъ, в которомъ суть помпи медяние, або спижние за штемплями железными и иными потребами к тому належачими, железомъ опревеними; тамъ жо ещо можетъ бити фалюшь, або ступа на толчене пороху; тотъ домъ з вежицою; у дверей замокъ нутрний, в немъ свердловъ великихъ до верченя руръ 2» [2, с.445].

Исторические факты свидетельствуют, что различные механизмы, приводимые в движение энергией воды, были широко и повсеместно распространены в Европе, начиная с VIII–IX в. и до первой половины XX в., в том числе и в относительно отсталых в техническом плане странах – Польше и Великом княжестве Литовском (ВКЛ). Так, только на территории, отошедшей к Австрии к концу XVIII века, после разделов Речи Посполитой, находилось более 5 тысяч водяных мельниц [4].

Наибольшее распространение (вплоть до изобретения в 1830 г. водяной турбины) получили системы, основным элементом которых было горизонтальное или вертикальное водяное колесо, конструкции которых были известны еще с античности [3].

Практически повсеместно были распространены два типа таких колес: подливные и верхнебойные. Подливные колеса были проще в изготовлении и эксплуатации. Они приводились в движение потоком (течением) воды и работали практически на любых реках. Вертикальные подливные колеса были существенно мощнее горизонтальных, а их коэффициент полезного действия (к.п.д.) составлял 20-30 %.

Верхнебойное водяное колесо приводилось в движение не столько за счет удара падающей сверху на его лопасти воды, сколько под действием на нее силы тяжести. Это позволяло эксплуатировать такие системы с к.п.д. до 50–70 %, при средней мощности 5–7 л.с. Конструкции, на основе таких колес, были существенно сложнее подливных, поскольку необходимо было не только соорудить запруды (плотины) для поднятия уровня воды, но и требовалось иметь возможность регулировать скорость падающей на колесо воды – при подаче слишком большого ее количества к.п.д. верхнебойных колес резко снижался [4].

Если в древности вращательное движение водяного колеса использовалось только в двух основных целях – для помола зерна в мукомольных мельницах и в качестве черпаковых подъемников воды (норий), то, начиная с XI столетия, его стали использовать, кроме этого, и как источник энергии для других видов работ: при изготовлении сукна, пеньки и бумаги, толчения и измельчения семян, коры, сахарного тростника, заточки и шлифовки металлических режущих инструментов, приводов кузнечных мехов, токарных, лесопильных и сверлильных (с XV в.) станков, станков для получения и резки металлических листов (XV в.), подъемников, насосов и вентиляторов для шахт (XVI в.). В XV в. были разработаны вертикальные и горизонтальные конструкции мощных водяных молотов.

К концу XVI и до начала XIX столетия в Европе энергия воды повсеместно использовалась более чем в 40 различных производствах, в том числе, для сверления дул пушек, перемешивания смесей руды и воды, размельчения сырья при изготовлении стекла, нюхательного табака, гончарной глины, цемента, известковой побелки, пороха и т.п.

Наличие водяных мельниц в средневековом Берестье также упомянуто в «Описании старства Берестейскаго 1566 года» [2, с.444]: «Будоване на острове межи Бугомъ за млинами.». Для расположенного в то время на реках крупного поселения, а тем более города, это было явлением обыденным, само собой разумеющимся. Возможно, по этой причине автор «Описания» не стал вдаваться в подробности и детали конструкций этих мельниц. Зато детально и обстоятельно описал рурмус. Это позволяет предположить, что водопроводная система подобной конструкции для

нашего города была достаточно уникальным и совершенным для своего времени инженерным сооружением. Косвенным подтверждением этому, на наш взгляд, является то, что обслуживавший его квалифицированный специалист – *рурмистр* получал вознаграждение «...водле листу е.кр.мл. (Его Королевской Милости) на тиден кождий по гр. 30, коли до замку вода идет» [2, с.445]. Не каждый средневековый мастер-ремесленник и даже, возможно, не всякий инженер-механик имел документ с королевской подписью и печатью. Любопытен и еще один исторический факт: в 1560 году в столице королевства Польского – Кракове рурмистр получал вознаграждение меньшее берестейского коллеги – 24 гроша [5, с. 141].

Водопроводы, а вместе с ними и профессия рурмистра, появилась во второй половине XIV в. во многих европейских городах (в том числе, сохранились документы, датируемые 1399 г., касающиеся водопровода в Кракове [6]). Рурмистр, получавший вознаграждение от города, следил за строительством и функционированием водопроводов и имел определенные обязательства, закрепленные контрактом.

Сами по себе городские водопроводные коммуникации были практически одинаковой конструкции во всех городах – трудно изобрести трубу особой системы [5, с.147; 10, с.46-53]. Благодаря археологическим исследованиям сегодня можно достаточно определенно судить о технологии и материалах, из которых они изготавливались в XVI в.

Как правило, для производства труб использовали высококачественные ошкуренные бревна из сосны, лиственницы или дуба, длиной 2 метра и наружным диаметром 25 см, в которых специальными «...сверлами великими до верченя рурь...», вероятнее всего, с двух противоположных торцов вручную сверлили отверстия диаметром 10 см. Иногда, для этой цели использовался сверлильный станок, который приводился в движение водяным колесом. Трубы соединялись друг с другом при помощи специальных железных накладок, которые для уплотнения конопатились пенькой либо мхом со смолой или воском [5, с. 147]. Если предположить, что длина замкового водопровода в Берестье достигала 100 м, то таких труб требовалось не менее 50 штук.

При необходимости ветвления водопровода нужные элементы изготавливали выдалбливанием отверстия одновременно в стволе и ветвях деревьев. Кроме того, для создания в коммуникациях определенного давления, воду распределяли по системе вкопанных в землю деревянных бочек, из которых каждая следующая по ходу течения воды была расположена несколько ниже предыдущей. Это также позволяло свободно разворачивать водопровод под любым требуемым углом. Расстояние между бочками составляло от 6 до 7 м. Бочки емкостью в несколько десятков ведер делались, по понятным причинам, закрывающимися. Непосредственно сами трубы укладывались в землю в нужном направлении на глубине примерно 1,2 м и утеплялись лесным мхом.

Сеть трубопроводов подавала воду в установленные в различных точках замковой территории или города резервуары, похожие на бочки, ящики или корыта, частично вкопанные в землю, из которых черпали воду. Чаще всего это были обычные деревянные ящики, оснащенные закрываемым боковым сливом в виде трубки. Напор и расход воды регулировался примитивными задвижками и клапанами. Для этого в трубе вырезали прямоугольное отверстие, в которое вставляли деревянную чурочку, выполняющую роль задвижки или клапана, отсекающего поток воды.

Технологию подачи воды в городскую водопроводную сеть под давлением с помощью рурмуса, наиболее вероятно, изобрели (или существенно модернизировали) средневековые немецкие инженеры, поскольку происхождение термина «рурмус», безусловно, имеет немецкие корни (*Rohr* – нем. труба водопроводная, водосточная; *müssen* – нем. должен, долженствовать; *мусыть* – старобел., полесское – должен). Также очевидно, что не только в Германии, но и в других странах Европы в XVI веке уже были инженеры, проектировавшие и строившие водопроводы с рурмусом [5, с. 143].

Известно, что водоподъемные машины со свободно подвешенными черпаками или ведрами, которые при вращении водоподъемного колеса зачерпывали воду и опорожнялись (опрокидывались) над лотком, соединенным с самотечным (гравитационным) водопроводом (акведуком) эксплуатировались в Европе и до XV в. Сохранились документы об этих сооружениях в городах Польши и ВКЛ: Кракове, Сандомире, Вильно, Вроцлаве, Люблине и др. [5–8].

В начале XV в. появились водопроводы с протоком воды под небольшим давлением. Поднятие воды из реки, прошедшей сквозь фильтр из терновой загороди, в вышерасположенный резервуар (водонапорную башню), обеспечивающий это давление, происходило рурмусом. Первые рурмусы также были оснащены деревянными черпаками, ковшами или ведрами для зачерпывания воды и приводились в действие при помощи водяного колеса.

В ряде письменных источников XV–XVI вв. есть различные определения термина «рурмус» – «...гидравлическая машина для поднятия воды, водопровод, помпа, резервуар для воды...рурмус воду подводит, толкает и льет...» [9]. Таким образом, наиболее вероятно, что в XVI в. под рурмусом понимали комплекс технических сооружений городского водоснабжения, состоящий из резервуара для воды, водоподъемного механизма, действовавшего по принципу помпы [5, с. 149], приводимого в движение ротационным водяным колесом, позволяющим качать воду из какого-нибудь природного источника.

Кто построил, где располагался, как выглядел и работал именно Берестейский рурмус? В его описании явно указано: «...ободномъ колесе в одномъ валномъ великомъ...», т.е. его водяное колесо было одним и располагалось на большом валу. Ясно также, что он был расположен рядом с Бугом и на некотором расстоянии от замка («...вода рурами до замку идетъ...»). Как показывают планы города 1657 года, таким подходящим местом мог являться северо-западный мыс Замкового острова, где Мухавец впадает в Буг. Именно отсюда был наикротчайший путь подачи воды с Буга к замку, который мог не превышать 100–150 м.

В сохранившихся в королевском архиве Кракова документах есть упоминание о Петре из Чехии (*Piotr Boemus*) – мастере, который за королевские средства в 1547 г. строил водопровод в Вильно – столице ВКЛ [5, с. 144]. В.К. Гришин в работе [9] предполагает, что виленский рурмус мог построить приехавший в Вильно в XVI в. инженер Ульрик Хозиус или его сын Ян Хозиус. На наш взгляд, достаточно высока вероятность того, что мастер, имевший «королевскую лицензию» и построивший рурмус в Вильно, сделал это же и в Берестье, расположенном как раз по дороге из столицы ВКЛ в столицу Королевства Польского.

Это предположение позволяет сделать определенные выводы и относительно возможной конструкции Берестейского рурмуса.

В 1983 г. проводились археологические исследования территории за пределами южной части городской оборонительной стены средневекового Вильнюса. В процессе работ были обнаружены остатки фундаментов стены XVI в., расположенной перпендикулярно городской оборонительной стене. На месте пересечения ее с оборонительным рвом, от стены на подпорную стену рва была переброшена арка предполагаемой шириной 2–2,5 м.

В 40 метрах южнее городских ворот Аушрос, на двухметровой глубине, были раскопаны остатки башни, сохранившейся на высоту 1,5 м. Эта башня, судя по контуру внешней стены, была овальной формы и имела размеры по внешнему контуру 15,5 x 11,5 м. Внутреннее пространство башни было примерно 11,5 x 7,5 м.

Авторы проведенных исследований предположили, что обнаружили остатки основного элемента системы городского водоснабжения – рурмуса. Водоподъемный механизм, вероятнее всего, располагался в самой башне, для чего и была сооружена платформа внутри нее. Башня стояла в искусственном водоеме, который с севера окружала насыпь с плотинами и шлюзами. Её изображение есть на плане виленских оборонительных УК-реплений Фридриха Гетканта 1648 г. Из шлюзов вода попадала в башню через найденное археологами отверстие в стене и приводила в движение верхнебойное водяное колесо. Вращение колеса, в свою очередь, позволяло работать механизму рурмуса, который при помощи помп закачивал воду в водонапорный резервуар, расположенный в этой же башне выше. Дальше вода по желобу в соединяющей стене, через ров и оборонительную стену поступала в водоприемник – возможно, вкопанный в землю резервуар, откуда по деревянным трубам, прямо под землей, поступала в город [9].

Ясно, что здание Берестейского рурмуса было деревянным, а не каменным как в Вильно. Если бы здание было «мурованым», то о нем в «Описании» (или других источниках) обязательно была бы дополнительная информация, а также его бы соответствующим образом обозначили на известных средневековых планах Берестья. На возможное наличие водонапорной емкости в Берестейском рурмусе, на наш взгляд, указывает фраза из текста «Описания»: «...*тоть домъ з вежицю...*». Однако могла ли небольшая башня обеспечить необходимый напор для подачи воды в замок? Ведь средневековые замки, как правило, возводили на естественных или искусственных возвышенностях. Берестейский также стоял на высоком Замковом острове, недалеко от места впадения Мухавца в Буг. Для того, чтобы подать воду в замок, необходимо было преодолеть значительный перепад высот. При помощи большой водонапорной емкости, как в Вильно, в Берестье эта проблема вряд ли могла быть решена.

На наш взгляд, емкость, обеспечивавшая необходимое давление в водопроводной системе Берестейского замка, находилась непосредственно в нем, т.е. за крепостной стеной, а вода

туда подавалась трубами от насоса (помпы) рурмуса, расположенного на берегу Буга. Весь механизм приводился в действие вращением простого по конструкции подливного водяного колеса большого размера, которое, само по себе, всегда ассоциируется с водяной мельницей – млыном: «...*Рурмусъ, або млинъ, с которого вода рурами до замку идетъ...*». Подобная система функционировала во многих соседних городах Польши, в частности, в Люблине [7]. Конечно, этот вариант, с точки зрения длительной обороноспособности замка, менее убедителен – в случае нападения колесо и сам рурмус, расположенные непосредственно на реке, легче вывести из строя и сразу прекратить подачу воды в замок.

Механизм Берестейского рурмуса был расположен не в башне (веже), как в Вильно, а в *доме*, т.е. прямоугольном или квадратном в плане здании. Вращением большого вала водяного колеса приводились в действие механизм насоса (помпы) и одновременно с ним молоты или ступы, предназначенные для таких трудоемких процессов, как сукновальное производство и измельчение пороха: «...*тамъ жо ещо можетъ бити фалюшь, або ступа на толчене пороху...*».

Что касается непосредственно конструкции самого водяного насоса – помпы, то она описана достаточно подробно: «...*помпи медяние, або спижние за штемплями железными и иными потребами к тому належачими, железомъ опревеними...*» – или, говоря современным языком, медные или бронзовые со всеми необходимыми железными принадлежностями.

Насос рурмуса, вероятнее всего, представлял собой два сообщающихся поршневых цилиндра, оборудованных клапанами, из которых поочередно вытеснялась вода. Он приводился в действие кулачковыми механизмами вала водяного колеса, которые по очереди нажимали на плечи рычага. Известно, что насосы такого типа широко использовались ещё в античные времена для тушения пожаров и отличались высоким качеством изготовления. Подобные насосы, приводимые в действие мускульной силой, вплоть до открытия электричества повсеместно использовались, как для тушения пожаров, так и во флоте для откачки воды из трюмов терпящих бедствие кораблей [3].

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Система водоснабжения Берестейского замка XVI в. соответствовала передовым европейским технологиям того времени и была уникальной в своем роде, т.к. являлась одной из древнейших, если не самой древней для городов ВКЛ, расположенных на территории современной Беларуси.

2. Возможной реконструкции Берестейского рурмуса в рамках Концепции сохранения, воссоздания и перспективного использования исторического наследия на территории Брестской крепости должны предшествовать масштабные археологические исследования, которые, без сомнения, принесут более определенные результаты, относительно место-расположения и типа конструкции системы водоснабжения средневекового Берестейского замка.

Литература

1. Гайдукович, М.М. Концепция сохранения, воссоздания и перспективного использования исторического наследия на территории Брестской крепости. Приложение 1. Протокол № 3/21–КАС координационного совета по охране материального и духовного наследия от 02.10.2008 г.
2. Описание староства Берестейского 1566 года // Документы Московского архива Министерства юстиции / Под. ред. М.Довнара-Запольского. – М., 1897. – Т. 1. – С. 205–448.
3. The Pneumatics of Hero of Alexandria from the original Greek translated for and edited by Bennet Woodcroft professor of machinery in University College. – London: Taylor Walton and maberly upper gower street and ivy lane paternoster row, 1851.
4. Рейнолдс, Т.С. Средневековые корни промышленной революции // В мире науки. Scientific American, 1984. – № 9.
5. Sowina, U. Budowniczość wodociągów w miastach polskich w XV-XVI wieku // Archaeologia Historica Polona, tom 7, 1998, Materiały z IV sesji naukowej Uniwersyteckiego Centrum Archeologii Średniowiecza i Nowożytności, ss.139–155.
6. Carter, F.W. Trade and urban development in Poland: an economic geography of Cracow, from its origins to 1795 / F.W. Carter. – Cambridge University Press, 1994.
7. Bartoszewski, S.A., Michałczyk, Z., Piszcz, J. Hydrological consequences of the water management in the Lublin area. Acta Univ. Olomuc. Fac. Rer. Nat. (2000), Geographica 36, P.19-25.
8. Encyklopedia Wrocławia. – Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2001.

9. Гришин, В.К. Вильнюсский Румус / В.К. Гришин // Археология и история Пскова и Псковской земли: краткие тезисы докл. научн.-практ. конф. – сб. 2.– Псков, 1988 год [электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://arheologi.livejournal.com/73708.html>. – Дата доступа: 01.03.2010.

10. Археалогія Беларусі: у 4 т. / Рэдкал.: В.М.Ляўко [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В.М.Ляўко [і інш.]. – 2001. – 597 с.

RESUME

The article presents results of comparison analysis of literary and archeological data together with still existing fragments of medieval urban water supply systems, on the basis of which the reconstruction of water supply system of Berestyie castle in XVI century was proposed.

УДК 94(100)(092)(043.2)

Вавренюк И.И., БрГУ, Брест

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БРЕСТА-НАД-БУГОМ (1921–1939 гг.)

Наш родной город за свою многолетнюю историю не раз менял своих хозяев. И каждый из них вносил свои коррективы в архитектуру города. Не является исключением и период с 1921 по 1939 год, когда Брест-Литовск стал центром Полесского воеводства под именем Брест-над-Бугом. Именно в этот период в городе прошли значительные политические, социально-экономические, культурные преобразования.

Развитие архитектуры Бреста-над-Бугом было обусловлено изменением политических и социально-экономических условий. После вхождения города в состав II Речи Посполитой сохранились тенденции строительства в общероссийском направлении, существовавшие в довоенный период. Объективной причиной этого явления была необходимость решения в первую очередь проблемы восстановления города, налаживания коммуникаций и инфраструктуры.

Польские власти, получив город по условиям Рижского мирного договора, первым делом приступили к его восстановлению и благоустройству. Была создана специальная комиссия по восстановлению города во главе с президентом города Т. Калунгом. Она занималась вопросами выделения кредитов населению на строительство или восстановление домов, разрушенных военными действиями и оккупацией. В 1928 г. польские власти создали комиссию по установлению границ города. Согласно плану, к городу относились территории, ограниченные улицами Граевской, Мещанской, Госпитальной, Набережной, двумя улицами Граевского предместья. После этого власти перешли к благоустройству города: упорядочили нумерацию домов и названия улиц; часть улиц заасфальтировали, уложили брусчатку; на всех улицах сделали водостоки; озеленили улицы, провели канализацию и центральное водоснабжение в центр города, построили электростанцию и др.

История значительного количества архитектурных объектов исторического центра Бреста уходит корнями именно в межвоенный период. Уникальность архитектурного наследия Бреста в сохранности различных архитектурных сооружений польского периода: частных и государственных, каменных и деревянных.

Визитной карточкой и Бреста-над-Бугом, и современного Бреста являются построенные в польский период здания: современного облисполкома (бывшее воеводское управление) и банка (Польский банк) по ул. Ленина, консульства РФ по ул. Пушкинской (дом воеводы), суда по ул. Будённого и др.

Дошли до наших дней и некоторые культурно-массовые постройки: кинотеатр Сарвера по ул. Свердлова, кинотеатр «1 Мая» (бывш. «Адрия») по ул. Советской, здание офицерского клуба-казино по ул. Леваневского.

Сохранился и ряд зданий учебных учреждений: по ул. Куйбышева – еврейская школа «Тахемойна», в которой учился знаменитый Менахем Бегин, средняя техническая школа и гимназия им Пилсудского по ул. Пушкинской, знаменитая женская гимназия «матежи школьной» на углу Дзержинского и Ленина (строилась на средства родителей гимназистов), бывшая повсехная школа Союза польских учителей (современное ПТУ №26) и др. К сожалению, снесена несколько лет назад по ул. Комсомольской двухэтажная деревянная частная гимназия Горской.

К числу сохранившихся медицинских зданий польского периода необходимо отнести: здание больницы скорой помощи по ул. Ленина, 15 (1935 г.), два деревянных корпуса больницы по ул. Кижеватова, 76, на углу ул. Советской и Пушкинской, по ул. Советской, 101, на углу Карбышева и Пушкинской (знаменитая аптека Сасского). Причём последние две аптеки сохранили своё назначение до наших дней.

Дошли до нас и некоторые культовые здания: католический храм по ул. Ломоносова, молитвенный дом на Граевке, лютеранская кирха по ул. К. Маркса, иудейские молитвенные дома.

Сохранилось множество торговых зданий польского периода по ул. Советской, а на углу улиц Советской и Пушкинской – знаменитое кафе Краневского (славилось югославской бузой - козьей простоквашей). Радует глаз и одно из не столь многочисленных промышленных зданий польского периода – государственный спиртовой завод (современный Брестский ликероводочный завод).

В период 1921–1939 гг. происходят изменения в планировочной структуре города, что выразилось в строительстве новых жилых колоний, составлении планов и внедрении новых градостроительных концепций. В 1924–1935 гг. в Бресте-над-Бугом было построено 3 жилых комплекса (колонии) «Тартак», Габриэля Нарutowича и «Новая дзельница»: одно- и двухэтажных домов для польских чиновников в районе улиц Леваневского, Крупской, Коммунистической, Энгельса, Героев обороны, Воровского. Дома строились по типовым проектам польскими архитекторами. При застройке ул. Левоневского использовались проекты знаменитого архитектора Лисецкого. Все здания колоний строились за государственные деньги. В оформлении жилых зданий многие архитекторы использовали художественную ковку: решётки, ограждения, декоративные элементы и др.

За средства мецената Вайнберга для еврейских малоимущих семей была построена деревянная колония им. Ф. Варбурга на Киевском предместье (2-й Минский переулок). Сейчас эти дома уже не первый год ждут, все более ветшая, своей участи.

Множество жилых построек сохранилось по улицам Советской, Гоголя, Карбышева, 17 сентября, пл. Свободы, К. Маркса, Куйбышева, Островского, Дзержинского, Леваневского, Советских пограничников, Мицкевича и др. Сохранившиеся дома жилых колоний составляют своеобразный ансамбль типовой секционной и особняковой застройки этого района.

В целом развитие застройки центра Бреста проходило в достаточно разнообразных формах, что обусловило её некоторую бессистемность.

В архитектуре Бреста этого периода были ярко выражены тенденции рационалистической направленности, что объяснялось влиянием западной художественной культуры. В 1920-е годы в архитектуре города преобладали элементы неоклассицизма, в основе которого лежали принципы симметрии, геометризма, уравновешенных объёмов, регулярности планировочных решений и традиционных декоративных форм. Образность и эмоциональность достигались за счёт выразительности и своеобразия пространственной композиции и оригинального декоративного насыщения.

Здания, возводимые в 1921–1939 гг., не имели общей архитектурной направленности. Несмотря на доминирование стилей неоклассицизма и модерна, а позднее конструктивизма, существовали и различные эклектичные течения. Сосуществование широкого спектра различных направлений значительно разнообразило средства художественной выразительности архитектуры города.

Однако существовал некоторый распад стилевого единства, что обуславливало существование различных эклектичных течений. В 1930-е годы проявления этих тенденций выливаются в абсолютное доминирование в архитектуре жилых и общественных зданий конструктивизма (функционализма), который оказал существенное влияние и на принципы организации городского пространства.

Необходимо отметить, что сохранившиеся элементы исторической застройки города Бреста 1921–1939 гг. являются памятниками градостроительства и архитектуры первой половины XX в. и в случае их реставрации могут быть использованы в туристической, краеведческой, педагогической, научной работе.

RESUME

In this article the author shows the importance of the period from 1921 to 1939 for the formation of city architecture. The author particularly emphasizes the contribution of the Polish authorities in the restoration and improvement of Brest-upon - Bug. At the same time, the author points out the social and economic orientation of city-building during this period. The advantage of this article is the analysis of the downtown, as well as the list of preserved buildings of this period. The work is written on the basis of research of different sources and archival documents.

УДК 712:796.5 (476.7)

Власюк Н.Н. (ст.), Брестреставацяпроект, Брест

НЕКРОФАЦИИ

Данная статья написана в рамках работы «Охрана и возможности культурно-туристского использования старинных кладбищ Западного Полесья». Автор ставит своей задачей оценить туристский потенциал брестских некрополей в контексте старинных кладбищ Западного Полесья. Разработать классификацию старинных кладбищ. Выявить возможности и ограничения использования мест захоронений для целей туризма. Выполнить критическое обобщение отечественного и зарубежного опыта ревитализации закрытых некрополей. Разработать предложения по методике ревалоризации старинных кладбищ. Апробировать разработанные рекомендации в экспериментальном проекте ревитализации Тришинского некрополя и проекте лапидариума еврейского кладбища по ул. Тихой в городе Бресте.

Проблема ревалоризации, ревитализации, консервации и даже охраны и сохранения старых захоронений свойственна не только Берестейщине, эта проблема характерна, пожалуй, каждому региону страны, особенно остро она ощущается в крупных городах. «С некоторых пор я стал чувствовать, что люди, которые жили раньше нас, никуда не делись. Они остались там же, где были, просто мы с ними существуем в разных временных измерениях. Мы ходим по одним и тем же улицам невидимые друг для друга. Мы проходим сквозь них, а за стеклянными фасадами новомодных строений мне видны очертания некогда стоявших здесь домов: классические фронтоны и наивные мезонины, чванливые ажурные ворота и полосатые шлагбаумы. Все, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда. Кладбища в мегаполисах обычно живут недолго: ровно столько, сколько нужно, чтобы заполнить могилами выделенную под погост территорию, да еще полсотни лет, пока не вымрут те, кто приходил сюда ухаживать за надгробиями. Через каких-нибудь сто-полтораста лет поверх костей нарастет слой земли, на ней раскинутся площади или встанут дома, а на окраинах расширившегося Города появятся новые некрополи» (Б. Акунин. Кладбищенские истории). Действительно, на глазах одного только поколения в нашем городе были утеряны следующие объекты: еврейское кладбище на его месте в начале 1970-х построен стадион «Локомотив», кладбище немецких военнопленных второй мировой войны, по ул. Герцена – частная застройка, кладбище немецких и российских солдат первой мировой войны – средняя школа № 33, захоронения еврейского гетто – жилая застройка, кладбища солдат вермахта – площадь Ленина, погост Свято-Симеоновского собора. Начавшееся с первой половины XX века, в «период массового отхода советского народа от церкви» осквернение могил, и несанкционированные «археологические раскопки» «черных» копателей продолжаются до сих пор. Кроме того, по-видимому уже не осталось ни одной погребальной камеры на закрытых кладбищах Бреста, где бы не побывали кладоискатели. На суд II Международной научно-практической конференции вынесена первая попытка обобщенной классификации всех объектов материальной культуры Прибужского региона, так или иначе связанных со смертью Человека.

ГЛОССАРИУМ:

Некрофация (греч. nekros – мертвый, phaytos – вместе, место, однородный участок) локализованный на местности участок захоронения действительного либо символического не зависимо от размеров и количества захороненных; погост, кладбище, колумбарий при крематории и т.п., братская или одиночная могила, не являющаяся частью кладбища. К некрофациям относятся отдельно стоящие кенотафы, места массового уничтожения или гибели людей, даже после эксгумации и переноса праха погибших, а также места гибели людей.

Условно некрофации можно разделить на четыре типа:

I. Кладбище – участок территории, специально предназначенный для погребения. Белорусские синонимы: могільнік, могілкі, клады. Региональные синонимы: магілкі, ма-гільнік, могілцы, жальнік, гробішча, дамавішча. Эпитеты (чтобы не произносить «страшное слово») – заімак, гай, гаёк, гуркі, капцы, канцы, курганы. Кирхут – еврейское кладбище. Некрополь, погост, грунтовый или курганный могильник.

Некрополь (греч. Nekropolis – город мертвых). Название обычно распространяют на особо большие или мемориальные кладбища (прим. Некрополь – колумбарий Брестской крепости).

Погост – прицерковное кладбище. Белорусские синонимы: прыкасцельныя могілкі, цвѣнтар, кіркоф (протест.).

Катакомбы – подземные кладбища, характерные для раннего христианства (I–X в.), представляющие сеть коридоров (обычно в горных выработках), с углублениями в стенах для захоронений.

Территории, на которых находились старые кладбища и захоронения, лапидариумы.

II. Автономное (самостоятельное) захоронение.

Автономное погребальное сооружение – колумбарий, родовая часовня – усыпальница, оссуариум. Церковь и костел, в данном рассмотрении, также являются погребальными сооружениями, поскольку в них как минимум хранятся частички мощей святых.

Братская могила.

Одиночная могила.

Одиночный курган.

III. **Кенотаф** – (греч. кенос – пустой, taphos – могила) символическая могила, памятник, поставленный не на месте погребения человека, например: если человек погиб на чужбине, или тело исчезло по каким-либо причинам. Наиболее распространены на Беларуси памятники землякам, погибшим на фронтах ВОВ.

IV. **Памятное место** – место гибели известных людей (место дуэли Лермонтова, Пушкина). Место казни, территория бывшего кладбища, концлагеря. В последние годы получили распространение кресты у дорог в память об автокатастрофах с человеческими жертвами, хотя корни этого обычая уходят глубоко в историю.

Группы кладбищ:

Автохтонные кладбища. Городское кладбище измеряется временными категориями, крестьянское кладбище – пространственными. При изучении городского кладбища исследуется каждое надгробие по определенным критериям. Традиционное белорусское (народное) кладбище с преобладанием памятников инцитного (наивного, примитивного) искусства оценивается в целом, как кладбище этнической группы, в обрядах и ритуалах которой заложен генетический код познания себя как личности. Исключение составляют лишь отдельные, «международные» надгробия.

Белорусский ученый профессор Михась Романюк, многие годы жизни отдавший изучению традиционных захоронений на всей территории Беларуси, выводит следующую типологию народных кладбищ: грунтовые могильники, курганы, кладбища и могилы самоубийц и некрещеных детей. К традиционным надгробиям относятся: полотна надмогильные, памятные деревья, мостки (кладкі), камни-валуны, крыжы-жалынікі, «каменные жорны», «прыклады» и «навалы», «нарубы», «хаткі, заграды, зрубы», крестовые деревянно-полотняные инстоляции и т.п., каменные кресты, ортодоксальные (канонические) деревянные и металлические кресты, металлический крест на природном камне. Надгробия, по которым при отсутствии инскрипции, возможно определить этническую принадлежность покойного.

Автономные (самостоятельные) кладбища. Это самая разнообразная и много-численная группа кладбищ, объединяющая в себе все кладбища, не вошедшие в первую.

В свою очередь автономные кладбища подразделяются на:

– коммунальные (общегородские) – кладбища, предназначенные для захоронений жителей одного или нескольких населенных пунктов, независимо от профессиональной или конфессиональной принадлежности. Но это не исключает наличие на кладбище автономных кладбищенских блоков;

– конфессиональные: христианские (православные, католические, протестанские и др.), нехристианские (иудаистские, магометанские, караимские и другие) и дохристианские (курганские и грунтовые могильники);

– фамильное (родовое) – хранят прах бывших владельцев поместий и их близких. Располагаются в парках, лесах или лугах, прилегающих к родовым поместьям;

– профессиональные – сплавщиков, мельников, шахтеров и др.; военные – связанные с конкретными военными действиями и конкретным боем. Свидетельства восстаний и войн прокатившихся через нашу страну, случается что бывшие враги похоронены рядом (примеры: кладбище солдат I мировой войны в д. Томашовка Брестского р-на похоронены 1346 солдат русской армии и армии кайзеровской Германии, погибших в боях 1915–1917 гг.; братские могилы в д. Миловиды, Барановичского района, на расстоянии 20 метров друг от друга похоронены повстанцы К.Калиновского и солдаты царской России, погибшие в Миловидской битве 22 мая 1863 года и др.). Закрытые для захоронений отличаются специфическим размещением могил с однотипными надгробными памятниками; Воинские (гарнизонные) – кладбища предназначенные для захоронений военнослужащих гарнизонов и членов их семей.

ТИПОНИМИКА НЕКРОФАЦИЙ

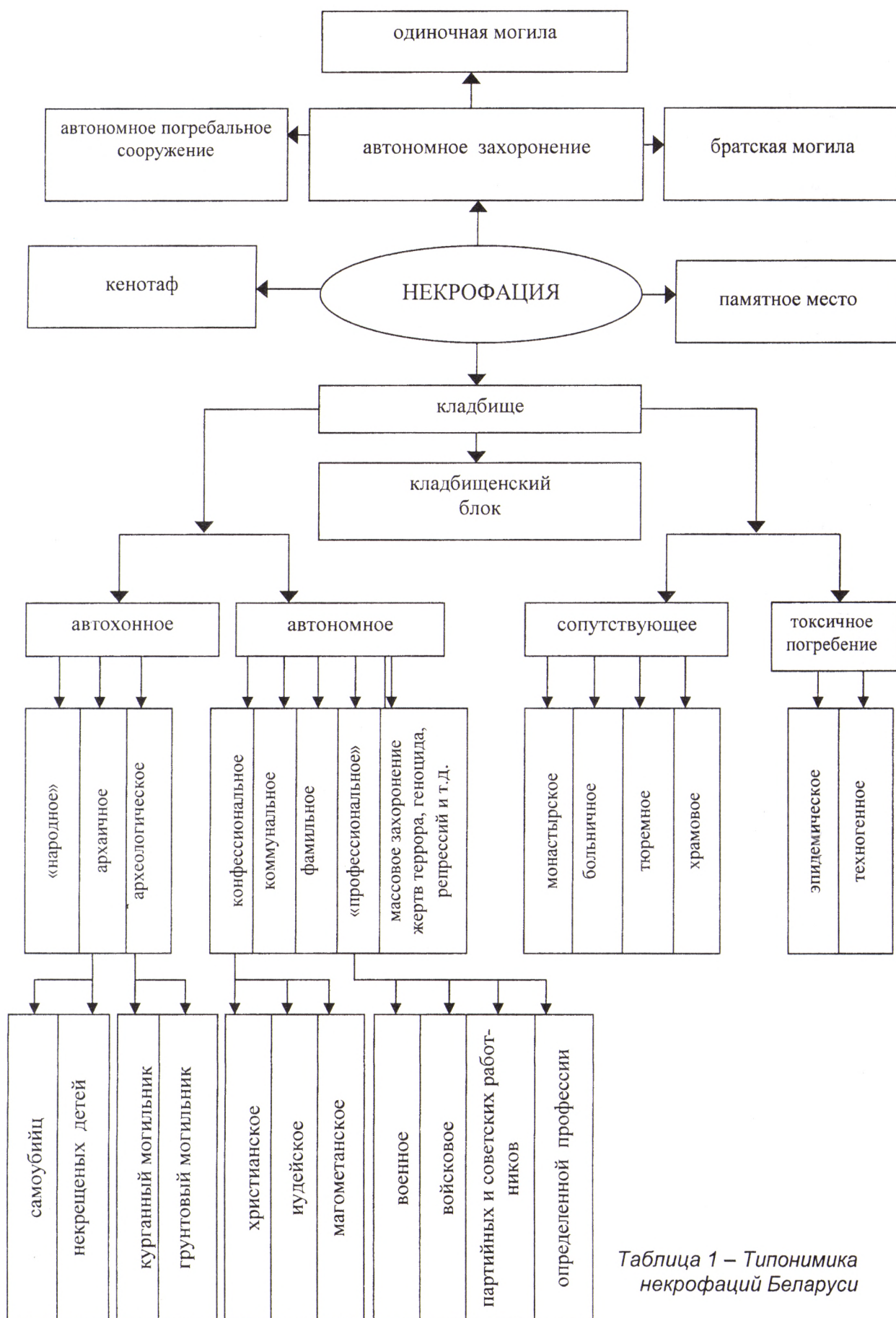


Таблица 1 – Типонимика некрофаций Беларуси

– эпидемические – кладбища, основанные в связи с эпидемиями (холера, сибирская язва, чума, тиф, оспа и др.), постигшими данную местность, и вызвавшими массовую смертность, техногенными катастрофами и авариями вызвавшими устойчивую токсичность трупов. Эпидемические кладбища располагались вдали от застройки на неплодородных почвах с низким уровнем грунтовых вод. Трупы либо сжигали, либо засыпали известью. Небольшие скромные кладбища с братскими могилами отмечались на местности особыми знаками (например: холерное – крест св.Роха). Сейчас от них остались лишь следы. Отдельные захоронения опасны даже по прошествии длительного срока;

– сопутствующие кладбища. Эта группа кладбищ объединяет кладбища, неразрывно связанные с каким-либо объектом. Захоронения в пределах монастыря, внутри культового сооружения, около храма, при больнице, тюрьме;

– кладбищенский блок – кладбище в кладбище. Часть кладбищенского квартала, квартал, несколько кварталов, предназначенные для захоронений представителей правящей элиты и знаменитостей, иной или определенной конфессии, профессии, родовые или детские кварталы, военные и т.п.

Рамки статьи, к сожалению, не позволяют выполнить более развернутую типологию некрофаций, дать характеристики обрядам погребения и классификацию надгробий.

RESUME

The following article is written within the limits of work "Protection and possibilities of cultural-tourist use of old cemeteries of the Western Polesye". The author puts the problem to estimate tourist potential of the Brest necropolises in a context of ancient cemeteries of the Western Polesye, to develop classification of ancient cemeteries, to reveal possibilities and restrictions of use of places of burial places for tourism. To execute critical generalization of domestic and foreign experience of revitalization of the closed necropolises. To develop offers by revalorization technique of the ancient cemeteries. The developed recommendations have been approved in a pilot project of revitalization of the Trishinsky necropolis, and the project of lapidarium of the Jewish cemetery on street Tichaya in the city of Brest.

УДК 726.71(476) (091)

Лаврецкий Г.А., БНТУ, Минск

ИССЛЕДОВАНИЕ 2009–2010 гг. КРЕПОСТЕЙ-ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Реставрационная практика – постоянный научно-исследовательский процесс. Поэтому, даже когда уже ведутся реставрационные работы, необходимо анализировать, искать объяснение выявленным элементам, их связь со всем объектом в целом. Это важно не только для коррекции проекта, но и для уточнения историко-архитектурных сведений. Так, при проведении комплексных научных исследований двух выдающихся памятников-ровесников – церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Мурованке и церкви святого Архангела Михаила в Сынковичах в процессе плановых расчисток были выявлены особенности, которые существенно могут изменить наше представление о своеобразной типологической линии развития белорусской архитектуры.

В XV в. в архитектуру Великого княжества Литовского приходят знаковые стилевые изменения. Многие из храмов приобретают вид укрепленного замка. Такое соединение стилевых и типологических признаков было широко распространено как в Византии, так и в Западной Европе. Подобный опыт имел множество примеров не только в сакральной архитектуре, но и в жилых, и в общественных зданиях. Можно сказать, что в понятии «храм-дом» появляется новая образная ветвь «храм-крепость». Однако, являясь характерным представителем стилевого направления, каждый из памятников обладает своим неповторимым архитектурно-художественным образом.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Мурованке давно привлекает к себе внимание исследователей, специалистов в разных областях, связанных с изучением христианских святынь. С 1870-х годов историки, археологи, краеведы, а теперь и богословы, вносят свою лепту в изучение этого необычного памятника. В 1980-х годах был разработан проект реставрации, который дал возможность храму сохранить в целом конструктивные и архитектурно-пластические элементы. В 2007 г. начался новый этап изучения памятника. Многочисленные

перестройки XVI, XVII, XIX вв. исказили и во многом скрыли первоначальные конструкции и пластические детали этого уникального памятника. Цель данного этапа - выявить основные архитектурно-планировочные и объёмно-композиционные особенности памятника с целью атрибуции, моделирования процесса его возведения, выявления закономерностей построения архитектурной формы. В процессе изучения использовались различные методы, которые можно отнести к двум взаимосвязанным типам, предопределяющим друг друга: камеральные и натурные исследования. Особенность исследований на современном этапе состоит в необходимости максимально полного изучения структуры храма, анализа его стратиграфии и разработки проекта реставрации с экспозицией ценных аутентичных элементов, а также поздних стилистических наслоений.

В богословском аспекте архитектура церквей-крепостей имеет определённую символику. Неотъемлемой частью этой символики стал образ Богородицы. В церкви в Мурованке, как и в православной архитектуре в целом, архитектурные формы связаны с гимнографическими эпитетами Матери Божьей и, в первую очередь, с «Акафистом». Михайловская церковь в Сынковичах, Благовещенская церковь в Супрасле, Свято-Духова церковь в Кодно и др. имеют образ крепости. Параллель Богоматерь-Крепость имеет также развитую тему в «Акафисте»: «Хранилище всех и ограждение, и оутверждение, и священное прибежище» (песнь 4); «Крепость и оутверждение человеков» (песнь 5): «Пристанище нам буди влаующымся, и отишие в пучине скорбей и соблазнов всех борителя» (песнь 6).

Внутренность фасадов церквей, их подчёркнутый крепостной характер также связаны с восприятием Богородицы как Матери-заступницы православных христиан. Увеличение высоты стены зримо позволило увеличить и площадь оконных проёмов. Акафистный эпитет Богородицы «Светоносная палата» (экзапостиларий), по-видимому, воплотился в том, что больше внимания теперь в храмах уделяется свету. Узкие оконные проёмы раннеправославного периода белорусских церквей теперь сменяются высокими окнами.

В научно-реставрационной практике главным принципом является полное документальное обоснование всех предлагаемых решений. «Где начинается гипотеза, там кончается реставрация», - гласит Венецианская Хартия. Однако наша методика предлагает качественно иной путь. Всестороннее изучение историко-архитектурных особенностей эпохи, знание литургических правил и результатов других прикладных исследований дают возможность прогнозировать и тем самым более точно проводить комплексные научные изыскания. А такой прогноз, в свою очередь, определяет программу натурных исследований памятника. Проводимые опыты графической реконструкции очерчивают круг вопросов и выводят исследователя на мотивированные поиски. Эта методика опробовала себя на первом этапе исследований церкви в Мурованке, проводившихся в 2007–2008 гг.

Анализируя хорошо известные, хотя и значительно отредактированные в 1980-х гг. графические данные, невольно приходишь к мысли о несоответствии существующего объёмно-планировочного решения памятника в Мурованке канонам проектирования православных храмов, особенно если сравнивать планы объектов, современных исследуемому храму. В первую очередь это касается связи алтарной зоны и кафоликона. На плане мы видим проход из главной апсиды в восточные башни (протезис и диаконникон), которые, в силу их высотного развития, могли быть непосредственно связаны с пространством храма. Подобная пространственная связь алтаря с храмом наблюдается в Свято-Борисоглебской церкви в Гродно. Речь идёт о необычном устройстве хор и боковых продольных галерей гинекеев (устройство, обход по периметру храма, где во время литургии находились женщины). Входы на галереи устраивались не из кафоликонов, а из папертей или нартексов. Для священников и диаконов были особые входы на галереи изнутри церквей. Хотя к XIII в. правило упразднилось, можно было бы предположить, что это некий «запоздалый» местный приём. Однако данный факт никак не увязывается с существованием ниш для нескольких ярусов перекрытий, явно свидетельствующих о лестницах. Отсутствие выхода на предполагаемый балкон вдоль стен кафоликона также опровергает такое предположение.

С целью выяснения истинной системы планировки был заложен зондаж кладки в северо-восточном углу кафоликона. Раскрытие кладки проводилось в несколько этапов. Необходимо было выявить наличие росписей и исследовать красочные слои. Выяснилось, что штукатурный слой толщиной 1,5–2 см имеет несколько слоев поздней масляной покраски. Дальнейшие работы по раскрытию закладки прохода из кафоликона в северо-восточную башню никаких следов прохода не выявили. Зондаж штукатурного слоя в нише (сопредельной с кафоликоном) северо-восточной башни выявил закладку первоначального прохода (XV в.?).

Расширение зондажа по северной и алтарной стенам позволило нам уточнить параметры первоначальных стен. Оказывается, по всему периметру кафоликона производилась закладка

толщиной в 1 кирпич (на ширину тычка) до нижнего уровня окон. По-видимому, именно тогда были разобраны винтовые лестницы в восточных башнях. Кирпичные лестницы во всех четырёх башнях могли быть возведены в начале XVI в. вместо деревянных (об этом можно судить из документов, в которых Шимко Мацкевич указан как строитель церкви). Они не имеют перевязки со стенами и не попадают в ритм бойниц, часто полностью их закрывая. Многие из бойниц по этой причине были заложены. В это же время, возможно, был устроен балкон для певчих и прорублено круглое окно (документальное подтверждение этой гипотезы предусмотрено программой натурных исследований на 2010 год).

Зондажи кладки на западном фасаде (в настоящее время - восточная стена притвора) проводились в 2 этапа. Особый интерес вызвало раскрытие закладки поребрика на западном фасаде. Предварительная расчистка кладки поребрика показала, что штукатурка и покраска этого декоративного элемента позднего происхождения. Первоначально поребрик представлял собой ленту из чередующихся в шахматном порядке пережжённых (чёрных) и окрашенных, вероятно, в белый цвет кирпичей. Необходимы химические исследования окрашенных кирпичей с целью подтверждения предположения об их первоначальной покраске в белый цвет.

Наличие узоров из пережжённых кирпичей по периметру храма и отсутствие цоколя на главном фасаде дало возможность предположить более активное использование узоров из чёрного кирпича на главном фасаде (по аналогии с белорусскими готическими храмами XV–XVI вв., например, церковь в Кодно, францисканский костёл в Вильнюсе и др.). В результате проведённых зондажей декоративных узоров не обнаружено. В кладке стены западного фасада существует ряд тычковой кладки из кирпичей, поставленных на ложок, который не позволяет осуществить подобную декоративную программу.

В углу, образованном северной стеной притвора и западной стеной храма, найдена закладка, низ которой находится на уровне ряда тычковой кладки. Разборка закладки обнаружила амбразуру, вероятно, бойницу, аналогичную бойницам в угловых башнях. Возможно, она была заложена при устройстве балкона. Отверстие, которое должно выходить в интерьер храма, заложено кладкой по периметру стены. Примечательно, что на правой стороне западной стены симметричной бойницы не обнаружено. Найденная аутентичная бойница ещё раз доказывает оборонительное назначение сооружения.

Большой интерес представляют итоги расчистки и разборки поздней перемычки главного портала. Обнаружен аутентичный портал, выложенный из профильного кирпича. Найдены образцы лекального кирпича, который использовался при кладке портала. Штукатурка значительно исказила характер профиля портала. На внутренних поверхностях кладки портала обнаружены кирпичи, сбитые через ряд (заподлицо с плоскостью стены портала).

Под штукатуркой найдена хаотичная смешанная закладка. Под ней обнаружена разрушенная аутентичная кладка. Таким образом, портал был растёсан и дважды менял перемычку. Первый раз - сразу после удаления решётки в начале XIX в., второй - в конце XIX в. в ходе капитального ремонта, значительно искажившего внешний вид храма. Необходимы дальнейшие исследования (разборка пола в границах портала) для определения профиля портала. Изучение характера кладки стрельчатой арки портала (по имеющимся графическим источникам стрельчатой арки не существовало) показало, что данная кладка первоначальная и имеет декоративный эффект за счёт чередования пережжённого кирпича с несколькими обычными. Отсутствие этой арки (а также амбразуры, выявленной в ходе производства зондажей) на графических источниках, возможно, обусловлено тем, что сами источники представляют скорее проект реконструкции фасада, чем фиксацию его истинного состояния.

В ходе раскрытия портала была найдена также скрытая более 100 лет от исследователей аутентичная шахта, построенная для функционирования герсы. Это позволило уточнить конструктивный продольный разрез храма, в частности, конструкцию западной стены. Устроенная для подъёма решётки шахта заканчивалась на уровне балкона. Далее отверстие в один кирпич упирается в кладку круглого окна. Однако наличие выступа над сводами (в чердачном пространстве) даёт возможность предположить, что канал, через который опускалась цепь, державшая решетку, проходит насквозь. Это предположение необходимо подтвердить в следующем сезоне.

Церковь святого архистратига Божия Михаила в Сынковичах – еще один уникальный памятник белорусской архитектуры, сохранившийся до наших дней. Как и любое сакральное произведение, сынковичский храм содержит немало загадок, раскрывать которые будет еще не одно поколение историков архитектуры. Церковь Михаила Архангела – это и показатель уровня мастерства зодчих XVI в., и безмолвный свидетель исторических перипетий, и истинный хранитель веры в тяжкую годину.

Когда и кем была построена Сынковичская церковь – неизвестно. Отсутствие письменных документов дало возможность многим относить сооружение храма к X–XI вв. На основании четырех башен некоторые предполагали, что это мечеть или языческое капище. В описании Сынковичской церкви 1746 г., составленном кобринским игуменом о. Андреем Бенецким, упоминается о существовании купола. В «Акте визитации» 1760 г., кроме сведений о выделении в правление королевы Боны (1518–1556 гг.) средств на возведение (?) постройки, упоминается и «купол с железным крестом» посреди крыши. По-видимому, он был демонтирован в конце XVIII в. Тем не менее, остатки этой конструкции сохранились до наших дней. Какая их дальнейшая судьба, и как повлияют они на окончательный проект? В описаниях церкви есть сведения о существовании граффити, датированных 1347 и 1352 г., где упоминается имя князя Ольгерда.

Многочисленные перекладки стен, «инсталляция» окон в существующие стены значительно исказили первоначальный облик древнего сооружения. Совершенно очевидно, что вся алтарная часть вместе с башнями – позднейшего происхождения (архитектурно-стилистические особенности, состояние конструкций, свидетельствующее о явно позднем появлении восточной части храма и др.). Зондажи в стене, разделяющей притвор от храма, выявили наличие сводов в притворе. Оказалось также, что выступы, на которые опираются своды храма, пристроены (почти без перемычки) к внутренним поверхностям стен сооружения. Интересно и то, что ряд машикулей на южной стене уходит за восточную стену.

На данном этапе исследований возникла гипотеза, что и церковь Архистратига Михаила в Сынковичах, и Рождества Богородицы в Мурованке в большей степени не храмы, приспособленные к обороне, а крепости, которые впоследствии были переоборудованы в храмы. Об этом, в частности, свидетельствует, во-первых, тот факт, что кладка апсид обеих церквей не имеет перемычки швов с кладкой стен храма. Во-вторых, уровень закладки фундамента апсид значительно выше фундамента стен всего здания. В-третьих, невозможность пользования машикулями при отражении нападения и неудобство перемещения по «холмам» довольно тонких сводов. Существование большого числа бойниц, конструкция, связанная с герсой (Мурованка), ещё раз это подтверждают. В этом отношении нам предстоит длительная кропотливая работа по изучению и непосредственно конструкций обеих крепостей-храмов, и историко-архитектурных аналогий.

Тем не менее, образный и функциональный языки архитектуры неразделимы. Синтезированное понимание храма как места защиты в духовной и реальной брани воплотилось в появлении на Беларуси уникальных святынь, ставших истинными символами самосознания, крепости и величия народа.

RESUME

This article is about outstanding architectural monuments of XV c. in Murovanka and Synkovichy. In Belarusian architectural history they are named "stronghold churches". They have elements of both fortress and gothic sacral architecture. Contemporary scientific research, made by the author have shown that the fortresses had been reconstructed as orthodox churches.

УДК 726.5

Никитчик А.Д., Никитчик Т.А., БрГТУ, Брест

СВЯТО-НИКОЛАЕВСКИЙ СОБОР ВЕЛИКОГО ГРАДА ВЕЛИКОГО БЕРЕСТЬЯ. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ И АРХИТЕКТУРУ

Храм этот до самого своего конца служил человеку Берестья, гражданину Бреста, священнику Великого Берестя, одновременно являясь его верховным духовным пастырем, он был задуман человеком, возведен, возвеличен человеком и разрушен руками человека. Интервал времени, исследуемый в этой публикации, составляет 245 лет, т.е. от привелея Витовта, даты первого упоминания в 1412 г. до «мирного шведского фестиваля» в городе, в мае 1657 г.

Церковь Св. Петра, поставленная Владимиром Васильковичем, не дожидая до правления польско-литовского короля Ягайло и в его Привелее 1390 г., не упоминается. Затем был другой Привелей, Великого князя ВКЛ Витовта от 1412 г. «Брестскому костелу Святого Креста...» в котором о церкви Св. Петра нет ни слова, но появляется упоминание церкви Святого Николая (Synagoga Ruthenicum Micula). Место церкви Св. Петра заняла церковь Святого Николая, первая церковь «литовской истории» города.

Святой Петр и Святитель Николай Чудотворец и град Берестье. Случай или закономерность? Что поможет ответить на вопрос: «Почему церковь древнего Берестья второй половины XIV в., ставшая на месте уничтоженной церкви Святого Петра, носила имя Святого Николая епископа Мир Ликийских Чудотворца?»

Первенство апостола Петра в проповедовании и научении веры, первенство в приобщении к вере берестейцев не могло не повлиять на Владимира Васильковича, человека глубоко верующего, за свою «ученость и книжность» прозванного «Философом». Василькович ставил церковь, Первую в городе и сопоставлял ее с Первым из апостолов. Евангелие от Матфея повествует: «Я говорю тебе: ты - Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф.16:18-19). Возможно, фразой, определившей устройство и расположение церкви, были буквально воспринятые слова: «На сем камне» [1]. Не есть ли это отождествление с возвышением «a gradu», на центральном острове, где была поставлена церковь? Возможно, это упоминание храма, построенного на доминанте территории замка, «mit einem auf einem Felsen gelegen Schloz, am Flusz Bug, in einer morastigen Gegend» (с одним замком на скале у Буга в болотистой местности) [2].

Принимая несколько дат, связанных с походами крестоносцев на Русь, в том числе и на берестейские земли, проследим вероятность существования церкви на центральном острове: 1361 г. – поход на Русь на Подлясье (Дойлиды) Генриха Кранцфельда, Х. Беллера и Альберта князя Саского [3, с. 109]. 1371 г. Эльнер 1-й раз вошел в русские земли [3, с. 195]. 1373 г. – Поход на Русь, Бельск, Каменец [3, с. 197]. 1375 г. - Дитрих де Эльнер 6 дней был в Русском крае, увел в Прусы 150 человек [3, с. 207]. 1376 г. Ян де Лорхе с Вигандом из Балдерсхейма предприняли осенью настоящий пиратский поход на «Русь и погань» на двух кораблях по 20 чел., спрятавшиеся выше по течению Буга, в другой реке и один дежурный челнок разведки, который был протянут полмили (около 3,5 верст = 4 км) посуху к замку Pristen (Bresse, Priske). В этом походе Брестский замок взять не удалось [3, с. 213]. Строки, обозначающие трагизм доведенных до крайней степени разорения людей Я. Длугош ставит под 1378 г: «... в отчаянии начали думать об оставлении отцовских берестейских поселений». Это событие Линденblatt в комментариях к «Хронике Виганда из Марбурга» относит к осени 1379 г. «...Затем Теодорик де Эльнер всю землю Бельскую опустошил, подступая со своим войском к замку Рускому-Бресту (Rusen-Brisek), опустошая на четыре мили вокруг и позвал командора из Остерроде и пилигримов и послал Яна де Левена вперед с 500 людьми, который села вокруг опустошил и пришел на осаду замка, жители которого не были предупреждены. Многие, однако, убегают к замку, некоторые из них убиты, другие пойманы в плен и до конца ограблены. Потом он с сотней людей двинулся вперед, другие же идут за ним как арьергард, и командор осадил замок в Бресте... То же сделал и в других землях и беспечно возвратился за реку Нарев с 400 пленными, со стадами и другим добром» [3, с. 233-235].

Вероятно, именно развязка этого события в 1378 (1379) г. послужила намерением оставить Берестейское поселение. С молитвой обратились к Николаю Чудотворцу. Если уж не поможет такой защитник как Святой Микола Чудотворец, тогда придется уходить из этих мест и селиться по землянкам в лесах, пущах и болотах. В этом была реальная возможность перенесения города в другое место.

Так, согласно сказанию из Четьи-Минеи, Св. Николай «многа великая и преславная чудеса сотвори на земли и на мори, в бедах сущим помогая, от тления восхищая и принося в дом, от уз и темниц избавляя, от мечного посечения заступая, и от смерти свободя, многим многая подаде исцеления: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немым глаголение. Многих в убожестве и нищете последних страдающих обогати, гладным пищу подаде, и всякому во всякой потребе готовый помощник, теплый заступник и скорый предстатель и защитник показася, и овым такожде призывающим его помогает и от бед избавляет. Весть великаго чудотворца сего - восток и запад и все концы земнии ведят чудотворения его» [4].

Переход власти к Витовту на землях бывшей Лодомерии внес элемент стабильности [5]. Свои города - Берестье, Каменец, Гродно, Бельск, Дрогичин, Сураж и другие - Витольд держал как «отчизные», пожалованные отцом, и отсюда совершал рейды на владения двоюродного брата Ягайло. Накануне дарения Бресту магдебургии, в 1389 г. Витовт, «снабдил замки Гродно и Брест, которые оставались под его правлением, сильными гарнизонами, бежал вместе со своей женой Анной, всеми боярами, рыцарями и всем двором к Янушу Мазовецкому, мужу се-

стры своей Анны или Дануты» [6]. Через год, на исходе зимы 1390 года, очередной войной для Берестя была его осада Королем «Краковским» Ягеллой. Личные отношения между братьями вошли в противоречие с интересами государственными, и Ягайло, наблюдая независимую от него политику литовского князя, вместе со своими дигнитариями принимает решение об ограничении власти Витовта. Начался поход на замки Витовта. Так об этом рассказывает Длугош. «Владислав король Польский, тревожась за судьбу своей отчизны Литвы... с началом Февраля, когда лучше зимовать, чем стоило вести войну, двинулся под Брест, Каменец Литовский и Гродно, которые князь Витольд в своей власти держал, и из которых частые делал набеги, и замок Брестский зажал» [7]. «Через 10 дней взят замок, но войско польское, в связи с отсутствием провианта, когда кони падали от голода и который нужно было постоянно испытывать в таком неурожайном и пустом крае, если бы нужно было идти дальше, вынуждено было возвратиться назад, на что король с неохотой согласился, так как знал, что даже без его разрешения войска оставили бы свои хоругви» [7].

Далее последовал знаменитый акт Брестской магдебургии, 1390 г. Наместником назначен приближенный короля – «рыцарь Хинч из Рогова (Росковиц)» (Chince z Roskowic) [7]. Таким образом, с помощью хроник Длугоша и Виганда установлены даты: 1343-1377, 1378(9), 1382, 1390 гг., в интервале которых возможно вести речь о строительстве первой церкви Св. Николая. Интервал 1390-1395 гг. – наиболее вероятное время «поставления» первой деревянной церкви «Старого обряда Микульской».



Опустив несколько периодов ее существования, подробнее остановимся на ее первом гравированном изображении из альбома «De rebus a Carolo Gustavo Sueciae Rege...», изданном в Нюрнберге в 1696 (7?) г. Христофом Ригелем, помещенном в альбоме Самуэля вольного барона де Пуффендорфа. Среди изображенных культовых строений трех брестских конфессий: римской, греко-католической и «мойжешовой», греко-римскую составляющую, кафедру-столицу Брестско-Владимирской епархии, представляет сооружение неповторимой индивидуальности Свято-Николаевский Собор.

Рисунок 1 – Церковь Микулинская – Собор Святого Николая. Дальберг. 11.05.1657 г.

Общая архитектоника здания характеризуется равновесием и спокойствием формы главного строительного объема, комплекс декоративных элементов радикально преобразует базилику, придает ей торжественность. Архитектура Собора представляет собой умелое сочетание элементов нескольких европейских стилей и качественное отличие от пяти других монастырских костелов. Вероятно, исходя из этих соображений, автор перестройки или восстановления Собора, зная и используя европейскую и местную традицию, для придания тривиальной, непримечательной и невыразительной романской базилике легкости, изящества, художественной индивидуальности применил декоративные элементы, в пропорциях имитирующие круглые башни небольшого диаметра, поставленные по четырем углам, создающие эффект «incastellatio», а их шпилевое завершение с многошаровой композицией делает его (Собор) аналогичным, замечательным образцам (польским, голландским, датским, шведским) ренессансной классики. «Основные геометрические фигуры и тела ренессансной архитектуры - квадрат, прямоугольник, куб и шар» [8] в нашем примере талантливо сочтены и гармонируют, создавая вертикальную динамику. Оценивая и сравнивая Брестский Собор с лучшими европейскими аналогами, отмечаем высокий художественный и профессиональный уровень архитектора, создавшего и сравнившего Собор с такими примерами европейской ренессансной архитектуры, как: бельгийские замки в гг. Румбеке, Зоненбеке и Бецеларе; элементы Будапештского «aula marmorea», мраморного подворья; каплица на Вавеле; голландского Хаарлемского Влесхала, с его ступенчатым щитом, подтверждает представление о городе, который всегда являлся аккумулятором и воплощением архитектурного такта, соразмерности, чувства меры, городом применения эффектных архитектурных ходов философии ренессанса в пульсе своего времени, что ярко свидетельствует о влиянии западноевропейских стилей, профессионализме и таланте градостроителей, гражданского (в то время магнатского) и культового (греко-католической и римской конфессий) строительства.

Диспропорция изображения объясняется применяемыми художественными приемами: преднамеренным уменьшением габаритов соседних построек; пренебрежением законом перспективы и смещением культовых зданий в плоскость, противоречащую всем известным картам и планам; увеличением зданий с целью обозначения самых крупных архитектурных и политических центров-доминант города. Другие частные постройки, в том числе и кирпичные, не получили достаточно яркого отражения на гравюре. В связи с этим можно сделать вывод: Э. Дальберг, изображая восточную половину центрального острова, мотивированно наделил эти здания искаженными, увеличенными размерами, тем самым он обозначил территорию, занимаемую этим монастырскими комплексами с символическим рисунком одного здания.

На гравюре изображены два типа зданий: деревянные и каменные. Деревянные здания, а их большинство, представлены в виде сруба, накрытого высокой двухскатной кровлей, и распознаются по стыку плоскости кровли с фронтоном или передним щитом, эти стыки - прямые линии. Примерами служат костелы: Августинский, Доминиканский, парафиальный костел, ратуша и т.д. К каменным зданиям относятся Св. Николаевский Собор, костел иезуитского коллегиума, обе синагоги и др. У всех каменных зданий, сложенных из кирпича, передние и задние фасадные фронтоны завершаются ступенчатообразно. Такое повсеместно применяемое завершение, в этот период времени, кроме ВКЛ, можно обнаружить во многих европейских странах: Дании, Норвегии, Германии, Голландии, Швеции, Польши, Литвы. Это была традиционная конструкция, заимствованная из европейской архитектуры. Зная размеры кирпича, несложно предположить толщину этих щитов (450, 600, 750 мм) и ритм кладки ступени.

Очередная значительная перестройка здания с максимальным использованием строительных массивов стен старой церкви была проведена в первой половине XVII в., преобразившая здание классической трехапсидной крестовокупольной конструкции в строгую базилику с минимальными архитектурными выразительными средствами, что явилось следствием целого ряда городских катастроф. Рационально предположить, что после пожаров 1613 и 1620 гг., взятия города казаками Хмельницкого в 1648 г., казацкой инкursions 1651 г. Собор был восстановлен в ходе комплекса мер по укреплению замка и города, согласно сеймовому постановлению 1554 г. Вероятно, в этот период здание было украшено внешними декоративными элементами. Это было «временем большой стройки» всего центрального острова и замка. Благодаря проведенным работам, отряды Урусова и Барятинского в 1655 г. город взять не смогли и, сняв осаду, отошли. Здание обновленного вида после событий этого периода, вероятно, и было зафиксировано группой Э. Дальберга.

На гравюре уровень конька Свято-Николаевского восьмишпилевого Собора находится выше всех рядом расположенных зданий: парафиального костела фары и костела иезуитского коллегиума. Это не вымысел гравера-художника. Возвышение, на котором стоит Собор оговорено в Привелее Витовта 1412 г. на церковь Святого Креста и Вознесения Пречистой Девы Марии, под которую отводится плац за «a gradu» (лат.) – возвышением, южнее Собора по ул. Ковальской. Здание возведено, вероятно, из кирпича местного изготовления габаритами $\frac{1}{2} : \frac{1}{4} : \frac{1}{8}$ локтя (300:150:75 мм соответственно).

Видимыми фасадами Собора являются: западный фасад, северный фасад и северный скат кровли. Западный фасад представляет собой кирпичную стену, завершающуюся ступенчатым щитом. Треугольное завершение стены главного фасада, или фронтона, ступенеобразными зубцами, одинакового, симметричного ритма поднимается над боковыми плоскостями кровли. Зубчатые завершения соблюдают и подчеркивают общий стиль сооружения.

На западном фасаде располагались центральные входные двери Собора, которые могли иметь прямоугольный или полуциркульный арочный вход, возможно, для придания единой стилиевой направленности был применен портал. Исходя из соображений представительности здания, можно предположить, что они были 2-польными и изготовлены, естественно, из твердых пород дерева: дуб, ясень, кипарис. Последняя порода не подвержена порче шашелем – короедом, была используется для особо ценных окладов, киотов, сеней, дверей и т.д. Выше дверей, располагались 2 ниши с верхним сжатым сводом, высотой окна северного бокового фасада. В нишах могли размещаться изображения святых, одним из которых мог быть Святитель Николай. Возможно, это были 2 окна, обрамленные узором или фризом. Выше карниза, на центральной оси симметрии фасада, в нижней трети фронтона обозначен элемент, который мог быть либо круглой нишей, либо звуковым окном, либо люкарной, как правило, с цветным

витражом. Центральный фасад фланкирован 2-мя цилиндрическими колоннами-башнями. Дальберг не отметил наличие ни ярусов, ни окон-бойниц, что позволяет предположить следующее: они не выполняли функций оборонного характера, из-за их малого диаметра, их назначение было чисто декоративным, придающим легкость, в общей массивной конструкции здания, подчеркивающим приближение архитектоники здания к ренессансной конструкции. Завершения колонн и сами колонны придают легкость, ажурность общему виду Собора. Каждая колонна завершается сопряжением особой формы с верхушкой, сквозь которую проходит вертикальная ось – шток, последовательно проходящий через 2 элемента шаровидной формы и различного диаметра, расположенных один над другим. Верхнюю точку главного фасада венчает точно такой же шток, который применен на завершениях колонн.

Восточный фасад идентичен западному фасаду. Оценить апсиду Свято-Николаевского Собора, примыкающую к восточному фасаду, не представляется возможным. Однако при увеличении гравюры стал заметен элемент, который является повторением башенных завершений, т.е. шток, проходящий последовательно через два шара разного диаметра. Этот элемент, возможно, является завершением апсиды, что естественно согласуется с общей концепцией храма. Высота апсидного шпиля находится на уровне конька здания.

Северный, обращенный к нам, и южный фасады, вероятно, идентичны. В каждом из них по четыре окна. Каждое окно с отношением высоты к ширине $\approx 3:1$. Расстояние от стрелы сжатого свода до карниза у Опалинского определяется величиной не менее 2-х локтей, т.е. 1,2 м, что отчасти позволяет качественно оценить габариты всего здания. Окна высокого расположения с учетом выполнения функции соляции внутреннего объема. Боковые фасады завершаются небольшим карнизом, который в свою очередь накрывается окапом или полостью кровли.

Применительно ко всему зданию «Краткая наука строительства» А. Опалинского дает соотношение высоты здания от фундамента до карниза к расстоянию от карниза до конька. Это соотношение у него принято 12:10. Исходя из того, что фундамент собора скрыт расположенными рядом постройками и фактически отсутствует уровень грунта, такое соотношение дает возможность оценить, как один из возможных вариантов, общую высоту здания. 6,6 м. – высота здания, 5,5 м. – высота двускатной кровли.

Двускатная или двухпольная, по всей видимости, черепичная кровля Собора выполнена по стропильной конструкции между 2-мя фронтонами, которые выполняют функцию ветровой защиты. На коньке кровли, на его середине поставлен барабан – нижний восьмерик. Через небольшое сопряжение, являющееся покрытием нижнего восьмерика, переходит в восьмерик меньших размеров, на котором находится конусообразный купол. Из купола восстановлен шток, проходящий через шар. Диаметр шара равен примерно половине диаметра купола. Верхняя точка шпиля Свято-Николаевского Собора являлась, согласно гравюре, самой высокой точкой центрального острова. Кроме представительских функций, вытекающих из его высоты, как бы парения над городом, такая высота штока таила в себе одну опасную характеристику: отсутствие элементов молниезащиты систематически подвергало доминирующие сооружения опасности поражения грозовыми разрядами.

Как ни повреждали его пожары и люди, Собор выстоял. Выстоял измененным в смутное время последующего периода, но был ликвидирован в относительно мирное время, став напоминанием человеку о его делах: «что твориши, человеце, в Бога веруя, Бога снося».

Значение этого сооружения для города XVII в. велико. Это была вершина, олицетворяющая Брест во многих качествах: в качестве городского кафедрального храма, в качестве образца духовного подвига его настоятелей, в качестве эталона духовного покровительства прихожан, в качестве архитектурного памятника европейского уровня, в качестве доминанты геодезической и ориентира, в качестве идеала с неумещающимся, со временем, интересом к нему и в главном своем значении первого храма с почти 600-летней историей в городе.

Литература

1. "Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из пролога" http://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Пётр).
2. Busching A.F. Erbesbeschreibung. Ost und West Preussen, Polen und Litauen, Galizien und Lodomerien. – Gamburg, 1788. – S. 284.
3. Kronika Wiganda z Marburga rycerza i brata zakonu niemieckiego. 1293-1394. – Poznan, 1842.
4. http://www.nikola-vqodnik.narod.ru/Raznoe_038.html.

5. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России: в 2 т. (1388-1550) / С.А. Бершадский – Петербург. 1882. – Т. 1 – Док. № 1. – С. 5.
6. Dlugosz, Jan. Dzieje Polskie. – Poznan, 1868. – Т. III, ks. IX. – S. 451.
7. Dlugosz, Jan. Dzieje Polskie. – Poznan, 1868. – Т. III, ks. IX. – S. 456.
8. Лазарев, В.Н. Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. – М., 1979. – С. 71.

RESUME

This work is about the chronology of events of Berestje of the end XIII - the beginnings of XV centuries and the precondition of building of the Saint-Nikolaj church on the central island is traced. The description of architecture of a building of the church represented on an engraving of E.Dalberga on May, 11th, 1657.

УДК 725.4.03(476)

Залеская Г.Л., БНТУ, Минск

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ БЕЛАРУСИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Государственное или, иначе, казённое, строительство объектов производственного назначения велось в рамках освоения присоединенных земель и обеспечения обороноспособности Северо-западного края. Возведение объектов оборонного значения и производств для обеспечения войск распространялось на всю территорию Беларуси и характеризовалось большим объемом строительных работ и капиталностью построек.

Специфика военного хозяйства выражалась в необходимости обеспечения в любой момент в больших количествах и в надлежащей сохранности продовольствия, обмундирования, лошадей, оружия, поэтому существовала расширенная номенклатура складских построек. Особое место среди складских построек военного ведомства занимали провиантские магазины и пороховые погреба.

Большинство складов возводилось в крепостях, однако и в ряде городов существовали провиантские и пороховые склады (Несвиж, Гомель, Рогачев, Борисов, Новогрудок). В первую очередь при строительстве Бобруйской крепости в 1810 г. возводились казармы, склады и пороховые погреба, необходимые для функционирования крепости. Оборонное значение Брест-Литовской крепости, сооружение которой велось с 1833 по 1842 гг., было выше Бобруйской, и её производственные постройки были более масштабными.

Пороховые погреба являлись особыми специализированными складами военного ведомства. Их взрывоопасность определяла обособленное расположение со рвом и оградой, заглубление сооружения или возведение особо прочной конструкции склада. Кроме того, было необходимо создать определенный режим влажности в помещении склада, что обеспечивалось системой естественной вытяжной вентиляции. На основании найденных проектов пороховых погребов конца XVIII – середины XIX в. выделены три разновидности этих сооружений: деревянный погреб; каменный склад с тамбуром; каменный склад с периметральным проходом.

К первой разновидности относились временные деревянные пороховые погреба, например, склады 1820 г. постройки в Несвиже [1] и 1832 г. постройки в Брест-Литовской крепости [2]. Сооружения имели небольшие размеры (15,33×7 м и 17,67×10,67 м), заглублялись на 2-3 м от уровня земли и засыпались поверх двускатной кровли слоем земли в 1,5 м.

Ко второй разновидности можно отнести капитальные кирпичные здания пороховых складов в Сенно, Несвиже, Гродно, Бобруйске и Брест-Литовске. Конструктивную основу этих сооружений составлял кирпичный цилиндрический свод с шириной арки до 1,25 м, покоящийся на толстых стенах и мощном фундаменте. Для безопасности эти склады окружались рвом и насыпным валом.

Пороховые склады третьей разновидности начали возводиться в середине XIX в. в Бобруйской и Брест-Литовской крепостях [3]. Это были кирпичные склады большого размера (50,5×13 м). Два входа располагались с торцевых сторон сооружений и связывались коридором, проходившим по всему периметру склада. Вентиляция осуществлялась с помощью системы возду-

ходов во внутренних и наружных стенах. Конструктивную основу этих складов составляли опиравшиеся на стены арки – широкая центральная над складом и две узкие над периметральным коридором.

Стиль классицизм, господствовавший ранее в архитектуре всех казённых построек, здесь уже сменился эклектикой. Торцевые фасады, как и прежде, отражали конструктивную основу здания с помощью центральной пологой арки с двумя небольшими окошками и двух боковых арок. Главным в архитектурном образе складов становился вытянутый боковой фасад, в котором чередовались спаренные лопатки с подрезами и вписанные в пологие арки небольшие спаренные окна с полукруглым завершением, выполненные с элементами русско-византийского направления эклектики.

Государственное строительство производственных объектов военного ведомства во второй половине XIX в. продолжалось на выделенных изолированных участках в пределах городских поселений (крепости в Бресте, Гродно, военные части в Слониме, Барановичах, Бобруйске, Гомеле, Минске). Однако основное строительство концентрировалось вокруг крепостей, где отдельные участки, примыкавшие к улицам, шоссе или железнодородным линиям, застраивались единичными комплексами заводов, складов.

Обширные территории занимали объекты воздухоплавательных частей. В число построек аэродрома, кроме эллингов и ангаров, входили специальные мастерские, прожекторная станция со складом бензина [4]. Отдельный участок в Гродненской крепости был выделен для автомобильного хозяйства, где предполагалось возведение гаражей, водонапорной башни и бензинохранилища в 1913 г. [5].

Для промышленных объектов, располагавшихся у железной дороги, было введено зонирование участка предприятия: первую полосу застройки вдоль путей железной дороги создавала производственно-складская зона – корпус основного производства и связанные с ним узкоколейными путями складские объекты разного назначения (сырья и готовой продукции). Проездом параллельно железнодородным путям отделялась территория жилых казарм и построек обслуживания рабочих [6].

Зерновые и провиантские склады в конце XIX в. выполнялись из кирпича и имели блочную планировочную структуру, при которой типовые блоки складов соединялись группами вспомогательных помещений, как в Бобруйской крепости, или коммуникационными узлами лестниц с подъемниками, как в Брест-Литовской крепости [7]. Уже в 1880-х гг. применялся строгий, сдержанный декор: на фасаде трёхэтажного склада в Брест-Литовской крепости тектоническую основу здания подчеркивали профилированные лопатки и ритм небольших оконных проемов.

Архитектура зданий провиантских складов постепенно упрощалась, отвечая лишь утилитарным требованиям. Так, в 1901 г. было утверждено строительство комплекса складов «сарая для сухарей, консерв, овса и сена» в форте Граф Берг Брест-Литовской крепости, где простые трехпролетные деревянные здания снабжались системой вентиляции в цокольной части и стенах [8].

Постепенно традиционные здания-склады в хозяйственном комплексе Брест-Литовской крепости превратились в инженерные сооружения. Так, в 1872 г. предполагалось построить хранилище для зерна по системе Артмана, схожее с принципом функционирования элеваторов. Согласно проекту «зернового и мучного магазина» 1891 г., в основе конструктивной системы использована деревянная арочная система военного инженера-полковника Фабрициуса [9].

Пороховые склады начала XX в. представляли собой крупные монолитные бетонные сооружения на бутовом фундаменте с вытяжной системой вентиляции (Гродненская и Брест-Литовская крепости). Постройки не только заглублялись, но и создавалась насыпь по своду сооружения. Схема плана соответствовала планировке пороховых погребов середины XIX в.: центральное помещение склада и узкий обходной коридор по периметру. В разрезе бетонный пороховой погреб на 8000 пудов пороха в Кобринском укреплении Брест-Литовской крепости представлял собой арочный полуциркульный свод, в боковых частях которого проходили узкие сводчатые проходы, а пороховой погреб в Гродненской крепости – три лучковых арки в толще бетона [10].

Среди промышленных объектов наиболее распространены были мастерские, которые устраивались в крепостях, на форштадте в Гродно, и обязательно при аэродромах. Одноэтажные здания, обычно прямоугольные в плане с продольными несущими стенами, представляли собой набор проходных помещений для различных производств: кузнечного, литейного, слесарного, столярного, малярного, швейного.

Военное ведомство занималось возведением предприятий пищевой промышленности, например, мукомольни и пекарни, сухарного завода в Минске, мельницы в интендантском городке Брест-Литовской крепости и казённого винного склада в Бресте, сухарного завода в Барановичах. Мельница в интендантском городке Брест-Литовской крепости размещалась в здании с Т-образной формой плана. Мельничное отделение имело два уровня, его объем с треугольным щипцом акцентировал ось симметрии, боковые одноэтажные крылья занимали вспомогательные помещения – склады, мастерская, котельная. Композиция фасада здания казённого винного склада основывалась на типовом проекте склада «для очистки и розлива вина» и соответствовала традиционному силуэтному построению винокуренных заводов: высокая центральная часть с большими окнами и вытянутые боковые пристройки.

Архитектурно-художественное оформление главных фасадов мельниц, сухарного завода, винного склада выполнялось в «кирпичном» стиле, что вообще характерно для предприятий пищевой отрасли, но не свойственно для всех остальных построек военного ведомства данного этапа.

В области производства строительных материалов казной осуществлялось внедрение самых современных технологий своего времени. Так, в 1868 г. при Брест-Литовской крепости начала действовать первая в Российской империи печь овальной формы системы Гофмана. Печь – основное технологическое оборудование – размещалась в кирпичном здании, имевшем два уровня. На первом уровне проходил периметральный проход между печью и глухими наружными стенами, второй уровень освещался большими полуциркульными окнами, здесь загружался уголь.

Использование в военных целях таких новинок, как азростаты, аэропланы и автомобили, требовало возведения совершенно новых типов зданий и инженерных сооружений и широкого применения самых современных конструкций. Так, конструктивная система лакировочного сарая состояла из решетчатых металлических арок стрельчатого очертания пролётом 16,5 м, здание обшивалось досками и имело азрационный фонарь [11]. Согласно найденным проектам, один ангар для двух аэропланов по проекту 1912 г. имел каркасную несущую систему и перекрывался металлическими фермами из уголков с пролетом 16 м и шагом 3,7 м, навесные стены крепились к металлическим опорам двутаврового сечения [12]. Конструкция ангара для одного аэроплана типа «Илья Муромец» Сикорского, выполненного по проекту Русско-балтийского завода в 1914 г., не была большепролетной, свободное пространство для аэроплана имело Т-образную форму в плане и образовывалось рядами стоек и фермами. В плане продольный пролёт конструкций составлял 14 м, поперечный – 8 м. Здание имело ворота раздвижной конструкции шириной 36 м.

В 1910 г. на участке воздухоплавательного батальона Брест-Литовской крепости появляется эллинг, проект которого создан обществом машиностроительного и чугунолитейного завода Акционерного общества К. Рудзкий и К° в Варшаве. Эллинг рамной металлической конструкции имел пролет 21 и высоту 27 м [13]. Решётчатые треугольные устои в продольном направлении и широкие (7,5 м) участки опирания рам обеспечивали устойчивость сооружения. Гигантский по своему масштабу, он доминировал на большом пространстве.

Эти объекты в большей степени были инженерными сооружениями с передовыми конструкциями, не имели каких-либо архитектурных деталей и по своему облику были исключительно утилитарны. Тем не менее, необычность и масштаб большого эллинга были отмечены изданием открытки с его видом.

В первой половине XIX в. архитектура государственных построек производственного назначения формировалась под централизованным управлением проектированием и строительством из столицы. Важной особенностью являлось повсеместное применение профессиональных проектов. В отличие от частных, казённые постройки располагались в городах на отдельных площадках, в том числе в крепостях, и на территориях вне населенных мест и имений. Преобладали складские объекты, предназначенные для обеспечения войск, также возводились ремонтные многопрофильные мастерские, кирпичные заводы. Казённые постройки отличались от частных значительно большими размерами и преимуществом капитальных строений, особенно это касалось складов, которые возводились из кирпича и имели сводчато-стенную или стенную конструктивную систему. Все государственные производственные постройки выполнялись с декоративной обработкой фасадов в «казённом стиле»: в 1800–1840 гг. использовались приёмы классицизма, с 1840-х гг. распространяются элементы русско-византийского направления эклектики.

Государственное строительство производственных построек военного ведомства конца XIX – начала XX в. характеризовалось возведением типологически новых объектов: эллингов, ангаров, гаражей, многоэтажных зерновых и других складов, что привело к усовершенствованию инженерных систем и необходимости применения каркасных конструкций, металлических ферм и рам, монолитных бетонных конструкций. Отход от декоративности здесь произошел достаточно быстро, в отличие от частного фабричного строительства. Во второй половине XIX в. декоративная обработка фасадов построек имела строгий, можно сказать, утилитарный характер [28-А].

Литература

1. План с фасадами и профилями деревянному земляному пороховому погребу на 2.500 пудов, выстроенному в м. Несвиже 1846 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 349. – Оп. 19. – Д. 4383.
2. Чертёж временным земляным пороховым погребам в окрестностях г. Брест-Литовска 1832 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 349. – Оп. 4. – Д. 163.
3. К отчёту за 1857 г. Чертёж произведённой работы по постройке в кавальере Волынского укрепления порохового погреба на 10 000 пудов пороху // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1944.
4. Генеральный план расположения построек при аэродроме 1913 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1886.
5. По крепости Гродно. Проект гаражей на 19 автомобилей, сарая для повозок и здания для служащих 1913 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 349. – Оп. 12. – Д. 1805.
6. Генеральные планы сухарного завода 1895–1898 гг. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 349. – Оп. 3. – Т.2. – Д. 3590, 3597, 3601.
7. К смете на постройку каменного трёхэтажного зернового магазина 1883 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1361.
8. Чертежи каменных и деревянных сараев и каменных магазинов 1902 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1571.
9. Проект завозного зернового и мучного магазина 1891 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1452.
10. Залесская, Г.Л. Земля «идеальная» и «утилитарная» / Г.Л. Залесская // Архитектура и строительство. – 2007. – № 8. – С. 70–71.
11. Проект зданий для крепостного воздухоплавательного отделения. Лакировочный сарай 1901 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1551. – Л. 2.
12. Проект постройки зданий для авиационного отряда 1912 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1856.
13. Проект эллинга 1910 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 13126. – Оп. 2. – Д. 1734. – Л. 14.

RESUME

The article describes the industrial buildings of military department and its architecture peculiarities (space, constructions, artistic style). Structures presented storehouses of provisions and gunpowder, hangars, slips, workshops, mills.

УДК 271.22(476.7)

Восович С.М., БрГТУ, Брест

БРЕСТСКАЯ БРАТСКАЯ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В начале 60-х гг. XIX в. в Беларуси активно создавались новые, а также восстанавливались ранее существовавшие братства. Не была исключением и Гродненская губерния. Здесь было также организовано несколько братств, в том числе и Брестское Свято-Николаевское (оно было восстановлено 10 декабря 1867 г.).

Свято-Николаевский православный церковно-общественный союз подчеркивал в своем уставе преимущество с братством, основанным в г. Бресте в 1591 г. Восстанавливаясь временно при Свято-Симеоновском городском соборе, указанная организация определила целью своей деятельности: «служение нуждам и пользам Православной церкви, содействие к украшению православных храмов, распространение и утверждение просвещения в народе и подержание принявших православие» [1, л. 7].

В 1870 г. братство активно занялось церковно-благоустроительной деятельностью. Оно ходатайствовало перед руководством епархии о снабжении церковной утварью и иконами следующих церквей Брестского уезда: Шпановичской, Страдечской, Теребуньской, Черненской и Луковской. В том же году братство впервые хлопотало о строительстве нового храма, так как ни собор, ни кладбищенская церковь не могли в полной мере удовлетворить «религиозные потребности» прихожан собора. Начиная с 1870 г., Свято-Николаевская братская организация направила все свои усилия на строительство собственного храма. Из-за недостатка средств было даже прекращено выделение денег на пособия школам и стипендий для учащихся. В 1871 г. архиепископ Литовский и Виленский Макарий обратился по просьбе братства к Святейшему Синоду с ходатайством о выделении денег на строительство нового каменного храма или о выдаче разрешения обложить все церкви епархии единовременным взносом. Однако центральное учреждение православного духовного ведомства не удовлетворило просьбу Свято-Николаевской братской организации. На помощь церковно-общественному объединению пришел Н.И. Лигорович. Он предложил в 1872 г. братству использовать в течение 10 лет (по 6 декабря 1883 г.) под церковь свой дом, находившийся на Дворянской улице. После соответствующего приспособления указанного здания храм был освящен 6 декабря 1873 г. В знак благодарности Свято-Николаевское объединение избрало Н.И. Лигоровича почетным членом и старостой братской церкви [2, л. 4 об.].

Для проведения богослужений во все праздничные и воскресные дни братству приходилось обращаться за помощью не только к причту собора, но и нередко к полковым священникам. Двухклировый соборный причт, имея у себя две церкви (соборную и кладбищенскую), зачастую не имел возможности совершать богослужения в братском храме.

Учитывая только 10-летний срок использования дома Н.И. Лигоровича под церковь, братство стало проводить работы по возведению собственного храма. Начало указанным мероприятиям положил начальник инженерного управления Брест-Литовской крепости Жуков. После его ходатайства в распоряжение братства была передана городская площадь между 42 и 49 кварталами, а Петербургское общество взаимного вспомоществования русских художников составило проект небольшой каменной церкви. Данный проект был утвержден императором Александром II 6 января 1877 г. Тогда же Александр II подарил братству просимый плац для строительства церкви, причтового дома и школы.

Испытывая финансовые трудности, общее братское собрание 9 мая 1879 г. решило построить только деревянное здание, в которое планировалось перенести храм из дома Н.И. Лигоровича. Братский дом был возведен подрядчиком Г. Трейманом к 1 января 1880 г. На его строительство было израсходовано 2600 руб. [2, л. 4 об.–5; 3, с. 205;].

Указанное здание было застраховано на сумму 3000 руб. в «Российском страховом от огня обществе, учрежденном 1827 года». Причем агент страхового общества Ланге отказался от 10 % вознаграждения, которое полагалось ему по уставу указанной страховой организации. Он пожертвовал эти деньги в пользу братства [4, с. 226].

С 13 февраля 1880 г. братский дом был отдан в аренду Брестской городской управе сроком на один год за 400 руб. В целом, первые четыре года этот дом сдавался в аренду сначала под казармы, а затем под церковь Тарутинского полка. Так братство рассчитывало собрать хотя бы немного средств для приспособления братского здания под церковь.

Свято-Николаевский религиозный союз также неоднократно обращался в своих ежегодных отчетах с воззванием к православным жителям империи об оказании ему материальной помощи. На один из таких призывов откликнулась жена полковника Регина, пожертвовавшая 500 руб.

К перестройке дома в деревянную церковь братство приступило с разрешения руководства Литовской епархии только в 1884 г. Для этого братство заготовило материалов на 2854 руб. 65 коп., выделило 50 руб. на приобретение холста, красок и кистей для написания икон. Всего на строительство храма было израсходовано 6931 руб. 11 коп. При этом значительная часть строительных работ была сделана в долг, который составил 4076 руб. 46 коп. [3, с. 206; 5, л. 90 об., 92]. Поэтому все усилия братского объединения в ближайшее время после строительства храма были направлены на погашение долга, который был полностью выплачен только в 1894 г.: например, в 1885 г. братство выделило для этих целей 894 руб. 55 коп., в 1886 г. – 150 руб., в 1887 г. – 561 руб. 52 коп., в 1888 г. – 303 руб. 38 коп., в 1889 г. – 313 руб. 85 коп., в 1890 г. – 235 руб. 18 коп. [3, с. 206]. Деньги возвращались из братских взносов, свечных и кружечных сумм, добровольных пожертвований.

Однако братская деревянная Свято-Николаевская церковь действовала недолго. Она сгорела во время городского пожара 4 мая 1895 г., уничтожившего половину города. Лишившись своего деревянного храма, братство не только стало проводить подготовительные работы по строительству каменной церкви (по инициативе и под руководством подполковника Егупова были составлены план и смета на сумму 66562 руб. 63 коп.), но и в очередной раз соорудило деревянный дом для временного ее размещения. Дом-церковь была построена из железнодорожных шпал в 1896 г. и обошлась братству в 3300 руб. Она была освящена 11 февраля 1897 г. Большую помощь в указанное время братству оказал мировой посредник Эльяшевич. Он пожертвовал Свято-Николаевскому объединению 1800 руб.

В июне 1900 г. Святейший Синод утвердил проект постройки в г. Бресте небольшой каменной братской церкви. Стоимость строительных работ составила 39258 руб. 30 коп., из которых 25000 руб. выделялись из средств Святейшего Синода (разрешение Святейшего Синода от 17 ноября 1900 г. за № 7997). Увидев небольшие размеры храма при разбивке места для кладки фундамента, члены Свято-Николаевского братства стали просить епископа Гродненского и Брестского Иоакима разрешить расширить церковь при условии, что братское объединение не будет подавать прошения о выделении дополнительного пособия для строительства. Превышая свои полномочия, епископ Гродненской епархии собрал у себя ряд лиц для решения вопроса о возможности расширения брестского храма. Присутствующие лица поддержали инициативу Свято-Николаевского братства, а случайно прибывший из г. Петербурга и присутствовавший на заседании архитектор Училищного совета при Святейшем Синоде Козлов дал указания по расширению размеров церкви, не изменяя при этом утвержденного плана. В итоге, епископ Иоаким благословил строительство храма стоимостью в 65000 руб. на 1100 человек. Вскоре был образован строительный комитет в составе следующих лиц: председателя совета братства священника Сергия Товарова; инженеров – А.А. Гарбузова, Олендского и Татаринова; священников – настоятеля Брестского собора протоиерея И. Григоровича и брестского благочинного Д. Лихачевского; окружного акцизного надзирателя А.И. Антонова (церковного старосты); начальника станции Брест С.М. Францова; контролера Е.А. Тылинского; К.К. Горелова (делопроизводителя и казначея братства) и бывшего городского головы Исаева. А.А. Гарбузову помогал в качестве десятника опытный техник, смотритель зданий Московско-Брестской железной дороги М.А. Березцеговский. Благодаря поддержке гродненского губернатора П.А. Столыпина братству был пожертвован городской думой дополнительный плац (прилегавшая к братскому участку часть Дворянской улицы) размером 720 квадратных сажень [3, с. 244, 262].

9 мая 1903 г. епископом Гродненским и Брестским Иоакимом была торжественно совершена закладка братского каменного храма. Подрядчиками-строителями являлись поляки Пропашко и Вендровский. Благодаря пожертвованиям, поступавшим со всей Российской империи, братский храм быстро возводился. Только после начала русско-японской войны размеры пожертвований резко уменьшились, а в годы революции 1905–1907 гг. строительство храма вообще временно приостановилось. Однако благодаря усилиям братчиков и благотворителей, Свято-Николаевский храм был все-таки закончен и торжественно освящен 6 декабря 1906 г. [3, с. 262–263]. На его строительство было израсходовано 72000 руб. [6, л. 8 об.].

Построен храм был в ретроспективно-русском стиле (московско-ярославское направление) с применением центрической 5-купольной композиции, символизирующей корабль. В композиционной структуре основного объема использованы приемы классицизма, также присутствуют кокошники, шатровая крыша [7].

Большую помощь в строительстве храма оказал протоиерей Николай Александрович Копьев из г. Москвы, пожертвовавший лично 1000 руб. и паникадило, стоимостью в 850 руб. На свои средства он устроил в братской церкви иконостас и приобрел всю церковную утварь. В знак благодарности общее собрание Свято-Николаевского братства 26 ноября 1906 г. постановило почтить протоиерея Н.А. Копьева устройством библиотеки-читальни, названной его именем. Для пополнения библиотеки братство должно было ежегодно отчислять по 150 руб. из собственных средств. Библиотека-читальня имени протоиерея Н.А. Копьева разместилась в деревянном здании, ранее временно приспособленном под церковь [3, с. 263].

В 1913 г. при братской Свято-Николаевской церкви был устроен придел во имя Св. апостола Иакова Алфеева. Он был освящен епископом Белостокским Владимиром 20 января того же года. Московский протоиерей Николай Копьев пожертвовал все необходимое для престола: например,

иконостас придела, жертвенник и престол, облачения на них, два Евангелия и св. крест на престол, сребропозолоченные сосуды, 5 парчовых облачений для священника и столько же для диакона, 10 подсвечников, запрестольную икону Воскресения Христова, выносные запрестольные крест и икону Божьей Матери [8].

8 июня 1914 г. был освящен второй придел в братском храме в честь Св. Великомученицы Варвары. Через сына Копьева – Николая Николаевича – братский храм г. Бреста получил из г. Москвы в дар икону Св. Великомученицы Варвары с частицей ее мощей.

Прихожанами братской Свято-Николаевской церкви являлись жители не только г. Бреста, но и ближайших деревень. Так, в 1906 г. среди прихожан данного храма было 1318 крестьян, 257 мещан, 135 лиц военного сословия и членов их семей, 119 статских лиц (служащих) и 12 лиц духовного сословия.

Построив храм, братство имело долг в размере 8870 руб. Поэтому в первые годы после строительства храма оно стремилось, прежде всего, выплатить долг. С этого времени перед братством на первый план выступили просветительские и благотворительные задачи.

Таким образом, на протяжении 1880–1906 гг. Брестское братство предприняло несколько попыток построить Свято-Николаевскую церковь. Только последняя из них увенчалась успехом. Был возведен каменный храм, являющийся украшением современного г. Бреста.

Литература

1. По прошениям разных лиц об освобождении их родственников из под стражи; об открытии библиотек и др. вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1016.
2. Отчет Брест-Литовского православного Николаевского братства о приходе и расходе денежных сумм с 9 мая 1878 по 9 мая 1879 г. Устав общества // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 1146.
3. Брестское св. Николаевское братство за последние сорок лет // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. – 1908. – № 9. – С. 203–206, № 10. – С. 224, № 11. – С. 243–244, № 12. – С. 262–263.
4. Отчет Брестского православного братства // Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 27. – С. 226–227.
5. Прошения мещан города Гродно: Дениса Лазаря об освобождении от взносов питейного сбора; итальянского подданного Феррони о разрешении открытия в городе цирка и переписке с учреждениями об утверждении уставов пожарных и других обществ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 17. – Д. 881.
6. Клировые ведомости церквей I округа Брестского повета за 1922 год // Государственный архив Брестской области. – Фонд 2059. – Оп. 4. – Д. 1 б.
7. Лещенок, К.Ю. Свято-Николаевский братский храм в истории Брестчины / К.Ю. Лещенок // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование: тезисы докладов II Международной научно-практической конференции, Брест, 29–30 апреля 2010 / БрГТУ. – Брест, 2010. – С. 21–22.
8. Гродненские епархиальные ведомости. – 1913. – № 8–9 (отдел официальный). – С. 87–88.

RESUME

The article is devoted to the history of the construction of Brest Fraternal St. Nicholas Church. Several attempts of the construction of the given temple are examined. The conclusion is made that only the last of them was crowned with success when a stone church, which is the adorning of modern Brest, was built.

Januszkiewicz A., WAPB, Białystok, Polska

DAWNE CERKWIE GARNIZONOWE WOJSK ROSYJSKICH NAD BUGIEM

Streszczenie:

Region nadbużański w obecnych granicach Polski to obszar pogranicza. Zarówno w przeszłości, jak i obecnie stanowi on miejsce współistnienia wielu narodów, religii i kultur. Pozostałością wielobarwnej historii tego obszaru są wzniesione tu budowle, w szczególności obiekty sakralne. Szczególnym świadkiem przemian historycznych tych ziem są świątynie wojskowe, zbudowane dla zaspokojenia potrzeb religijnych żołnierzy stacjonujących w garnizonach wojsk rosyjskich. Zaczęto je wznosić jako obiekty wolnostojące już pod koniec XIX w. Podlegały one ministerstwu wojny i były poza jurysdykcją biskupów diecezjalnych Cerkwi Prawosławnej. Z powodu częstych dyslokacji rosyjskich jednostek wojskowych świątynie te niejednokrotnie zmieniały wezwania, pod jakimi zostały konsekrowane.

Różne były koleje losu poszczególnych rosyjskich cerkwi garnizonowych. Ich dość znaczna część nie zachowała się do dziś. Część z nich stanowi pamięć o nie tak dawnych czasach historii tych ziem. Jaki los spotkał cerkwie wzniesione na terenach nadbużańskich? Jakim procesom przemian ulegały - konwersji, rekonwersji?

Niniejsza praca przedstawia wybrane aspekty związane z procesami adaptacji, przebudowy lub przetworzenia tych świątyń, zarówno na obiekty świeckie, jak i obiekty kultu religijnego innej niż pierwotnie konfesji.

Nieuregulowany, płynący swoim naturalnym korytem Bug na kilkusetkilometrowym odcinku wyznacza dziś granicę Polski z Białorusią i Ukrainą. Obszar, na którym króluje rzeka i jej liczne dopływy zamieszkują Polacy, Białorusini i Ukraińcy, a dawniej Żydzi, Rosjanie, Tatarzy, Cyganie. To od stuleci miejsce współistnienia wielu narodów, religii i kultur. Region nadbużański w obecnych granicach Polski to obszar pogranicza. Pozostałością jego wielobarwnej historii są wzniesione tu budowle, w szczególności obiekty sakralne: rzymskokatolickie (m.in. Włodawa, Kodeń, Janów Podlaski), prawosławne (m.in. Hrubieszów, Kodeń, Terespol), unickie i neounickie (m.in. Kostomłoty, Pratulin), wyznawców judaizmu (m.in. Włodawa) czy islamu (Lebiedziew, Studzianka).

Spośród świątyń prawosławnych regionu nadbużańskiego, szczególnym świadkiem przemian historycznych tych ziem są świątynie wojskowe, zbudowane na przełomie XIX/XXw. dla zaspokojenia potrzeb religijnych żołnierzy stacjonujących w garnizonach wojsk rosyjskich. Wzniesiono wówczas następujące wolnostojące świątynie wojskowe:

- w **Hrubieszowie** - cerkiew murowaną p.w. św. Mikołaja Cudotwórcy (1906 r.) 7. Olwipolskiego pułku ułanów.

- w **Chelmie** - cerkiew murowaną p.w. Św. Trójcy (1903 r.) 66. Butyrskiego pułku piechoty

- w **Chelmie** - cerkiew murowaną św. Aleksego metropolity moskiewskiego (1908 r.) 65. Moskiewskiego pułku piechoty

- w **Zamościu** - cerkiew murowaną p.w. Św. Trójcy (1908r.) 67. Tarutńskiego pułku

- we **Włodawie** - powstała w 1892 r. wolnostojąca świątynia wojskowa 17. brygady artyleryjskiej.

Po wschodniej stronie Bugu, dziś poza granicami Polski, wzniesiono:

- we **Włodzimierzu Wołyńskim** (Ukraina) - cerkiew murowaną p.w. Włodzimierskiej Ikony Matki Bożej (z 1910 r.)

- w **Kowlu** (Ukraina) - cerkiew p.w. Apostoła Fomy (z 1904 r.) 193. Kowelskiego pułku piechoty.

- w **Brześciu** (Białoruś) - cerkiew garnizonową - sobór Mikołajeuski.

Różne były koleje losu poszczególnych obiektów. Ich dość znaczna część nie zachowała się do dziś. Te, których mury przetrwały stanowią pamięć o nie tak dawnych czasach historii tych ziem. Jaki los spotkał cerkwie wojskowe wzniesione na terenach nadbużańskich? Jakim procesom przemian ulegały - konwersji, rekonwersji?

Celem niniejszej pracy jest przedstawienie wybranych aspektów związanych z procesami adaptacji, przebudowy lub przetworzenia tych świątyń, zarówno na obiekty świeckie, jak i obiekty kultu religijnego innej niż pierwotnie konfesji. Odbędzie się to na przykładzie czterech wybranych spośród ww obiektów, a mianowicie:

- cerkwi p.w. św. Mikołaja Cudotwórcy w **Hrubieszowie [rys.1]**, a obecnie Kościoła rzymskokatolickiego p.w. MB Nieustającej Pomocy

- cerkwi p.w. Przemienienia Pańskiego w **Zamościu [rys.2, 3 i 4]**, obecnie Kościoła rzymskokatolickiego p.w. św. Michała Archanioła

- cerkwi p.w. Św. Trójcy w **Chelmie [rys.5]**, obecnie rzymskokatolickiego Kościoła wojskowego p.w. św. Kazimierza

- cerkwi p.w. św. Aleksego metropolity moskiewskiego w **Chelmie [rys.6]**, obecnie nie istniejącej już.

Od połowy XIX w. granica rosyjsko-pruska zabezpieczana była szeregiem fortec, które wspomagać miały liczne garnizony wojsk carskich. Aby zapewnić dobrą mobilność stacjonującym jednostkom koszary budowano zazwyczaj na skraju miasta, przy trakcie komunikacyjnym, przy linii kolejowej. Wraz z zabudową koszarową powstawały również cerkwie garnizonowe. Do lat 90. XIX w. lokowane one były w namiocie lub sali jednego z budynków koszarowych. Początkowo, podobnie jak inne cerkwie zwane „domowymi” (mieszczące się w szpitalach, szkołach czy budynkach mieszkalnych) nie wyróżniały się specjalnie z otaczającej je zabudowy. O ich istnieniu informował krzyż na dachu lub ikona nad wejściem. Z czasem nad budynkiem mieszczącym cerkiew wznoszono kopułę z krzyżem. Na ziemiach nadbużańskich cerkwie takie istniały m.in. we Włodawie, pod Ostrowią Mazowiecką, w Siedlcach, a także we Włodzimierzu Wołyńskim (dzisiejsza Ukraina), w Brześciu i Kobryniu (dzisiejsza Białoruś).

Wolnostojące cerkwie wojskowe, wznoszone już od lat 90-tych XX w., wyróżniały się z otaczającej je zabudowy. Lokowane były najczęściej na skraju koszar lub w niedalekiej odległości od placu apelowego, zawsze jednak w miejscu dobrze widocznym od strony miasta.

W literaturze nielicznie są podejmowane próby stworzenia typologii murowanych cerkwi wojskowych wzniesionych dla wojsk Imperium Rosyjskiego na jego zachodnich rubieżach. Najbardziej przekonujący jest podział „zasadniczo na dwa wzory” - dla mniejszych i większych murowanych świątyń wojskowych [1, s.101-2]. Modelowym przykładem realizacji wg wzorca dla małych cerkwi pułkowych jest świątynia wojskowa na 300 osób wybudowana w Ostrołęce. Natomiast większe cerkwie budowane były na planie wydłużonym, od zachodu bryłę wieńczyła dzwonnica, zaś nad częścią ołtarzową wznosiła się kopuła otoczona mniejszymi kopułkami. Do tej grupy zaliczyć możemy m.in. świątynie wybudowane w różnych okresach m.in. w Łodzi, Suwałkach, Warszawie, Hrubieszowie [3, s.13].

Interesującą nas **hrubieszowską cerkiew** dodatkowo wyróżnia fakt, że wzniesiono ją wg typowego projektu cerkwi wojskowej inż. F. Wierzbickiego [2, s.13]. Zgodnie z carskim zarządzeniem z 1.XII.1901r., na zachodnich rubieżach Imperium Rosyjskiego cerkwie wojskowe budowano wg tego obowiązującego wzorca aż do wybuchu I wojny światowej [3, s.41]. Ów projekt realizował podstawowy postulat, by murowana świątynia pomieściła około 1000 żołnierzy, umożliwiając całemu oddziałowi wojska ustawionemu w szyku uczestnictwo w liturgii.

Cerkiew p.w. św. Mikołaja Cudotwórcy w **Hrubieszowie**, konsekrowaną w 1906 r., wzniesiono w latach 1903-1905 razem z koszarami dla żołnierzy stacjonującego w tym mieście rosyjskiego 7. Ołwipolskiego pułku ułanów. Jak już wspomniano, postawiono ją wg typowego projektu cerkwi wojskowych. Realizowała układ na planie wydłużonego prostokąta. Do obszernej nawy prowadził tej samej szerokości trójprzęsłowy narteks, nad którym wznosiła się dominująca nad całą sylwetą bryły wieża - dzwonnica. W przeciwieństwie do dość zwartej bryły korpusu nawowego i narteksu, prezbiterium było zróżnicowane tzn. każdemu pomieszczeniu o wydzielonej funkcji odpowiadała oddzielna bryła. Te narastająco zestawione bryły wieńczyła cebulasta kopuła na ośmiobocznym bębnie. Charakterystyczne jest, że podłużna oś symetrii prostokątnej nawy była dzielona w połowie długości osią poprzeczną, wyznaczoną przez wejścia w bocznych ścianach. Wnętrze nawy, z racji dużych rozmiarów w rzucie, było przestrzenne i dobrze oświetlone wysokimi półkoliście zakończonymi oknami. Wejścia akcentowały wyraziste portale. Boczne portale wieńczył charakterystyczny szczyt, jakie tworzyły trzy łuki nachodzące na siebie.[2]

Los okazał się łaskawy dla hrubieszowskiej świątyni - jej mury, częściowo odbudowane i przebudowane przetrwały do dnia dzisiejszego (rys. 1). Opuszczona w 1918 r. przez Rosjan cerkiew uległa konwersji i w latach międzywojennych funkcjonowała jako kościół garnizonowy żołnierzy 2. Pułku Strzelców Konnych. Podczas II wojny światowej, okupujące Hrubieszów wojska niemieckie zbeszcześciły świątynię użytkując ją jako stajnię i magazyny. Odzyskany w 1944 r. kościół służył celom religijnym zarówno żołnierzom, jak i ludności cywilnej przez kolejnych 9 lat, aż do dnia zamknięcia go przez władze komunistyczne. Obiekt został przekazany w użytkowanie wojsku m.in. na magazyn słomy i sienników i nieremontowany niszczał z biegiem lat, aż uległ całkowitej dewastacji (zniszczony strop, przeciekający dach porośnięty brzoźami, rozsadzane korzeniami mury, zwalone wieże, zniszczone i rozgrabione okna i drzwi). Władze państwowe kilkakrotnie zamierzały go zburzyć. Od 1969 r. wierni parafii rzymskokatolickiej w Hrubieszowie czynili starania o odzyskanie budynku, co udało się po 11 latach. Totalnie zniszczony obiekt wymagał kapitalnego remontu. Rekonsekracji odzyskanej świątyni dokonano 27 VI 1982 r. dekretem Biskupa Lubelskiego o utworzeniu w Hrubieszowie Parafii p.w. Matki Bożej Nieustającej Pomocy.[5] Świątynię odbudowano sukcesywnie: w latach 80-tych przebudowano dach, podwyższono środkową część sanktuarium i wzniesiono wieże. Elewacje zdobią zachowane gzymsy wokół bryły (kordonowy -mniej więcej na 1/3 wysokości i okapowy oparty na ceglany fryzie) oraz przęsła okienne wydzielone pilastrami, z symbolem krzyża na tych szerszych. W latach 90-tych wnętrze kościoła wzbogaciły witraże przedstawiające Dwunastu Apostołów autorstwa artystów z Kijowa oraz włoskie organy. W roku 2002 rekonstruowano główny ołtarz wg projektu prof. W. Zina. [5]

Do naszych czasów przetrwały również mury dawnej rosyjskiej cerkwi garnizonowej wzniesionej w leżącym nieco dalej na zachód od Bugu Zamościu. Dziś znajduje się tu kościół p.w. św. Michała Archanioła. **Cerkiew wojskową p.w. Przemienienia Pańskiego w Zamościu** wzniesiono w 1911 r. dla zaspokojenia potrzeb religijnych żołnierzy wojsk rosyjskich zajmujących pobliskie koszary [1, s.102,155]. Świątynia jest murowana, jednonawowa założona na planie wydłużonego prostokąta. Od

wschodu do nawy przylegało prezbiterium z dobudowaną absydą i dwiema zakrystiami, zwieńczone masywną cebulastą kopułą na ośmiobocznym bębnie. Podobnie jak w cerkwi z Hrubieszowa, podłużna oś symetrii prostokątnej nawy podzielona jest w połowie długości osią poprzeczną, wyznaczoną przez wejścia w bocznych elewacjach. Wejścia te, tak jak wejście główne, mają wysunięte na zewnątrz małe kruchty, co na planie obiektu tworzy czytelny rysunek krzyża.

W latach międzywojennych usunięto ze świątyni symbole prawosławia. Rozebrano wznoszącą się nad prezbiterium, jak pokazuje fotografia z 1914r. (rys. 2), ośmioboczną wieżę z cebulastą kopułą (zastępując ją sygnaturką) oraz usunięto dwie kopułki z nad kruchty. Ze ścian zniknęły wieńczące je ozdobne atyki.

Zachowała się do dziś wieża nad przedsionkiem (kwadratowa do wysokości kalenicy dachu nawy głównej, a wyżej ośmioboczna). Przetwały także charakterystyczne dla rosyjskich cerkwi garnizonowych dekoracje na ceglanych elewacjach (gzyms, fryz kopertowy, obramienia okien z łęków wspartych na gzymsie i półkolumnach) oraz portale drzwi wejściowych (rys. 3) Wnętrze konwersowanej na kościół świątyni pozbawiono ikonostasu, jego miejsce zajął pierwotnie ołtarz z obrazem „Chrystusa na tle Wawelu” namalowany przez miejscowego artystę Edwarda Kopcińskiego [6]. W latach 1985 - 1991 kościół rozbudowany wg projektu zamojskiego architekta J. Radzika. Dawne prezbiterium, absydy i zakrystie zastąpiono większym prezbiterium z transeptem, zwieńczonym zadaszeniem o współczesnej formie (rys.3,4.). Elewacje dobudowanej części próbują nawiązać elementami architektonicznymi do zachowanych elewacji dawnej cerkwi.

Kolejne cerkwie wojskowe powstały w Chełmie, które pod koniec XIX w. przeżywało swój intensywny rozwój. Szczególne znaczenie miało otwarcie granicy celnej z Rosją oraz budowa linii kolejowej w latach 1878-1890. W związku z planami utworzenia guberni chełmskiej, rząd carski tworzył nowy obraz Chełma, w którym kopuły wznoszonych licznie prawosławnych świątyni stanowiły dominujące akcenty w panoramie miasta. Na potrzeby przybyłego do Chełma blisko pięciotysięcznego rosyjskiego garnizonu wojskowego wybudowany został wzdłuż traktu lubelskiego duży kompleks koszarowy. Przy obecnej ul. Koszarowej powstała murowana **cerkiew garnizonowa p.w. Św. Trójcy** dla żołnierzy 66. Butyrskiego pułku piechoty. Drugą wzniesiono w latach 1901-08 na rogu Lubelskiej i Trubakowskiej dla żołnierzy 65. Moskiewskiego pułku piechoty. [1, s.24]

Cerkiew garnizonowa p.w. Św. Trójcy w Chełmie, przebudowana, poddana konwersji przetrwała do naszych czasów i służy wiernym rzymskokatolickiej parafii p.w. św. Kazimierza.

Pierwotnie przestrzenną nawę na planie wydłużonego prostokąta, przekrytą dachem dwuspadowym, poprzedzał narteks zwieńczony wysoką wieżą z cebulastym hełmem (rys.5). Do omawianych świątyni wojskowych zbliża ją sposób dekorowania elewacji wynikający z rodzaju użytego budulca (czerwona cegła), a także forma zachowanego do dziś portyku wejścia głównego.

W okresie międzywojennym opuszczony obiekt funkcjonował jako Kino "Strzelec", zarządzane przez 7 Pułk Piechoty Legionów [7]. W latach powojennych podobno wykorzystywany był jako magazyn. Dopiero w 1980 roku podjęto decyzję o przekazaniu budynku parafii rzymskokatolickiej. Przebudowana dawna cerkiew uległa konwersji na kościół św. Kazimierza.

Los nie był tak łaskawy dla drugiej chełmskiej świątyni wojskowej, która została zburzona w latach 30. XX w. z powodu złego stanu technicznego.

Najbardziej okazałą z omawianych **cerkiew garnizonową p.w. św. Aleksego metropolity moskiewskiego w Chełmie** (niektóre źródła podają: p.w. św. św. Aleksego i Piotra, metropolitów moskiewskich) wzniesiono żołnierzom 65. Moskiewskiego pułku piechoty. Ukończona w 1908 r. nawiązywała stylem do prawosławnych świątyni moskiewskich (rys.6). Różni ją od omawianych wcześniej obiektów przede wszystkim inna struktura bryły: trzyczęściowa o trzyprzęstowej niższej trapeznej [1, s.102]. Świątynię wzniesiono, prawdopodobnie wg proj. prof. arch. Gogina [1, s.132], na planie wydłużonego prostokąta. W tym przypadku jednak z prostokątnej nawy wyodrębniona została kwadratowa część przed ikonostasem, zwieńczona pięcioma cylindrycznymi latarniami o cebulastych hełmach. Od wschodu bryłę zamykały 3 półkoliste apsydy sanktuarium, od zachodu nad narteksem wznosiła się dzwonnica - wieża zwieńczona cebulastą kopułą. Uwagę zwraca dekoracja nieistniejącej cerkwi: rzędy kokoszników wieńczące ściany oraz fryz arkadowy.

Różne były koleje losu poszczególnych cerkwi wojskowych wzniesionych w regionie nadbużańskim. Niektóre z nich ulegały na przemian to adaptacji na obiekt świecki, to przetworzeniu na obiekt kultu religijnego innej niż pierwotnie konfesji. W wyniku tych procesów wszystkie zostały pozbawione symbolicznych dla prawosławia elementów: ikonostasu i cebulastych kopuł. Wiele świątyni, opuszczonych i dewastowanych nie przetrwało do dnia dzisiejszego, zostało zburzone. Niektóre z nich, przed zniknięciem z krajobrazu ziem nadbużańskich, uchroniła konwersja na świątynie rzymskokatolickie.

Literatura

- [1] Cynalewska- Kuczma, P., Architektura cerkiewna Królestwa polskiego narzędziem integracji z Imperium Rosyjskim. Poznań: UAM, 2004.
[2] Januszkiewicz, A. Cerkwie wojskowe w Królestwie Polskim. w: Zeszyt Naukowy PB, Architektura nr 21: Architektura Kultur lokalnych, tom II, pod red. J. Uścińowicza. Politechnika Białostocka. – Białystok, 2009.
[3] Klawing, W.W. Wojennyje chramy Rossii. Sankt Petersburg, 2002.
[4] Sokoł, K., Sosna A. Kopyły nad Wisłą. Prawosławne cerkwie w centralnej Polsce w l. 1815-1915 / K. Sokoł, A. Sosna. – Moskwa: MID „Synergia”, 2003.

Informacje ze stron internetowych

- [5] strona www parafii p.w. MB Nieustającej Pomocy w Hrubieszowie www.mbnp.rel.pl (informacje na podstawie Jadczyk S. , Hrubieszów i powiat hrubieszowski 1400 - 2000, Lublin 2000 oraz wspomnień ks. Prałata ptk Andrzej Puzon).
[6] strona www parafii p.w. Michała Archaniola w Zamościu www.zamosc.michal.parafia.info.pl.
[7] strona www.itchelm.pl.

Fotografie

- Rys.1. Kościół w Hrubieszowie (dawna cerkiew prawosławna wojskowa. p.w. św. Mikołaja Cudotwórcy). Rys. 2008. A. Januszkiewicz.
Rys.2. Cerkiew prawosławna wojskowa p.w. Przemienienia Pańskiego w Zamościu. Rys.1914. Pocztówka ze zbiorów A. Sosny.
Rys.3. Kościół w Zamościu (dawna cerkiew prawosławna wojskowa p.w. Przemienienia Pańskiego). Rys. 2009. A. Januszkiewicz.
Rys.4. Kościół w Zamościu (dawna cerkiew prawosławna wojskowa p.w. Przemienienia Pańskiego). Rys. www.zamosc.michal.parafia.info.pl
Rys.5. Cerkiew prawosławna wojskowa p.w. św. Trójcy w Chełmie.
Rys. 1916. Pocztówka ze zbiorów A. Sosny.
Rys.6. Cerkiew prawosławna wojskowa p.w. św. Aleksego metropolity moskiewskiego w Chełmie. Rys. 1916. Pocztówka ze zbiorów A. Sosny.

RESUME

The article is about Russian Orthodox building for the Russian army in XIX-XX centuries. The author analyses planning structure, design and constructive aspects of Russian cult monuments of Pri-buzhje region.

УДК 711.55(476.7-21)

Купрейчик Л. В., БНТУ, Минск

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА БРЕСТА

Промышленная инфраструктура поселения представляет собой совокупность всех его производственных территорий, складывающихся исторически. Причем существует высокая степень инертности этой инфраструктуры, ее удивительное постоянство при относительно высокой степени подвижности составляющих структуры – предприятий, районов, зон. Такая особенность промышленной инфраструктуры обусловила необходимость изучения вопросов ее исторического формирования в городах республики, что становится востребованным в условиях происходящей сегодня масштабной корректировки генеральных планов населенных мест.

Одним из промышленных центров Беларуси является Брест, историю формирования промышленной инфраструктуры которого можно разделить на 5 этапов:

I этап (конец XVIII в. – 1860-е гг.) – начальный этап формирования промышленной инфраструктуры. На момент включения Бреста в состав Российской империи (1795 г.) город размещался среди промышленно развитых районов (Прибалтийского, Петербургского), однако, несмотря на это, Брест в XVIII в. являлся отсталой периферией по отношению к ним, здесь развивались преимущественно ремесленные промыслы. Существовавшие мелкие производственные объекты размещались как в центральной части поселения, например, типография, соляной склад и воскобойня, так и за его пределами – на северо-западной окраине был построен склад. Возле замка были возведены винокурня и кузница. Размещение производственных объектов на центральной площади поселения и вблизи замка свидетельствует о важном значении данных объектов в жизни города [1, 2].

Использование энергии воды в производственных процессах обусловило размещение объектов промышленной инфраструктуры вдоль рек. Например, на реках Буг и Мухавец, работали мельница-водокачка и водяные мельницы [1].

Крупным объектом производства в Брестской экономике стала суконная мануфактура, основанная в 1770-е гг. подскарбием надворным Тизенгаузом в районе деревни Катинбург [3].

Большинство же строящихся в конце XVIII в. производственных объектов были небольшими. Так, в 1779 г. в городе действовали суконная фабрика, винокуренный завод, количество работающих на каждом не превышало 10 человек [1].

Следующий этап развития промышленности Бреста был связан со строительством на территории старого города в 1830-е гг. – военной крепости и, как следствие, переносом поселения на новое место. Эти события инициировали развитие предприятий по производству строительных материалов. Одной из первых была кирпичная мануфактура купцов Либерманов, основанная в 1839 г. в районе деревни Гершоны [3]. Предприятия по производству строительных материалов размещались как в пригороде, так и в самом городе, например, в середине XIX в. в Бресте был построен кирпичный завод [4].

Естественному развитию города и его промышленности препятствовала находившаяся рядом крепость. В 1834 г. военным ведомством был разработан документ «Правила застройки», по которому запрещалось строить высокие дымовые трубы, чтобы не закрывать обзор. [3] Однако, несмотря на все ограничения, наложенные военными на застройку города, промышленность постепенно развивалась, и в конце 1850-х гг. в Бресте действовали 4 табачные фабрики, 2 мыловарни, водочный завод, 5 пивоварен, 7 заводов по производству свечей [5].

Таким образом, промышленность Бреста в 1860-е гг. была представлена ремесленными мастерскими и мелкими мануфактурами. Производственные объекты произвольно включались в планировочную структуру города, формируя хаотично расположенные производственные территории, как в черте поселения, так и за его пределами, преимущественно в частновладельческих имениях.

II этап (1860-е гг. – 1917 г.) – развитие промышленной инфраструктуры в рамках капиталистического способа производства. Дальнейшему развитию города содействовало строительство железных дорог, оказавших влияние не только на динамику развития города, но и на появление новой отрасли промышленности – машиностроения. Так, в 1872 г. были построены депо и мастерские по обслуживанию магистрали Москва – Брест [5].

Развивались предприятия по производству продуктов питания, которые были представлены мелкими заводами с числом работающих от 1 (уксусный завод) до 15 работников (пивоваренный завод). В отдельную отрасль было выделено производство папиросных гильз, занимавшее первенство по количеству работающих. Так, по состоянию на 1987 г., на 6 гильзовых фабриках работало 474 человека. Таким образом, в 1989 г. в Бресте работали 8 фабрик, ориентированных на производство табачной продукции, 41 завод, выпускавший продукты питания и товары народного потребления, и множество мелких мастерских [5].

В конце XIX в. на некоторых производственных объектах стали использовать бензиновые двигатели, что способствовало постепенному переходу мануфактурного производства в фабричное и заводское. Так, например, появились гильзовые фабрики «Империял» и «Сюрприз» [5].

На размещение фабрик и заводов в городе большое влияние оказало использование в производственных процессах механизмов, приводимых в действие при помощи конного (гильзовая мануфактура 1879 - 1895 гг.), парового (депо 1895–1913 гг.), газово-бензинового (гильзовая фабрика «Сюрприз» 1908–1913 гг.) и газового двигателя (чугунолитейный завод), которые позволили включать предприятия в планировочную структуру Бреста без увязки с водной системой [6] Использование новых механизмов способствовало размещению предприятий на главных улицах города. Так, на основных транспортных артериях Бреста в конце XIX в. начале XX в. работали пекарни, красильни, типография, механические и металлообрабатывающие мастерские, табачные и колбасные фабрики, маслобойный и свечной заводы [3, 4].

В рамках возведения производственных построек военного ведомства в Бресте в начале XX в. приступили к строительству пороховых погребов, взрывоопасность которых определила их обособленное и удаленное от города расположение с западной, восточной и южной стороны.



Таким образом, промышленная инфраструктура Бреста в период с 1860-х гг. – 1917 г. формировалась одновременно ремесленными мастерскими, мануфактурными и фабрично-заводскими постройками, которые размещались в планировочной структуре города без предварительного плана, вокруг жилой застройки, как в поселении, так и за его пределами. Производственные объекты военного ведомства строились преимущественно на окраине города (артиллерийские склады, пороховые погреба) (рис. 1).

Рисунок 1 – Расположение промышленных предприятий в городе Бресте (1860-е гг. - 1917 г.)

III этап (1917 г. – 1940-е гг.) – закладывание базиса социалистической индустрии. Дальнейшее развитие промышленной инфраструктуры Бреста было нарушено Первой мировой (1914 – 1918 гг.) и советско-польской войнами, в период которых было разрушено большинство производственных объектов. Начало мирному времени было положено в 1921 г. подписанием Рижского договора, по которому Западная Беларусь вошла в состав Польши. Рассматривая земли Беларуси как приграничные, спорные, правительство Польши не было заинтересовано в развитии промышленности края, что привело к прекращению строительства и даже к сокращению существующих предприятий. Так, уменьшилось число кожевенных и льнообрабатывающих предприятий, было закрыто большинство табачных и спичечных фабрик [1, 3].

В начале XX в. промышленность Бреста была представлена небольшими заводами и ремесленными предприятиями, ориентированными на производство продуктов питания и товаров народного потребления. В 1920-е гг. в городе было 3 мыловарни, швейная фабрика, 15 хлебопекарен, 7 мельниц, фабрика газированных вод, пивоваренный завод «Корона» крупнейший на Полесье [3].

Существовавшие небольшие производственные объекты размещались хаотично в планировочной структуре города. Так, среди жилой застройки были расположены колбасные фабрики, винный склад и другие производственные объекты, которые размещались как в специально отведенных даниях, так и вместе с жилыми помещениями. Например, частная типография Тененбаума Меера действовала в одном из помещений 2-этажного жилого кирпичного дома [4, 7, 8].

В целях упорядочения строительства Бреста в 1929 г. городская рада приняла «Правила об устройстве улиц и площадей», в соответствии с которыми улицы подразделялись на главные, дополнительные, промышленные, прогулочные и жилые. Однако осуществление типологического деления улиц было нарушено экономическим кризисом в Польше (1929–1933 г.), отразившимся и на развитии промышленности Бреста, которая к данному периоду в некоторых отраслях еще не достигла довоенного уровня [3].

Новым этапом в развитии производственных объектов Бреста стал 1939 г. - год объединения западно-белорусских земель с Советской Белоруссией в единое государство, положившее начало переводу мелких кустарных мастерских в кооперативные и государственные предприятия. Так, на базе колбасных мастерских в 1939 г. на восточной окраине города был открыт мяскокомбинат. В этом же году в центральной части Бреста были открыты областная типография им. Ворошилова и швейная фабрика [1, 2, 9]. Объединение мелких производств в одно предприятие привело к разбросанности промышленных площадей по всему городу. Например, мяскокомбинат в своем составе имел 4 производственных цеха, размещавшихся в разных частях города [1, 2, 7, 8].

Таким образом, в конце III этапа начали формироваться специальные требования к размещению производственных объектов в планировочной структуре города. Ремесленные мастерские и небольшие фабрики концентрировались в центральной части города, а возникшие в конце 1940-х гг. крупные предприятия - на окраине. Промышленная инфраструктура формировалась по принципу островной модели (рис. 2).

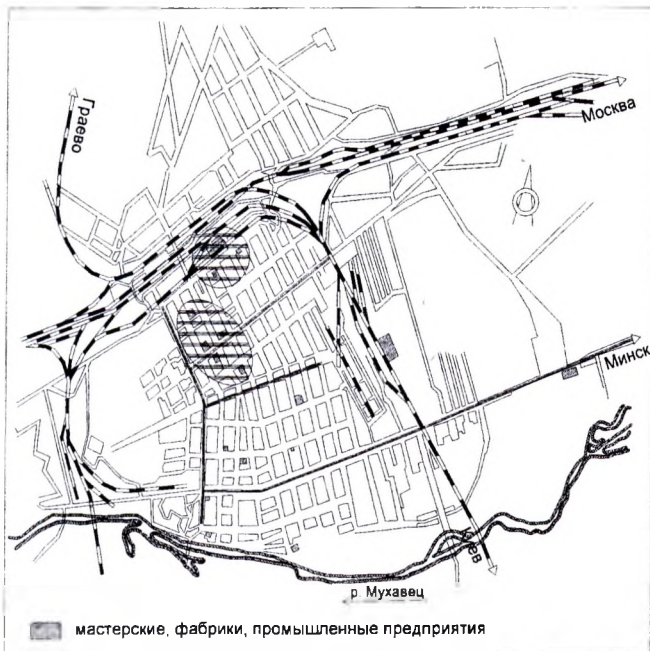


Рисунок 2 – Расположение промышленных предприятий в городе Бресте (1917 гг. - 1940 г.)

ства. Так, в 1953 г. на территории Форта № 7, где еще до революции были построены склады для хранения провиантских запасов, было начато строительство мясокомбината. [7] Корпуса электромеханического завода возводились на месте Форта № 1 [6, 12].

В годы пятой, шестой и седьмой пятилеток (1951–1965 гг.) ускоренными темпами происходило наращивание промышленности, что существенно отразилось на ужесточении требований к размещению предприятий в планировочной структуре города. Изменилось положение промышленных территорий, они стали выделяться в обособленные зоны, расположенные в удалении от жилых кварталов. Такое обособление привело к формированию восточного промышленного района (1962–1975 гг.). Вновь возводимые крупные предприятия строилось на окраине города (молочный комбинат). В центральной части Бреста оказались отдельные производства и их небольшие группы, созданные еще в довоенный период (швейная фабрика им. Фомина). В прирельсовой территории расположились такие крупные производственные объекты, как завод газовой аппаратуры и вагонное депо [6, 9, 13... 16].

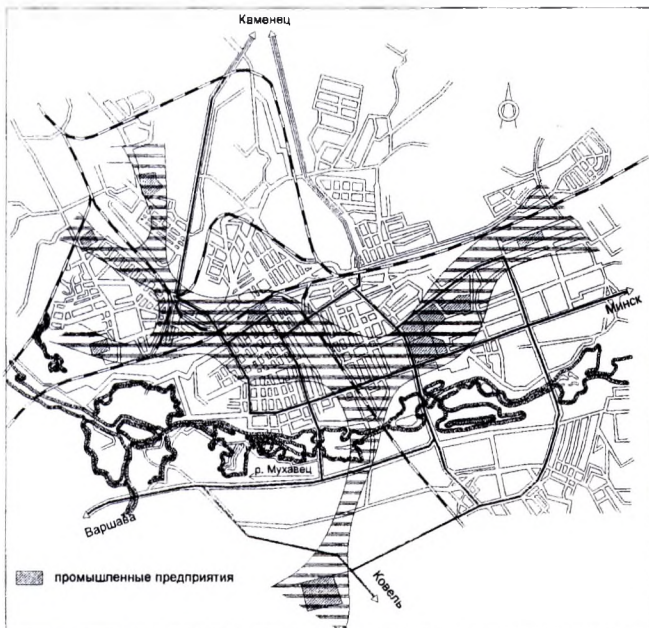


Рисунок 3 – Расположение промышленных предприятий в городе Бресте (1940-е гг. - 1980 г.)

IV этап (1945–1980-е гг.) – период формирования промышленной инфраструктуры. 1950-е гг. ознаменовались становлением промышленности города. Было начато строительство крупных предприятий республиканского значения, таких как завод газовой аппаратуры, ковровый комбинат.

Предприятия создавались как на новых промышленных площадках, так и на уже существующих. Например, ковровый комбинат был основан в 1941 г. на базе уже строящейся швейной фабрики в центре города [9]. Создание крупных предприятий на основе небольших мастерских привело к градостроительным ошибкам. Так, завод газовой аппаратуры, основанный в 1957 г. на базе дизельной станции Брестской ТЭЦ и ремонтно-механического цеха, оказался в центральной части города [4, 10, 11].

Особенностью развития промышленной инфраструктуры Бреста является тот факт, что некоторые предприятия сформировались на базе сооружений военного ведом-

ства. К концу XX в. производственная зона Бреста занимала около 10% всей территории города.

Появилась выраженная «чересполосица» селитебных и промышленных территорий (рис. 3).

В результате исторического развития промышленных предприятий в IV период сформировалась секторная (радиальная) модель промышленной инфраструктуры Бреста.

Настоящий V этап начался в конце XX в. и будет являться временем структурных преобразований.

Таким образом, промышленная инфраструктура Бреста начала складываться в конце XVIII в. За более чем 150 лет своего формирования она прошла развитие от небольших мастерских, хаотично включенных в структуру города, до крупных промышленных предприятий и районов, сформировавших секторную модель промышленной инфраструктуры.

Литература

1. Брест. Энциклопедический справочник. – Минск: Белорусская Советская энциклопедия им. П. Бровки, 1987. – 409 с.
2. Гароды і вёскі Беларусі : Энцыклапедыя. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн., 2006. – Т. 3. Кн. 1. Брэсцкая вобласць. – 528 с.
3. Купцова, В.Г. Я иду по городу, по знакомой улице...: путешествие по улицам довоенного и современного Бреста / В. Г. Купцова. – Брест: Альтернатива, 2008. – 236 с.
4. Улицы Бреста рассказывают... / Л. Илларионова [и др.]; под общ. ред. П.Н. Тишука. – Брест: Вечерний Брест, 2007. – С. 137–138.
5. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста: у 2 кн. – Мінск: БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 576 с.
6. Республика Беларусь: Энциклопедия: в 6 т. / Редкол.: Г.П. Пашков [и др.] – Минск: БелЭн, 2006. – Т. 2. – 912 с.
7. Брестский мясокомбинат. – Музей. Фототека.
8. Брестская типография. – Музей. Фототека.
9. Брестский чулочный комбинат. – Музей. Фототека.
10. Брестский завод газовой аппаратуры. – Музей. Фототека.
11. Высота. «Газоаппарат» - «Гефест»: прошлое и настоящее/ А.М. Волкович, В.И. Коновалюк, Л.Т. Крюк [и др.] – Минск: ФУАинформ, 2002. – 192 с.
12. Брестский электромеханический завод. – Музей. Фототека.
13. Беларуская энцыклапедыя: у 8 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн., 1996. Т. 26 Беларусы – Варанец. – 511 с.
14. Брестский ковровый комбинат. – Музей. Фототека.
15. Литош, М. ОАО «Ковры Бреста»/ М. Литош. – Минск: ТАРПЕЙ принтинг хаус, 2000.
16. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста: у 2 кн. – Мінск: БЕЛТА, 1997. – Кн. 2. – 687 с.

RESUME

The article is about historical creation and forming of industrial infrastructure of Brest. It is based on the unknown facts and natural inspection.

УДК [725.4.011]

Морозова Е.Б., БНТУ, Минск

БРЕСТСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ УЗЕЛ КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Промышленная архитектура среди всех сфер архитектурной деятельности относится к самой молодой.* В то же время трехсотлетняя история существования ее объектов дает основание рассматривать их как объекты наследия, которые могут быть представлены зданиями, сооружениями и территориальными образованиями.

Если рассмотреть историю промышленной архитектуры Прибужского региона, то построек производственного назначения, имеющих архитектурную ценность, здесь существует немного. Причины этого заключаются в следующем. С одной стороны, промышленное развитие в целом белорусских земель запаздывало по сравнению Европой и США, аграрная направленность экономики сохранялась вплоть до середины XX в. С другой стороны, окраинное, пограничное положение непосредственно Прибужского региона способствовало развитию торговли и ремесла, но не крупной, в том числе тяжелой промышленности. Так, например, в 1920–1940-е гг. в силу исторических условий политического противостояния двух соседних государств – II Речи Посполитой и Советской России, в состав которой вошла Беларусь, земли Прибужья стали спорными территориями. В результате капитальные вложения в промышленное производство здесь не осуществлялись ни одной из сторон, что привело к задержке в развитии промышленной архитектуры, которая стала отставать не только от мировой практики, но и от промышленно развитых районов сопредельных стран. Это обусловило создание малоинтересных и не показательных с архитектурной, технологической и технической точек зрения объектов, большинство из которых к тому же было разрушено во время войн и экономической разрухи.

* ее появление было вызвано внедрением машинного способа производства, который, как известно, пришел в мировую практику в начале XVIII в. [1, с. 31-37].

Что же касается послевоенного строительства, то не отмеченный историческим влиянием облик современных объектов промышленной архитектуры не обеспечивает им пока интереса с позиций архитектурного наследия. Тем не менее, среди них уже сегодня следует отметить один объект, который является уникальным не только для Прибужского региона, но отечественной и даже мировой архитектуры. Это Восточный промышленный узел в Бресте.

Значимость этого объекта заключается, прежде всего, в реализации нового принципа пространственной организации территориального образования промышленного профиля, это был первый пример в республике, в СССР и в мировой практике. Помимо этого, здесь воплотились градостроительные и архитектурные подходы уже ушедшей эпохи социалистического строительства.

Промышленный узел как тип территориальных объектов промышленной архитектуры представляет собой групповое размещение предприятий, объединенных не только одной площадкой, но и кооперацией различных служб, от простого инженерно-технического и социально-бытового обслуживания, до вспомогательного и даже основного производств. Преимущества такого строительства значительные: сокращается на 18-20% протяженность железнодорожных путей, на 10-11% – автомобильных дорог, уменьшается на 20-25% количество зданий, на 20% – число занятых рабочих, на 15-20% – суммарные территории предприятий, а сроки реализации проектного решения – на 10% [2].

Вообще, идеи создания кооперированных групп предприятий появились в конце XIX в. одновременно в Великобритании и США. Преимущества такого размещения стали обнаруживаться в связи с развивающейся специализацией производства, концентрацией промышленных предприятий в городах и переходом на электрическую энергию. Постоянно растущие мощности промышленных объектов обуславливали укрупнение размеров зданий и сооружений, усложнение системы транспортного обслуживания; новое промышленное строительство с трудом находило площадки внутри городов. Все это привело к формированию специальных территорий - промышленных районов (industrial, trading estates), которые, с одной стороны, давали возможности по совместному использованию вспомогательных служб для нескольких предприятий, а с другой стороны, обеспечивали участками новые промышленные объекты в городе. Первыми специально созданными промышленными районами считаются английский Трэффорд Парк в Манчестере, американские Капплс Стэйшн в Сант-Луисе, Миссури; Буш Терминал в Бруклине, Нью-Йорк; Клеаринг Индустриал Дистрикт, Централ Мануфактуринг Дистрикт в Чикаго [3,4].

Кооперированное групповое размещение предприятий в довоенное время внедрялось довольно медленно, промышленные районы оставались исключительно английским и американским опытом, причем английские районы строились с использованием государственного капитала, американские – частного. После войны положение кардинально изменилось, промышленные районы в 1950-60х гг. стали возводиться в большом количестве практически во всех европейских странах, как альтернатива существующим промышленным территориям – складывавшимся исторически районам, степень кооперации объектов которых или вообще отсутствовала, или развивалась уже во время эксплуатации предприятий.

Промышленный район как территориальный тип промышленной архитектуры вошел в практику Беларуси в 1960-х гг., здесь он получил новую разновидность – промышленный узел. К 1970 г. было запроектировано и строилось около 50 промышленных узлов, их общая цифра к 1980 г. достигла 55, в них разместилось 300 предприятий разных отраслей промышленности. Белорусская практика строительства была самой широкомасштабной и успешной на территории Европы и СССР, достаточно сравнить количество разработанных промышленных узлов в республике (55 за 30 лет) с практикой Великобритании, где тип промышленного района был создан (81 за 80 лет) [1, С.149-174].

Главным отличием отечественных промышленных узлов была модель их пространственной организации, которая предусматривала формирование целостного градостроительного образования, что достигалось, прежде всего, архитектурно-планировочным замыслом. Зарубежные промышленные районы строились только на единстве планировочного решения, они, как правило, не интегрировались с планировочными структурами городов, да и редко включались в них, промышленные районы имели только общий генеральный план, управляющий орган и стратегию развития, в дальнейшем допускающую как частное, так и государственное финансирование.

Потребность создания единого пространственного решения в случае отечественных промышленных узлов выдвигала более сложные задачи. С одной стороны, всегда не просто про-

странственно объединить довольно большие территории (200–500 га); с другой стороны, очень трудно сделать это с промышленными объектами, где технологические требования практически всегда первостепенны, а объемы зданий и сооружений столь специфичны. Кроме того, в наших условиях стояли и особые задачи: промышленные узлы должны были давать преимущества не только экономического, но и социального плана, они должны были способствовать формированию для самого массового класса – рабочих, среды гуманной, эстетически и экологически благоприятной и, по возможности, высокохудожественной. Белорусским архитекторам удалось решить эту задачу. Застройка Брестского Восточного, Гродненского Северного, Минского, Витебского промышленных узлов в ряде случаев создавала настоящие ансамбли. Причем, единое композиционное решение прослеживалось на всех уровнях, вплоть до озеленения и благоустройства площадки.

Совершенно новым стало и объединение промышленных районов с планировочной структурой города, интеграция, как в функциональном освоении территорий, так и в пространственном. Общественные центры промышленных узлов, в состав которых входили, наряду с административными и управленческими, объекты культурно-бытового обслуживания работающих на предприятиях, проектировались и рассчитывались также на нужды прилегающих жилых районов. Городские улицы и пешеходные потоки ориентировались на такие центры, а также на предзаводские площади входящих в промышленный узел предприятий. Предзаводская площадь – это чисто отечественное изобретение. Являясь «лицом» предприятия, она решалась празднично, как настоящая площадь города. Особая значимость промышленного труда и его исполнителя – рабочего класса, в обществе эпохи социализма делала предзаводские площади парадными и даже помпезными. Здесь часто размещались зрелищные и спортивные здания – дворцы культуры, клубы, бассейны.

Отечественные промышленные узлы отличал также небольшой интервал строительства (3-8 лет) и более жесткий контроль над осуществлением схемы развития и освоения территории, что было, впрочем, обеспечено наличием единственной собственности – государственной – и плановой организацией народного хозяйства. Поэтому промышленные узлы стали градостроительными образованиями с наивысшей степенью концентрации производственных функций (удельный вес промышленных объектов составлял 85-95%), а также в большой мере управляемыми градостроительными структурами [5].

И таким первым примером новой разновидности промышленного района стал Брестский Восточный промышленный узел, время проектирования и строительства которого охватило 1962-1975 гг. (архитекторы И. Бовт, М. Буйлова, Э. Ботян, А. Афанасьева, С. Корчик, Ж. Сахарова и др.).

Промышленный узел вошел в планировочную структуру городского района и стал его основой. Само размещение группы промышленных предприятий на одной из главных улиц Бреста – ул. Московской, являющейся продолжением оси Варшава – Минск – Москва, близко к центральной зоне города, отражало существовавшие тогда принципы формирования советского города.

Промышленный узел создавали четыре предприятия, представлявшие практически в равных долях рабочие места для женского и мужского населения. Это ковровый и чулочный комбинаты, электроламповый и электромеханический заводы. Они выходили на три важных транспортных магистрали города – улицы Московскую, Пионерскую и Янки Купалы, обеспечивая хорошие условия для доставки рабочих. Общие объекты энергетического, вспомогательного и складского хозяйств располагались в центральной зоне, в глубине площадки, таким образом не попадая в зону визуального восприятия и не нарушая общее впечатление от застройки.

Фронт застройки складывался из административно-бытовых, лабораторных, общественных зданий и цехов основного производства, которые решались в виде корпусов-заводов. Четкое функциональное зонирование территории, удачная взаимосвязь разноэтажных зданий и инженерных сооружений, интересные и технически совершенные в то время архитектурно-планировочные решения производственных корпусов формировали серию достаточно выразительных архитектурных ансамблей, которые объединяли и организовывали застройку важных городских магистралей на значительном протяжении.

За создание этого и других промышленных узлов в Бресте и Витебске группа архитекторов и инженеров: И. Бовт, Э. Ботян, И. Некрашевич, В. Жур, И. Фридман, Л. Лившиц, Ю. Никольский и др. – была удостоена высокой награды – премии Совета Министров СССР [6].

Белорусская практика строительства промышленных узлов, начало которой было положено в Бресте, оказала большое влияние на развитие всего промышленного комплекса – сегодня более 75% общего числа предприятий находится в таких градостроительных образованиях. Кроме того, переход к строительству предприятий в составе промышленных узлов создал благоприятные условия для развития малых городов республики – Жодино, Осиповичей, Новолукля, Молодечно и др.

Однако времена меняются. С годами пришло понимание того, что групповое размещение заводов и фабрик не является безупречным и единственным, оно имеет свои недостатки. Изменились и общие тенденции развития производства, альтернативой постоянно растущей в прежние времена концентрации промышленности становится рассредоточение, преимущественное развитие малых и средних предприятий, их интеграция с другими функциональными объектами города. Усложняется и сама городская среда, следуя по пути многообразия способов и средств организации пространства. Все это выдвигает настоятельную необходимость поиска новых форм существования промышленных предприятий в городе.

Что же касается промышленных узлов, то белорусский опыт стал уже историей. Он был плодотворным и очень успешным, он позволил нашей республике выдвинуться на передовые рубежи промышленного строительства и архитектуры, способствовал развитию и становлению нашей отечественной школы проектировщиков.

Сегодня социалистический город, как историческая категория, уже ушел в прошлое. Однако пространственно он может еще достаточно долгое время сохранять свой социалистический облик. И признаки этого будут нести на себе, в том числе, и построенные в те времена промышленные узлы и входящие в них предприятия. Известный польский исследователь Б. Лисовский назвал промышленную архитектуру неофициальной, по сравнению с официальной архитектурой дворцов, государственных резиденций и монументальных общественных зданий. Именно неофициальная архитектура, по мнению ученого, отражает жизнь во времени и пространстве [7, с. 47].

Литература

1. Морозова, Е. Б. Эволюция промышленной архитектуры / Е. Б. Морозова. – Минск: БНТУ, 2006. – 240 с.
2. Ким, Н.Н. Промышленная архитектура / Н.Н. Ким. – М.: Стройиздат, 1988. – 244 с.
3. Anandvichai Dhanasunthorn . Understanding industrial estates.- Tokyo:Asian Productivity Organization. 1986.- 76p., ill.
4. Bredo William. Industrial Estates: Tool for Industrialization. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1960. – 240p, ill.
5. Матвеев, Е.С. Промышленные зоны городов. – М.: Стройиздат, 1985. –216 с.
6. Архитектура Советской Белоруссии / В. И. Аникин [и др.]; под общ. ред. В. И. Аникина. – М.: Стройиздат, 1986. – 319 с.
7. Lisowski, B. The map of industrial architecture – a systematic approach / B. Lisowski // Aspects on industrial architecture and engineering / International Council for Building Research, Studies and Documentation; International Union of Architects. – Helsinki: The Building Book Ltd., 1989. – P. 29–49.

RESUME

Three hundred years history of industrial architecture allows considering some of its objects as a heritage. But because of the historical circumstances of the Pribuzie region development there is difficult to pick out the objects. By the way, the Brest East industrial estate must be admitted from this point of view.

In spite of comparatively recent construction the Brest East industrial estate presents a unique example of the new space organization model of the industrial territorial object. This fact makes the Brest East industrial estate as a valuable contribution to the world industrial construction practice.

УДК [728.83+712] (476.7)

Полко О. Н., БрГТУ, Брест

УСАДЬБА АРТУРА БЕРТОЛЬДИ В ОЗЯТАХ КОРОЛЕВСКИХ (ЖАБИНКОВСКИЙ Р-Н)

История многих населённых пунктов Брестчины содержит в себе "белые пятна". Интересные факты о давних временах сохраняют архивы, память пожилых людей. В XIX в. на месте современной д. Озяты и окрестных полях находилось несколько помещичьих усадеб с подобными названиями. Среди них самыми большими были Озяты Малые и Озяты Королевские.

Озяты Королевские долгое время были государственным владением, отсюда и пошло название. В 70-е гг. XIX в. это имение перешло к помещикам Выгановским. Одна из представительниц этого рода, Эльжбета Выгановская, в 1830-е гг. вышла замуж за Тадеуша Дзеконского из имения Петровичи. С этого времени Дзеконские и Выгановские поддерживали тесные отношения как родственники и соседи. В мае 1891 г. в семье Ивана и Софьи Выгановских родился сын Казимир. Крёстными родителями мальчика стали сын Эльжбеты и Тадеуша Альбин Дзеконский и жена его брата Северина Изабелла [1, л. 102 об. – 103].

Приблизительно в то же самое время Альбин, который был вдовцом, женился на молодой вдове Ядвиге Бертольди, которая происходила из известного рода Ожешко. У Ядвиги от первого брака было два маленьких сына: Артур-Сергей и Ежи (Юрий). Вместе с детьми Ядвига поселилась в Петровичах, в браке с Альбином у неё родилось ещё четверо детей.

Чтобы обеспечить своих детей от первого брака, в феврале 1912 г. Ядвига Дзеконская-Бертольди купила у Степана Казимировича Выгановского имение Озяты Королевские. Вероятнее всего, деньги на покупку имения были её частью в наследстве отца, Каликста Ожешко, который умер в 90-е гг. XIX в. На тот момент имение состояло из 475 десятин земли [2, л. 5–5 об.] С этого времени история Озят Королевских была тесно связана с фамилией Бертольди.

Род Бертольди имел швейцарско-итальянское происхождение (из Рето-Романии), его представители использовали собственный герб "Бертольди". Точно не известно, когда впервые Бертольди появились на территории Польши. В семье бытовало мнение, что это произошло во времена короля Станислава Августа Понятовского. В документах первое упоминание о Бертольди относится к 1800 г. Вероятно, кто-то из членов этой семьи владел деревней Грохув (сейчас это район Варшавы Грохув IV) [3].

Разрозненные данные о представителях этого рода очень скудны. Одна из дочерей Иосифа-Винцента Платера, Аделаида, после развода с первым мужем Яном Тарновским вышла замуж за неизвестного Бертольди. Она родилась в 70–80-х гг. XVIII в. [4].

В XIX в. Бертольди уже постоянно жили в Варшаве, имели отношение к почтовому делу. Некий Роман Бортольди упоминается, как почтовый чиновник Королевства Польского в 1845 году. В семье сохранялось воспоминание о том, что некоторые Бертольди в первой половине XIX в. занимали должность генеральных почтмейстеров Варшавы [5, л. 1]. Известно, что Роман женился на неизвестной девушке в Кракове, венчание состоялось в мариинском костёле в 1851 г. [6]. Роман умер в 1861 и был похоронен на Повонзках. Не известно, где находится его могила.

На варшавском кладбище Повонзки в XIX в. был заложен семейный склеп, где похоронены многие представители этого рода. К сожалению, удалось установить родственные связи только их части. На надгробной плите значится:

Александр (1849–1888)	Янина (ум. 1881)
Амелия (1830–1893)	Хелена (ум. 1881)
Артур (1885–1963)	Ксаверий (1815–1882)
Софья (1894–1967)	Ежи (1813–1886)
Ядвига Дзеконская (1859–1931).	

На улице Варецкой в Варшаве размещалась усадьба Генеральной Почты Королевства Польского, именно тут в 1849 г. родился Александр Бертольди. Имя отца не известно, его матерью была мещанка, в девичестве Вампах*. Александр владел имениями Камёнок и Грохув. Первой женой Александра Бертольди была Галецкая, до 1960-х гг. его сын Ежи хранил свадебную фотографию отца с первой женой, но потом она была утеряна. На фотографии Александр был одет в шляхецкий костюм. От первого брака у Александра было два сына. Один из них (имя не известно)

* Необходимо очень критично относиться к воспоминаниям Э. Миллера, в которых обнаружено множество ошибок и искажений.

был гусаром, утонул в Висле под Дэмблином, похоронен на Повонзках. Второй сын, Мауриций, совершил самоубийство уже после смерти своего отца. Причиной этого поступка считалась несчастная любовь [5, л. 1–3].

В 1888 г. Александр Бертольди проиграл всё своё имущество в карты и застрелился, оставив молодой жене множество долгов. Его сыновья Ежи и Артур выросли в семье отчима Альбина Дзеконского, с которым у них были очень хорошие отношения. В годы I мировой войны семья выехала вглубь России, большую часть этого периода они жили в Орле [7, с. 128].

Артур закончил Реальную гимназию Ронталера в Варшаве, получил образование инженера в области сельского хозяйства. В 1911 г. (дата может быть ошибочной) Артур женился на Софье Зелинской (1896–1967), дочери хозяина имения Губерния под Кобрином (сейчас это территория кобринского городского парка) [5, с. 1–3].

После подписания Рижского мира Ежи вместе с матерью стал жить в Варшаве, где у неё был дом. Ежи был женат на Ванде Стэбельской, с которой потом развёлся, детей не оставил. Владельцем имения Озяты Королевские в начале 1920-х гг. стал Артур-Сергей Бертольди (1885–1963). Именно тогда, в 1922–1925 гг. было построено здание усадьбы, в котором поселилась семья Артура: жена Софья (в семье её звали Зуля), дочь Эльжбета (род. 1920) и сын Артур-Альбин (1924–1976).

Имение Озяты Королевские состояло из трёх частей. Само имение с урочищами Загорское и Подбричье граничило с землями имения Малые Озяты и владениями озятской церкви. К имению относились также надельные урочища Осовские и Казацкая гора [2, л. 5–5 об.].

Семейный альбом Илоны Бертольди-Маевской хранит больше двух десятков фотографий 20–30-х гг. XX в., на которых запечатлена усадьба, её окрестности, члены семьи Бертольди.

Дом размером 30 × 15 м был построен в лучших традициях усадебной архитектуры. Он был одноэтажный, с высокой черепичной крышей, под которой тоже размещались жилые помещения – две комнаты общим размером 7 × 5 м. Дом обогревался кафельными печами, имел водопровод и канализацию. Паркет составлял 30 % пола, остальные полы были сделаны из досок и покрашены краской. На первом этаже были выходы на две террасы. Фасад был украшен четырьмя белыми колоннами, которые поддерживали портик [8, л. 1]. Вдоль фасада росли цветы.

На территории усадьбы было 7 построек, из которых только помещичий дом был из кирпича, все остальные сооружения – деревянные. Все хозяйственные постройки: хлев, склад, коровник, овин и конюшня находились недалеко от дома. Дальше всех размещался второй жилой дом. Видимо, там жили слуги и работники имения.

А. Бертольди был очень хорошим хозяином. Через три года он выплатил все долги, которые числились за имением [2, л. 18–22 об.] Местные старожилы до наших дней вспоминают хозяина имения. Раз в неделю Бертольди приезжал в деревню, следил за порядком, не любил, когда на улицах деревни Озяты оставался мусор и требовал от крестьян аккуратности.

В имении Губерния под Кобрином жил брат Софьи, Тадеуш Зелинский с семьёй. В книге воспоминаний его сына, известного польского хирурга Станислава Зелинского (род. в 1929 г.), “Кусок жизни на фоне хирургии” читаем: “Тётя Зуля, сестра моего отца, личность необыкновенная, жила с мужем Артуром в Озятах. Она отличалась большой красотой, имела двоих детей: Эльжбету и Туся. Регулярно тётя Зуля приезжала к нам или мы к ней. Она была обладательницей одного из первых у нас личных автомобилей – польского фиата, оборудованного колёсами с деревянными спицами и резиновой трубкой, размещённой снаружи. Тетя любила азартные игры, даже очень их любила. Иногда она пропадала на несколько дней в Варшаве и оказывалось потом, что она играла несколько ночей в покер. Озяты находились в каких-то 20 км от нас, иногда мы ездили туда бричкой. Дом был большой, имение обширное... Туся, весёлого мальчика немного старше меня, учёба тяготила. Тётя Зуля старалась разными подарками награждать его за изучение чего-нибудь, но он оказался неподкупным. Эля... была девочкой милой и вежливой” [9, с. 15].

В сентябре 1939 г. немецкая армия захватила территорию Польши, немецкие солдаты дошли до Кобрин, но потом вернулись за Буг. С. Зелинский вспоминал о событиях 1939 г.: “Через несколько дней, около 18 сентября, мы получили известие о том, что во время битвы с немцами перед самым нашим домом отец был убит, а дом сожжён. С этого времени у меня есть чувство, что немцы – это враги” [9, с. 20].

Немецкие солдаты вошли и в усадьбу Бертольди. Всю жизнь потом хозяева вспоминали странный выбор солдат при грабеже – они забрали с собой патефон и одну из собак. После этого Софья собрала своих детей, родственников, некоторых слуг и приняла решение ехать вслед

вместе с ними, дорога была очень трудной. По мнению Станислава, добраться до Варшавы им удалось только благодаря тётке, Софье Бертольди. У неё был смелый характер, она хорошо говорила по-немецки и выглядела как настоящая дама, поэтому немцы ей охотно показывали дорогу [9, с. 20–21].

Решение уехать в Варшаву спасло жизнь родным Артура Бертольди. Многие мужчины, родственники этой семьи были арестованы ещё в сентябре 1939 г. Некоторые из них умерли в тюрьме или ссылке в Сибири.

Когда немецкие войска заняли территорию БССР, Бертольди приехали в Брест. Поселиться в своём имении они не смогли – на их землях работало сельскохозяйственное предприятие, в усадьбе размещалась его администрация.

Во время войны на свадьбе одного из своих приятелей Артур-Альбин Бертольди познакомился с молодой официанткой из ресторана "To tu" ("Это тут") Ирэн Флорак, дочерью майора польской армии. Родная тётка девушки была хозяйкой этого ресторана (позднее она была расстреляна фашистами вместе с дочерью, как участница подполья)*. Незадолго до варшавского восстания семья Бертольди, Ирэн Флорак с младшим братом переехали в Варшаву. После войны Артур-Альбин Бертольди женился на Ирэн Флорак, в 1947 г. у них родилась дочь Илона, в 1953 г. – сын Артур.

После войны семья Бертольди жила во Вроцлаве и Гдыне. Артур-Сергей прожил 78 лет, умер в 1963 г. и был похоронен около своих родителей Александра Бертольди и Ядвиги Дзеконской на варшавском кладбище Повонзки. Сейчас в Польше и Англии живут его потомки: дочь Эльжбета Миллер, её дочери Анна, Ирэн и Магдалена с семьями. У Илоны Бертольди-Маевской есть дочь Юстына Амбор и сын Матей Маевский, маленький внук Виктор. У Артура – единственная дочь Дарота, которая родилась в 1982 г.

Воспоминания об имении Озяты Королевские и старые фотографии усадьбы много лет хранятся в этой семье. До наших дней дом не сохранился, сгорел в годы Великой Отечественной войны. Удивительным в истории этой усадьбы является тот факт, что она не попала в основные издания, посвящённые усадьбам этого региона. Не упоминает об этой усадьбе Роман Афтаназ в своём многотомном труде "Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Województwa brzesko-litewskie, powogrodzkie". Р. Афтаназ ссылается на воспоминания Ежи Бертольди об Озях Малых [10]. Однако, по каким-то личным причинам, тот даже не упомянул о существовании усадьбы своего младшего брата Артура. Видимо, по этой же причине нет информации о ней и в книге А.Т. Федорука "Старинные усадьбы Берестейщины".

Автор выражает благодарность Илоне Бертольди-Маевской, Ирэн Бертольди, Эльжете Миллер за представление воспоминаний, документов и фотографий из семейного архива.

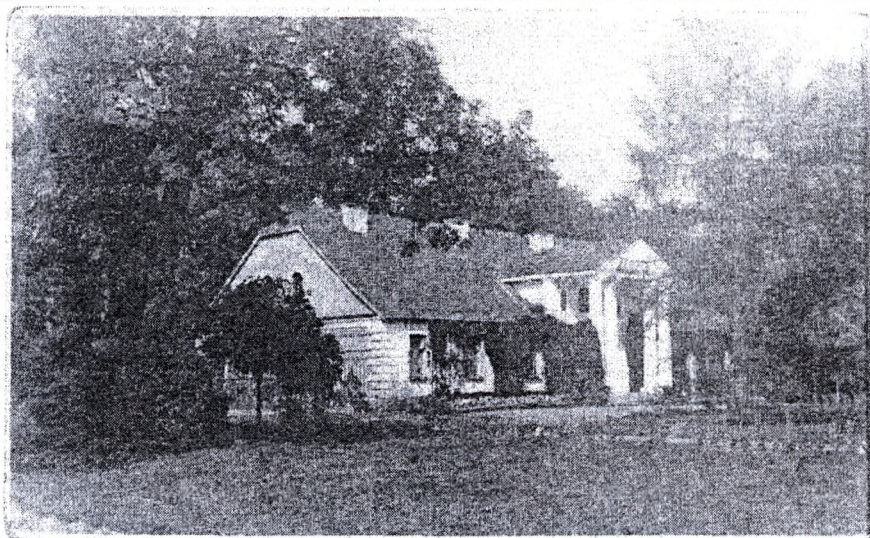


Рисунок 1 – Усадьба А. Бертольди в Озях Королевских. Фото 1930-х гг.

* По воспоминаниям Ирэн Бертольди из Флораков.

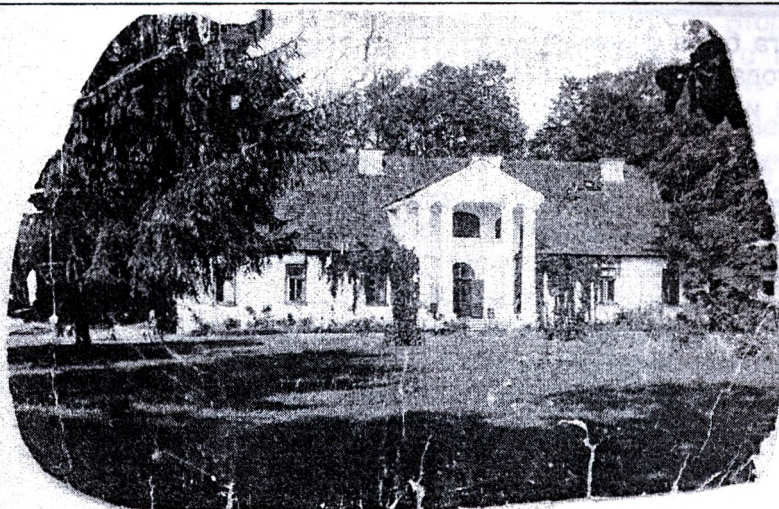


Рисунок 2 – Усадьба А. Бертольди в Озятах Королевских. Фото 1930-х гг.



Рисунок 3 – Коляда в Озятах Королевских. Сельские дети, которые поют колядные песни во дворе усадьбы, и А. Бертольди

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 1781. – Оп. 46. – Д. 38.
2. Государственный архив Брестской области. Ф. 79. – Оп. 1. – Д. 1710.
3. Historia Pragi // www.citymedia.waw.pl/praga-poludnie.historia.html
4. <http://platerak.republika.pl/konarski.html>
5. Wspomnienia Edwarda Millera, zapisane przez Iłonę Bertholda. Rękopis. – 3 s. Частный архив Илоны Бертольди-Маевской.
6. Акт № 47. Index akt małżeństwa do roku 1899 // www.genpol.com
7. Ciszewska, C. Gawęda o tym, co było... Wspomnienia. – Kazimierza Wielka: Nowa Nidzica, 2009. – 289 s.
8. Plan domu mieszkalnego stanowiącego własność Artura Bertoldi, położonego w woj. Poleskim, pow. Kobryń w miejscowości Oziaty. Pan sytuacyjny // Частный архив Илоны Бертольди-Маевской.
9. Zieliński S. Kawał życia z chirurgią w tle. – Warszawa: Wydawnictwo lekarskie PZWL, 2004. – S. 255 s.
10. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie / R. Aftanazy. – Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. – Tom 2. – 471 s.

RESUME

The article is devoted to the history of the manor in Royal Oziaty. The author analyzes documents from the archives and memoirs of manor's owners from Bertholdi family. The house was constructed in 1922 - 1925 and destroyed during the Second World War. Its description didnt get to the works on history of architecture of Brest region. The building image was kept by old photos.

II РАЗДЕЛ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНО- ТУРИСТСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 712:796.5 (476.7)

Клицунова В.А., БГУ, БОО “Отдых в деревне”, Сергачев С.А., БНТУ, Минск

“ЗЕЛЕННЫЕ МАРШРУТЫ” – ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Зеленые маршруты – Greenways – это туристские маршруты природного и культурного наследия, проложенные вдоль “зеленых коридоров” – рек, традиционных и исторических торговых путей, естественных природных коридоров. Такие маршруты объединяют регионы, туристские достопримечательности и местные инициативы, поддерживают развитие “устойчивого туризма” и отдыха, благоприятного для окружающей среды, пропагандируют здоровый образ жизни и немоторизованные формы передвижения – пешком, на велосипедах, верхом на лошадях, на байдарках и плотах. Одновременно они создают возможности для улучшения уровня жизни, оживления местной экономики и развития предпринимательства среди местных жителей, а также сохранения уникальных природных и культурных ценностей [1, с. 4].

Идея создания “зеленых маршрутов” появилась в 1950-е гг. в контексте формирования рекреационных пеших и велосипедных троп, служащих продвижению активного образа жизни. В концепции “зеленых маршрутов” можно выделить четыре основных направления:

– экология и образование: зеленые маршруты обеспечивают поддержку таким экологическим мероприятиям, как сохранение биологического разнообразия, контроль за наводнениями, очистка воды. Большое внимание уделяется инициативам в области экологического разнообразия;

– туризм и восстановление: зеленые маршруты поддерживают развитие дружелюбного туризма, спорта и рекреации;

– коммуникации и экологически чистый транспорт: зеленые маршруты развивают сообщения и коммуникации и предоставляют возможности для развития немоторизованного транспорта;

– экономическое развитие и общественные услуги: вносят вклад в улучшение качества общественных услуг и помогают оживлению местной экономики

Каждый зеленый маршрут всегда получает свою систему идентификации, включая название и логотип. Название и логотип присутствуют на указателях, щитах, картах, в путеводителях и других печатных изданиях, в информационных указателях на транспортных коммуникациях.

Выделяют семь основных принципов “зеленых маршрутов”.

1. Поддержка местных сообществ (обеспечение прибыли местной экономике, создание новых источников дохода, защита традиционных видов деятельности).

2. Ненанесение ущерба сельской местности и вклад в защиту природного и культурного наследия.

3. Использование главным образом местных ресурсов (природа, культура, традиции, кухня, услуги и т.д.).

4. Объединение стран, регионов, конкретных мест и людей.

5. Помощь местному населению в оценке собственных ресурсов, в осознании своей уникальности, самоидентификации и в улучшении качества жизни.

6. Помощь посетителям в изучении местных сообществ, сел, городов или региона в целом (инициативы, проекты, достижения).

7. Поддержка (по возможности) немоторизованного транспорта и устойчивых форм туризма.

Одним из наиболее перспективных регионов белорусского Полесья для создания системы “зеленых маршрутов” является Ивановский район Брестской области.

Природный потенциал района

Ландшафтное разнообразие территории характеризует большое количество разновидностей ландшафтов, представляющих закономерное сочетание природных компонентов (плоские равнины с моренными холмами, террасированные равнины с дюнами, озерно-болотные низины, плоские поймы рек с протоками, старицами и лугами, останцы водно-ледниковой равнины с озерами и котловинами. Естественная растительность представлена великолепными широколиственно-хвойными лесами, с преобладанием крупных массивов лесов. Под лесами занято 29% территории. Из охотничье-промысловых животных водятся лось, кабан, белка, заяц-русак, заяц-беляк, енот, вол, красная лисица, горностаи и др. Имеются животные и растения, занесенные в Красную книгу Беларуси. Гидрографическая особенность района – густая сеть мелиоративных каналов. Протяженность мелиоративной сети составляет около 10 тыс. км. На сельхозугодья приходится более половины (57,7%) территории.

Географические особенности территории Ивановского района обеспечили условия для функционирования сельского хозяйства и развития сети местечек (Иваново, Вороцевичи, Лясковичи, Молодово, Мотоль, Ополь, Тышковичи), в которых продукция сельскохозяйственного производства перерабатывалась. Определенная консервативность сельского и местечкового образа жизни предопределила сохранение до наших дней народных традиций, которые проявляются в самых разных сферах жизни местного населения (Рис. 1). Поэтому активное участие жителей региона в регулярно проводимых фольклорных праздниках, ярмарках и выставках народного творчества по любой тематике до сих пор является жизненной нормой.

Сохранилось немало памятников деревянной архитектуры, которые имеют статус объектов историко-культурного наследия Республики Беларусь и отражают не только особенности местного зодчества, но и сложные процессы влияния на них мировых художественных стилей. Культовые сооружения (церкви в Дружиловичах, Мохро, Стрельно и др.), а также сооружения массовых типов строительства (хаты, хозяйственные постройки) содействуют сохранению типичных образов традиционной полесской архитектуры. При этом отмечается наличие локальных, характерных именно данной территории, вариантов планировки жилых домов и декоративных приемов. Эти особенности важно максимально поддерживать, так как именно местные характеристики явления становятся все более привлекающим туристов фактором [2, 32].

На территории Ивановского района расположен уникальный памятник истории науки и техники, внесенный в список наследия всемирного наследия UNESCO – пункты геодезической Дуги Струве. Из нескольких, сохранившихся на территории Беларуси объектов, входивших в Дугу Струве, четыре расположены именно на территории Ивановского района. Дуга Струве представляет собой уникальный геодезический объект, интерес к которому выходит за границы нашей республики.

С Ивановским районом связана жизнь и деятельность знаковой для истории и культуры Беларуси личности – Наполеона Орды. Здесь было его родовое имение, многие сооружения в разных населенных пунктах нынешнего Ивановского района были запечатлены в его рисунках. А в Молодово было родовое имение Достоевских – предков классика русской и мировой литературы Ф. Достоевского.

Все это позволяет говорить о значительном потенциале Ивановского района для организации “зеленых маршрутов”, с целью привлечения туристов из других регионов республики, а также и из-за рубежа. В районе функционируют 6 туристических маршрутов, которые могут служить основой для создания “зеленых маршрутов”. Сейчас все они автомобильные, за исключением одного – водного (“Недоступная Ясельда”). Эти маршруты ориентированы на ознакомление с природными и историческими особенностями конкретных территорий. Протяженность маршрутов составляет 30, 35, 40, 70 и 80 км и предусматривает прохождение их практически в течение одного светового дня. В перспективе эти маршруты могут быть трансформированы в пешеходные, велосипедные, конные. Кроме того, возможно создание новых маршрутов.

Но принципиально важным для эффективности использования трасс “зеленых маршрутов” становится более плотное насыщение их познавательными объектами, раскрывающими особенности местной культуры, а также имеющими экологическую направленность. Это будет соответствовать современным тенденциям в сфере туристской деятельности – “от традиционного к специализированному туристическому региону” [3, с. 14].

Оценка и ранжирование туристического потенциала территории для использования в создании “зеленых маршрутов” в Ивановском районе позволила определить наиболее перспективные варианты:

1. Деревня Мотоль. Эта деревня располагает этнографическим музеем (Рис. 2) на основе уникальных коллекций. Экспозиция музея представляет прямой и непосредственный интерес для туристов, поскольку традиции и местные ремесла всегда являются одним из важных компонентов “зеленого маршрута”. Отдельное направление может получить демонстрация традиций народной кухни, традиций приготовления пищи и питания. Деревня Мотоль славится сохранением производства традиционных видов мясных продуктов. Здесь расположено четыре колбасных цеха. Дегустация мясных изделий с возможностью их приобретения на месте может стать элементом “зеленого маршрута”, поскольку они всегда опираются на локальную продукцию. Фольклорный праздник в июне – “Мотальскія прысмакі” стал уже ежегодным.

Ремесленное производство, которое и сегодня существует в деревне: кожевенное, швейное, ткачество, обработка дерева, мукомольное производство (в Мотоле имеется одна из немногих в Беларуси действующих ветряных мельниц) может демонстрироваться путем посещения мастерских и встречами с мастерами, ознакомлением с традиционными технологическими процессами разных видов ремесел. В этом же контексте может демонстрироваться хорошо сохранившийся объект деревянной архитектуры – жилой дом, в котором родился и провел детские годы первый президент государства Израиль – Хаим Вейцман.

2. Деревня Стрельно. Музей народной медицины в Стрельно посвящен традиционному для сельской местности занятию – сбору и высушиванию лечебных трав и по составу экспозиции является уникальным для Беларуси. Организована возможность продегустировать здесь же в музее лечебные травяные чаи. Зеленый маршрут по окрестным лесам, в которых произрастают лекарственные травы, питомники этих растений, посещение деревень, где проживают народные знахари из местных жителей. Музей расположен в здании сельского дома культуры, архитектура которого своеобразна и выгодно отличается от многочисленных типовых решений подобных зданий (Рис. 3).

3. Деревни Чекуцк, Лесковичи, Осовница, Ополь. Дуга Струве – уникальный геодезический объект, включенный в список всемирного наследия UNESCO. Сконцентрированно сохранившиеся на территории Ивановского района четыре геодезических пункта середины XIX в., расположенные в природной среде, имеют исключительное значение как объекты истории науки о Земле.

4. Деревня Вороцевичи. В районном музейном комплексе Наполеона Орды сейчас функционирует только одна из его частей – экспозиционная. Подготовлены для посещения туристами места, связанные с жизнью художника и композитора в окрестностях деревни, осуществляются масштабные строительные работы по обеспечению полного комплекса туристского сервиса. Фигура Наполеона Орды – европейского масштаба, поэтому места, связанные с его жизнью и творчеством, могут стать интересной тематической петлей "зеленого маршрута".

5. Деревня Тышковичи. Фольклорный праздник "Фальклор без межаў", проводимый ежегодно в январе, является мероприятием, рассчитанным не только на местных жителей, но и на приезжих. Главная его особенность состоит в том, что время его проведения относится не к самому популярному в туристской деятельности. И этот фактор надо использовать, но учитывая короткий световой день в январе. Сам праздник можно проводить в течение нескольких дней, включая смежные территории, которые объединит "зеленый маршрут".

Формирование "зеленых маршрутов" требует особого отношения к пространственным коридорам, по которым эти маршруты проложены. Прежде всего, необходимо сохранять существующие природные характеристики ценных ландшафтов, которые в Ивановском районе достаточно разнообразны, оберегать их от внедрения индустриальных форм, но вместе с тем проводить работу по обеспечению безопасного пребывания туристов на маршруте и создания необходимого комфорта для них. Для этого должны быть установлены определенные регламенты использования территорий, по которым проложены трассы "зеленых маршрутов".



Рисунок 1 – Образцы народного творчества в Ивановском районе – подушки в д. Псыщево



Рисунок 2 – Музей народного творчества в д. Мотоль



Рисунок 3 – Сельский дом культуры с Музеем народной медицины в д. Стрельно

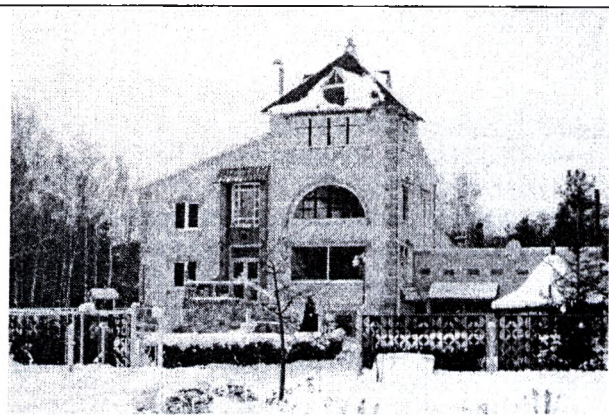


Рисунок 4 – Усадьба сельского туризма Сергея Кульны на окраине Иванова

Необходимо найти формы обеспечения круглогодичного функционирования “зеленых маршрутов”, что для них является обязательным. А это возможно только при насыщении маршрутов объектами, привлекательными для туристов. Ресурсы для создания таких объектов просматриваются в архитектуре самых разных типов сельских строений с демонстрацией их локальных особенностей [4, с. 252] и в выявлении экологических основ среды жизнедеятельности местного сообщества [5, 107]. При этом экология должна проявляться в разных сферах. В частности, не следует увлекаться обновлением старинных храмов путем обшивки их стен сайдингом (Лясковичи, Ополь), а использовать традиционные натуральные строительные материалы, что будет, к тому же, соответствовать принципам научной реставрации.

Должна создаваться вдоль маршрутов сеть усадеб сельского туризма со специализацией их на демонстрации (этно- и экомузеи) локальных вариантов культурологического комплекса, который в районе характеризуется особенными чертами. Но усадьбы сельского туризма должны быть более вместительными по сравнению с существующими в настоящее время в районе. Возможно их функционирование в виде небольших гостиниц, работающих по распространенному в туристической деятельности принципу “ночлег – завтрак”.

Туристский потенциал санатория “Алеся” (постоянный контингент отдыхающих – 280 человек) пока используется в большей мере для организации экскурсий в отдаленные пункты (Брест, Пинск) и недостаточно привлекается для функционирования местных туристских маршрутов. Возможна организация ознакомительных или оздоровительных туров для отдыхающих на один или половину дня, что позволит эффективнее использовать местные ресурсы объектов питания, торговли, местного производства, расположенные на “зеленых маршрутах”.

В Беларуси разработаны и уже действуют первые “зеленые маршруты” “Блакітныя каралі Расон” (Россонский район), “Край жоўтых гарлачыкаў і сірых валуноў” (Лепельский район), “Неманскі водны шлях” (Лидский район) и другие. Они уже получили известность и за рубежом. Но ресурсы Ивановского района, заключенные не только в потенциале природных достопримечательностей и историко-культурного наследия, но и в значительной подготовленности инфраструктуры для приема туристов (Рис. 4), в заинтересованности местного сообщества к данному виду деятельности, могут рассматриваться как весьма перспективные. А “зеленые маршруты”, как новый тип пространств в виде своеобразных “коридоров”, в которых будут сохраняться и использоваться в интересах современного общества естественные природные особенности территорий, традиции истории и культуры, станут дополнительным средством разнообразия архитектурной среды одного из Прибужских регионов.

Литература

1. Зеленые маршруты: справочное изд. / Составитель В.А. Клицунова. – Минск: Программа развития ООН в Республике Беларусь, 2009. – 16 с.
2. Клицунова, В. Фактор места – основной акцент архитектуры сельского туризма / В. Клицунова, С. Сергачев // Архитектура и строительство. – 2008. – № 10. – С. 32–36.
3. Мансфельд, Й. Инновационный подход к системе управления туристскими сельскими территориями на базе сетевого взаимодействия / Й. Мансфельд // Агротуризм – состояние и перспективы развития: материалы

междунар. специализированной конф., Минск, 25 февр. 2010 г. / Белагпропромбанк. – Минск : Белагпропромбанк, 2010. – С. 13–26.

4. Сергачев, С.А. Образы региональной архитектуры – “уникальный торговый товар” сферы современного туризма // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы: сб. науч. тр. кафедр социально-гуманитарных наук / С.А. Сергачев; Под общ. ред. С.П. Винокуровой. – Брест: БГТУ, 2009. – Вып. VI. – С. 252–257.

5. Клицунова, В.А. Интерпретация культурного и природного наследия белорусской деревни: школа впечатлений // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы: сб. науч. тр. кафедр социально-гуманитарных наук / В.А. Клицунова; – под общ. ред. С.П. Винокуровой. – Брест: БГТУ, 2009. – Вып. VI. – С. 105–108.

RESUME

Ivanovo district of Brest region is one of the most perspective regions of Polesye in terms of Greenways development – popular worldwide tourist routes based on natural and cultural heritage, going along rivers, traditional and historical trade routes, natural ecocorridors. These routes contribute to reviving of local economy, to conservation of natural and cultural heritage. Landscape diversity of the territory, historical and cultural heritage, and active participation of local people in festivals, fairs and folk art exhibitions are the potential for Greenways development that may become an important means of architectural heritage development in Ivanovo district. There should be established the rules of Greenways use in order to protect them from industrial influence and provide security for tourists traveling on the route. It also seems reasonable to fill the routes with farmsteads, ethnographic and ecomuseums, etc.

УДК 711.455 +338.48 -4(476.7)

Нитиевская Е.Е., БНТУ, Минск

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА ТЕРРИТОРИИ «ПРИБУЖСКОГО ПОЛЕСЬЯ»

Агрозкотуризм может стать наиболее перспективным и динамично развивающимся направлением туризма. Закономерно, что количество агроэкоусадоб в Беларуси увеличилось в 2008 году в 2,5 раза по сравнению с 2007 годом и в настоящее время составляет 474 (в 2006 году их насчитывалось только 34). Кроме того, ежегодно увеличивается количество туристов, выбирающих для отдыха именно сельские усадьбы. В 2008 году их было около 39 тыс. [1].

Благодаря богатейшим природным и водным ресурсам, экологически чистой местности и историко-культурному наследию республики, белорусский агрозкотуризм привлекает большое количество иностранных туристов из разных стран мира.

Национальной программой развития туризма в Республике Беларусь на 2008-2010 годы предусматривается развитие следующих направлений агрозкотуризма:

1) создание туристских деревень с постройками в духе традиционного народного зодчества на основе существующих сельских поселений. Такой объект может быть создан в д.Кудричи Пинского р-на. Этот населенный пункт расположен на р.Ясельда в пределах заповедника «Средняя Припять». Он известен тем, что там сохранился архаический уклад быта его жителей. Деревня стала в некотором роде туристским брендом Полесья.

2) организация сельских туров с проживанием и питанием в сельских домах;

3) создание агротуристских комплексов [1].

Предполагается, что концептуальная модель развития агрозкотуризма должна базироваться: а) на ключевых участках, объектах и явлениях, отражающих своеобразие конкретного пункта или ареала туризма – раритетах; б) на главных направлениях развития этих раритетов (акцентирование, охрана, использование).

Определяющую роль в обеспечении эффективного агрозкотуризма играет сочетание природных и социально-этнических достопримечательностей конкретной местности.

По тематическому содержанию раритеты (участки, объекты, явления) можно разделить на а) природно-естественные, к которым относятся ландшафты, биологические сообщества, виды растений и животных; б) природные и техногенные объекты, представляющие особую хозяй-

ственную, историческую, культурную значимость (например, старинные парки, каналы, строения из местных материалов, застройка в гармонии с природным окружением, фортификации с уникальными фаунистическими комплексами и т.д.); в) социально-этнические, которые иллюстрируют особенности природного окружения в диалектах, фольклоре, этнографических проявлениях, местных промыслах, агрокультуре и т.д.

Особенность территории Брестской области состоит в том, что на ее территории находятся три из четырех имеющихся в республике природно-естественных и природно-антропических объектов, с глобальным статусом, утвержденным дипломами ЮНЕСКО. Это биологические резерваты «Беловежская пуца», «Прибужское Полесье» и Дуга Струве. Кроме того, глобальный статус имеют и территории Брестчины, где обитают наиболее многочисленные на планете группировки редких животных [2].

С 2004 года в Беларуси, Украине и Польше под патронажем Национальных комитетов ЮНЕСКО осуществляются работы по созданию трехстороннего биосферного резервата (ТБР) «Западное Полесье». Он должен охватить польский биосферный резерват «Западное Полесье», украинский Шацкий биосферный резерват, а также белорусский биосферный резерват «Прибужское Полесье» (существующий с декабря 2004 года). Резерват «Прибужское Полесье» располагается на юго-западе Брестского района на площади 480,24 км кв.

Западное Полесье – территория, охваченная стратегией «Три Полесья – общая стратегия охраны и экологического использования природного наследия территорий белорусско-польско-украинского пограничья», находится в сфере повышенного туристского интереса. Эта привлекательность, главным образом, связана с природными ресурсами.

На территории «Прибужского Полесья» встречаются исчезающие, исключительно редкие для Беларуси сообщества песчаных лугов, пойменные леса, типичные европейские широколиственные и северные таежные леса, можжевеловые редколесья и вересковые пустоши. В пойме р. Буг и р. Копаявка сохранились естественные пойменные низинные эвтрофные луга, в пойме Буга представлены фрагменты остепненных лугов.

Каждый биосферный резерват существует самостоятельно, и работы по созданию единой, трансграничной охраняемой территории еще не завершены. Каждая территория обладает уникальной природой и богатым культурным наследием. Объединяет их река Западный Буг, в среднем течении которой они расположены.

Одним из перспективных направлений в рамках стратегии «Три Полесья» является развитие инфраструктуры для активного туризма в белорусском секторе ТБР «Западное Полесье». Уровень развития туристской сферы в белорусском секторе ТБР значительно ниже, чем в соответствующей польской части. Это связано с тем, что на территории Беларуси резерват как охраняемая территория появился только в начале XXI века. Необходима интеграция туристской сферы всех трех частей Западного Полесья. Планируется разработать и маркировать ряд маршрутов для разных видов активного туризма. Проект также предусматривает: выбор и обустройство 15–20 рекреационных площадок в местах наиболее популярных для активных туристов; подготовку и публикацию путеводителя по Биосферному резервату «Прибужское Полесье» и всему ТБР, а также карт, буклетов, фотоальбомов и др. [3].

В рамках общегосударственной программы по развитию малых городов и поселков в Республике Беларусь разрабатывается программа развития городского поселка Домачево. Особое значение этой программы состоит в том, что городской поселок Домачево, по существу, является центром Биосферного резервата «Прибужское Полесье». Проект предполагает создание научно-методического центра по развитию международного агроэкотуризма в трансграничном регионе Полесья, что будет способствовать продвижению европейского опыта агроэкотуризма на трансграничных территориях. Планируется размещение туристского центра в городе, ближайшем к ТБР «Западное Полесье» и обладающем развитой транспортной инфраструктурой. Центр стал бы первым в регионе учреждением по рекламе агроэкотуристских достоинств и организации транзитного туризма в полесском регионе и трансляции прогрессивного опыта Евросоюза.

Устойчивое развитие, которое изначально является приоритетом для международного Биосферного резервата «Западное Полесье», предполагает широкий комплекс мер, охватывающих также культурные и социальные процессы.

Знание потенциала культурного наследия позволяет определить региональные перспективы развития агроэкотуризма. Агроусады в состоянии выполнять роль узловых пунктов на интересующей туриста тематической оси. Чем большее количество таких осей может включиться в хозяйство, тем большими перспективами оно обладает для регулярных посещений. Благодаря рас-

положению усадьбы турист сможет познакомиться с интересными явлениями природы и историко-культурным достоянием региона.

Практика последних лет показала, что реально сложились следующие целевые группы (категории) клиентов агроусадеб:

1. Отечественные туристы-горожане
2. Зарубежные туристы
3. Корпоративные группы, связанные общим местом работы
4. Компании, состоящие из друзей, знакомых
5. Семьи
6. Мобильные группы, совершающие многодневные велосипедные, водные путешествия.

Определились и основные формы предоставления услуг.

1. Организации краткосрочного отдыха в выходные дни.
2. Длительный многодневный отдых в сельской усадьбе.
3. Организация семейных, корпоративных торжеств.
4. Прием и обслуживание мобильных туристических групп.

В перечне услуг сложились следующие основные виды: ночлег, питание, рыбалка, купание в водоемах, баня, сбор грибов, ягод и трав, спортивные игры, развлечения, организация пеших, водных, велосипедных прогулок, посещение близлежащих объектов истории и культуры, концерты местных фольклорных групп, встречи с населением и знакомство с изделиями местных умельцев и др. [4]. В то же время данные показывают, что уровень благоустройства усадеб и предоставляемого ими сервиса нуждается в серьезном улучшении. Большая часть агроусадеб находится в состоянии незавершенной реконструкции, не все обладают требуемыми санитарно-гигиеническими условиями.

Следует продолжить практику разработки пеших, велосипедных и водных маршрутов, реализуя которые, туристы будут пользоваться услугами агроусадеб, стимулируя их рост и качество обслуживания.

Последнее из перечисленных направлений развития агротуризма в регионе требует отдельного, более подробного рассмотрения. Следует отметить, что оно позволяет решить целый комплекс важных целей и задач. Во-первых, эти маршруты рассчитаны на мобильное передвижение туристов пешим, водным или велосипедным способом, что вполне актуально в культуре современной цивилизации, ратующей за здоровый, активный образ жизни. Во-вторых, данные маршруты позволяют посетить заповедные места, контактировать с сохранившимися природными богатствами нашего края. Неповторимыми объектами региона являются такие, как Беловежская пуща, болотные заказники «Выгощанский», «Споровский», бассейн р. Припять, которые входят в список Рамсарских территорий - особо охраняемых районов международного значения. В-третьих, они составляют таким образом, чтобы использовать для ночлега, питания уже работающие агроусады и стимулировать появление новых субъектов сельского туризма.

Литература

1. Грибов, Г.М Развитие агрозкотуризма в Брестской области в 2009–2010гг. (концептуальные основы) / Грибов Г.М Демянчик В.Т., Мисиюк В.С., Шайко Н.И. [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.tric.info/1232091-3744.doc>
2. Перспективы развития агрозкотуризма в Беларуси, 25/02/2009]
3. Матюнин С. Три Полесья - совместная стратегия охраны и экологического использования природного наследия территории белорусско-польско-украинского пограничья/ Матюнин С., Косьцелецкий П./ – Брест. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Strategy-rus-3-ПОЛЕСЬЯ.pdf>.
4. Энциклопедия туризма Беларуси. – Минск: Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2007. – 648 с.: ил.

RESUME

Agroekoturizm can become the most perspective and dynamically developing direction of tourism. The quantity of the tourists choosing for rest rural manors annually increases. Thanks to the richest natural and water resources, non-polluting district and a historical and cultural heritage of republic Belarus agroekoturizm involves a considerable quantity of foreign tourists from the different countries of the world.

Sustainable development which initially is a priority for international Biospheric reserve «The western Polesye», assumes the wide series of measures, covering also cultural and social processes.

УДК 712:796.5 (476.7)

Сергачев С.А., БНТУ, Минск

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Территория Ивановского района – территория древнейшего заселения, со времен неолита. Славянские племена появляются здесь раньше, чем на остальной части современной Беларуси – в VI–VIII вв. Дреговичи занимались земледелием, поэтому задача создания здесь родовых центров в виде городов достаточно долгое время здесь не возникала. Территория в XII в. входила в состав Турово-Пинского княжества, а после его разделения – в Пинское княжество, а затем в Пинский повет. Богатое историческое прошлое сформировало здесь интересный комплекс разнообразных объектов историко-культурного наследия.

Застройка населенных пунктов является закономерным продолжением традиционных приемов организации жилой среды на Полесье. Деревни крупные, многоуличные. В архитектуре жилья наиболее распространенным было формирование усадеб в виде протяженных структур погонного типа. Но в архитектуре жилого дома, наряду с использованием обычных для Полесья решений, был выработан и свой, локальный вариант хаты. Основное помещение жилого дома – хата – очень часто делалась с окнами с трех сторон, что абсолютно неизвестно практически на всей территории Беларуси. Спорадически такой прием можно встретить только в близлежащих районах, но и там он не получил значительного распространения. В декоративном убранстве (фронтоны хат, наличники окон) заметны сочетания древних символов (чаще варианты солнышка) с решениями, основанными на приемах, которые начали использовать при производстве мебели во второй половине XIX в. (карнизы). Такие решения достаточно распространены в Полесье, демонстрируя развитие древнейших традиционных решений на основе новых представлений о красоте и пользе.

Памятники архитектуры представлены большим количеством деревянных церквей XVII–XIX вв., большинство из которых ранее были униатскими; сейчас это православные храмы. Деревянное культовое зодчество Полесья является одним из наиболее характерных явлений, заметно выделяющимся в блоке историко-культурного наследия Беларуси. В большинстве своем церкви относятся к наиболее распространенным решениям продольно-осевой композиции (Рис. 1). Но каждая из них имеет свои особенные черты, которые определялись временем строительства конкретностью местной ситуации и последующими перестройками. В некоторых случаях результаты ремонта являются существенным фактором, снизившим художественные достоинства памятника (Лясковичи). Но впереди, и не только на этом объекте, возможны реставрационные работы, которые в целом будут повышать туристский потенциал района.

Некоторое исключение из общего фонда памятников культовой архитектуры района представляет трехнефная церковь XVIII в. в Ополе (Рис. 2), которая своей базиликальной структурой демонстрирует воспроизведение в типичном для Полесья деревянном строительном материале особенностей архитектуры каменных зданий [1, с. 134–135]. В XVIII в. в Беларуси это был достаточно распространенный прием. Каноны униатской архитектуры XVIII в. требовали ориентации на формы католических храмов; трехнефная базиликальная структура в наибольшей мере соответствовала данным требованиям. Главный фасад был решен в Ополе первоначально с использованием портика, а не двух башен по флангам главного фасада, что применялось достаточно часто и известно на соседних территориях: Троицкая церковь в Бездежи (1784 г.) и Юрьевская церковь (1766 г.) в Дрогичинском районе. Церковь в Ополе интересна и приемами организации интерьера храма: хоры в ней устроены таким образом, что соединяются с галереями, которые устроены вдоль боковых нефов и алтаря. Своеобразным, относящимся к старинным решениям, является и организация внутреннего пространства Петропавловской церкви в Мохро (1792 г.), где вспомогательные помещения (ризница и др.) не получили самостоятельного выражения, а встроены в основной объем здания.

Каменные храмы (Покровская церковь в Иваново, 1901 г.; Вознесенская церковь в Вороцевичах, 1872 г.; Преображенская церковь в Мотоле, 1888 г.) являются характерными представителями культовой архитектуры второй половины XIX в., когда процесс храмового строительства был поставлен на профессиональную основу с использованием типовых, “высочайше утвержденных образцов”. Безусловную культурологическую значимость имеет памятное место XVII в. в Иваново, связанное с именем Святого А. Баболи и отмеченное памятным знаком рядом с костелом на центральной площади районного центра (Рис. 3).

Сохранились отдельно стоящие возле церквей колокольни (Лясковичи, Мохро), которые вместе с оградами и строениями причта стали неотъемлемой частью культового ансамбля. Обе эти колокольни принадлежат к наиболее распространенной и эффектной форме таких сооружений – двухъярусной структуре. В Лясковичах нижний ярус – рубленый, а верхний – каркасный, в Мохро оба яруса – каркасные. Культовые сооружения все в хорошем состоянии, и, благодаря высокому историческому и архитектурно-художественному потенциалу, представляют собой значительный ресурс для туристской деятельности. Высотные композиционные построения и силуэты сохранившихся культовых сооружений по-прежнему являются выразительными акцентами застройки населенных пунктов, в которых они расположены. Это ощущается и в том случае, когда процесс развития населенного пункта привел к формированию нового центра, насыщенного современными административными и обслуживающими функциями (Мотоль, Вороцевичи, Дружиловичи и др.). Новые объекты культовой архитектуры, построенные в последние десятилетия, характеризуются выразительными формами и развивают традиции местной православной архитектуры (Тышковичи, Снитово, Достоево).

Большинство культовых сооружений отнесено к 3 категории объектов историко-культурного наследия. А архитектурно-художественные и типологические особенности некоторых церквей (Параскевы Пятницы в Ополе, вт. пол. XVIII в.; Николаевской в Дружиловичах (1666 г.), Петропавловской в Мохро, 1792 г.) и каплицы в Молодово позволили отнести их к более высокой – 2 категории [2, с. 40-43].

Объекты археологии представлены, в основном, стоянками периодов мезолита, неолита, бронзового и раннего железного веков (Мотоль, Тышковичи и др.), которые в достаточной мере исследованы археологами. Особо отмечена их концентрация в районе Мотоля (5 объектов). Курганные группы X–XIII вв. (Радогощ) по количественному составу, по физическим параметрам и археологическому материалу являются типичными, не выделяющимися какими-то особенностями в блоке памятников этого периода. Все они относятся к 3 категории историко-культурных ценностей Республики Беларусь, так как отражают, прежде всего, особенности формирования местного историко-культурного комплекса.

В целом количество историко-культурных объектов археологической тематики невелико, потенциал их для использования в туристской деятельности не очень высок, так как, в отличие от городищ, стоянки абсолютно ничем не выделяются в ландшафтах. Практически невозможен их осмотр туристами в зимний период. Такие объекты обычно предоставляют обильный предметный материал для музейных экспозиций, и в музеях, в частности в Мотоле, есть находки из археологических исследований, проведенных в окрестностях этого населенного пункта. Тем не менее, как важный источник информации, эти памятники должны включаться во все туристские маршруты.

На территории Ивановского района сохранилось 4 пункта геодезической Дуги Струве (Чекуцк, Осовница, Лесковичи, Ополь), измерения которой выполнялись в первой половине XIX в. и имеющей статус памятника Всемирного наследия. Историко-культурных объектов с таким уровнем статуса в Республике Беларусь немного, что значительно увеличивает туристский потенциал района.

Важным итогом поисковых работ по выявлению объектов Дуги Струве, произведенных совсем недавно, стало определение пунктов именно линии Осовница-Чекуцк и выполнение на них контрольных измерений с использованием спутниковых GPS-приемников. Выяснилось, что расхождение между длиной базиса, измеренного в середине XIX в., и длиной, полученной с помощью GPS-измерений, составило всего 3,5 см при длине базиса более 12 км, что подтвердило чрезвычайно высокую точность прежних геодезических измерений. Пункт Чекуцк был выполнен из кирпичной кладки, на центральном кирпиче которой пересечением диагональных линий и был отмечен центр пункта. Именно эти измерения содействовали выявлению других пунктов Дуги, которая в свое время охватила территорию 10 стран (Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия, Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Украина, Молдавия). В 2005 г. Международный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия принял решение о включении Дуги Струве в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. После восстановительных работ в Ивановском районе в каждом пункте установлены трехгранные пирамиды из металлических конструкций с визирным цилиндром. Рядом размещена каменная стела с текстом, разъясняющим историко-культурную и научную значимость данного объекта наследия. Сведения об этих объектах всемирного наследия в Ивановском районе изложены также на многих информационных стендах и дорожных указателях. Все пункты геодезической Дуги обеспечены подъездами, благоустроены и приготовлены для посещения их туристами (рис. 4).

Особенностью региона в прежние времена было не только отсутствие городов, но и формирование крупных деревень, которые, имея более тысячи жителей, играли активную роль в развитии ремесел и торговли, такие деревни получали статус местечек (Иваново, Вороцевичи, Лясковичи, Молодово, Мотоль, Ополь, Тышковичи). Причем этот процесс начался давно, с XVI в. (Мотоль), с предоставления этим местечкам магдебургского права намного раньше, чем многим крупным городам. Это в свою очередь содействовало формированию более усложненного общественного устройства, развитию различных ремесел, поднимая их изделия на уровень истинных произведений декоративно-прикладного искусства.

На территории района сформировались и прослеживаются до сих пор несколько ярких художественных явлений в местной народной культуре: изготовление сундуков в Огово, художественная роспись в Огово [3, с. 103–104], изготовление рушников в Иваново, мотольские кожухи и рушники. Все эти направления художественного творчества народа получили здесь свои, особенные черты, отличные от аналогичных решений не только в Беларуси, но и в окружающих Иваново, районах. Многие произведения декоративно-прикладного искусства мотольских мастеров демонстрировались на различных международных и республиканских выставках, включены в экспозиции многих музеев. Художественное творчество местных жителей – яркое явление в культурном комплексе Республики Беларусь. Сохранились и другие центры ремесел: в Огово, в Тышковичах, в Ополе, в Рыловичах, где до сих пор изготавливают самые разнообразные бондарные изделия, которые известны далеко за пределами Ивановского района.



Рисунок 1 – Николаевская церковь в Дружилевичах. 1666 г.

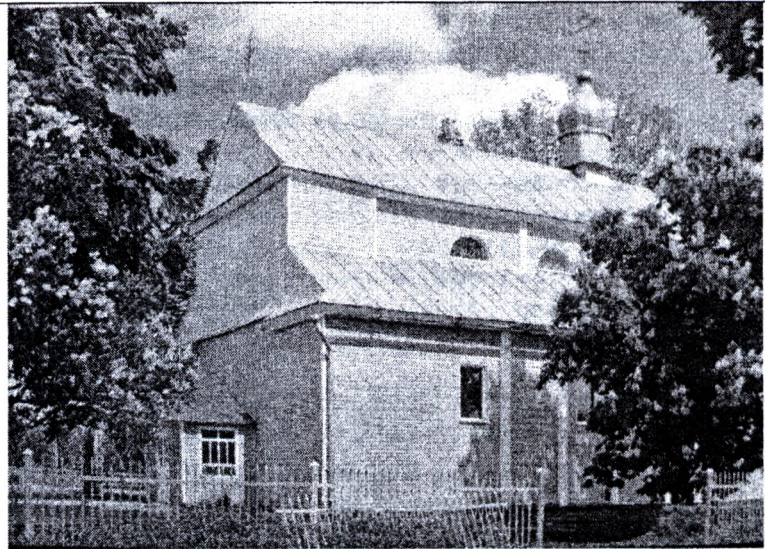


Рисунок 2 – Церковь Параскевы Пятницы в Ополе. Вторая половина XVIII в.



Рисунок 3 – Мемориальный знак в память св. Андрея Баболи в Иваново

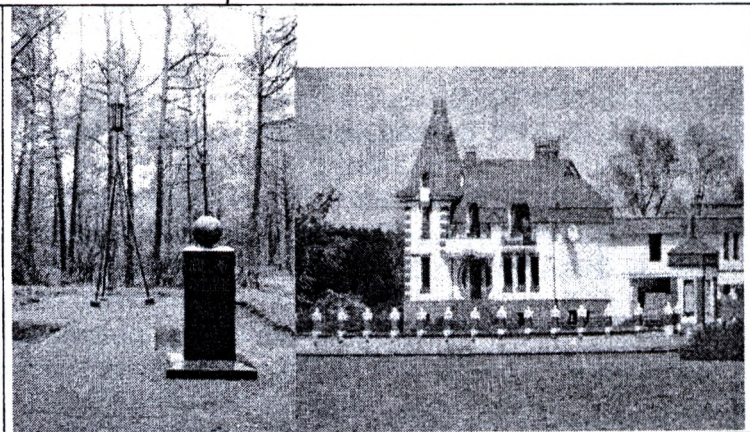


Рисунок 4 – Пункт "Чекуц" геодезической Дуги Струве в Ивановском районе. Середина XIX в.

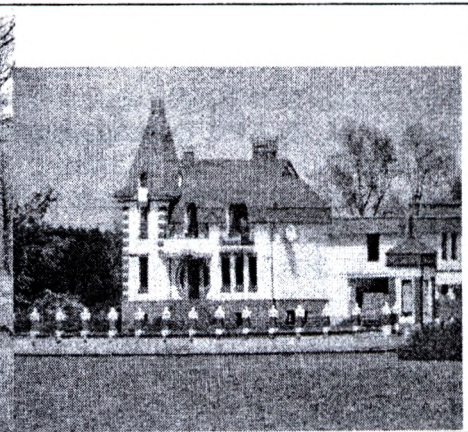


Рисунок 5 – Дом охотника и рыбакова на Мотольском озере

Все это содействует росту привлекательности для туристов Ивановского района и его райцентра, который, как и некоторые малые города, испытывает определенные проблемы с занятостью населения. Одной из основных задач района является обслуживание туристов таким образом, чтобы программа их нахождения на территории района включала бы и ночлег. Одно из направлений такой работы – проведение фольклорных праздников (январь – “Фальклор без межаў” в Тышковичах, август – “Мотальскія прысмакі” в Мотоле и др.), которые уже стали событиями республиканского уровня, и имеют перспективы войти в календари международных событий этнотуристской направленности. Все большую известность получают концерты профессиональных и самодеятельных исполнителей, пленэры и выставки, которые регулярно проводятся Районным музейным комплексом Н. Орды в Вороцевичах.

Организация подобных праздничной направленности мероприятий, которые по своей содержательной насыщенности следует формировать не однодневными, а большей временной продолжительности, будет более эффективно с точки зрения экономики для создания рабочих мест, для формирования фондов, направленных на совершенствование архитектурной среды, реставрацию памятников истории и культуры. В связи с этим в районе проводятся работы по развитию структуры объектов для обслуживания туристской деятельности (Рис. 5). Создается информационная инфраструктура, строятся гостиницы разного формата (Мотоль, Вороцевичи), новые объекты торговли и питания, начинают работать усадьбы сельского туризма (Тышковичи, Иваново). Это позволяет говорить о том, что историко-культурное наследие все более становится одним из факторов устойчивого развития района.

Литература

1. Якімовіч, Ю.А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся XVII–XIX стст. / Ю.А. Які-мовіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 146 с.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / Склад. В.Я. Абрамскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск: БЕЛТА, 2009. – 684 с.
3. Раманюк, М.Ф. Куфар у мастацкай культуры інтэр’ера сялянскай хаты / М.Ф. Раманюк // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: новыя даслед.: зб. арт. / АН БССР. Ін-т мастацт-вазнаўства, этнаграфіі і фальклору; пад рэд. С.В. Марцалева. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – С. 102–107.

RESUME

Rich history has formed an interesting complex of various elements of historical and cultural heritage on the territory of Ivanovo district of Brest region. It stimulates the tourist attractiveness of Ivanovo district and its central town that as many small towns suffers from employment problems. Therefore one of the main objectives of the region is providing such services for tourists that will include overnight stay in the region. It can be fulfilled by developing infrastructure, reconstruction and restoration of cultural and historical heritage, conservation of national traditions. To some extent cultural and historical heritage becomes one of the factors of sustainable development of the district.

УДК 712.3/4:796(476.7)

Орлов А.М., БрГТУ, Соломенник О.И., директор агроусадьбы «Хиляки», Брест

ПРОЕКТ ПО ЭСТЕТИЗАЦИИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ «АГРОУСАДЬБА». ОФОРМЛЕНИЕ ДВУХ ОБРАЗЦОВЫХ УСАДЕБ: УСАДЬБА «ДУБРАВА» БРЕСТСКОГО РАЙОНА И УСАДЬБА «ХИЛЯКИ» МАЛОБЕРЕСТОВИЦКОГО РАЙОНА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

На сегодняшний день набирает силу создание агроусадьб и экологических троп. Анализируя оформление этих ансамблей, мы, как художники, наблюдаем проблему стандартизации и шаблонности данного процесса. Необходимо дельное конструктивное предложение на предмет того что, как и зачем делать.

На наш взгляд, сегодняшняя ситуация вызвана отсутствием ориентира на достойные органичные образцы, в то время, как они существуют в достаточном количестве (музей археологии и быта в Строчицах). Национальный опыт подобного строительства особенно хорошо заявлен в музее-заповеднике в Талашкино под Смоленском, где художник Малютин в начале прошлого века сумел в знаменитом «Теремке» синтезировать национальную стилистику в художественном

оформлении типовой народной избы. Здесь мы видим не копирование былой среды, а синтетическое воссоздание образца, посредством использования закономерностей национального оформления, где жилье всегда было прежде всего храмом. Отсюда проистекает проблема современного подхода в оформлении на уровне подражания с имитацией формы и элементов. Это происходит из-за того, что частнику, обладающему агроусадьбой, не хватает краеведческого образования. Процесс оформления сводится к переносу на фасад мотивов декора или использования узнаваемых форм, что ни в коей мере не дает прямого ответа, какие на самом деле сооружения должны быть, каков должен быть их образ, чтобы соответствовать этнотематике. Подражание без углубленного освоения традиций, свободное обращение с формами без внимательного отношения к местному региональному историко-этнографическому контексту, порождает штамп и негармоничный, оторванный от среды стандарт.

Если рассматривать вопрос агротуризма, то его условно можно разделить на 2 группы – рекреационный и познавательный. С первым все ясно, так как он подразумевает наличие постели, пищи, простейших услуг по отдыху и оздоровлению. Со второй более разнообразной и интересной группой услуг, судя по рекламным материалам, хозяева усадеб необходимой компетенцией не обладают. Налицо малоинтересная культурная программа, ограничивающаяся велосипедной прогулкой, шашлычной поляной и сеновалом, в совокупности с эклектичным, оторванным от исторического наследия региона художественным оформлением. Не используется в полную силу историческая память конкретного места, хотя в целом тенденция к **улучшению этого направления** намечена и пока только набирает обороты. Следует заметить, в этой связи особо ценны старинные деревья, являющиеся для равнинного Полесья не только памятниками природы, но и значимым ландшафтно-образующим элементом. У нас нет гор и ущелий, и в этой связи достопримечательные деревья особенно значимы.

Познавательный туризм или этнотуризм по форме и содержанию должен стать определяющим направлением в республиканской программе по туризму и возрождению села. Сюда входит изучение архитектурного наследия региона, знакомство с его культурными традициями, бытовыми процессами, освоением трудовых навыков. Культурный потенциал традиционных решений оформления среды проживания непременно влияет на духовный комфорт людей, корректирует многие функции села и сельской местности, наполняет жизнедеятельность более глубоким смыслом и содержанием, развивает и облагораживает условия качества человеческой жизни. Практика подсказала, что воспроизведение принципов органичного бытования наших предков создает эстетическую гармонию в результате создания объектов, созвучных с духовным миром человека и природой. Это тем более актуально на сегодняшний день, так как учитывает возможности каждой личности и общества в целом.

Технологические и количественные вопросы решаются, теперь необходимо решать вопрос качественного оформления отдельной усадьбы–эталоны в конкретных регионах. Возрождение народных традиций, соответствующее обустройство быта, немислимо без этносождения. Создание эклектичной декорации, на наш взгляд, скорее вредит делу, профанируя впечатления туристов о Беларуси, не помогает увидеть действительный самобытный образ.

За лето 2010 года в рамках проекта «Благовест» творческая группа «Артель» планирует закладку 2-х центров образцовых усадеб рядом с Брестом и недалеко от Гродно. У нас накоплен достаточный практический опыт, мы давно занимаемся эстетизацией среды обитания в городах и селах республики. Оформление производилось благотворительно. В своей работе мы следуем древнеславянским образцам оформления, изучаем шрифты и используем орнамент. Сложилась уникальная ситуация, идея заинтересовала передовую интеллигенцию не по приказу, а по естественной жизненной необходимости. Откликнулись энтузиасты – скульптора, резчики и педагоги. Мы – единомышленники, нас объединила любовь к нашему богатому историческому наследию. В Бресте консультировать процесс оформления согласны кандидат архитектуры БрГТУ Власюк Н.Н., советник по культуре от афганского общества художник-педагог Чернобрисов В.Ф., помогать в создании экотроп согласились лесники, в частности, главный инженер по лесовосстановлению Брестского района Вирко А.П.

Подобная ситуация сложилась в Берестовицком районе Гродненской области; на базе местной общеобразовательной школы был создан проект «Родниковая долина». В проекте создания эталонной усадьбы данного региона участвуют директор Малоберестовицкой общеобразовательной школы Киселевская В.Р., директор УО «Малоберестовицкий государственный лицей перерабатывающей промышленности» Карвацкий Э.В. и директор агроусадьбы «Хиляки» Соломенник О.И.

Наша цель: сделать посильное улучшение среды обитания через оформление двух усадеб, поэтому мы объединяемся с подобными энтузиастами с целью изучения и обмена позитивным опытом друг с другом. Мы подходим комплексно к имеющемуся природному ресурсу: земле, воде, дереву и камням, изучаем садово-парковое искусство, которое интересует нас как наследие предков. В этом отношении очень ценным пособием является книга Федорука А.Т. «Старинные усадьбы Берестейщины». Наше предложение – создание коллегиального совета с соответствующим юридическим статусом и полномочиями из специалистов по разработке образцовой усадьбы Прибужского Полесья с последующим созданием и оформлением этого подворья с характерными для региона элементами (архитектура, резьба, ворота, резные камни, столбы и т.д.). Ориентируясь на существующий опыт, совет и поддержку компетентных людей.

RESUME

For today creation of agro-eko manors and ecological tracks gains in strength. Analyzing registration of these ensembles, we as artists, observe a problem of standardization of the given process. The efficient constructive offer about how and what to do is necessary.

УДК [711.455]

**Агранович Д.В., Проектное бюро, Герцлия,
Агранович-Пономарева Е.С., Политехника Белостоцка,
Мазаник А.В., БНТУ, Минск**

ТУРИЗМ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СТРАНАХ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В своем исследовании мы хотели проанализировать формы организации туризма на приграничных территориях на примере стран Средиземноморья, остро зависящих от специфических природно-климатических, геополитических и культурно-исторических условий.

В качестве объекта анализа выбраны Эйлат – самый южный город Израиля на берегу Красного моря – и начинающаяся от него система туристских маршрутов по приграничным территориям Иордании и Египта.

Эйлат является центром развитой, обслуживающей туризм инфраструктуры, включающей в себя гостиницы и мотели; городские песчаные и коралловые пляжи; рестораны; киноконцертные залы: крупнейший в стране океанарий; дельфинарий (рис. 1). В городе проходят Международный кинофестиваль, фестивали джазовой, классической, этнической музыки, проводятся мероприятия с участием ведущих артистов и художников, включая звезд российской и восточноевропейской культуры.

Океанарий представляет собой многоуровневую экспозиционную башню с надводными и подводными этажами, ряд павильонов с бассейнами для черепах, акул и других морских обитателей, кинозал. Поскольку океанарий является знаковым для Эйлата объектом, с ним оказывается связанным большинство тем городского дизайна. Макет океанария воспроизведен на одной из площадей города, а рыбы становятся излюбленными героями скульптурных композиций (рис. 2, 3).

В Эйлате огромный спектр объектов общественного питания на любой вкус и кошелек от традиционных ресторанов средиземноморской, индийской, китайской кухни до экзотических ресторанов в виде ледяной пещеры, ресторанов на сваях, вынесенных в море или устроенных под водой на морском дне (рис. 4).

На нужды туризма работает современное промышленное производство. Ювелирная фабрика по обработке эйлатского камня работает как постоянно действующий выставочный комплекс, демонстрируя не только украшения, но и технологию их производства.

Транспортная система представлена наравне с автомобильным транспортом прогулочными судами с прозрачным дном, когда создается ощущение, что не мы смотрим на рыб, а они на нас, и аэропортом для малой авиации, выполняющей экскурсионные рейсы.

Привлекательность Эйлата для отдыхающих объясняется тем, что он расположен в бассейне уникального Красного моря с абсолютно чистой и относительно прохладной водой, сохраняющей постоянную температуру в течение года. Это обеспечивает сохранение и рост живых коралловых рифов (рис.5).

Береговая линия является своеобразной точкой отсчета композиционных построений. Так, гостиницы создают ближайшую к воде полосу застройки, причем объемы чаще всего каскадно спускаются к воде. Центральная часть города формируется этими зданиями, причем авторы проектов идут на поиски стилового разнообразия, богатства декоративных деталей, обостренного силуэта (рис. 6).

Туристские маршруты на приграничных территориях египетского и иорданского направлений имеют разный характер. Египет обладает огромным архитектурным потенциалом, но уникальные памятники огромной ценности в своем большинстве расположены в центре страны. Приграничные же территории могут привлечь туристов не архитектурными объектами, а прекрасными природно-климатическими условиями Синайского полуострова, первозданной романтикой девственных ландшафтов. Поэтому египетское направление предлагает туристам солнце, море, пляжи, огромные заросли кораллов, возможность плавать с аквалангом или маской. Так как конкурировать с Эйлатскими пятизвездочными отелями и по уровню обслуживания и по ассортименту предлагаемых услуг достаточно проблематично (даже учитывая более чем attractive ценовые предложения), строительство суперсовременных гостиничных центров здесь имеет ограниченный эпизодический характер. Зато облегченные комплексы цимеров или бунгало, организованных по примеру бедуинских лагерей, выше всяких похвал. Национальная кухня, потрясающая доброжелательность и толерантность персонала, абсолютная тишина и покой обстановки создают у отдыхающих иллюзию застывшего времени и полной релаксации. Именно контраст с бешеными ритмами современной жизни привлекает сюда туристов со всех краев земли.

Объекты для обслуживания туристов носят ярко выраженный национальный характер. Легкие постройки без стен на пляжах – точная копия традиционных солнцезащитных навесов; маленькие гостиницы сохранили особенности конструктивных решений, пластики, цвета традиционной жилой архитектуры (рис. 7, 8).

Иорданское направление характеризуется тем, что на приграничной территории существует уникальный памятник – пещерный город Петра, внесенный в список 7 чудес света и охраняемый Юнеско.

Первое упоминание о Петре относится к концу 2-го тысячелетия до н.э. Пещерные жилища, храмы, театры, гробницы и др. были сооружены для столицы Набатейского царства в период от II в. до н.э. до I в. н.э. В XV в. н.э. сведения о царстве исчезают.

Посещение Петры с территории Израиля – один из примеров активно развивающегося приграничного туризма.

После пересечения границы туристы доставляются автобусами до туристского центра, откуда начинается пешеходный маршрут (рис. 9). Маршрут проходит по ущелью с прекрасно сохранившимися природными «скульптурами» и рукотворными памятниками (рис. 10).

Это действительно город с пещерами для жилья, с погребальными камерами, с сакральными пространствами, вырубленными в толще скалы. Фасады сакральных пространств вынесены на стены ущелья, украшены колоннами и скульптурой (рис. 11).

Ущелье – основная пространственная ось скального города – воспринимается как целостное линейное пространство, обогащенное композиционными акцентами. В качестве таких акцентов выступают природные утесы, которые временем, водой и ветром превращены в скульптуры. Например, один из утесов с одной видовой точки воспринимается как пара рыб, а с другой – как слон. Быстро меняющееся в узком ущелье освещение и перемещающиеся тени создают видимость непрерывного движения (рис. 12).

Выполненные человеческими руками скульптурные группы вызывают не меньший восторг. От группы «погонщик с верблюдом» сохранилась очень небольшая часть. Силуэты фигур лишь угадываются по отдельным фрагментам, но возникает почти мистическое чувство, что они просто на время растворились в камне и еще выйдут оттуда (рис. 13).

Большую художественную нагрузку берут на себя порталы сакральных пещер. Когда на поверхности иррациональной, пульсирующей каменной массы появляется четко прочерченная сетка архитектурных деталей, то их выразительность уже не зависит от размеров и степени декоративного богатства (рис. 14).

Комплекс Петры представляет собой еще и великолепное гидротехническое сооружение. В период дождей через ущелье проносится огромная масса воды. Для защиты людей и борьбы с этим бурным водным потоком была разработана система водоотводящих каналов вдоль стен ущелья.

Эти каналы удивительно точно рассчитаны и спроектированы. Их поперечное сечение изменяется в зависимости от уклона основания ущелья, от того, несут они воду по прямолинейным или закругляющимся участкам. Часть каналов вырублена в горных породах ущелья, часть выполнена из керамических профилей.

Помимо возможности наслаждаться красотой местности, туристы могут познакомиться с некоторыми формами бытовой деятельности местных жителей (рис. 15, 16). Можно полюбоваться всадниками на лошадях, их грацией и отточенностью движений. Можно понаблюдать за работой погонщиков верблюдов. А еще можно совершить экскурсию не пешком, а на лошадях, на верблюдах, в колясках. Но это уже совсем другая экскурсия.

Нужно отметить образцовую кооперацию и неплохую слаженность государственных институтов сопредельных стран. Визовый режим, особенно на Синайском направлении, значительно упрощен, бюрократические процедуры сведены к минимуму. Отношение представителей таможенных и силовых структур самое цивилизованное из возможных. Высока степень взаимодействия и структур безопасности, отлично организованы поисковые и спасательные службы.

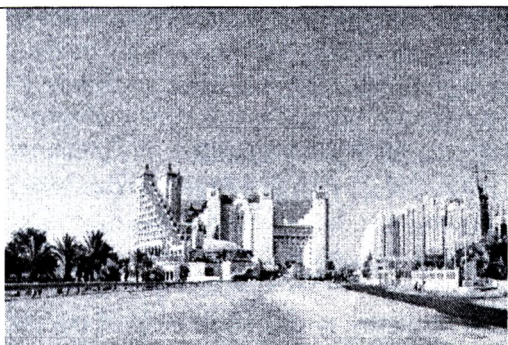


Рисунок 1 – Панорама Эйлата

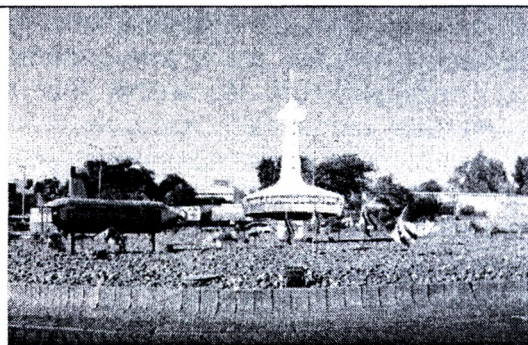


Рисунок 2 – Макет океанария

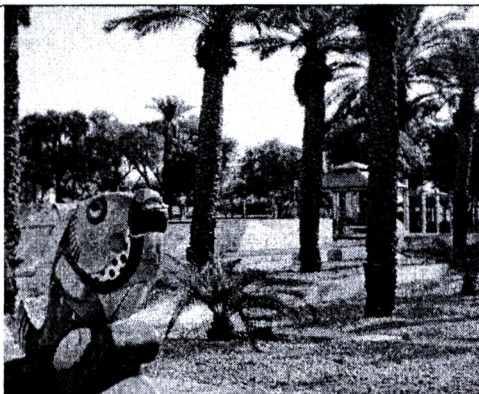


Рисунок 3 – Городская скульптура



Рисунок 4 – Ресторан на сваях

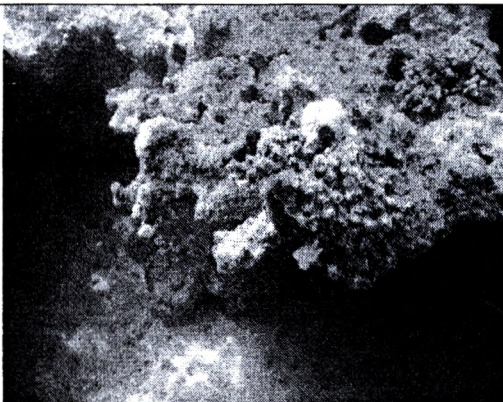


Рисунок 5 – Коралловые рифы Красного моря

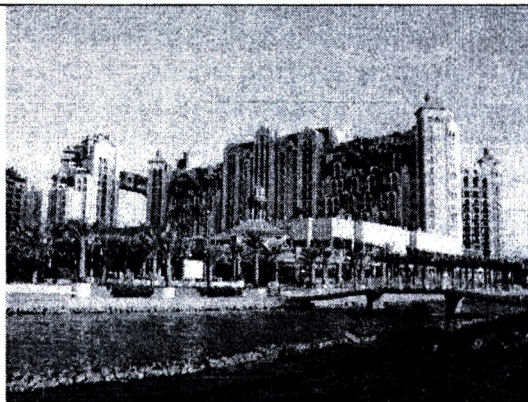


Рисунок 6 – Гостиницы Эйлата

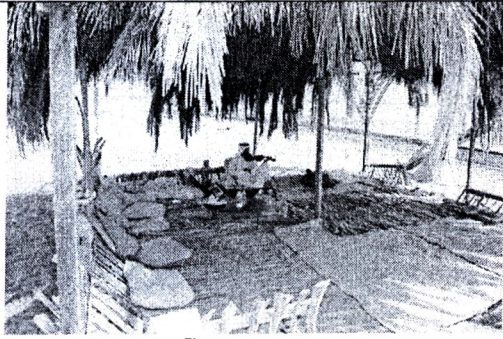


Рисунок 7 – Рекреационная зона на пляже Синая

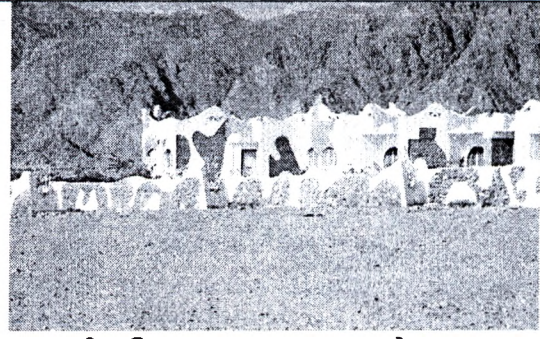


Рисунок 8 – Отель на пляже как дань уважения народным традициям



Рисунок 9 – Начало пути в поисках города



Рисунок 10 – Ущелье раскрывает свои тайны

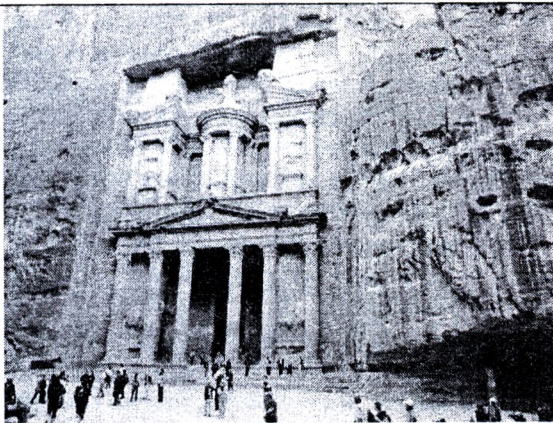


Рисунок 11 – Пещерный храм Петры

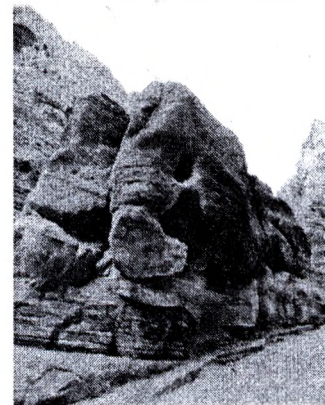


Рисунок 12 – Утес «слон»

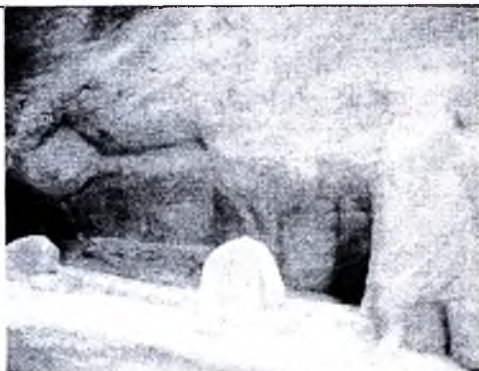


Рисунок 13 – Погонщик верблюдов



Рисунок 14 – Памятники прошлого



Рисунок 15 – Наследники прошлого



Рисунок 16 – Жизнь продолжается

RESUME

In our work we wanted to analyze different forms of tourism in countries of Mediterranean region, to describe the particularities of indigenous, climatic, geopolitical, cultural conditions. The object of analysis – the most south Israel town Eilat on the bank of the Red Sea, the initial point of tourist routes to Jordan and Egypt.

УДК [711.03](476)

Буната Е.Г., Новик Е.Г., Сысоева В.А., БНТУ, Минск

СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПОСЕЛКЕ РАКОВ

Поселок городского типа Раков располагается на живописном берегу реки Исloch в непосредственной близости от автодороги Минск-Гродно. В этой связи Раков имеет развитые социально-экономические связи с Минском: здесь располагаются санаторно-курортная зона и центр реабилитации, строится индивидуальное жилье горожан, продукция местного агропромышленного комплекса находит реализацию, в основном, в Минске. Также Раков имеет богатую историю и обладает ценным историко-культурным наследием, позволяющим развивать его как центр туризма. А именно Спассо-Преображенская церковь (1793 г.) с брамой (1886 г.), католическая часовня св. Анны с брамой-колокольней (1862 г.), костел Богородицы Руженцовой (1906 г.), склеп-усыпальница Друцких-Любецких (1920-е гг.). Здесь также сохранились более скромные сооружения, приобретающие с течением времени значительную культурную ценность, так как носят характерные признаки застройки белорусского местечка конца XIX века (к примеру, гончарня и почтовая станция).

К сожалению, многие памятники архитектурного наследия не дошли до наших дней. К настоящему времени значительная, а то и большая часть исторической застройки Ракова была утрачена, что существенно повлияло на его пространственную среду. Для того чтобы сберечь объекты историко-культурного наследия, сохранить их качество и значение, необходимо создать условия для их использования, участия в жизни общества. Требуется найти золотую середину - сохранить ценности, не исключая их из повседневной жизни, используя как полноценные и необходимые составные элементы современных процессов. Немаловажными видятся два направления включения исторических объектов в современную жизнь: насыщение их аутентичными функциями, что является лучшим залогом сохранения памятников, либо адаптация зданий к новым, но соответствующим «гению места» функциям, близким по смыслу и не требующим значительных перестроек.

В первую очередь сохранить памятники истории и культуры можно с помощью привлечения туристов. Именно туризм может и должен стать основным направлением развития Ракова. Однако здесь для развития туризма недостаточно наличия памятников истории, культуры, природы, мест, связанных с важными историческими событиями и выдающимися историческими личностями. Необходима подготовка имеющихся достопримечательностей к туристско-экскурсионному показу, разработка градостроительного сценария, при котором зритель (турист, любитель, эстет) будет наслаждаться образом здания с «Историей». Также требуется обеспечение удобной транспортной доступности объектов историко-культурного наследия, создание развитой туристской инфраструктуры. Необходимо сформировать культурно-туристскую зону, призванную обеспечить как охрану и восстановление историко-культурных ценностей, так и создание условий для привлечения и обслуживания туристов.

В границы культурно-туристской зоны должны быть включены:

- историко-культурные ценности, которые используются или могут использоваться как объекты туристско-экскурсионного показа, и их охранные территории;
- участки территории, обеспечивающие целостность среды культурно-туристской зоны;
- объекты обслуживания туристов, участки территории, которые используются или могут использоваться для туристских функций.

Основой для определения границ культурно-туристской зоны Ракова должны служить материалы исторических изысканий касательно установления зон исторической планировки и застройки, представляющих ценность с позиций охраны и перспективного восстановления историко-культурного наследия. В ходе исследования был восстановлен план Ракова 1903 года, что позволило с высокой точностью определить в современном поселении местоположение зоны исторической планировки (рис. 1). При определении границ культурно-туристской зоны также важно обеспечить удобную доступность между объектами туристско-экскурсионной демонстрации и объектами обслуживания туристов.

План Ракова. 1903 год

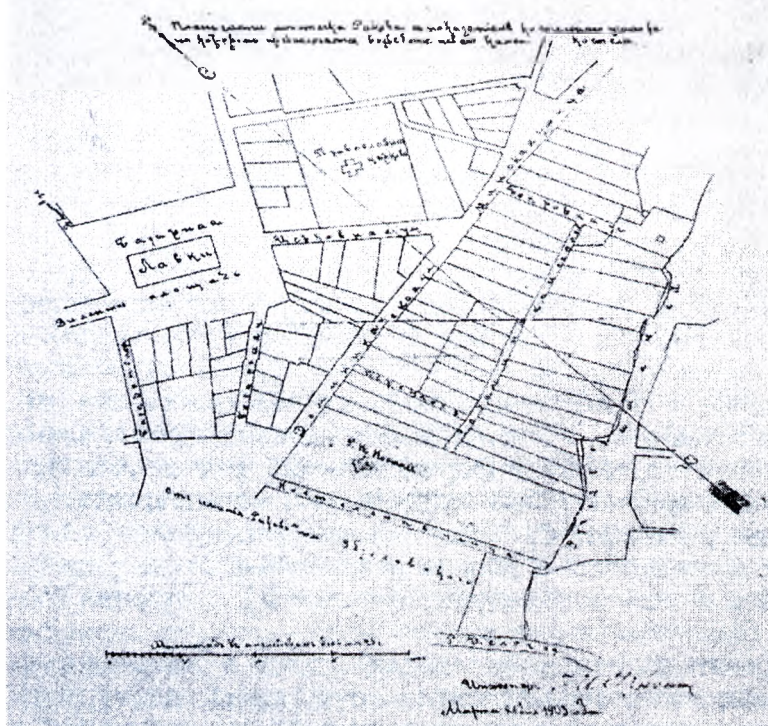


Рисунок 1 – План Ракова 1903 г.

В Ракове имеются все возможности обеспечить пешеходную доступность между ними в пределах 15-20 минут, т.е. сформировать культурно-туристскую зону с линейными размерами до 1 км. Компактность территории исторического центра позволит вывести из него транспортные потоки и создать новые пешеходные зоны.

Формирование культурно-туристской зоны Ракова правомерно совместить с общегородским центром, т. к. современный городской центр сформировался в пределах исторического центра и занимает относительно небольшую территорию. Развитие туристских функций позволит улучшить систему общественного обслуживания поселения, создаст новые рабочие места.

Для размещения объектов обслуживания туристов возможно использование сохранившейся исторической застройки кварталов и групп рядовых жилых зданий. Целесообразно использование для размещения туристов индивидуального жилого фонда, специально приспособленного для этих целей.

Принцип концентрации функций предполагает формирование в составе культурно-туристских зон комплексов обслуживания. И здесь не обойтись без нового строительства. Обслуживающие комплексы должны предоставлять туристам широкий выбор услуг: туристско-экскурсионные бюро, информационные службы, комплексы проживания разного уровня комфорта и стоимости, а также комплексы развлечений и занимательного проведения досуга. Новое строительство должно быть композиционно взаимосвязано с исторической застройкой. Также при создании новых объектов необходимо стараться исключить типовое проектирование и строительство и параллельно заменять типовую жилую и промышленную застройку уникальными постройками. Возможно строительство гостиниц, мотелей, кемпингов на окраине города или в его ближайшем окружении в благоприятной природной среде и в удобной доступности от культурно-туристской зоны.

Для Ракова характерна проблема видеозакологии исторического центра малого города, которая заключается в проблеме сохранения существующей среды и привнесения архитектурных элементов, не разрушающих эту среду, а дополняющих комфортное визуальное пространство своими выразительными средствами. Большинство современных коттеджей, появившихся в застройке

исторической части, стали более значительными визуальными акцентами городского пространства, чем общественные здания. В исторических каменных зданиях поставлены дополнительные двери, гладкие, окрашенные в яркие тона, которые дисгармонируют с фасадами. Не сочетаются с фасадами и элементы ограждения: глухие бетонные заборы, сетки, ограды из металлических труб. В окнах многих исторических построек стоят решетки, выполняющие исключительно утилитарную функцию, но не художественную. Кроме того, заборы и разросшиеся деревья закрывают фасады зданий.

В связи с этим необходима тщательная, бережная реставрация памятников историко-культурного наследия, которая сохранит подлинность материалов и фактур, воссоздание утраченных элементов и параметров и при возможности использование памятников истории и культуры по их историческому функциональному значению. В Ракове еще можно избежать «новодела», муляжа оригинала, того, что мы, к сожалению, наблюдаем при реставрации комплекса Мирского замка. Требуется бережное отношение к исторически ценным архитектурным объектам: не должно происходить их уничтожения, а также нарушения композиционного решения фасадов; необходимо проведение предварительной оценки значимости различных современных построек на территории исторического центра и снос тех сооружений, которые не представляют ценности и являются дисгармоничными.

При формировании культурно-туристских зон важно восстановление ландшафта. Безусловно, именно сохранившееся, нетронутое природное окружение может позволить нам окунуться в историю города, прогуливаясь по старым улочкам, почувствовать то же, что ощущал далёкий предшественник. Необходимо проводить регулирование зеленых насаждений, превращая произвольно зарастающие территории «природного комплекса» в цельную структуру садово-парковых композиций парков, скверов, бульваров, дворовых территорий. При благоустройстве, озеленении, цветочном оформлении культурно-туристской зоны Ракова важно как воспроизведение исторически достоверных элементов городской среды, так и придание своеобразия поселению за счет использования уникальных скульптурных, ландшафтных композиций, малых архитектурных форм. Стоит задача сохранения и восстановления главной композиционной идеи и элементов исторического ландшафта, таких как формы рельефа, водные устройства, массивы и группы зелёных насаждений, архитектурные сооружения и малые архитектурные формы, а также удаление чужеродных им элементов. Восстановление визуальных связей между историческими и современными доминантами в долине реки Исlochь рекомендуется осуществить путем регулирования высоты и плотности зеленых насаждений, раскрытия перспектив, объединяющих различные пространственные планы.

Таким образом, необходимо сформировать современную городскую среду в гармонии с историческим ландшафтом. В Ракове можно постепенно перейти к качественно новому этапу взаимоотношения с природой, где ландшафтная архитектура выступает как инструмент в формировании комфортной среды урбанизированного пространства. Важно также сохранение территориальной целостности исторического ландшафта без разделения или уменьшения его площади. Визуальная охрана должна обеспечиваться за счет ограничения этажности и плотности окружающей застройки, создания фоновых и барьерных зеленых насаждений, раскрытия видов на живописные элементы ландшафта, окружающие территории.

Таким образом, для Ракова актуальна проблема сохранения и использования объектов историко-культурного наследия. Здесь представляется целесообразным сформировать культурно-туристскую зону, предусматривающую не только реставрацию и подготовку к туристско-экскурсионному показу памятников истории и культуры, но и возрождение рядовой исторической застройки. При этом важно сохранить традиционное окружение памятников, его масштаб, исторические ландшафты.

RESUME

The problem of preservation and use of the historical and cultural heritage is actual in Rakov. Here it is represented expedient to generate the cultural-tourist zone providing not only restoration of historical and cultural monuments along with their preparation for tourist display, but also revival of ordinary historical building environment. It is very important to keep traditional environment of the monuments, its scale, historical landscapes. New building activity should be correlated with historical heritage. Two directions of inclusion of historical objects in a modern life are considered to be important: realization of their authentic functions, as well as adaptation of the buildings to new functions, that are corresponding to the genius of a place and are not demanding considerable reorganizations.

УДК 711+725.54

Лазовская Н.А., Мазаник А.В., БНТУ, Минск

ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Люди постоянно перемещаются в пространстве. Люди ищут новых ощущений, пытаются познать окружающий мир и себя, общаются, путешествуют. Миграционные потоки преодолевают границы поселений, регионов, стран, континентов. Без преувеличения можно сказать, что каждый из нас хоть раз в жизни выступает в роли путешественника вне зависимости от возраста, пола, состояния здоровья и уровня психофизического развития. И цели путешествий самые разные: мы ездим в гости к друзьям и родственникам, отдыхаем и поправляем здоровье, познаем мир и изучаем памятники культуры, посещаем места, связанные с историей своей семьи, совершаем паломничества к святыням. В зависимости от рода деятельности мы отправляемся в различные командировки по служебной надобности, будь то конференции, деловые встречи, спортивные соревнования, выставки либо другие мероприятия. Для каждого вида туризма можно выделить свой круг объектов, на которые направлен интерес путешественника: от храмов и мемориалов до агроусадеб и санаториев. Во всем мире увеличивается поток туристов с ограниченными физическими возможностями, в том числе инвалидов. Активно развивается «туризм для всех», и остаться в стороне от мировой тенденции Республике Беларусь невозможно.

3 мая 2008 года вступила в силу обязательная во всем мире Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. В настоящее время в Республике Беларусь под эгидой ПРООН проводится аналитическая и законотворческая работа по ратификации данной Конвенции, предусматривающей в том числе в статье 9 требования к государствам-участникам по «обеспечению доступности к объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения, как в городских, так и в сельских районах» [1]. Если рассматривать это положение с точки зрения «туризма для всех», то в нашей стране сделаны значительные шаги по предоставлению равных возможностей инвалидам. Разработаны Законы Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов», «О социальной защите инвалидов», «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь», «О туризме», Государственная программа о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2007–2010 гг., Национальная программа развития туризма на 2008–2010 гг. В частности, в ст. 6 Закона «О туризме» говорится о том, что «основными целями государственного регулирования в сфере туризма являются: обеспечение прав физических лиц на отдых, свободу передвижения и иных прав, реализуемых в сфере туризма; формирование представления о Республике Беларусь как о стране, привлекательной для туристов; обеспечение доступности туризма» [2]. Согласно Государственной программе о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц предусмотрено к 2011 году «повышение удельного веса объектов социальной и другой инфраструктуры, приспособленной к доступу инвалидов и других категорий физически ослабленных лиц до 50%» [3].

С одной стороны, существуют Законы и программы, с другой - реальная жизнь и практическое осуществление заложенных в государственных и национальных программах мероприятий. И чаще всего это не одно и то же.

Отправляясь в путешествие, даже здоровый человек становится уязвимым и чувствительным к бытовому обслуживанию и техническому сопровождению маршрута следования. Большинство путешественников попадает под категорию физически ослабленных лиц в силу возраста, психофизических особенностей, наличия маленьких детей либо просто из-за необходимости перемещать на себе поклажу. В зависимости от своего физического состояния, люди с ограниченными физическими возможностями – потребители туристского продукта подразделяются на две категории:

1 категория – туристы с ограниченными возможностями передвижения (в основном, инвалиды-колясочники);

2 категория – туристы с ограниченными возможностями восприятия окружающего мира (слабовидящие, незрячие, глухие) [4].

Конкретные проблемы, выявленные при организации отдыха и путешествий для людей с ограниченными физическими возможностями, в том числе инвалидов, включают в себя отсутствие:

- достоверной информации о доступных объектах инфраструктуры еще на стадии организации и бронирования тура;
- доступных для размещения кресла-коляски транспортных средств (автомобиля, автобуса, поезда и т.д.);
- приспособленных гостиничных номеров, кафе, ресторанов, санузлов на автозаправочных станциях и в других общественных местах;
- парковок для автомобилей инвалидов;
- беспрепятственного доступа к архитектурным, историческим достопримечательностям, паркам, театрам, музеям и т.д.;
- специально разработанных программ обслуживания: экскурсий, мероприятий, выставок и т.д.;
- специального вспомогательного оборудования для инвалидов всех категорий (с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, слепых и слабовидящих, глухих и слабослышащих);
- специально обученного персонала.

Если же подобные проблемы не решены, то любой самый лучший туристский объект теряет часть своей привлекательности: Беловежская пуца с ее великолепным животным и растительным миром, археологический музей «Берестье», резиденция белорусского Деда Мороза, Августовский канал, фортификационные сооружения, объекты агро- и экотуризма, санатории и базы отдыха Брестчины и множество других притягательных для въездного и внутреннего туризма мест сегодня практически не приспособлены для физически ослабленных посетителей. Но всерьез предполагать, что посещают, например, Брестскую крепость исключительно молодые и здоровые нельзя.

В зарубежных странах и, прежде всего в Европе, большое внимание уделяется «туризму для всех» для людей с ограниченными физическими возможностями или «доступному» туризму. В то же время неверно то, что в Европейских странах физически ослабленные лица, в том числе инвалиды различных категорий, могут попасть всюду. Это не так. Есть гостиницы, в которых нет специально оборудованных номеров, общественные здания с порогами и без пандусов, с лестницами и без лифта поблизости. Однако, если внимательно посмотреть карту города или специальный буклет (иногда сайт), то там символами указаны все доступные объекты. Знак, обозначающий пространства, приспособленные для инвалидов на креслах-колясках, встречается во многих местах: гостиницах, магазинах, музеях, парках аттракционов, бензозаправках, на остановках общественного транспорта, в туалетах.

Анализ международного опыта по личным наблюдениям, литературным и Интернет-источникам показал, что существует множество хороших и даже креативных примеров, как можно строить без барьеров, находить оригинальные архитектурные решения, организовывать интересные программы, тем самым привлекая туристов [5,6,7].

Обязательно предусматриваются устройства для преодоления барьеров в местах наибольшего скопления туристов. В Париже в инвалидной коляске Вы без труда попадете на смотровую площадку Эйфелевой башни и достаточно легко по серпантинной аллее доберетесь от Галери де Лафайет до Монмартра, правда только до подножия лестницы перед Сакре Кер.

Большое внимание уделяют «доступному» туризму для людей с ограниченными физическими возможностями в Барселоне. Эта тенденция началась с Олимпийских и Паролимпийских игр 1992 года. Все центральные улицы города оборудованы пандусами и специальными дорожками для инвалидов, общественный транспорт адаптирован, в гостиницах есть специальные номера, удобные для инвалидов. В Барселоне Вы сможете оценить комфорт специальной ветки метрополитена, оборудованной системой кондиционирования воздуха с периодической антисептикой, лифтами для инвалидов и вагонами, уровень пола в которых совпадает с уровнем пола на станции.

Финляндия - это одна из стран, которая предлагает необходимые условия для полноценного отдыха людям с ограниченными физическими возможностями. По рекам и Балтийскому морю курсируют прогулочные суда, на борт которых могут подняться и люди в инвалидном кресле. В многочисленных гостиницах, оздоровительных комплексах, фермерских усадьбах предусмотрены специально оборудованные номера. В зависимости от состояния здоровья и физических возможностей инвалидам предлагаются самые различные формы отдыха: сбор ягод, рыбная ловля, верховая езда (в том числе иппотерапия), игра в гольф или в керлинг (на кресле-коляске), плавание в бассейне.

Интересен пример решения специальной гостиницы для инвалидов в немецком городе Рейнсберге. В отеле более ста номеров, оборудованных вспомогательными устройствами. В ванных комнатах предусмотрена специальная сантехника. При необходимости можно, например, опустить раковину. В гостинице есть даже комнаты для аллергиков. В ресторане столики регулируются по высоте и расположены на таком расстоянии друг от друга, чтобы не мешать

передвижению людей на инвалидных колясках. В гостинице есть зал для занятия различными видами спорта: стрельбой из лука, настольным теннисом, баскетболом, игрой в кегли. И, конечно же, бассейн со специальным спуском. Даже сауна оборудована с учетом интересов инвалидов. Специальные инвалидные коляски выдерживают высокие температуры и не нагреваются. Своеобразная «изюминка» отеля – 14-метровая лодка, на которой инвалиды совершают водные прогулки по озеру.

Крупнейшие европейские музеи разрабатывают специальные программы, предназначенные для туристов с ограниченными физическими возможностями. Лувр оборудован системой лифтов и даже малозначительные перепады уровня пола в три ступени между залами оснащены механическими подъемниками. Кроме того, в Лувре проводятся экскурсии для глухонемых посетителей со специально обученным гидом-сурдопереводчиком и экскурсии для слабовидящих, для которых издана брошюра, написанная шрифтом Брайля, где содержится основная информация о коллекции музея. Также в Лувре создана Тактильная галерея, предназначенная для слепых и слабовидящих людей. Это единственное место в музее, где посетители руками могут трогать экспонаты, являющиеся копиями знаменитых скульптур, хранящихся в Лувре. В Лондонском Британском музее предусмотрены информационные табло для людей с нарушениями зрения, а также тактильные картинки, книги и брошюры. Слабовидящим выдают специальные очки, увеличивающие изображения. Слепым посетителям разрешается входить в музей в сопровождении собаки-поводыря. Египетский музей в Каире также предлагает специальную экскурсионную программу для слепых. Во время экскурсии посетители могут прикоснуться к древним статуям, папирусам, мумиям из собрания коллекций Древнего Египта. Вся коллекция музея Тифлджико де ла Онсе в Мадриде предназначена специально для слепых посетителей. В муниципальном музее итальянского города Беллуно планируется открытие выставочного зала для слепых, в котором инвалиды смогут на ощупь знакомиться с картинами, которые представляют из себя трехмерные репродукции известных произведений, сделанные с помощью специальной компьютерной программы.

Парки развлечений, такие как Диснейленд во Франции, Порт-Аventura в Испании и менее известные парки, например, Юкююкумаа в Финляндии предоставляют физически ослабленным посетителям возможность "покататься" на определенных снарядах и устройствах самостоятельно или с сопровождающим. На многих аттракционах установлены специальные кресла для инвалидов-колясочников, а сами аттракционы обозначены специальным символом. Инвалиды-колясочники без проблем могут посетить парки развлечений «Голландия в миниатюре» и «Италия в миниатюре». Поскольку парки развлечений – это место, где можно провести весь день, во всех ресторанах, кафе, туалетах предусмотрены места и оборудование для инвалидов.

Уникальные экскурсии для инвалидов по зрению проводятся в зоопарке Буэнос-Айреса, во время которых они могут делать то, что запрещено обычным посетителям - находиться в непосредственном контакте с животными, гладить их и даже кормить. Слепые и слабовидящие посетители могут пощупать кожу и шерсть животных, изучить строение их тел, почувствовать температуру, размеры, характерный запах и другие отличительные особенности многих обитателей зоопарка. По этой программе предусмотрено знакомство, как с дикими, так и с домашними животными. В зоопарке в Сингапуре для слепых и слабовидящих рядом с вольерами животных установлены объемные модели натуральной величины – тигров, обезьян, крокодилов, тапиров, кенгуру, носорогов, бегемотов, зебр. Все поясняющие надписи на табличках выполнены с использованием шрифта Брайля.

На берегу озера Ярун в Хорватии начались работы по обустройству специального парка для инвалидов всех категорий. Площадь парка – 10 тыс. кв. м. Проектом предусмотрены специальные дорожки, перила для облегчения входа инвалидов в воду, игровая площадка с мягким грунтом для детей-инвалидов. Высаживаемые растения подбираются так, чтобы можно было ощутить структуру их листьев или коры, почувствовать запах.

В Беларуси въездной и внутренний туризм, конечно, существует. Министерством спорта и туризма разработано около 700 туристских маршрутов по Беларуси, создаются агроусадьбы, строятся спортивные объекты и высококомфортные гостиницы, но пока еще белорусские гостиницы и объекты туристской инфраструктуры в целом не имеют опыта работы с физически ослабленными лицами. Тем не менее, для развития туристского потенциала Беларуси необходим комплексный учет требований по созданию безбарьерной среды.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов: Резолюция принята генеральной Ассамблеей ООН, 24 января 2007 г. A/ RES/61/106.
2. О туризме: Закон Республики Беларусь от 09.01.2007 № 206-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 11.01.2007. – № 2/1303.

3. Об утверждении Государственной программы о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2007-2010 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 03.04.2007 № 424 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007. – № 5/24995.
4. Туристские услуги. Услуги туризма для людей с ограниченными физическими возможностями. Общие требования: Национальный стандарт Российской Федерации. Проект [Электронный ресурс] / Национальный центр независимой экспертизы. – Москва, 2010. – Режим доступа: <http://www.centreeexpert.ru/show.html>. – Дата доступа 5.03.2010.
5. Вутке, Сабина. Отель под Берлином приглашает в гости инвалидов / Сабина Вутке [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article>. - Дата доступа: 5.03. 2010.
6. В Европе создают музеи для слепых [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://100.dog.ru/guide/news>. – Дата доступа 5.03.2010.
7. Экскурсии для слепых в зоопарке Буэнос-Айреса [Электронный ресурс] -- Режим доступа: <http://tourism.tut.by/cgi-bin/news>. – Дата доступа 7.03.2010.

RESUME

Article examines the organization accessible tourism for physically weak persons. Integrating the requirements to create a barrier-free environment is necessary for the development of tourist potential of Belarus. Problems identified, which are identified in leisure travel for people with disabilities.

УДК [726.54:72.025.5(476.7)](063)

Давидюк Э. А., Смитиенко И. В., БрГТУ, Брест

РЕСТАВРАЦИЯ СВЯТО - НИКОЛАЕВСКОГО ГАРНИЗОННОГО СОБОРА В г. БРЕСТЕ



Рисунок 1 – Николаевский собор конец XIX в.

Собор в Брестской крепости возведён на месте средневекового августинского костёла. Средства на строительство гарнизонного собора собирали местные офицеры и духовенство. Храм построили в 1851–1879 годах (Рис. 1) по проекту архитектора Д.И. Грима, который являлся академиком Российской Академии художеств. Российской казне собор обошёлся в 300.000 рублей, что по тем временам считалось очень большой суммой. По словам современников, внутреннее убранство храма поражало своей роскошью. Этот собор считался самым красивым из тех, что сооружались в Европе в то время. Собор являлся главным храмом Западнорусского края. Храм был увенчан Георгиевским крестом. В 1924–1929 годах после подписания Рижского мирного договора храм перестраивается по проекту польского архитектора Ю. Лисецкого в римско – католический гарнизонный костёл Святого Казимира (Рис. 2).

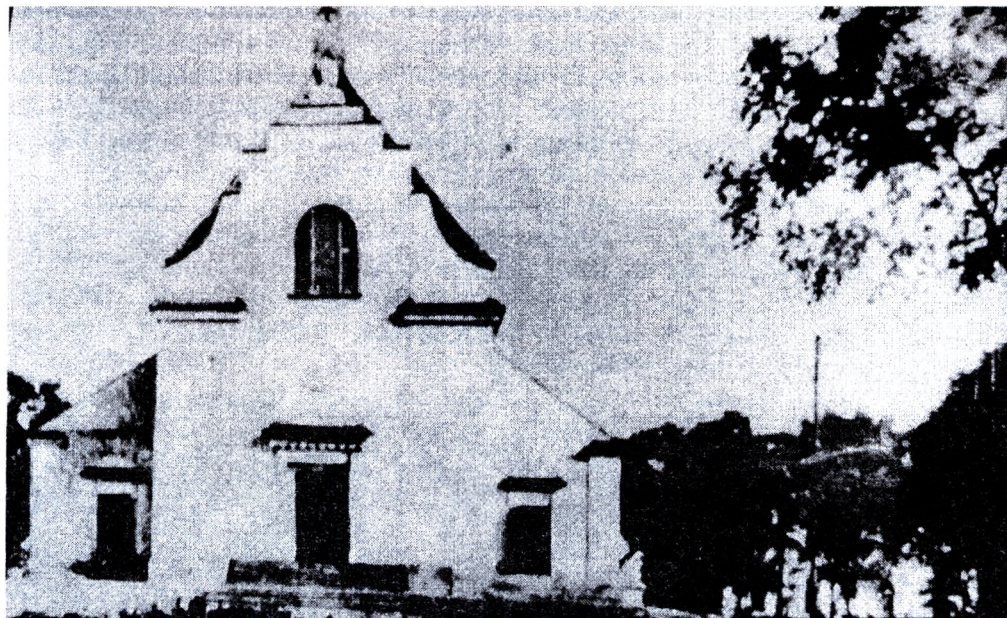


Рисунок 2 – Реконструкция Николаевского собора в римско-католический костёл Св. Казимира. Арх. Ю. Лисецкий (30-е г. XX в.)



Рисунок 3 – Руины Николаевского собора (середина XX в.)

Первоначально собор представлял собой купольную базилику, состоящую из трёх нефов. При перестройке собора в костёл над центральным нефом была возведена двухскатная крыша, а над боковыми нефами односкатная. Стропильная система ферм опиралась на существующие своды. Алтарная часть храма также подверглась изменениям. Там установили колонны и престол. Иконостас, перекрывавший апсиду в православном храме, вместе с колоколами был вывезен во время Первой мировой войны. В интерьере костёла появились новые росписи, посвящённые католической тематике. В дальнейшем, когда восстанавливали православный собор, все произведённые изменения пришлось ликвидировать. О католическом костеле сегодня напоминает лишь балкон – кафедра, специально сохранённая как историческая реликвия. Проведённая на сегодняшний день реставрация осуществлялась по первоначальным планам Свято-Николаевского собора, найденным в московских архивах. Ретроспективный, «русско-византийский» стиль храма напоминает архитектуру Византии, в частности, находящийся там собор Софии - Константинопольской. Ещё в ранневизантийский период сформировалась купольная композиция храмов, явившаяся важнейшим вкладом Византии в историю мирового

зодчества. Выразилось это в появлении новых типов структур – купольной базилики, центральной церкви с куполом на восьми опорах и крестово-купольной системы. Крестово-купольная система получает широкое распространение в средне-византийский период. Унаследовав от Рима его достижения в области арочно-сводчатых конструкций, архитектура Византии не приняла бетонной техники: стены обычно складывались из кирпича с каменными прокладками, а своды делались из кирпича или камня. Техника сооружения таких сводов, распространившаяся на территории России, Беларуси и Украины, со временем была утрачена. Таким методом кладки были сооружены своды Свято-Николаевского собора. Нынешнему настоятелю храма протоиерею Игорю Умцу, который при поддержке православной епархии возглавил в 1994 году реставрационные работы, пришлось не мало потрудиться, чтобы отыскать мастеров, владеющих технологией кладки такого типа кирпичных сводов.



Рисунок 4 – Фрагмент интерьера. Купол

В результате купол храма был восстановлен (Рис. 4). При проведении реставрационных работ простукивался каждый кирпичик в уцелевшей кладке стен и перекрытий храма. Возведение утраченного производилось кирпичами, хорошо сохранившимися от прежних построек времён строительства Брестской крепости. Карнизы восстанавливались по первоначальным чертежам собора. Раствор штукатурки, применявшийся при реставрации, изготавливался по старинным технологиям. В интерьере храма частично сохранились росписи в романском стиле (Рис. 5).



Рисунок 5 – Фрагмент интерьера. Фреска

Они украшали своды и стены храма при первоначальном его возведении. Своей орнаментикой росписи перекликаются с изящными капителями колонн, выполненными в форме цветка (Рис. 6).

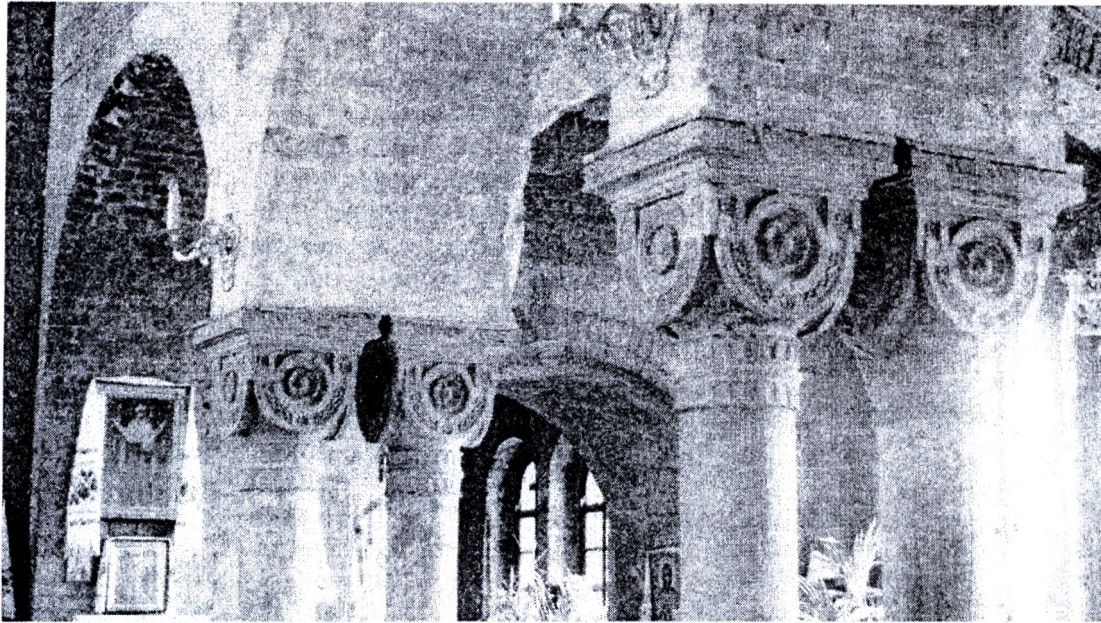


Рисунок 6 – Фрагмент интерьера. Капители колонн

Колонны, изящно дополняющие убранство храма, во время переустройства собора в костёл были обложены кирпичом и превращены в четырёхгранные столбы. Потребовалось сделать это для того, чтобы выдержать нагрузку от несущих ферм крыш. Далее, когда крыш костёла не стало, столбы разобрали. Отреставрированные колонны отлиты из чугуна. Именно они своим размером и конфигурацией создают ту соразмерность человеческой фигуры и архитектуры, которая прослеживается в Софии Константинопольской и вообще присуща лучшим образцам восточной архитектуры. В ходе реставрации удалось расчистить от старой кирпичной кладки, существовавшей во время возведения костёла, окна собора. Теперь как и раньше свет проникает в храм через семь окон в овальной части храма и ещё через семь окон с каждой боковой стороны. Сейчас благодаря восстановленному освещению воспроизводится тот таинственный полумрак, который сопутствует церковному богослужению в православии, роднящему данный собор с ранне-византийскими памятниками архитектуры. Не случайным здесь оказывается дополнительный источник света – семиярусное паникадило (особая люстра с двенадцатью иконами и ста четырьмя свечами) украсившая интерьер храма в 2004 году (Рис 7).

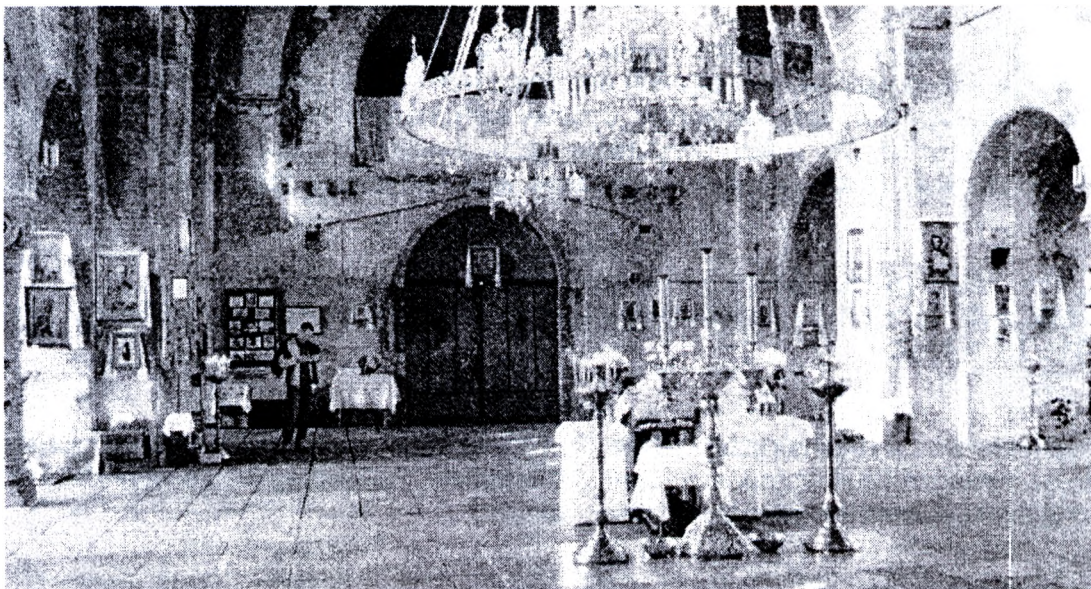


Рисунок 7 – Интерьер храма

Дорогостоящие полы храма, выполненные из чёрного гранита и белого мрамора, вывезли немцы при отступлении. На сегодняшний день полы в соборе воссозданы, но не из столь дорогих материалов. 22 мая 1999 года над восстановленным куполом храма воздвигли новый крест. А 18 июня 2001 года на звоннице Свято – Николаевского собора поднят бронзовый колокол, весом в 1 тонну. Это самый большой колокол, отлитый за последние сто лет на Беларуси. Ещё семь колоколов от правительства Украины, с дарственными надписями, переданы в декабре 2003 года. Последняя реставрация, осуществляемая после 1994 года, когда храм был передан православной церкви (Рис. 3), является хорошим примером проведения реставрационных работ, основываясь на сохранившихся архивных планах и фотографиях церкви. Здание фактически полностью восстановлено по имеющимся фотографиям, гравюрам и архивным материалам (Рис. 8). На сегодняшний день оно всецело повторяет тот образ, который собор имел первоначально. Отсутствуют лишь единичные архитектурные элементы. Реставрация здания осуществлялась теми же приёмами, какие существовали изначально при строительстве храма.

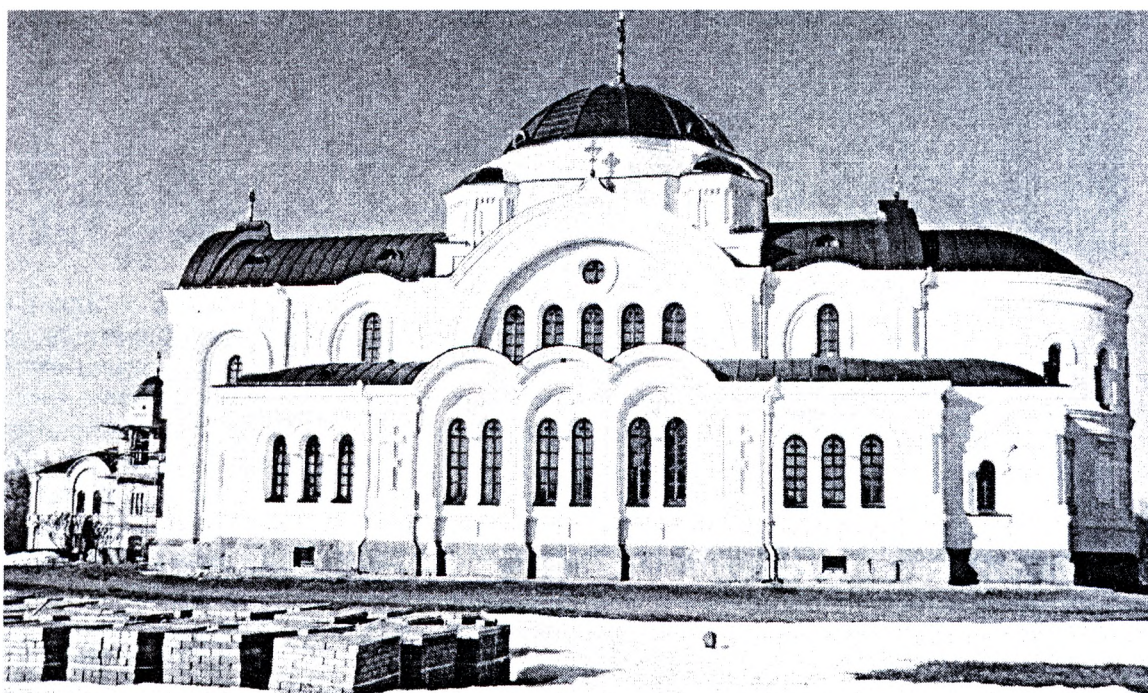


Рисунок 8 – Реставрация Николаевского собора. Фото 2010 г.

В целом, проведенные реставрационные работы, благодаря грамотному осуществлению, являются удачным примером проведения реставрации такого рода сооружений. Была учтена специфика строения, его архитектурные особенности, стилистика и время постройки. В интерьерах и внешнем облике храма сохранена частица истории нашего города, былая архитектура которого являла собой наилучшие примеры архитектурного зодчества нашей страны.

Литература

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста: у 2 кн. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 576 с.
2. Гуляницкий, Н.Ф. Архитектура гражданских и промышленных зданий / Н.Ф. Гуляницкий. – М.: Стройиздат, 1984 – Т.1. – 334 с.

RESUME

Recently there was a reconstruction of the St. Nicolas cathedral in Brest fortress. Reconstruction was made according difficult historical fortune of the temple. Rebuilding works were the same in methods and technologies as it was in first building temple.

III РАЗДЕЛ

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
МАЛЫХ ГОРОДОВ**

УДК 711.455 (476)

Потаев Г.А., БНТУ, Потаева Г.Р., БГУ, Минск

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ – ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ТУРИЗМА

Огромные туристские ресурсы сосредоточены в городах. Объектами посещения туристов являются памятники архитектуры, истории, культуры, места, связанные с важными историческими событиями и личностями, музеи, художественные галереи и другие объекты познавательного туризма. Активно посещаются объекты культурного и развлекательного туризма – театры, концертные и выставочные залы, парки развлечений, другие места проведения досуга. Развивается деловой туризм – участие в международных конгрессах, конференциях, научно-технических и торговых выставках, ярмарках, посещение научных центров, высокотехнологичных и наукоемких производств. В городах проводятся крупные спортивные соревнования, привлекающие туристов.

Туризм в современном мире стал важной частью жизни каждого человека. Это одна из наиболее доходных и интенсивно развивающихся отраслей мирового хозяйства. Города заинтересованы в притоке туристов. Развитие туризма позволяет активизировать процессы социально-экономического развития: увеличить инвестиции, налоговые отчисления, повысить занятость населения за счет создания новых рабочих мест в сети объектов обслуживания туристов. Развитие туризма создает экономическую базу для восстановления, содержания, ремонта историко-культурных ценностей.

Возможности развития. Главный ресурс туризма – разнообразие мира. В городах туристам предоставляется широкий выбор объектов посещений и услуг. В качестве туристских ресурсов выступают как материальные, так и нематериальные ценности – события многовековой истории, философские учения, религиозные и народные обычаи, обряды, праздники, достижения искусства, традиционной медицины, кулинарии и др.

Для туристов представляют интерес разные города. Это и большие города, в которых огромное разнообразие предоставляемых туристам объектов осмотра и видов услуг, и малые города, часто с одной достопримечательностью. Основными признаками, по которым можно подразделить города – центры туризма, это их значимость в системе туризма и преобладающая туристская функция.

По преобладающей туристской функции выделяются города – центры познавательного, культурно-развлекательного, делового, спортивного, религиозного, транзитного, экологического туризма. Необходимо отметить, что наряду с традиционно популяризируемыми в Беларуси видами туризма – познавательным и экологическим, важно развитие также делового, спортивного, культурно-развлекательного, транзитного туризма.

В Беларуси ресурсами для развития познавательного, культурно-развлекательного, делового, спортивного, религиозного, транзитного туризма обладают многофункциональные города Минск и Гродно; познавательного, культурно-развлекательного, делового, спортивного, транзитного туризма – многофункциональные города Гомель, Брест, Витебск, Могилев; познавательного, культурно-развлекательного и делового туризма – промышленные города Орша, Борисов, Лида, Бобруйск, Пинск; делового туризма – промышленные города Новополоцк, Мозырь, Солигорск, Жодино, Жлобин; познавательного туризма – исторические города Полоцк, Новогрудок, Слоним, Волковыск, Кобрин, Несвиж, Мир, Заславль, Ружаны, Шклов, Мстиславль, Поставы; познавательного и экологического туризма – города Логойск, Браслав, Туров, Мядель.

По значимости города в системе туризма можно выделить центры туризма международного, национального и местного значения. В группу центров туризма международного значения входят города с уникальными историко-культурными ценностями, связанные с важными событиями мировой истории, выдающимися личностями, имеющие широко известные музеи, театры, города, в которых проводятся известные фестивали, выставки, международные деловые встречи (конференции, конгрессы и т. п.), международные спортивные соревнования.

Если центры туризма международного значения широко известны в разных странах, то центры туризма национального значения обычно менее известны. Например, город Новогрудок, первую столицу Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, находящийся на территории современной Беларуси, знают еще в Польше и Литве, имеющих общую историю. К этой категории

туристских городов относятся города, прошедшие долгий исторический путь, известные культурные центры, места паломничества, места проведения традиционных торговых ярмарок, выставок, крупных спортивных соревнований, города – курорты, научные центры.

К центрам туризма местного значения относятся города, в которых имеются объекты, пусть не широко известные, но интересные туристам: историко-культурные и природные достопримечательности, традиционные производства, ремесла, промыслы, лечебно-оздоровительные ресурсы и др. Они обычно включаются в туристские программы в качестве дополнительных объектов туристско-экскурсионных осмотров.

В соответствии с Национальной программой развития туризма Республики Беларусь перспективными центрами туризма международного значения определены – Минск, Гродно, Брест, Полоцк, Несвиж, Мир, Новогрудок, Слоним; центрами туризма национального значения – Витебск, Могилев, Гомель, Лида, Орша, Бобруйск, Заславль, Мстиславль, Логойск, Кобрин, Ружаны, Шклов, Поставы, Жировичи, Гольшаны, Волковыск, Будслав. Следует отметить, что кроме вышеперечисленных 22 городских и 3 сельских (Жировичи, Гольшаны, Будслав) поселений, значимым туристским потенциалом обладают и другие городские поселения Беларуси.

Проведенный анализ ресурсного потенциала городских поселений Беларуси позволил выделить 53 из них, которые целесообразно развивать в качестве перспективных центров туризма разного ранга, в том числе 32 поселения международного и национального значения (таблица 1).

Таблица 1 – Городские поселения Беларуси – перспективные центры туризма международного и национального значения

№ №	Наименование	Величина	Туристский профиль	Туристская значимость	Транспортная доступность	
1.	Минск	Более 1,7 млн. жителей	Познавательный, культурно-развлекательный, деловой, спортивный, религиозный, транзитный туризм	Международного значения	Удобная	
2.	Гродно	От 250 тыс. до 0,5 млн. жителей	То же	То же	То же	
3.	Брест		Познавательный, культурно-развлекательный, деловой, спортивный, транзитный туризм	То же	То же	
4.	Витебск		То же	Национального значения	То же	
5.	Гомель		То же	То же	То же	
6.	Могилев		То же	То же	То же	
7.	Орша		От 100 до 250 тыс. жителей	Познавательный и культурно-развлекательный туризм	То же	Удобная
8.	Борисов	То же		То же	То же	
9.	Лида	То же		То же	Относительно удобная	
10.	Бобруйск	То же		То же	То же	
11.	Пинск	То же		То же	То же	
12.	Новополоцк	Деловой туризм		То же	Относительно удобная	
13.	Мозырь	То же		То же	То же	
14.	Солигорск	То же		То же	То же	
15.	Полоцк	От 20 до 100 тыс. жителей		Познавательный туризм	Международного значения	Относительно удобная
16.	Новогрудок			То же	То же	То же
17.	Слоним		То же	То же	То же	
18.	Волковыск		То же	Национального значения	То же	
19.	Кобрин		То же	То же	Удобная	
20.	Жодино		Деловой туризм	То же	То же	
21.	Жлобин		То же		Относительно удобная	

Продолжение таблицы 1

22.	Мир	Менее 20 тыс. жителей	Познавательный туризм	Международного значения	Удобная
23.	Несвиж		То же	То же	Относительно удобная
24.	Заславль		То же	Национального значения	То же
25.	Ружаны		То же	То же	То же
26.	Шклов		То же	То же	Удобная
27.	Мстиславль		То же	То же	Неудобная
28.	Поставы		То же	То же	То же
29.	Логойск		Познавательный и экологический туризм	То же	Относительно удобная
30.	Браслав		То же	То же	Не удобная
31.	Туров		То же	То же	То же
32.	Мядель		То же	То же	То же

Особенности развития. На развитие туризма большое влияние оказывают: состояние экономики; политическая ситуация; происходящие социально-демографические изменения в мире; безопасность путешествий; применение новых технологий (электронные системы информации и коммуникаций) и изобретений (развитие транспорта, компьютерные системы бронирования гостиниц, билетов), которые способствуют развитию туризма; возросшая осведомленность и требовательность потребителей к выбранным туристским продуктам и услугам.

Можно выделить следующие характерные особенности развития туризма в городах:

1. *Стремительно растет посещаемость объектов развлечений.* Расширяется номенклатура объектов, предоставляющих туристам развлечения – от размещения ресторанов, кафе, магазинов в музеях и театрах до создания крупных специализированных парков развлечений.

2. *Повышается дифференциация туристского спроса.* Растет популярность специализированных туров по интересам, индивидуального туризма. С применением новых технологий (электронные системы информации и бронирования мест в гостиницах, билетов) существенно возросла осведомленность туристов о том, куда и как они хотят поехать, повысились требования к выбранным ими туристским продуктам и услугам.

3. *Растет популярность краткосрочных туров по городам в выходные дни.* Они популярны как с познавательными, так и с развлекательными целями: поездки совершаются для посещения достопримечательностей, музеев, спортивных, культурных мероприятий, участия в религиозных праздниках, совершения покупок.

4. *Ускоренными темпами развивается внутрорегиональный туризм,* отражая возможности все более широких слоев населения участвовать в туризме.

5. *Среди туристов, посещающих крупные города, увеличивается доля молодежи и людей пожилого возраста.* Соответственно формируется многопрофильная туристская инфраструктура, позволяющая предоставить широкий выбор услуг, удовлетворяющих разным запросам туристов и имеющих разную цену.

6. *Динамично развивается деловой туризм* (участие в деловых встречах, международных и национальных конгрессах, выставках, ярмарках, смотрах научно-технических достижений, посещение крупных научных и промышленных центров), это один из наиболее выгодных для принимающей стороны видов туризма (он приносит вдвое больше доходов принимающей стороне, чем поездки «на отдых»).

7. *Популярно посещение туристами крупных спортивных и культурных мероприятий* (спортивных соревнований, карнавалов, фестивалей, смотров-конкурсов, выступлений известных артистов, театральных коллективов, знаменитых музыкантов). С целью привлечения туристов составляются ежегодные календари культурных и спортивных мероприятий, информация о которых помещается в электронных и печатных изданиях, передается туристским операторам.

8. *Возрастает конкуренция городов, регионов и стран, желающих принять туристов.* Для привлечения туристов используются разные средства: информационные, экономические, организационные. Немаловажное значение имеет индивидуальность облика городов-центров туризма, которая формируется средствами архитектуры и дизайна. При этом используются как исторические объекты, так и ультрасовременные уникальные архитектурные и инженерные сооружения, которые по посещаемости туристами успешно конкурируют с историческими.

9. В городах-центрах туризма создаются специализированные туристские комплексы и зоны, предназначенные для приема и обслуживания туристов. При их формировании применяется «кустовой» принцип размещения объектов обслуживания вблизи главных объектов туристской притягательности. В пределах туристских комплексов и зон преобладают пешеходные пространства, имеющие удобную доступность от остановок общественного пассажирского транспорта, автостоянок, стоянок такси.

Литература

1. Потаев, Г.А. Перспективы развития туристской инфраструктуры в Минске / Г.А. Потаев, Ч.К. Шульга, И.С. Павлович // Архитектура и стр.-во. – 2008. – №5. – С. 82–87.
2. Потаев, Г.А. Города Беларуси как центры туризма / Г.А. Потаев // Архитектура и стр.-во. – 2008. – №10. – С. 27–31.
3. Туристские регионы Беларуси. – Минск: Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2008. – 608 с.: ил.
4. Энциклопедия туризма Беларуси. – Минск: Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2007. – 648 с.: ил.

RESUME

Article about variables and specification development of Belarusian cities - perspective tourists centers. Cities have a considerable quantity of various monuments of architecture, recreational territories which can become objects of an attraction for tourists. The authors allocates prominent features of development of tourism in cities. It is necessary to develop an infrastructure.

УДК 711.112:719:72(476)

Кудиненко А.Д., БрГТУ, Брест

СОХРАНЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ ГОРОДОВ

Важное место в ряду проблем градостроительной реконструкции занимает вопрос сохранения и обновления исторически сложившейся застройки. В последние годы он приобретает все более значительную роль в общем комплексе задач развития городов.

Это происходит не только потому, что в пределах исторически сложившейся застройки по традиции сосредотачиваются основные функции городских центров, но также благодаря модернизации старого фонда. При этом необходимо решать не только сохранение его исторических памятников, но и реконструкции в целом его застройки.

Современная агрессивная градостроительная политика не дает возможности сохранить в полной мере историко-культурное наследие в наших городах.

Памятники архитектуры, находящейся в городской застройке, влияют на формирование окружающие застройки, поэтому важно определить величину охраняемых зон, определить мероприятия по ограничению транспорта в окрестных зонах, наметить мероприятия по восстановлению утраченных элементов исторической среды.

Прошло время реконструкции и восстановления отдельных памятников архитектуры, теперь стало очевидным, что недопустимо представление об элементе наследия, как о музейном экспонате, который может быть изолирован от своего естественного исторического контекста. Основным объектом реконструируемого вмешательства, осуществляемого в условиях исторических городских районов, становится не отдельное сооружение, а территории городской среды.

Начиная с 90-х годов, в нашей республике в процессе обновления застройки городов наметились существенные изменения: прежде всего новое строительство ведется быстрыми темпами в тех городах, которые попали по президентскому плану, для проведения дожинок. Так, большие работы по обновлению застройки центральной части г. Кобрин были выполнены в связи с проведением в нем дожинок в 2009 г. Следует отметить, что Кобрин – один из старейших городов нашей Республики. Он был основан в XI–XII в. потомкам Киевского князя Изяслава на месте рыбацкого поселка на острове, образованном р. Кобринка при впадении ее в р. Муховец. Впервые Кобрин упоминается в Ипатьевской летописи от 1287 г. (в то время земли входили во Владимирско-Волынское княжество). С первой половины XIV в. Кобрин – в составе Великого княжества Литовского.

Кобрин передавался «для кормления» в пожизненное пользование польским королевам Бонне, Анне Ягеллонке и Констанции Австриянке. Основным ядром в XII–XIII вв. был замок, сохранились остатки замкового рва недалеко от замка. На территории бывшего посада около 1497 г. последний кобринский князь построил Спасский монастырь (сохранилось одно

здание). В начале XVI в. монастырь имел кирпичные жилой и служебные корпуса (на протяжении XVII–XVIII вв. неоднократно перестраивались), часовню. Сохранился жилой корпус (ныне используется как административные помещения).



Рисунок 1 – Спасский монастырь

Жилой корпус – двухэтажное кирпичное прямоугольное в плане здание, накрытое крышей с изломами. Главный и дворовой фасады раскрепованы двумя ризалитами – в центре главного восточного фасада и в северо-западной части дворового фасада. Центральный ризалит выделен аттиковым фронтоном с лучковым завершением и насыщен лепными декоративными элементами. Стены украшены пилястрами, фигурными филёнками вокруг прямоугольных оконных проемов, завершены развитым карнизом. Внутренняя планировка здания значительно изменена. Первоначально центральную часть занимала монастырская церковь. Монастырь – памятник архитектуры барокко.

Недалеко от здания монастыря расположен Дом-музей Суворова. В этом доме жил великий русский полководец А.В.Суворов. Впервые Суворов А.В. поселился в нем 1797 г., когда попал в немилость к Павлу I. После его смерти имение Кобринский ключ распродано потомкам. В начале 1860 г. в этом доме жил Р. Траугутт – один из руководителей восстания 1863–64 г. в Белоруссии, Польше и Литве. В 1946 г. принято решение о реставрации дома и создании в нем Военно-исторического музея им. А.В. Суворова. В 1948 г. дом восстановлен, а в 1980 г. проведены реставрационные работы.



Рисунок 2 – Усадебный дом А.В. Суворова

Собор Александра Невского был заложен в 1864г. в честь отмены крепостного права. Строительство завершено в 1868г.

Крестово-купольный храм с притвором, трапезной и четырехугольной апсидой, к которой примыкают с двух сторон небольшие ризницы. В плане храм симметричен относительно продольной оси. Над основным кубическим объемом на пересечении центрального нефа и трансепта расположен восьмигранный световой барабан (купол не сохранился). К углам, образованным трапезной и трансептом, примыкают два предела, расположенные симметрично ризницам относительно поперечной оси трансепта.

Для фасадов храма характерна сдержанная пластика. Стены храма прорезаны прямоугольными оконными проемами, украшенными полуциркульными накладными арочками. Под карнизом крыши по периметру проходит аркатурный пояс. Углы здания раскрепованы профилированными лопатками. Стены главного фасада, алтарной части и торцовых частей трансепта завершены треугольными фронтонами. Портал выделен накладным ложным портиком, опирающимся на две плоские пилястры. Над дверным прямоугольным проемом – большое полукруглое окно.



Рисунок 3 – Собор Александра Невского

Площадь Свободы находится на месте бывшей рыночной площади древнего центра города. В плане площадь – продолговатый прямоугольник, в центре которого размещены торговые ряды, гостиный двор, а по периметру – жилые и общественные здания, построенные в конце XVIII – начале XIX вв. Ансамбль площади значительно менялся со временем: были построены здания швейной фабрики. Первоначальный вид и планировку сохранили жилые дома на южной стороне площади.



Рисунок 4 – Застройка торговой площади

Здание бывшей синагоги построено во второй половине XIX в. из кирпича. В настоящее время здесь размещается цех безалкогольных напитков. Здание синагоги представляет собой безбашенный храм. Имеет симметричную объемно-планировочную композицию. Центральная трехэтажная часть главного фасада выделена четырьмя плоскими лопатками. Второй и третий этажи прорезаны невысокими полуциркульными оконными проемами, первый этаж – лучковыми. Здание бывшей синагоги – памятник эклектичной архитектуры с элементами классицизма.



Рисунок 5 – Здание синагоги

В целях сохранения памятников архитектуры в генеральном плане определены границы исторического центра города.

В пределах центрального исторического ядра выделена зона высокой интенсивности функционального использования. В жилой зоне осуществления интенсификация городских функций, а также зоны влияния памятников на окружающую среду.

При определении охранных зон памятников архитектуры необходимо:

- установить границу охранной зоны;
- ограничить этажность застройки;
- определить мероприятия по ограничению транспорта и организации пешеходной связи;
- восстановление утраченных элементов исторической среды;
- классификация зданий по этажности;
- выделять первоочередные объекты реставрации и реконструкции.

Литература

1. Свод памятников истории и культуры Белоруссии (Брестская область) Минск, Белорусская советская энциклопедия, 1990г.

RESUME

The important place among problems of town-planning reconstruction occupies a question of preservation and updating of historically developed building. Monuments of the architecture which are in city building, influence formation surrounding buildings, therefore it is important to define size of protected zones, to define actions for transport restriction in neighboring zones, to plan actions for restoration of the lost elements of the historical environment.

УДК 711.13.01

Белова О.В., БНТУ, Минск

ГОРОД КАК МЕСТО, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Цель данной статьи – определить специфические задачи сохранения культурного наследия в контексте целостного понимания Города как Места, а также выявить возможные и желаемые результаты деятельности, направленной на сохранение культурного наследия, непосредственно отражающиеся на жизни Города.

Поставленные задачи требуют некоторых терминологических пояснений. Понятие «Место» многозначно и подвижно, и, пожалуй, на сегодняшний день, несмотря на его довольно широкое применение в архитектурной теории и публицистике, нет той единой «договоренности» о смысле, которая позволяет легко пользоваться понятием, рассчитывая на адекватное его прочтение. Однако в данной статье использование именно этого термина мне кажется необходимым, прежде всего, для удержания целостности объекта исследования – Города: для совмещения в его рассмотрении объективного уровня научного знания с уровнями обыденного понимания и субъективного художественного видения; для сохранения целостности морфологических (пространственных), аксиологических (ценностных) и деятельностных (процессуальных) факторов.

Понятие «жизнь Города», также требует уточнений. В данной статье оно будет трактоваться не как организация функциональных процессов (решение дорожно-транспортных вопросов, функционирование производственных предприятий и объектов социокультурного обслуживания), а как совокупность явлений, которые, прежде всего, опосредованы наличием такого субъективного фактора, как городское сознание (соотнесение жителями себя самих с городским сообществом и с непосредственной средой своего обитания).

Ответ на вопрос о том, что и как следует сохранять, вызывает дискуссии с тех пор, как в обществе проявился первый интерес к истории и ее свидетельствам. Еще в конце 1880-х У. Моррис был обеспокоен активной позицией современников, направленной на сохранение памятников, и считал ее, чуть ли не более губительной для них, нежели влияние времени и жизненных катаклизмов [1]. Он трактовал реставрацию как факт неперемennого превращения здания в «академический муляж» [2], к тому же связанный с чьим-то субъективным пониманием того, какие именно «следы истории, иначе говоря – следы жизни» [1] могут быть уничтожены и где тот произвольный момент, в котором следует остановиться. У. Моррис проповедовал политику минимального вмешательства, направленного лишь на поддержание жизни и не претендующего на художественную ценность. Почти век спустя такой теоретик градостроительства, как К. Линч, называет «строгую консервацию», согласно которой любая реконструкция ошибочна и фальшива, наиболее «пессимистической доктриной» [3]. Он считает, что мы должны моделировать образ прошлого, подчеркивая, имитируя либо устраняя «патину времени». Тем самым К. Линч оставляет в инструментарии специалистов большое количество разнообразных подходов к сохранению наследия.

На сегодняшний день по-прежнему во многом отсутствует договоренность о целях сохранения, а соответственно и его способах. Помимо этого, благодаря большому количеству программ, проводимых различными общественными организациями (МСА, ЮНЕСКО), направленных на «сохранение культурного разнообразия и преемственности», очевидным становится и тот факт, что само культурное наследие не ограничивается отдельными памятниками. Таким образом, проблематика сохранения выходит за рамки узкоспециализированных задач и в отношении той же архитектуры касается не только вопросов реконструкции и реставрации, но и всякого иного вмешательства в предметно-пространственную среду. И, кажется, вопрос о том, «что?» и «как сохранять?», встает с новой силой. Однако, на мой взгляд, в последних обстоятельствах, то есть в требовании целостного понимания культурной среды кроется сам ответ.

Под целью сохранения культурного наследия может пониматься создание условий для самовоспроизведения и развития культурной среды. Таким образом, объектом сохранения может стать Город как Место, во всей своей целостности.

Само понятие «Место», прежде всего, связано с субъективным, эмоционально окрашенным переживанием пространство-времени. Поэтому мифопоэтический образ Города, складывающийся в летописях и легендах, в литературных и художественных произведениях, в городском

фольклоре, является неотъемлемой компонентой сохраняемого объекта. Он важен не только сам по себе, но и как этнографическая или фольклорная ценность. Его перепрочтение, расшифровка связей с социальной и пространственной средой – это часть акта «схватывания» [4], то есть понимания объекта, которое предшествует всякому принятию решения.

Пространственность Города-Места может рассматриваться как топология, то есть увязка с общеисторическим (социальным) и экологическим (ландшафтным) контекстом. В этом отношении Город – это биполярный объект. С одной стороны, он стремится к принадлежности всеобщему, а с другой – к самоопределению, выявлению своей уникальности. Второй пространственный аспект – это морфология, как способ организации пространства. Он представляется не столько посредством типологических и стилистических рядов, сколько через призму аксиологии и взаимосвязи с категорией деятельности. То есть предметом внимания снова становятся, прежде всего, контекст и сложные многогранные связи, формирующие то, что принято называть Духом Места.

Очерченный таким образом объект, может стать основой для формулировки общей концепции сохранения и развития. Задачи этой единой концепции, прежде всего направляющие: координировать проекты и программы, разбросанные как во времени, так и в спектре решаемых проблем, сводить воедино деятельность различных специалистов, как правило, зажатых в рамках узкопрофессиональных норм и требований [4] и, прежде всего, являться основой диалога между жителями, специалистами и Городом. Подход к работе со средой людского поселения, в котором единый образ или целостная система принципов позволили развивать долговременные проекты, при этом чутко реагировать на изменения в среде и корректировать принимаемые решения, опробован В. Глазычевым в «проектах по повышению культурного потенциала городов» [4], Кр. Александером в экспериментальном проекте в Орегонском университете [5].

Показателем эффективности деятельности, направленной на сохранение и развитие культурной среды города, может служить становление городского сознания, которое проявляется в способности горожан к самоорганизации, в самостоятельном преобразовании среды, в сфере творчества. Это важный показатель, прежде всего потому, что создаваемое в силу выраженного чувства самоидентификации «персонализированное окружение» (персонализированное не только в смысле обживания среды, но и в смысле внесения общегородских ценностей в личностный, каждодневный опыт) – есть значимый «ресурс социального воспроизводства и культурного роста» [6]. Помимо этого, определенные рисунки средового поведения (не всегда осознаваемые горожанами), виды деятельности, формирующиеся и исчезающие в определенных местах, также являются основой оценки результата любого вмешательства в городскую среду [7].

Сформулировав таким образом, *цель* сохранения, его возможный *объект* и *критерии* оценки эффективности можно попытаться обозначить более узкие задачи, решаемые в контексте деятельности, направленной на сохранение культурного наследия Города.

1. *Узнаваемость*, то есть определенная уникальность пространственной среды – это хотя и не достаточное, но необходимое условие самого существования Места [8]. Поэтому *усиление местных признаков* можно считать одной из наиболее очевидных задач сохранения культурного наследия. Сохранение и вовлечение в повседневную жизнь исторических памятников и фрагментов среды является основой создания символического каркаса города. Помимо этого, также важным представляется усиление местного характера архитектуры, которое как фактор преимущества может быть связано не только с сохранением памятников, но и с новым строительством (как использование и переосмысление местного «строая»).

2. *Восстановление богатства форм городской деятельности и рисунков средового поведения* также может считаться одной из задач сохранения культурного наследия. Ее решение может быть связано с восстановлением и традиционных форм городской среды. Потеря контакта человека с Городом во многом опосредована разрушением опознаваемых типов окружения. Она выражается через обеднение языка повседневной культуры: утрату стереотипов пространственного поведения, примитивность потребностей, скудность форм общения, а также через определенную апатию жителей по отношению к среде своего обитания.

3. *Привлечение жителей Города*, то есть непосредственных носителей культуры, к процессу принятия решений и их реализации – это и задача, и один из самых действенных способов сохранения культурного наследия. Прежде всего потому, что привлечение местных «самодеятельных инициатив» дает возможность устранить разрыв между общей идеей и «фактами места» [6], а также потому, что процесс соучастия формирует чувство личностной ответственности и самоидентификации с происходящим, что позволяет добиться длительных, возобновляемых самими горожанами результатов.

4. Хотя, возможно, в современном обществе большинство социальных связей не имеют в своей основе территориальный признак (К.Линч), для жизни Города именно они являются наиболее существенными. Проблема усиления связей «людей – на – месте» [7] является прямым продолжением обозначенных выше задач. Усиление опознаваемости Места – основа чувства принадлежности Городу и городскому сообществу. Восстановление традиционных форм и масштабов среды – дают почву для возникновения соседств, которые являются промежуточным звеном между масштабом города и семьи. Пробуждение «самодеятельностных инициатив» вокруг городских проектов также формирует группы, клубы – то есть сообщества, основанные на чувстве ответственности к месту [6]. Выраженность связей «людей – на – месте» [7] – это своего рода фундамент дальнейшего развития Города.

Литература

1. Моррис, У. Манифест общества защиты старинных зданий / Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма / У. Моррис; пер. с англ. Р. Усмановой. – М.: Искусство, 1973. – 512 с.
2. Моррис, У. Архитектура и история / Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма / У. Моррис; пер. с англ. Р. Усманова. – М.: Искусство, 1973. – 512 с.
3. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычев – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
4. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. – М.: Наука, 1984. – 350 с.
5. Alexander, Ch. The Oregon Experiment - Oxford University Press, 1988.
6. Яницкий, О.Н. Самодеятельные инициативы как культурная инновация. Культура города: проблемы инноваций: сборник научных трудов – М.: НИИК, 1987 – 480 с.
7. Линч, К. Совершенная форма в градостроительстве / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычев – М.: Стройиздат, 1982 – 264 с.
8. Relph, E. A Pragmatic Sense of Place. / Environmental & Architectural / Phenomenology Newsletter/ <http://www.arch.ksu.edu/seamon/Relph20th.htm>

RESUME

Article is devoted to a problematic of understanding of integrity of city within the limits of activity directed on preservation of a cultural heritage.

УДК [711.4-168(476.7)] (063)

Давидюк Э. А., Смитиенко И. В., БрГТУ, Брест

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛИЦЫ СОВЕТСКОЙ В г. БРЕСТЕ

В 2009 г. в городе Бресте были проведены работы по восстановлению ансамбля улицы Советской, застройка которой осуществлялась, в основном, в начале прошлого века.



Рисунок 1 – Реконструкция ул. Советской в г. Бресте

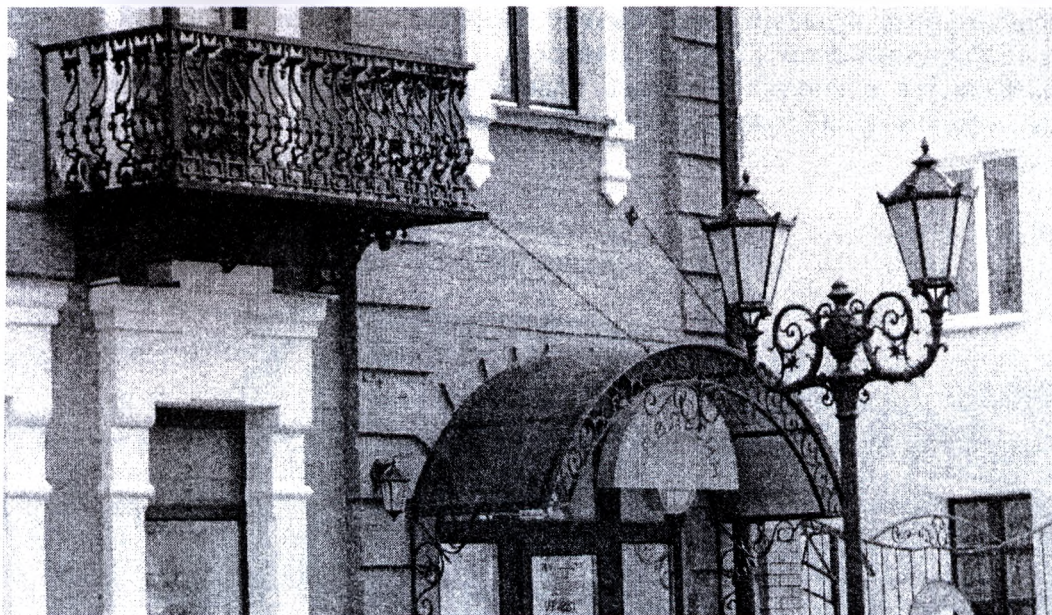


Рисунок 3

Здания же конца XIX и начала XX веков обрели кованые украшения в виде козырьков и крылечек. Богатая орнаментика модерна, очень изящная, тонкая и причудливая стала определяющей при выборе объединяющего стиля. В стиле модерн выполнена и система уличного освещения – кованые фонари, украсившие пешеходную часть улицы. Это позволяет почувствовать атмосферу прошлых веков, когда электрического освещения ещё не существовало, придавая всему действию театральную атмосферу и дух праздника, воскрешая древние традиции.

Реставрируемые здания объединены и яркой колористической гаммой, которую имеют фасады. Новостройки, относящиеся к последнему времени, удачно сочетают стилистические черты всех представленных зданий на улице.



Рисунок 4

Это и рустовка, и стилизованная колоннада, и кованые решётки балконов (Рис. 4). Даже формы окон и организация помещений с характерным размещением торговых центров на нижних этажах соблюдают традиции, существовавшие в проектировании доходных домов в конце позапрошлого

начале прошлого века. Функция новостроек согласуется с функцией прежней застройки – Торговые ряды и Гостиный двор. Есть на Советской среди вновь построенных зданий те, что неудачно вписываются в ансамбль улицы. Здание ночного клуба «Матрица» своим плоским стеклянным куполом полностью разрушает угол, образованный улицами Будённого и Советской (Рис. 5).



Рисунок 5

Здесь было бы уместным более высокое здание, которое связало бы своим пластическим решением находящийся на противоположной стороне кинотеатр «Беларусь» с историческими зданиями, расположенными по сторонам улиц. Остались неотреставрированными и боковые стены зданий, фасады которых образуют улицу Советскую. Боковые стены вызывают чувство диссонанса с уже восстановленными стенами фасадов. Но в целом реконструкция удалась. Город получил улицу Советскую в новом преображенном виде. Сохранены и подчёркнуты главные стилистические особенности зданий. Улица, являющаяся местом отдыха горожан и туристов, символически повествует о судьбе города. Это – места для шопинга, здесь, как и раньше, располагаются банки, ювелирные магазины, кинотеатры и кафе, а значит, возрождена атмосфера старого города.

Литература

1. Курко, И.Н. Брестчина: легенды, события, люди / И.Н. Курко. – Минск: Медиафакт, 2005. – 272 с.
2. Лавровская, И.Б. Брест, путешествие сквозь века / И.Б. Лавровская, А.П. Кодак. – Брест, 2004. – 24 с.
3. Улицы Бреста рассказывают / Под общ. ред. П.Н. Тишука – Брест : ООО «РИА Вечерний Брест», 2007. – 140 с.

RESUME

In this article there is an analysis of reconstruction of the Sovetskaja street in Brest city. Stile «Modern» united different in time buildings, that arranges in this street. Now you can find out the history of the city, if you look into forged plates and wall-paintings, that decorated buildings on Sovetskaja street.

IV РАЗДЕЛ
ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И
ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 725.182 (476)

Несцярчук Л.М. Брэсцкі аблвыканкам**АХОВА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ:
СУЧАСНЫ СТАН, ПЕРСПЕКТЫВЫ**

У справе аховы і падтрымкі гісторыка-культурнай спадчыны на Брэстчыне захоўваюцца станоўчыя тэндэнцыі. Плённа працуюць абласны, гарадскія і раённыя каардынацыйныя саветы па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны.

Разгляд у сакавіку 2010 г. на абласным каардынацыйным савеце дзейнасці Камянецкага і Жабінкаўскага раённых выканаўчых камітэтаў па выкарыстанню помнікаў гісторыі і культуры ў патрыятычным выхаванні моладзі і ўсяго насельніцтва ў ходзе падрыхтоўкі да 65-годдзя Вялікай перамогі даў добрыя вынікі. Паўсюдна помнікі, мемарыялы, воінскія пахаванні прыведзены ў належны стан, на абелісках устаноўлены нумарныя знакі.

Актыўна ўшаноўваюцца імёны знакамітых суайчыннікаў і гістарычныя падзеі. Толькі за 2009 год, дзякуючы найперш намаганням гаррайвыканкамаў і грамадскасці, ўзведзена і адкрыта 28 новых помнікаў, скульптурных кампазіцый, мемарыяльных знакаў і дошак.

Неабходна адзначыць у гэтым накірунку плённую працу Брэсцкага, Івацэвіцкага, Іванаўскага і Кобрынскага райвыканкамаў.

Як бы ні хацеў хто-небудзь паменшыць значнасць помніка 1000-годдзя горада Брэста, а такія крытыканы ёсць, да таго ж і прэса часам падыгрывае ім, усё ж помнік у Брэсце атрымаўся велічным, а галоўнае атрымаў прызнанне брэстчан.

Мы лічым, што ў рэалізацыі перспектыўнай праграмы рэстаўрацыі і выкарыстання прыярытэтных аб'ектаў вобласці ў мінулым годзе мы мелі станоўчыя зрухі.

За 2005-2009 гады ўведзены ў эксплуатацыю 8 гістарычных аб'ектаў, у тым ліку ў 2009 годзе – адзін з буйных аб'ектаў – палац Бутрымовіча ў Пінску пад Дом грамадзянскіх абрадаў.

Поўнасю адноўлены гістарычны цэнтр горада Кобрына.

Неблагімі тэмпамі рухаецца рэстаўрацыя Косаўскага палаца і Ружанскага ансамбля, а Косаўскі палац трэці год запар уключаецца ў рэспубліканскую інвестыцыйную праграму з аб'ёмам фінансавання на 2010 год у суме 2,1 млрд. рублёў.

У тых ці іншых тэмпах акрамя Косаўскага і Ружанскага палацаў рухаецца працэс рэстаўрацыі і кансервацыі Нова-Беражноўскага, Скокаўскага, Высокаўскага палацаў, Закозельскай і Грушаўскай гістарычных капліц.

Цяпер актыўна вядзецца праца па падрыхтоўцы канцэпцый па стварэнні ў рэстаўрыруемых палацах і капліцах музейных аб'ектаў. На апошнім каардынацыйным савеце па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны актыўна абмяркоўвалася канцэпцыя стварэння ў палацы Нямцэвічаў у в. Скокі Брэсцкага раёна музея-асветніцкага цэнтра. Гэта будзе нетрадыцыйны аб'ект культуры, таму да яго такая пільная ўвага ўлады і грамадскасці.

Упраўленне і аддзелы культуры гаррайвыканкамаў, спецыялісты па ахове гісторыка-культурнай спадчыны сталі займаць больш наступальную пазіцыю ў адносінах да парушальнікаў Закона Рэспублікі Беларусь "Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны". Тое, што здарылася з несанкцыянаваным рамонтам цэркваў у вв. Гошчава Івацэвіцкага раёна, у Іванаўскім і Маларыцкім раёнах, выклікае шмат скаргаў і зваротаў грамадзян.

Зараз увага нашага абласнога грамадска-культурнага цэнтра, аддзелаў культуры Ганцавіцкага, Драгічынскага, Жабінкаўскага, Камянецкага, Лунінецкага, Ляхавіцкага і Столінскага райвыканкамаў сканцэнтравана на якаснай падрыхтоўцы дакументаў і ўнясенні аб'ектаў духоўнай спадчыны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. Пакуль што мы не можам пахваліцца ў гэтым накірунку працы. У Дзяржаўны спіс унесены толькі мясцовы абрад Намскі Вялікдзень у в.Аброва Івацэвіцкага раёна.

Цяпер увага Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, Брэсцкага і Гомельскага аблвыканкамаў, Нацыянальнай камісіі Рэспублікі Беларусь па справах ЮНЕСКА сканцэнтравана на праблеме ўнясення ў Спіс Сусветнай спадчыны аб'ектаў драўлянай архітэктуры (храмаў, грамадзянскіх збудаванняў, жыллёвай і гаспадарчай архітэктуры вёскі) на тэрыторыі Палескага рэгіёна.

1. МАТЭРЫЯЛЬНАЯ І ДУХОЎНАЯ СПАДЧЫНА
1. НЕРУХОМЫЯ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ,
унесеныя ў Дзяржаўны спіс

Гарады, раёны	Архітэктура				Усяго	Гісторыя				Усяго	Мастацтва				Усяго	Археалогія				Усяго	Усяго
	0	1	2	3		0	1	2	3		0	1	2	3		0	1	2	3		
Міжраённыя	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
г. Брэст	-	1	3	10	14	-	-	-	2	2	-	-	2	-	2	-	-	-	2	2	20
Баранавіцкі	-	-	6	12	18	-	-	-	21	21	-	-	5	-	5	-	-	-	7	7	51
Брэсцкі	-	-	9	3	12	-	-	-	27	27	-	-	-	-	-	-	-	1	14	15	54
Бярозаўскі	-	-	3	7	10	-	-	-	11	11	-	-	-	-	-	-	-	-	5	5	26
Ганцавіцкі	-	-	-	4	4	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	10	10	15
Драгічынскі	-	-	7	14	21	-	-	-	22	22	-	-	-	-	-	-	-	-	9	9	52
Жабінкоўскі	-	-	6	5	11	-	-	-	20	20	-	-	-	-	-	-	-	-	5	5	36
Івацэвіцкі	-	1	6	14	21	-	-	-	8	8	-	-	-	-	-	-	-	-	10	10	39
Іванаўскі	-	-	5	9	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	7	21
Камянецкі	1	1	10	16	28	-	-	-	14	14	-	-	-	-	-	-	-	-	20	20	62
Кобрынскі	-	-	12	15	27	-	-	-	12	12	-	-	1	-	1	-	-	-	15	15	55
Лунінецкі	-	-	3	7	10	-	-	-	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	7	7	20
Ляхавіцкі	-	-	5	-	5	-	-	-	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3	11
Маларыцкі	-	-	4	-	4	-	-	-	31	31	-	-	3	-	3	-	-	-	7	7	45
Пінскі	-	1	26	8	35	-	-	-	3	3	-	-	4	-	4	-	-	-	16	16	58
Пружанскі	-	0	7	28	35	-	-	-	36	36	-	-	2	-	2	-	-	-	5	5	78
Столінскі	-	-	12	7	19	-	-	-	10	10	-	-	-	-	-	-	-	-	20	20	49
Усяго	1	4	124	159	288	1	-	-	224	225	-	-	17	-	17	-	-	1	162	163	735

З гэтай прыемнай нагоды на базе Брэсцкай вобласці ў чэрвені гэтага года плануецца правядзенне Міжнароднай сустрэчы старшынь Нацыянальных камісій па справах ЮНЕСКА і кіраўнікоў дзяржаўных органаў па ахове помнікаў Беларусі, Расіі, Украіны і Польшчы, на якой будуць выпрацоўвацца канцэптуальныя падыходы да вырашэння гэтай архіважкай праблемы.

Ахова, вяртанне да жыцця помнікаў павінна быць заўжды ў цэнтры ўвагі нашых сродкаў масавай інфармацыі, бо гісторыка-культурная спадчына з'яўляецца надзейным падмуракам патрыятычнага выхавання нашых грамадзян.

RESUME

In business of protection and support of the historical and cultural inheritance in the Brest region positive tendencies remain. Regional, city and district coordination councils on protection of the material and spiritual inheritance work productively. Protection, regeneration of monuments should be always in the centre of attention of mass media because the historical and cultural heritage is a reliable basis of patriotic education of citizens.

УДК 726.71 (476)

Кожар Н.В., БНТУ, Мінск

**СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
 ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Изучение вопросов охраны исторических объектов и их использования для современных целей является одной из наиболее актуальных задач современной архитектурной науки. Среди публикаций по данной теме можно выделить несколько направлений исследований. Это работы, посвященные разработке проблем исторической застройки городов, и труды, предметом которых является изучение конкретных памятников истории и культуры с предложениями

по их реставрации. Их анализ показывает, что в современной архитектурной практике использования исторических зданий в настоящее время существует два основных направления:

- превращение памятника архитектуры в своеобразный «музейный экспонат»;
- включение памятника в современную жизнь путем его нового использования.

Первый метод применяется тогда, когда историческая и архитектурная ценность здания настолько велика, что недопустимо вносить изменения в его структуру, чтобы не исказить облик и не снизить ценность. Но, как правило, такие объекты «не воспринимаются эмоционально и не входят в число живых эстетических ценностей» [1, с. 76]. Второй метод позволяет активно использовать исторический памятник и способствует его лучшей сохранности.

Следует отметить, что все основные принципы проведения реставрационных работ, сформулированные в середине XX в., сохраняют актуальность и в наши дни. Большинство современных западноевропейских теоретиков считает памятник архитектуры историческим источником и произведением искусства одновременно [2]. Поэтому задачей архитектора-реставратора является необходимость заботиться об исторической достоверности, одновременно соблюдая существующие нормативы выполнения реставрационных работ на памятнике архитектуры.

Изучение опыта охраны и использования памятников архитектуры показывает, что до середины 1970-х гг. в европейской науке для обозначения мероприятий по охране памятников существовали два понятия: «охрана памятников» и «сохранение памятников». *Охрана памятников* предусматривала обеспечение юридической защиты историко-архитектурного наследия. Содержание понятия *сохранение памятников* включало совокупность мер, направленных на предотвращение разрушения исторических объектов и искажения окружающей среды. Основной задачей сохранения считалось поддержание исторических зданий в том виде, в каком они зафиксированы в охранных документах. Такая «практическая» трактовка сути понятия не предусматривала ни исследование памятников, ни их популяризацию, ни решение задач по современному использованию. Поэтому в 1975 г. немецкий исследователь Ф. Мильке предложил ввести в содержание понятия «сохранение памятников» новую функцию – *изучение объекта* [3, с.36].

«Изучение» включило в себя вопросы выявления, классификации, оценки и анализа историко-архитектурного наследия. Такой комплексный подход ко всей совокупности проблем, связанных с существованием архитектурных памятников, в полной мере отвечал современным требованиям сохранения памятников и «перевода на твердую научную основу» методов их реставрации [3, с.37].

На основании выполненного анализа существующих методических подходов к сохранению историко-архитектурного наследия можно считать, что наиболее оптимальной является **комплексная методика**, включающая последовательно связанные этапы: **исследовательский, реставрационный и адаптационный**.

I. Проводимое на **исследовательском этапе** изучение памятников включает поиск объектов, их квалифицированное описание, а также обоснование необходимости и целесообразности применения к ним конкретных государственных мер охраны. Важной задачей данного этапа является оценка памятников архитектуры и исторической застройки. При проведении оценки учитываются историко-архитектурная ценность ансамблей, особенности расположения памятников архитектуры, характеристика окружающего ландшафта, техническое состояние сооружений, особенности объемно-пространственных решений, характеристика современного использования, экономическая целесообразность приспособления памятников для нового назначения.

В современной литературе представлен широкий спектр оценочных классификаций [2, 3, 4, 5, 6, 7 и др.]. Думается, что наиболее оптимальной можно считать **систему критериев оценки памятников** архитектуры, представляющую собой совокупность общественной ценности (1), формальных характеристик сооружения (2) и условий современного состояния памятника (3).

1. Важнейшие **аспекты общественной ценности** памятника:

- исторический,
- научно-познавательный,
- социальный,
- утилитарный
- эстетический.¹

¹ В случае уникального культового сооружения к ним можно добавить и сакральную ценность.

Исторический аспект общественной ценности обусловлен связанными с объектом свидетельствами о важных исторических событиях. С учетом данного аспекта принимается решение для разработки рекомендаций по приспособлению памятника архитектуры.

Научно-познавательный аспект общественной ценности отражает определенный уровень развития культуры в период создания сооружения.

Социальный аспект ценности архитектурного памятника (его ассоциативные значения) заключается в его воспитательной, образовательной функции.

Утилитарный аспект ценности архитектурного памятника определяется его пригодностью для использования. Кроме того, памятник может приносить и реальный экономический доход, если он приспособлен для современных функций.

Эстетический аспект общественной ценности определяется художественным уровнем исторических сооружений.

2. Аспекты формальных характеристик памятников архитектуры тесно связаны с определенными аспектами общественной ценности памятника.

К **формальным** характеристикам памятников относятся:

- градостроительное положение;
- объемно-пространственная структура;
- стилистика;
- достоверность форм и подлинность материалов.

3. Условия современного состояния памятников зависят от уровня экономического и социального развития населенных пунктов, в которых расположены историко-архитектурные ценности, и определяют экономическую эффективность их приспособления (она включает оценку дохода от туризма и других видов деятельности, в т.ч. производственной). Для оценки экономической эффективности можно использовать метод определения обобщенной стоимости оценки памятника. Метод предполагает учет утилитарной ценности памятника и затраты на восстановление объекта.

По результатам исследовательского этапа в целом принимается решение о задачах следующего реставрационного этапа (консервационные, ремонтно-реставрационные, реставрационные работы) и выборе допустимых форм использования памятника архитектуры.

II. Основная задача реставрационного этапа – разработка мероприятий по обеспечению сохранности памятников. В настоящий период в работах с архитектурным наследием в сфере реставрации сложились определенные тенденции, выбор реставрационных методов поддается классификации

Наиболее известной является классификация итальянского историка архитектуры Г. Джованнони. Его теоретические взгляды были отражены в резолюции Хартии реставраторов (1931 г.). Джованнони разделил памятники архитектуры на «живые», продолжающие использоваться для нужд современного общества, и на «мертвые», переставшие отвечать утилитарным потребностям человека (руины, крепости, триумфальные арки и др.). Несмотря на сомнительные критерии этой классификации, ее принципы реставрации были признаны в Афинской хартии, принятой VI конгрессом Международного Союза Архитекторов (1933 г.).

Классификация Джованнони основывалась не на особенностях памятника, а на типе проводимых работ. Он выделил 5 видов реставрации:

Укрепление или **консервация** – «совокупность мер, направленных на защиту или укрепление сооружения в его существующем виде» [73, с. 52].

Анастилоз – установка на свое изначальное место подлинных деталей памятника, перемещенных в результате разрушения или перестроек.

Дополнения допускались в редких случаях, когда это необходимо для поддержания возвращаемых на место подлинных элементов.

Обновление означало дополнения к памятнику, обусловленные новыми утилитарными требованиями или изменениями градостроительной ситуации.

Приспособление исторических объектов рассматривалось как одно из возможных (но не очень желательных) условий их сохранения.

Основные принципы проведения реставрационных работ были разработаны на II Международном конгрессе архитекторов и реставраторов, состоявшемся в Венеции в 1964 г. Согласно Венецианской хартии на памятниках архитектуры с первую очередь следует проводить консервацию. Рес-

таврация, как укрепление памятника архитектуры и восстановление его исторического и художественного значения, ограничена и требует строгого научного обоснования: «реставрация должна прекращаться там, где начинается гипотеза» [7, с. 47].

Следует отметить, что и сегодня целостная (синтетическая) реставрация остается исключением. Фрагмент сам по себе может восприниматься как отдельное художественное произведение, и в этом одна из причин успешных фрагментарных реставраций памятников и консерваций руин. Здесь очень существенно, чтобы сохранившийся фрагмент передавал важнейшие характеристики объекта как художественного целого.

Основным принципом реставрации следует считать укрепление памятника в том состоянии, в каком он дошел до настоящего времени, чтобы обеспечить его долговечность при сохранении максимальной подлинности. Поэтому первым этапом является консервация. Восстановление памятника может идти по двум направлениям: проведение ремонтно-реставрационных работ с частичным восстановлением деталей и выполнение полной реконструкции памятника, когда разрушенное здание почти полностью перестраивается на основе сохранившихся чертежей и фотографий. Создание подобного так называемого «новодела» допускается в исключительных случаях.

Вторым принципом реставрации является бережное отношение к позднейшим наслоениям, имеющим историческое, историко-культурное или художественно-эстетическое значение. Здесь уместны слова писателя Анатоля Франса: «Памятник архитектуры – это книга, в которой каждое поколение написало по странице. Не надо портить ни одной из них» [8, с.39].

Согласно третьему принципу восстановление полностью разрушенного памятника, то есть его воссоздание заново с использованием современных материалов возможно лишь в том случае, если речь идет об уникальных памятниках, являющихся национальной реликвией (например, Собор Христа Спасителя в Москве). Для воплощения этих принципов в жизнь реставрация памятников архитектуры должна: являться частью государственной программы; осуществляться комплексно; проводится на основе тщательного предпроектного исследования с выявлением возможного нового назначения.

Правильный выбор новой функции – важная задача подготовки к реставрации и использованию, от этого выбора во многом зависит дальнейшая судьба памятника.

III. Организация использования памятников – главная задача **адаптационного этапа**. В настоящее время приспособление исторических объектов рассматривается как необходимое условие их сохранения. Проблема использования памятника должна рассматриваться в тесной связи с представлениями о социальных функциях здания: познавательной, воспитательной, эстетической. Без их одновременной реализации памятник существовать не может. Следовательно, использование памятника должно быть таким, чтобы создавались оптимальные условия для реализации всех его функций. И «это положение – непреложная истина для любой страны» [9, с.131].

Памятники архитектуры, кроме исторической и художественной ценности обладают и непосредственно материальной, утилитарной ценностью. Однако происходившие во времени изменения социальных и экономических условий привели к тому, что большинство исторических зданий перестали отвечать практическим потребностям. Ряд из них утратил свои первоначальные функции (замки, крепостные стены). Многие исторические здания не соответствуют современным планировочным, технологическим, санитарно-гигиеническим требованиям (больницы, производственные здания, жилые дома) и требуют перестройки. Особенно ускорился процесс утери памятниками возможности быть использованными по прямому назначению. Поэтому *основным принципом современного использования памятников архитектуры является их функциональная переориентация*.

При определении новой функции учитываются местные потребности в размещении тех или иных учреждений, имеющиеся площади, транспортные возможности и многое другое. Приспособление памятников для современных функций предусматривает также максимальное сохранение окружающего ландшафта и выполнение работ по благоустройству прилегающих территорий. Поскольку размеры и связь помещений в памятнике уже сложились в определенную структуру, эта структура во многом предопределяет выбор соответствующего нового утилитарного назначения (пробивка новых проемов или устройство лестниц, как правило, не допускается нормативами). В виде исключения перепланировка производится во второстепенных, уже ранее сильно перестроенных частях здания. При выборе новой функции следует также учитывать, что объем памятника должен оставаться неизменным (не допускается его расширение).

Виды новых функций памятников архитектуры можно объединить в следующие группы:

- музейная функция (музей истории памятника, города, образа жизни населения в средневековье, тематический музей, историко-архитектурный заповедник);
- функция учреждений отдыха и туризма;
- культурно-просветительские функции (культурные центры, зрелищные учреждения);
- общественная функция (учебные и научные учреждения, официальные представительства);
- хозяйственные функции (предприятия торговли и питания, склады).

Методика выбора новой функции должна учитывать условия физической и моральной сохранности памятников и включать ряд последовательных операций:

- проведение натурного обследования памятника;
- выбор новой функции для всего архитектурного комплекса или отдельных сооружений, входящих в его состав;
- разработка проекта реставрации памятника архитектуры;
- разработка проекта приспособления памятника архитектуры;
- выполнение практических работ по реставрации и приспособлению.

Во всех случаях требуется учет экономических факторов реставрации памятников архитектуры.

Приспособление памятника архитектуры к современному использованию обычно представляет сложную задачу и требует всестороннего учета не только историко-художественного значения, но также его конструктивных и технических особенностей. Поэтому только комплекс мер по определению ценности исторического сооружения, выбору вида консервативно-восстановительных работ, обеспечению рационального использования памятника архитектуры является важным условием его сохранения.

Литература

1. Иконников, А.В. Памятники архитектуры в структуре городов СССР / А.В. Иконников – М.: Стройиздат, 1980. – 237 с.
2. Гаццола, П. Консервация и реставрация памятников и исторических зданий /П. Гаццола, Х. Динфунс [и др.] – М.: Стройиздат, 1978. – 320 с.
3. Памятники в контексте историко-культурной среды: сб. научн. тр. / НИИ культуры. – М., 1990. – 144 с.
4. Методика и практика сохранения памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1973. – 143 с.
5. Иконников, А.В. Памятники архитектуры в структуре городов СССР / А.В.Иконников, Н.Ф.Гуляницкий – М.: Стройиздат, 1978. – 208 с.
6. Подъяпольский, С.С. Реставрация памятников архитектуры: учеб. пособие для вузов / С.С. Подъяпольский, Л.А. Беляев, Т.М. Постникова. – М.: Стройиздат, 2000. – 288 с.
7. Михайловский, Е.В. Реставрация памятников архитектуры: Развитие теоретических концепций/ Е.В.Михайловский. – М.: Стройиздат, 1971. – 190 с.
8. Пруцын, О.И. Архитектурно-историческая среда / О.И. Пруцын, Б.Н. Рымашевский, В.А. Борусевич. – М.: Стройиздат, 1990. – 408 с.

RESUME

The article is narrated about basic theoretical and methodical provisions of the studying, appreciation and choosing the methods of protection, restoration and utilization of architectural monuments.

УДК 069.4:069.6

Мисюк В.С., БрГТУ, Брест

ТРАДИЦИОННЫЙ ДОМ ПРИБУЖЬЯ И ПРОБЛЕМА РЕЕСТРА ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Традиционный деревянный дом Прибужья имеет важное социальное значение. Он является интегрирующим символом регионального сообщества. И это одна из самых важных его функций, поскольку она не только формирует уровень общественных отношений, но и в конечном итоге определяет качество персонала в разных областях хозяйства. В то же время целый ряд процессов ведет к резкому уменьшению числа этого типа памятников. Можно утверждать, что традиционный деревянный дом превращается в исключительную редкость. Под угрозой исчезновения находится уникальный комплекс д. Кудричи Пинского района и прочих. В реестре памятников Брестской области, составленном во времена Советского Союза, числился только

один деревянный дом – курная хата в д. Рожковка Каменецкого района. Последний в начале XXI века был разобран для реставрации и в значительной мере утрачен. На сегодняшний день к охраняемым деревянным домам в области можно причислить дом в музее народного творчества «Хата полешука» д. Поречье Пинского района, дом в школьном музее д. Дмитровичи Каменецкого района, дом-музей в д. Здитово Березовского района. К этой же категории можно отнести реплики усадебных домов в урочище Меречевщина Ивацевичского района и в д. Засосье Барановичского района. Поскольку свод памятников недоступен для публичного использования, не представляется возможным дать ответ на то, находятся ли традиционные дома Прибужья под охраной государства.

Объекты из дерева не просто нуждаются в ревалоризации в связи с растущими требованиями к экологическому стандарту жизни. Деревянная архитектура – это еще и важный ресурс для развития в регионе экотуризма. Брестский регион имеет образ зеленого региона. Здесь находится Национальный парк «Беловежская пуца», биосферный резерват «Прибужское Полесье», более десятка заказников. Эти объекты во многом ориентированы на развитие «зеленого туризма». Однако действенные шаги по сохранению и реновации одной из его составляющих, деревянной архитектуры, до сих пор не приняты. На данном этапе в реестре памятников архитектуры из дерева, охраняемых государством, находятся в абсолютном большинстве храмы. Такое положение считать удовлетворительным нельзя, поскольку вне данного списка остаются многие памятники: кресты, каплички, хозяйственные постройки и дома.

Внедрение новой системы потребует усилий квалифицированных работников Управления культуры, Белреставрации. Частично расходы по его созданию могут быть компенсированы за счет участия общественности, в частности Белорусского общества охраны памятников, молодежных и волонтерских организаций, искусствоведов, краеведов и пр. При создании нормативной базы подобного реестра может быть использован положительный опыт стран Скандинавии, соседней Польши и др.

В Польше охрану памятников осуществляет Государственная служба охраны памятников (*Państwowa Służba Ochrony Zabytków*). Ею были определены реестры памятников по всем административным единицам страны. Интересующая нас категория памятников представлена довольно широко. Основой для современных польских реестров памятников стала инвентаризация 1971-73 годов. Несмотря на огромное количество охваченных ей объектов, уже в 1975 году ее критерии были признаны неудовлетворительными, поскольку в них памятники народной архитектуры не были учтены. В связи с этим работы продолжились. В конечном итоге, было подтверждено, что деревянные жилые дома являются важным элементом культурного наследия. Например, в гмине Стрыков Лодзьского воеводства наиболее ценным из памятников архитектуры признан именно деревянный дом. Ряд объектов были перевезены со своих прежних мест и стали экспонироваться в более презентабельных местах. Так, в гмине Прухник Подкарпатского воеводства реставраторы и местные власти перенесли 300-летний деревянный дом на центральную площадь городка. В некоторых случаях из доступной информации (гмина Колаки Кошчельне Подляского воеводства) невозможно определить, сколько конкретно домов внесено в реестр памятников, поскольку указано как по одному дому, так и группой. Во многих случаях они числятся одновременно с сельскохозяйственными постройками: курятниками, сараями, амбарами, хлевами, мельницами и даже погребом. Основную массу составляют дома, построенные в 1880-1930-х гг. Количество охраняемых домов, их охранный статус в пределах страны варьируются. В среднем на одну наименьшую административную единицу приходится около 10–20 домов. В гмине Минск-Мазовецкий Мазовецкого воеводства среди памятников отмечено 56 деревянных домов [6]. Количество памятников традиционной жилой архитектуры в гмине может достигать полторы сотни. В отдельных случаях ни один из них может не числиться в своде памятников архитектуры. В информации, предоставленной по Свидницкому повету, богатыми памятниками сакральной и дворцово-парковой архитектуры, «деревянные дома» не включены в государственный реестр, но по 43-м населенным пунктам они отмечены как объекты культурного наследия [4]. Наиболее интересным представляется перечень охраняемых домов на территории западной части Побужья, бывшей территории Бело-Подляского воеводства. В 1984 году вышла в свет книга «Памятники архитектуры и строительства в Польше, воеводство Бело-Подляское». В ней было описано 3199 памятников деревянной архитектуры. 85% составляла народная архитектура (дома и подворья) [2, 11]. Сейчас только в прилегающей к Бресту гмине Тересполь поставлено на учет 48 памятников народной архитектуры [2, 85].

Подобную информацию по северной части польского Побужья (ныне Подляского воеводства) найти не удалось. Отметим только, что в гмине Гайновка Подляского воеводства под охраной консерватора памятников находится 15 объектов, основным элементом которых являются деревянные дома [5].

В Польше развита широкая система скансенов, как в отдаленных от Брестчины польских регионах (Санок, Пуньск, Лодзь, Шимбарк и др.), так и в прилегающих к ней (д. Беловежа, д. Буды, д. Козлики Подляского воеводства и д. Голя Люблинского воеводства и др.). Часть из них является профильными центрами – музеями народного строительства, сельского хозяйства, региональной деревни, этнографическими парками, скансенами народного строительства и деревянной архитектуры. Иные используются в гостиничном, ресторанном и санаторном бизнесе, агротуризме (Пансионат «Урочище Заборек» гмина Янов-Подляский Люблинского воеводства). Все разновидности скансенов находятся в общественной и частной собственности. Досмотр за ними осуществляют непосредственные собственники и сотрудничающие с ними общественные фонды. Наиболее древние памятники деревянного строительства охраняются, в том числе при помощи реконструкции, при помощи археологических резерватов и действующих на их территории музеев, крупнейший из которых находится в Бискупине Куявско-Поморского воеводства.

Действенным методом охраны деревянной архитектуры и деревянных домов, в частности, являются конкурсы среди опекающих их хозяев. В Белостокском воеводстве он проводится под патронатом Главного консерватора памятников, Маршалковского управления и Музея сельского хозяйства в Чеханове. В 2008 году проходил четвертый воеводский конкурс. По его результатам лучшие хозяева получили значительную поддержку. Так 5000 злотых получили хозяева десяти построек, среди них 6 домов. Пять третьих мест по 1500 злотых, среди них четыре дома, в том числе один в сельском музее. Из трех наград за второе место по 3000 злотых – два традиционных дома и приходской дом. Награда за первое место 6000 злотых досталась железнодорожной станции. Эта сумма ежегодно растет [3].

Довольно действенной охранной инициативой является «Шлях деревянной архитектуры». Он объединил три южных воеводства Польши (Силезское, Малопольское, Подкарпатское). В 2009 году он охватывал более 3000 километров объединенных в 24 трассы [1]. В Подкарпатском воеводстве суммарная протяженность включенных в него девяти трасс составляет 1202 км. В Силезском воеводстве отрезок включает 1037 км. В Малопольском воеводстве – 1500 км. Трасса была маркирована, проводится большая работа по информированию туристов о расположении и значимости памятника, урегулировано время посещения туристами закрытых объектов. Налаживается туристическая инфраструктура. Ряд объектов трассы объединяет крупное региональное событие – музыкальный фестиваль «Музыка, застывшая в дереве». Из года в год перечень объектов актуализируется и пополняется. Инициатива поддерживается ЮНЕСКО, за время реализации проекта организация расширила число памятников за счет объектов трассы. В течение 2008 года малопольский участок посетило 80 тысяч туристов, а в 2009 – 130 тысяч.

Охрана деревянной архитектуры в Польше облегчается тем, что она занимает устойчивое положение на строительном рынке. Строительный польский рынок достаточно богат и гибок. На нем представлен целый ряд строительных фирм, работающих с деревом, в их числе и те, кто обладает правом и навыками переноса, реставрации и реконструкции деревянных домов. Традиционной популярностью пользуется строительство деревянных домов в окрестности туристических центров: Татр, Бескид, Беловежской пуци. Внимание к деревянному строительству подогревает динамично развивающаяся отрасль строительства сборных домов. Людей привлекает их дешевизна, высокие темпы строительства, экономность в затратах на обогревание, экологический стандарт (поддержание оптимального уровня влажности), ориентация на индивидуальный вкус и облегченная модернизация. В этой сфере в Польше работает более 600 фирм. Однако наиболее популярно возведение таких домов в Скандинавии. В странах Европейского Союза существуют программы «пропаганды дерева». Она проистекает из общеевропейской стратегии устойчивого развития и использования обновляемых ресурсов. Ситуация упрощается и тем, что на территории Европейского Союза создана нормативная база в сфере деревянного строительства. Действует несколько международных организаций, специализирующихся на той или иной технологии строительства деревянных домов. Популяризацией строительства деревянных домов в Польше занимается Общество «Деревянный дом» (*Stowarzyszenie Dom Drewniany*). Общество является организатором конкурса на красивейший дом, организатором Конгресса деревянного строи-

тельства. Последний проводится совместно с Институтом строительных технологий, Министерством инфраструктуры, Государственными лесами и Институтом технологий дерева. В нескольких городах существуют Центры деревянного строительства и Центры каркасного строительства, крупнейшим из которых считается центр в г.Гданьске.

В Польше уже давно существуют критерии оценки степени ценности деревянных домов. При оценке учитывается технология создания стен, дверей и окон, экстерьер и интерьер, форма и материал крыши, планировка, количество и расположение печей, тип двора и пр. [2, 11-13; 6]. Выделяются исчезающие, часто встречающиеся и доминирующие типы деревянных домов [2, 84]. Исходя из вышесказанного, в условиях Республики Беларусь наиболее оптимальным было бы внедрение многоуровневого реестра памятников, в т.ч. деревянной архитектуры. Он позволил бы решить несколько проблем. Прежде всего привлечь внимание к значимости малых архитектурных форм, социально значимых объектов. Отдельные категории памятников должны получить региональный (областной) и локальный (районный, сельсоветский, общинный) статус. В частности, очень удачным видится нам возможность совмещения охранного статуса с объектом образцового порядка, на что выделяются определенные суммы из местных бюджетов. Поскольку дерево – материал недолговечный, республиканский реестр памятников должен иметь базу резервных объектов, которые смогут, хотя и не в прежнем объеме, в случае безвозвратной утери отдельных памятников первоочередного значения, восстанавливать потери. И ступенчатый реестр позволяет этого добиваться. В случае с памятниками деревянной архитектуры вполне применимы принципы, работающие в области охраны видового разнообразия животного и растительного мира. Напомним, что в системе резерватов выделяют ядро, буферную зону и зону сотрудничества. Применительно к архитектуре такой подход позволит внедрить эффективную систему охраны, в отдельных моментах превосходящую аналогичные в соседних странах.

Литература

1. Hrycyk, S., Szlak Architektury Drewnianej - polski fenomen <http://www.twojaeuropa.pl/514/szlak-architektury-drewnianej-polski-fenomen>
2. Maraśkiewicz, J. Drewniana architektura północnej części euroregionu „Bug” / J. Maraśkiewicz, A. Baszkow – Biała Podlaska: Donatech, 2006 – 96.
3. Nagrodzone najlepiej zachowane zabytki drewniane http://www.wrotapodlasia.pl/pl/archiwum/rok_2008/IV_kwartal/Marszalek_Dworzanski_wreczyl_nagrody_nailepszym_opiekunom_zabytkow_drewnianych.htm
4. Inne zabytki http://www.starostwo.swidnik.pl/infobiz_server.php?mod=1&aid=95
5. Środowisko kulturowe <http://www.gmina-hajnowka.pl/zabytki/zabytki.htm>
6. Zabytkowe domy http://www.minsk mazowiecki.pl/turystyka/zabytkowe_domy

RESUME

The traditional wooden house of Pribuzhje has the important social value. At the same time variety of processes conducts to sharp reduction of number of this type of monuments. It is possible to assert that the traditional wooden house turns to an exclusive rarity.

УДК 719:711.168

Пацкевич А. В., БелГУТ, Гомель

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКОНОВ ПОСТРОЕНИЯ АНСАМБЛЯ В ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье отражены подходы к рассмотрению сложившихся закономерностей построения комплексных структур в различных плоскостях эволюции культурного ландшафта. Представлены результаты исследования взаимодействия различных по назначению и использованию в архитектуре и градостроительстве доминант и сформированной ими среды. Сделан анализ установленной между ними связи. Описаны методы и конкретные методики проведенного исследования.

Интерес представляет возможность использования полученных результатов для управления процессом развития населённых пунктов и территорий в процессе деятельности и реализации возможностей во взаимодействии.

В настоящее время в связи с переосмыслением устоявшихся взглядов во всех отраслях жизнедеятельности, приведших к пересмотру сложившихся связей, наметилась тенденция к переосмыслению понимания идей, создавших законы организации пространства и направляющих деятельность в нём. На первый план выступает необходимость целостного рассмотрения среды обитания, как художественно, социально, функционально и экономически целостного организма. Уравновешенность построения системы направлений движения в пространстве является средством утверждения нового видения мира и волевого начала человеческой деятельности. Топонимические вехи в пространстве, расставленные в прошлом и влияющие функционально и композиционно, являются единым принципом, который объяснял бы действие пространственно-планировочных акцентов, сохраняя прежние направления координат различных структур. В связи с этим становится приоритетной проблема системного развития пространственного уклада объектов (поселений) и изучения их места в структуре культурного ландшафта. Важность разработки новых подходов способствует пониманию законов, определяющих движение в ограниченном пространстве, и поиску механизмов, влияющих на гармоничное сосуществование структурированных систем (Льюис Мамфорд, Кевин Линч, Спиро Костоф, Ю.А. Егоров, А.В. Иконников, Э. Грушка, Ю.В. Ранинский, Е.Д. Квитницкая, А.Э. Гутнов, В.Л. Каганский, В.Л. Глазычев и др.).

На данный момент значительный интерес представляет эволюция понятия «ансамбль» и изучение значения особенностей его развития в современных условиях. Использование перспективных тенденций и сложившихся закономерностей позволяет прогнозировать идею пространственной организации объектов, поселений и территорий и обеспечивает дальнейшую возможность осуществлять самоуправление становлением индивидуального пути развития. Проблемой происхождения и формирования структуры ансамблей в городах и сёлах занимались многие известные ученые. В исследованиях А.М. Рудницкого (1966), В.А. Пискунова (1975), В.Ф. Морозова (1997), А.И. Локотко (1999), Ю.В. Чантурия (2005), Ю.Н. Кишика (2007) рассмотрены особенности, влияющие на организацию композиционного построения пространства. Особый интерес представляет изучение объектов, организующих пространство и значение иерархии зон, влияющих на эволюцию культурного ландшафта, актуальных на современном этапе для использования в современных условиях.

Для организации исследования факторов, влияющих на организацию композиционного построения пространства в культурном ландшафте, выполнен анализ имеющихся работ.

Так, в исследованиях А.И. Локотко упоминаются летописные родовые поселения восточных славян X века, называемые «весь» и «мир». В их рамках происходило формирование ансамбля социальных институтов, планировочная структура которых ассоциировалась с космическим порядком. В материалах показана последовательность развития иерархичной структуры поселений. К XI веку уже возникло поселение, называемое «погост», где произошло объединение группы поселений, ансамбль которых позволил сформировать «округ». С течением времени возник «погост-центр» со структурированным ансамблем построек, таких как церковный двор, кладбище, постоялый двор, магазин, школа, поместье феодала. Впоследствии погост трансформировался в феодальное село. В дальнейшем эволюция развития позволила селу приобрести значение административно-территориального центра с соответствующим ансамблем построек. Группа сакральных построек способствовала формированию местечка. Система ансамблей местечек вплоть до XIX века выступала в роли ремесленно-торгового посредника между селом и городом [1, с. 12, 16, 27–33]. Материал свидетельствует, что в исследованиях прослеживается прямая взаимосвязь между слоями культурного ландшафта и космическим порядком, что позволяет сделать выводы о наличии **пространства** культурного ландшафта.

В этой работе также показана роль объекта в поселении, возводимого по новым канонам, с нового материала и в масштабах которые превосходили все привычные на тот момент постройки. Такой постройкой в период XI – XII ст. явился ансамбль Софийских соборов в городах Константинополь, Полоцк, Киев, Новгород, свидетельствующий о тесных взаимоотношениях и приверженности конкретным ценностям в пространстве культурного ландшафта [1, с. 215].

В градостроительстве подобные закономерности прослеживались и в нашей недавней истории. Города возникали преимущественно в групповых системах и быстро создавали новые группы. В процессе развития зоны ближайшего окружения городов начинали соприкасаться, что вызывало необходимость в едином решении их пространственной организации. Так, к

1982 году в СССР было 14 крупных ансамблевых групп. Крупнейшая из них – Московская, включала 19 городов. Донецкая насчитывала 17 городов, Кузнецкая была образована цепочкой из 8 городов [2, с. 11, 33].

В исследованиях Ю.Н. Кишика выделено значение доминант ансамблей городов для ориентации человека в пространстве культурного ландшафта. Они, являясь опорными узлами, связывали единым целым огромные просторы, собирали в целостный комплекс россыпь жилых домов. Пространство передавало доминанте свои качества, а само воспринимало от этого ведущего сооружения часть его сущности. Как правило, объекты в городе размещались вокруг или возле рыночной площади, на основных магистралях, возле изгибов и пересечений улиц, среди жилых массивов и на природных вершинах. Это объекты оборонного значения (замок), культового назначения (монастыри и сакральные объекты различных конфессий), гражданского назначения (школы, объекты торговли и гостеприимства различных этнических групп), объекты самоуправления (ратуша и помещения для собраний).

Группа высотных сооружений обладала воздействием во много раз большим, нежели каждое из них отдельно. Исследования также показали, что в культурном ландшафте городской среды со временем происходит перераспределение акцентов. Некоторые из доминант, даже располагаясь вблизи друг от друга, находились в противоположных условиях восприятия. Равновесие архитектурного комплекса находилось в размещении ведущих зданий, а все элементы застройки, составляющие целое, имели самостоятельность.

Вместе с тем отмечается, что доминанты, расположенные возле площади, занимали по отношению к площади подчинённое положение, а пространство площади было господствующим. Улицы также не была доминирующим элементом, а подчинялась блоку земельных наделов.

В процессе развития части города районы города и даже весь город воспринимаются как целостность, обладающая признаками архитектурного ансамбля. Организующая сила архитектурного ансамбля заключена в определённом взаимодействии его компонентов. Благодаря этому в истории архитектуры и градостроительства всегда создавалось более «высокое» целое, способное композиционно и идейно-художественно сплотить обширные пространственные структуры. В архитектурной науке сложилось определение ансамбля как локального комплекса, обладающего рядом признаков. Это его формальное композиционное единство; его значительная роль в общественно-политической жизни; высокое качество образа, раскрывающее господствующую идеологию; общепризнанное значение в пространственной структуре. Ансамбль является отражением относительно высокой степени однородности общества, в котором официальное выражение сливалось с народным или этническим [3, с. 75–77, 80, 84–90].

Интересен пример построения ансамбля при реконструкции города Гомеля в начале XIX века, осуществлённого Н.П. Румянцевым. Для своего любимого Гомеля он собрал всё лучшее, что было в архитектуре Санкт-Петербурга, Парижа и Рима. Так, очевидна генетическая связь лучевой композиции плана Гомеля с Версалем. В качестве композиционного центра планировки выступила площадь. В ансамбле Гомельской площади мы находим прообразы совершеннейших творений архитектуры. Источник вдохновения автор дворцового комплекса Дж.Кларк черпал из образа Ротонды близ Виченцы А.Полладио. Примером для подражания при возведении Петропавловского собора послужила церковь св. Женевьевы в Париже и собор св. Павла в Лондоне. Прообразом костёла послужили черты античного Пантеона (арх. Л. Руски) [4, с. 172, 173, 183, 194, 198]. Благодаря подобному подходу, объекты ансамбля позволили сформировать облик европейского города, включив территорию в пространство культурного ландшафта Европы.

Подобные принципы композиционного построения пространства присутствуют также и в современной малоэтажной усадебной городской и сельской застройке. Согласно П1-97 "Планировка и застройка районов усадебного жилищного строительства в населённых пунктах РБ" на земельном участке предусматривается функциональное зонирование с выделением жилой и хозяйственной зоны [5, с. 7]. В жилую зону входят:

– жилой двор, который является планировочным ядром участка, на котором осуществляет организация пространства решением благоустройства, размещением дома и его составных элементов;

– палисадник перед домом;

– сад.

На приусадебных участках предлагается для размещения ряд хозяйственных построек и сооружений: сарай для содержания скота и птицы; сарай для хранения хозинвентаря и топлива; гараж; баня; теплица; погреб и т.д.

В данном случае зонирование территории и размещение ансамбля построек в пространстве культурного ландшафта земельного участка позволяет отдельному хозяйству создать среду для осуществления полноценной жизнедеятельности, соответствующей потребностям семьи.

Сравнительный анализ показывает, что наличие объектов, организующих пространство, и наличие иерархии зон, влияющих на эволюцию пространства культурного ландшафта, просматривается на всех уровнях жизнедеятельности человека.

Наличие подобных закономерностей позволяет использовать их и в понимании развития более крупных пространственных структур. К примеру, в пространстве культурного ландшафта Гомельской области композиционное построение городов сформировалось благодаря системе железнодорожных магистралей. Это города – Гомель, Речица, Василевичи, Калинковичи, Светлогорск, Жлобин, Буда-Кошелёво. Города Гомель, Калинковичи, Жлобин являются опорными узлами структуры. Отдельно каждый город имеет свою историю, свой неповторимый облик и свой потенциал. Территория расположенная внутри ансамбля, объединяет структуру в количестве более двухсот сельских населённых мест, и её потенциал также до конца не исчерпан.

Кроме особенностей каждой доминанты, можно также выделить перечень основополагающих критериев, присущих всем, которые существенно влияют на эволюцию культурного ландшафта:

- период основания – позволяет определить наличие культурных слоёв;
- планировочная структура – воздействует на психологию мышления жителей;
- размеры – диктуют динамику жизни;
- плотность застройки – определяет уровень комфортности восприятия среды;
- многопрофильность – влияет на эффективность внедрения технологичных систем;
- образ – позволяет определить этнографические и культурные условия развития;
- ментальность – определяет уровень группового сознания.

В современных условиях общим является и то, что доминанты данной пространственной структуры в большинстве своём, за исключением Гомеля, рассматриваются как провинциальные города. Учитывая, что существующее состояние городов нарушает проверенные временем законы построения ансамбля, необходим поиск новых цивилизационных оснований для преобразования в культурном ландшафте пространства.

Анализ путей и приёмов создания ансамблей позволяет представить их в виде системы доминант, обладающих ярко выраженными особенностями, включающими такие понятия, как:

- уровень принадлежности (природный объект, здание, поселение, территория);
- степень ценности объекта;
- самостоятельность (в рамках общепринятых норм и законодательства);
- самодостаточность;
- ритм деятельности;
- степень интеграции в пространственную структуру ансамбля;
- идеология развития.

Ансамбль городов находится на определённом расстоянии друг от друга и общее, что их связывает, это чёткий ритм движения железнодорожного транспорта. Сложившийся в пространстве культурного ландшафта «живой организм» имеет замкнутое внутренне пространство – ограниченное магистралями и внешнее – за пределами железной дороги.

Однако, как утверждают исследователи, сама по себе магистраль не является доминирующим элементом, а подчиняется прилегающей территории. В настоящее время участки магистралей между доминантами поделены на участки, ключевыми точками которых являются остановочные пункты пригородных поездов. Они уже являются местами соединения с расположенными поблизости поселениями. Следовательно, как и у структуры городского ансамбля, в данном случае должны работать те же закономерности включения человека через процессы деятельности, осуществляемые в пределах внутренней и внешней структуры. Это позволит развить процессы в эволюции пространства культурного ландшафта на новой основе.

Вместе с тем, исследования показали, что для включения в работу законов построения ансамбля опорные узлы должны связывать застроенное пространство какой-либо функциональной деятельностью. Только в этом случае пространство способно передать доминанте свои качества, а застроенное пространство сможет передать свой потенциал доминанте. Если обратиться в недавнее прошлое, то использование доминантами потенциала прилегающих территорий для наращивания собственного постепенно привело к дисбалансу и нарушило основы устойчивого развития.

Анализ также доказывает, что для создания идеологии ансамбля в истории использовался перечень подходов, способствующих созданию определённого стиля жизни и включению пространства культурного ландшафта в развитие структуры, таких как:

- комплекс объектов природы, зданий или поселений, объединяющих в пространстве культурного ландшафта группы людей с общим мировоззрением или принадлежностью;
- комплекс творений мировой архитектуры и градостроительства или их прообразы, включающие людей в пространство культурного ландшафта планеты;
- комплекс корпоративных объектов, включающий людей в культурный ландшафт, объединённый общими принципами, идеей или учением.

Перечисленные апробированные подходы явились плодами многовековых исканий зодчих по созданию классических моделей ансамблевых комплексов. Новые тенденции требуют создания среды, соответствующей современному мировоззрению, способной активизировать и систематизировать общественные процессы.

Мы живём в очень разнообразном мире, позволяющем изучить опыт городов и стран с различным уровнем и путями развития. К примеру, только у города Гомеля имеется ряд городов-побратимов, таких как Абердин в Шотландии, Клермон-Ферран во Франции, Лиепая в Латвии, Радом в Польше, Садбери в Канаде, Чернигов в Украине, Ческе-Будеёвице в Чехии, Брянск в России.

Каждый город со своей историей внёс свой вклад в создание пространства культурного ландшафта планеты и представляет собой отдельно взятый опыт. Объединение вековых достижений этих городов и опыта поколений населяющих их людей в единый ансамбль могут дать новый импульс в развитии.

Организация структурированного процесса выражается в стремлении соединения разновидностей культурного, социального и функционального предназначения пространства с целью создания благоприятной и качественной среды, используя потенциал пространства культурного ландшафта.

Таким образом, по результатам исследования установлено, что структурированная связь в пространстве, построенная на сочетании композиционного размещения комплекса объектов различного характера, работает по законам ансамбля и определяет стиль жизни. Материал показывает возможность расширенного использования проверенных временем закономерностей в пространстве культурного ландшафта и создании качественной среды обитания.

Следовательно, законы гармонии, присутствующие в ансамбле, со временем только расширяют сферы использования. Несмотря на смену направлений и течений в эволюции, выявленные устойчивые аспекты в композиционном построении пространственной структуры оставались неизменными.

Используя взаимодействие основополагающих принципов, участвующих в организации пространства культурного ландшафта, имеется возможность их использования для самоорганизации процесса и самодостаточного существования планировочной структуры. Выработка взаимосогласованных приоритетных направлений деятельности всех участников ансамбля создаст дополнительные возможности для гармоничного развития.

Полученные результаты позволяют наметить дальнейшие пути и направления развития пространства культурного ландшафта Гомельского региона и объектов, создавших условия для его эволюции, что непосредственным образом может способствовать инвестиционной активности и инновационной деятельности во всех сферах жизнедеятельности человека.

Литература

1. Лакотка, А.И. Национальные рысы белорусской архитектуры / А.И. Лакотка. – Минск: Ураджай, 1999. – 366 с.: ил.
2. Современная советская архитектура 1955-1980 гг.: учебник для вузов / Н.П. Былинкин, А.М. Журавлёв, И.В. Шишкина [и др.]; под ред. Н.П. Былинкина, А.В. Рябушина. – М.: Стройиздат, 1985. – 224 с., ил.
3. Кишик, Ю.Н. Генеральные планы исторических центров городов. – Гродно: пособие проектировщику / Ю.Н. Кишик. – Минск: Минсктипроект, 2007. – 282 с.: ил. 222.
4. Морозов, В. Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 1997. – 336 с., ил.
5. П1-97 "Планировка и застройка районов усадебного жилищного строительства в населенных пунктах РБ".

RESUME

In the article there are reflected approaches to consideration of notion "lines of successive development of cultivated landscape under the influence of population settlements and territories' structure". The research results of habitation structure and role of "joint space" in evolution of cultivated landscape are submitted for consideration. The specific methods of that investigations are described.

The availability of received results for process control of territories development during the activities and possibilities' realization interactively is of certain interest.

УДК 719:711.168

Пацкевич А.В., БелГУТ, Гомель

РОЛЬ «ИНФОРМАЦИОННЫХ КАНАЛОВ» В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В статье отражены подходы к рассмотрению сложившегося спектра различных способов взаимоотношения людей с окружающим их миром, а также организации процесса эволюции человека в культурном ландшафте. Представлены результаты исследования взаимодействия различных по назначению и использованию информационных каналов и их значение для коммуникационного объединения пространства и его преодоления. Сделан анализ установленной между ними связи. Описаны методы и конкретные методики проведенного исследования.

Интерес представляет возможность использования полученных результатов для управления процессом развития территорий в процессе деятельности и реализации возможностей во взаимодействии.

В настоящее время в связи с глобальным экономическим кризисом, приведшим к коренному пересмотру сложившихся связей, наметилась тенденция к переосмыслению понимания идей, создавших законы организации пространства и направляющих деятельность в нём. На первый план выступает необходимость целостного рассмотрения способов освоения и методов познания пространства в контексте культуры. Уравновешенность построения системы направлений движения в пространстве является средством утверждения нового видения мира и волевого начала человеческой деятельности. Информационные каналы, созданные в пространстве в прошлом, будь то река, древнее дерево, жилой дом, общественное здание, инженерная инфраструктура или путь (дорога), являются единым принципом, который объяснял бы способы освоения физического пространства и познания мира. В связи с этим становится приоритетной проблема системного развития информационных каналов для развития духовной сути пространственных коммуникаций, соединяющих людей, времена и культуры. Важность разработки новых подходов способствует пониманию «коммуникативности» людей по отношению друг к другу и окружающему миру и поиску механизмов, влияющих на гармоничное сосуществование (А.В. Бунин, М.Г. Круглова, Ю.А. Егоров, А.В. Иконников, Л.П. Лавров, В.А. Пискунова, А.Э. Гутнов, В. Л. Каганский и др.).

На данный момент значительный интерес представляет эволюция понятия «информационный канал» и изучение значения особенностей его развития в современных условиях. Использование перспективных тенденций и сложившихся закономерностей позволяет прогнозировать идею освоения культурного пространства, его обживания и поддерживания жизни людей. Проблемой коммуникационного развития человека занимались многие известные ученые. В исследованиях В.И. Аникина, А.В. Сычёвой (1988), Г.А. Потаева (1996), В.Ф. Морозова (1997), А.И. Ничкасова, И.Н. Степанова (1999), А.И. Локотко (1999, 2005), Ю.В. Чантурия (2005), Ю.Н. Кишика (2007), В.Л. Глазычева (2009) рассмотрены особенности, способствующие соединению людей, которые влияют на масштабы, формы и скорости освоения пространства. Особый интерес представляет изучение коммуникационной истории цивилизаций, влияющих на культуру развития пространства, актуальной на современном этапе для использования в современных условиях.

Для организации исследования факторов, влияющих на культуру организации построения связей в пространстве, выполнен анализ имеющихся работ.

Так, в исследованиях А.И. Локотко отмечается наличие особенностей, влияющих на адаптацию окружающей среды, как для творческих, социальных, бытовых, так и для коммуникационных потребностей.

Природно-ландшафтные условия, типы хозяйствования (оседлое, кочевой) и историко-этнографические особенности оказывали влияние на формирование расселения, определяли типы поселений и инфраструктуру коммуникаций.

В восточно-европейском ареале существуют две хозяйственно-значимые географические зоны: лес и степь. Это не только природно-климатические зоны, это две культуры, две глобальные системы. Вместе с тем в I тысячелетии нашей эры в отмеченном ареале начинается этническое движение: с севера и востока на юг и запад Европы двигаются угро-фины, гунны, готы, арабы.

Следующей волной стало движение славян в конце указанного периода на север и восток Европы [1, с. 375].

Развитие цивилизации и культуры, а также изменение ландшафта на белорусских землях тесно связано и во многом определялось наличием и направлением направлений движения древних племён. Изначально путями сообщений, данных природой, были реки. Именно они определяли места расселения (стоянок) первобытного человека и пути его возможных миграций.

Археологические находки и исследования показывают, что стоянки неандертальцев находились на берегах рек. Главными причинами этого в эпоху неолита были следующие:

1. Движение первобытного человека в поисках воды и еды.
2. Еда и вода, в свою очередь, натуральным образом связаны с реками и речными долинами:
 - здесь собирались дикие животные, которые были объектом охоты;
 - река являлась источником воды;
 - объектом рыболовства была рыба, которая водилась в реке.
3. Присущие человеку качества эволюционного развития познания, что связано с получением дополнительной **информации об окружающей среде** при перемещениях.

Наряду с тем в период перехода от палеолита к мезолиту появились связи, связанные с климатическими изменениями при наступлении ледника. На смену леднику на белорусские земли пришли леса, и только реки соединяли территории расселения разных племён.

В последующие периоды реки формируют первые «транснациональные маршруты». Белорусские реки становятся не только источниками пропитания, но маршрутами торговых связей, путями военных походов, а также ещё большим источником **информации об окружающем мире**, о новых территориях и народах, которые их населяют.

В конце X века на белорусских землях возникают новые государственные образования, возникшие на важнейших водных путях, связанных между собой, и с основными коммуникационными коридорами – путь из «варяг в греки».

В XI–XII стст. по мере возникновения сети городов система сухопутных коммуникационных связей становится более разветвлённой, охватывающей всё большие просторы.

Зарождение и развитие белорусско-литовской государственности в западных районах в XII–XIII стст. происходит также под воздействием важнейшего коммуникационного коридора, которым является река Неман.

Как видно из материала, направления и интенсивность развития культур во многом определялись и обеспечивались природными условиями, которые здесь существовали. Природа была источником жизнедеятельности и фактором, который способствовал развитию цивилизации. При этом человек только учился подчинять её, наделяя всё живое и неживое вокруг душой. Объектами верований становились такие материальные объекты, как большие камни или деревья.

Само Движение – неотъемлемое качество жизни, и древний человек находит его в циклах природных явлений, в движении солнца, луны, звёзд, в перемещении животных. Движение происходило по выделенным маршрутам и линиям, которые также входят в первобытное осознание и становятся неотъемлемой частью процесса движения.

Мифологический образ «дороги» становится важной частью многих языческих, а позднее и христианских обрядов белорусов. Мифологические верования древнего белоруса проявляются в обрядах хождения: обход полей и жилья, встречи и проводов весны, нового года, лета (Купалье), выгоном скотины на поле и т.д.

Мифологизация путей-дорог на самом деле была формой духовного восприятия пространства, необходимой составной быта белоруса, одним из этапов его развития [1, с. 375–379, 383–386]. В исследованиях мифологических источников у А.С. Сардарова в качестве первого источника, дающего рекомендации по дорогам, упоминается древнеиндийский исторический памятник – «Законы Ману», где определяются три рода дорог: пути через равнины, леса и по воде. В древнеиндийской Ригведе в «Гимне Пушану» дорожный бог Пушан указывает путь человека в загробный мир. У древних персов герой религиозного эпоса Хидр не только указывает дороги, но и выводит людей на «путь добродетели». Его особая роль заключалась в нахождении источника. У древних иудеев это пророк Элия помогает отыскать правильный путь. Эту же роль впоследствии выполняют Моисей. С развитием духовного мира человек стал осознавать себя не только в практической каждодневной ситуации, но и отвлечённо, на всём протяжении жизни. Это тоже был Путь – жизненный путь человека не только в пространственной, но и во временной протяжённости. Понятие «пути», «верной дороги» приходит и в мировые религии. Сами хождения великих пророков: Будды, Христа, Магомета, олицетворяли собой поиски Истины, обретения Верного Пути для себя и своих последователей. Таким образом, понятие пути становится не только

религиозным, но и философским понятием – символом познания. Простая дорога, ведущая от поселения к поселению, от народа к народу, от человека к человеку отождествима с познанием, с путём человеческой жизни.

В системах первобытных обрядов дорога и представления о ней, её «символический образ» играют заметную роль. Одно из самых древних верований, распространённых у многих первобытных народов, заключалось в связи следов человека с ним самим.

Наиболее сильным элементом дорожного путешествия были расставания и встречи, приход и уход из-под родного крова.

Прибытие путешественника у разных народов связано с обычаем гостеприимства. Многие народы осознавали пользу общения – получение новых знаний или, говоря нынешним языком, **информации**.

Дорога у древних была знаком. Историческим корнем происхождения дорожного знака была традиция буквальной передачи **информации**. Оказывается, что во многих случаях первые зачатки письменности человечества располагались у древнейших путей сообщения.

Дорога должна была выделяться на местности. Изначально сама природа показывала направление, когда дорога шла берегом реки, ручья или по их высохшему руслу. Впоследствии стали обозначать дорогу, устраивая вдоль неё камни, а ещё позднее столбы.

В восточных городах дороги отсчитывались от ворот города, где обычно находились торговые площади. Само слово базар обозначает «место у дороги».

Зарождение понятия красоты дороги с самых древних времён неразрывно связывается с понятиями удобства и пользы. Существовали такие выражения, как «открыть дорогу», «дать свободный путь», «лёгкая дорога». Ни в коем случае нельзя было сбиться с пути, и этому служили простейшие дорожные ориентиры.

Передача **информации**, сообщений была изначально одной из важнейших задач сухопутных дорог. Поэтому, одной из главных составляющих дорожного потока на многие века человеческой истории были гонцы и воины. Другим важным элементом передвижений и сообщений была их быстрота. Пути прогресса были также торговые общения. Была ещё одна удивительная категория людей в человеческой истории, прокладывавшая пути и дороги – это открыватели новых земель. Им принадлежало всё пространство земли. Их привлекало чувство единства со всей землёй, сопричастность многим другим странам, событиям, людям. Общим для этих людей было чувство свободы и, прежде всего, пространственной свободы, которое охватывало путешественника. Их скитания были связаны с ещё одной важной целью – поиском духовного, «истинного» пути.

В XX веке отсутствие видимого «живого» источника движения, «самодвижение» и скорость стали новым удивительным источником впечатлений и чувств. От автомобильного движения пришла в искусство идея знаковости – универсального языка, необходимого современному человеку с его ускоренным темпом жизни. Возникла потребность в новых формах визуальной **информации**. Возникла проблема вписывания дороги, как в природный, так и культурный ландшафт [2, с. 22, 31–38, 40–45, 54–63, 69, 117–129, 172–179].

Кроме особенностей каждого периода и направления развития путей и дорог, можно выделить перечень основополагающих критериев, присущих всем, которые оказывали влияние на эволюцию человека в культурном ландшафте:

- движение природных объектов (луна, солнце, звёзды);
- тип хозяйствования и жизнедеятельности (оседлый или кочевой);
- наличие потока (информационного, финансового, транспортного и т.д.);
- комфортная среда (качество и уровень жизни);
- климатические особенности (проживание, деятельность на разных континентах);
- транснациональные связи (космополитизм);
- мифологизация (значимость действия или процесса).

Основополагающим является то, что перечисленные составляющие с глубокой древности одновременно «работают» не только в физическом, но и в духовном пространстве человека. Продвижение вперёд, соединение с новыми ландшафтами и людьми служат целям познания окружающего мира, духовному развитию и совершенствованию человека [2, с. 7].

Анализ путей и приёмов самосовершенствования жизненного пути человека позволяет представить их в виде системы качеств, позволяющих оформить жизнь до уровня произведения искусства, включающими такие понятия как:

- выбор и движение по своему маршруту (пути) с проводником (тренером, спонсором);
- уровень познания собственного пути и поиск «своих» следов на земле;
- символический образ познания;
- дорога (путь) как знак (сигнал к действию) и место человека на этом пути;
- выработка условий прохождения пути, чтобы не сбиться с ритма движения;
- скорость преодоления пути и открытие своего места в пространстве культурного ландшафта;
- «самодвижение» для проявления себя в пространстве культурного ландшафта.

Конкретная последовательность физической и духовной составляющих показывают природу синергетической самоорганизации.

В качестве информационного потока в каждом процессе лежит восприятие. Восприятие участвует в познавательных процессах – интуиции, воображения, творчества – отображающих в сознании человека образы реальности и одновременное художественное их осмысление.

Конкретная жизнедеятельность человека определяется особенностями восприятия пространства культурного ландшафта, что позволяет выделить ценностные основания восприятия:

- 1) влияние на появление особенностей мыслеобразов в пространстве культурного ландшафта различных эпох;
- 2) определение ценностно-смыслового содержания конкретного исторического периода;
- 3) становление мироощущения и миропонимания;
- 4) выявление сущностных значений и смыслов существования человека;
- 5) развитие познавательной, практической, эмоциональной деятельности человека;
- 6) стимулирование желаний человека;
- 7) запуск механизма получения знания; в этом процессе участвуют мышление, разум, воля.

Анализ факторов, влияющих на становление адекватного эпохе восприятия, доказывает зависимость формирования образа мышления от конкретного информационного потока. В свою очередь выявленные закономерности позволяют сделать следующие выводы:

- 1) системный подход вооружает архитектора (реставратора) правильным пониманием происходящих процессов в эволюции сознания человека, поведения человека в пространстве культурного ландшафта, оценки его места в этом пространстве;
- 2) систематизация факторов даёт архитектору (реставратору) общее представление об эволюции мышления человека, отвечающего за образ жизни и деятельность, а также возможности на стадии аналитического этапа проектирования определить степень ответственности и уровень сложности проектных работ;
- 3) овладение комплексным методом позволяет архитектору создавать отвечающую духу времени и соответствующую определённой категории мышления сообществу людей актуальную реальность.

Из этого можно сделать вывод, что анализ и поиск средств, с помощью которых возможно оживление пространства культурного ландшафта и его дальнейшее продвижение, зависит от правильного выбора наиболее целесообразного подхода, способствующего самоорганизации процесса.

Таким образом, по результатам исследования установлено, что информационный поток продолжает оставаться сложным инструментом смыслового видения пространства культурного ландшафта. Материал показывает, что различные информационные потоки организуют в культурном ландшафте разнородные пространства, такие как пространство повседневности, пространство знания, пространство произведения и т.д.

Таким образом, принципы организации мысли выстраиваются в некие смысловые структуры, характерные для жизнедеятельности той или иной эпохи. Становится очевидным, что архитектор (реставратор) работает не только с целью проявления пространства культурного ландшафта, но и с системой мышления человека.

Организация процесса выражается в стремлении соединения разновидностей культурного, социального и функционального предназначения пространства культурного ландшафта с целью создания наиболее благоприятной реализации удовлетворения культурных, социальных, торговых, производственных и общественных потребностей человека.

Полученные результаты позволяют наметить пути гармоничного сотрудничества профессионалов различных профессий с обострённым чувством воображения и слуха для создания

качественной среды обитания. При этом важное место отводится изучению человека, ценности места его обитания и факторов, способствующих развитию этого человека в пространстве культурного ландшафта.

Литература

1. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. Кантэксте: у 4 Т. 1 IX–XIV стст./ А.І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка – Мінск: Беларус. навука, 2005. Т. 1: IX–XIV стст. – 392 с.
2. Сардаров, А.С. Книга о дорогах. Дороги в человеческой цивилизации и культуре / А.С. Сардаров. – Минск: Изд-во «Арт Дизайн», 2000. – 181 с.

RESUME

In the article there are reflected approaches to consideration of existing spectrum of different means of interrelations between people and environment as well as organization of evolution process of person in cultivated landscape.

The research results of information links' interaction, that are different on purpose and use, and their significance for communication union of space and his overcoming are submitted for consideration. There is made an analysis of established connection between them. The specific methods of investigations that had been carried out are described.

The availability of received results for process control of territories development during the activities and possibilities' realization interactively is of certain interest.

УДК 719:711.168

Пацкевич А. В., БелГУТ, Гомель

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ СТРУКТУР В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье отражены подходы к рассмотрению понятия «линии преемственного развития культурного ландшафта под влиянием структуры населённых мест и территорий». Представлены результаты исследования структуры поселений и роли «совместного пространства» в эволюции культурного ландшафта. Сделан анализ установленной между ними взаимосвязи. Описаны методы и конкретные методики проведенного исследования.

Интерес представляет возможность использования полученных результатов для управления процессом развития территорий в процессе деятельности и реализации возможностей во взаимодействии.

В настоящее время в связи с глобальным кризисом во всех сферах наметилась тенденция к переосмыслению концептуального понимания истоков культурного пространства, созданного архитекторами, возрождению проверенных временем решений и идей. На первый план выступает необходимость целостного рассмотрения среды обитания как единого принципа, который объяснял бы духовно-эмоциональную сферу, культуру и социальность территорий. В связи с этим становится приоритетной проблема системного развития территорий и изучения их структурных составляющих. Важность разработки новых подходов способствует пониманию истоков и поиску механизмов, приводящих структурированные системы в действие (Льюис Мамфорд, Кевин Линч, Спиро Костоф, И. Иодковский, Е.М. Караваева, Б.А. Рыбаков, П.А. Раппопорт, В.Л. Глазычев и др.).

На данный момент значительный интерес представляет разработка понятия «преемственного развития культурного ландшафта под влиянием структуры населённых мест и территорий» и изучение значения особенностей их развития в современных условиях. Использование перспективных тенденций и прогрессивных традиций позволяет прогнозировать идею культурного ландшафта в пространственной организации населённого пункта и прилегающих территориях, и обеспечивает дальнейшую возможность осуществлять самоуправление становлением индивидуального пути развития. Проблемой происхождения и формирования пространственно-планировочной структуры поселений, а также их наследия, занимались многие известные ученые. В исследованиях Л.В. Андреева (1972), Л.В. Алексеева (1977), Н.Е. Антоновой (1996), рассмотрены особенности трансформации пространственной организации исторических поселений [1, с. 11]. Особый интерес представля-

ет изучение забытых или утраченных градостроительных закономерностей, действующих в пространстве и влияющих на развитие культурного ландшафта, актуальных на данном этапе для использования в современных условиях.

Для организации исследования факторов, влияющих на механизм возникновения застройки поселений, выполнен анализ имеющихся работ.

Так, в работах Ю. Н. Кишика обобщены исследования по формированию слоёв культурного пространства в структуре городов и факторов, влияющих на их развитие. Так, развитие древних поселений на примере Гродно, Могилёва, Бобруйска, Кричева, Лиды, Крево, Слонима, Минска, Вильнюса, Твери и т.д. дали представление о наличии доисторической традиционной трёхчастной структуры в виде развитого комплекса «град – овальница – торг». По мнению Ю.В. Чантурии, миндалевидное очертание «овальницы» явилось следствием трансформации длинного рынка – площади с замкнутым пространством, которое постепенно частично застраивалось [1, с. 31]. Длинный рынок превратился в ядро города и стал кристаллизующим элементом планировочной структуры, отражающим общественные потребности. В дальнейшем произошла геометризация городских планов, в результате чего появились прямые улицы и торговое пространство обрело форму остроугольного «веретена», трапеции и т.д., которые при тщательном изучении просматриваются в современной планировке. В функционировании рынка большую роль играло единство хозяйственной деятельности. Рынок став общим пространством, позволил соединить несколько самостоятельных образований, базирующихся на разных планировочных традициях. Таким образом, действовал механизм саморегуляции городского плана и рождалось своеобразие [1, с. 30, 31, 33, 35]. Сегодня сохранившиеся фрагменты культурного ландшафта, в прошлом служившие отправной точкой развития, отошли на последний план и не находят отражения в современной жизни.

Наряду с тем сохранившиеся материалы частного землепользования доказывают, что в древних городах существовало компактное проживание жителей по конкретным признакам со своим укладом жизни и индивидуальным выражением облика городской архитектуры. Это были еврейские кагалы, монастыри, городской магистрат, различные слободки и т.д. [1, с. 17–19]. Населённый пункт представлял собой группу сообществ, каждое из которых объединяло то ли вероисповедание – изначально язычники, затем христиане различных конфессий и иудеи, то ли классовая принадлежность – мещане и шляхта. Однако ни одно сообщество не перекрещивалось с другим, тем самым сохраняя свою аутентичность, своеобразие и самодостаточность, что позволяло создать индивидуальный культурный ландшафт.

Материалы исследования преобразования Гомеля в начале XIX века, выполненные В.Ф. Морозовым, показывают, что новый культурный пласт при реконструкции города начинался Н.П. Румянцевым со строительства Базарной площади. В 1801 году Румянцев поручает архитектору Дж. Кларку создание проекта для строительства объектов административного – ратушу; культурного – православную, католическую церкви и еврейскую синагогу; гражданского назначения – торговые ряды, русский и немецкий трактиры; доходное училище и т.д. Площадь была задумана как представительство всего местечка, средоточие его архитектурных идей и вбирала в себя высшие достижения человеческой деятельности. Она сочетала в себе всё, что было присуще новой эпохе, приближение которой в то время не осознавалось широкими народными массами [2, с. 178–181].

Топонимика сохранившихся названий мест, таких как «кагальный ров», «цыганский ров», свидетельствуют о наличии культурного этнического пространства в Гомеле.

Основой планировочного каркаса нового города явились две улицы, ориентированные на купол дворца, Замковая и Румянцевская. Дворец был задуман, как «дом-храм» – первая постройка такого рода на территории Российской империи того периода. Во второй половине XIX века в Гомеле был возведён «храм-вуз», в котором сегодня размещается УО «Белорусский государственный университет транспорта».

Современный Гомель сохранил трассировку магистральных улиц, современное название которых Советская и проспект Ленина. Исторический центр, вобравший в себя все значимые объекты общественного назначения, ограничен треугольником улиц – Советская, Победы и проспектом Ленина, которые соединены тремя и единственными городскими площадями – им. В.И.Ленина, Восстания и Вокзальной. Застройка наглядно демонстрирует слои культурного ландшафта, характеризующие жизненный уклад за последние двести лет.

Сравнительный анализ структурно-планировочной типологии, наложившей отпечаток на становление культурного ландшафта городов, как в период VIII – XII века, так и XIX века, вы-

являет сходные черты, что позволяет выделить принципы, способствующие индивидуальному развитию территорий:

- многослойная структура (объектов, населённых пунктов, территорий и т.д), представляющая развитый комплекс;
- наличие общего пространства образующего территорию культурного ландшафта и маршруты в нём;
- компактное расселение жителей в культурном ландшафте по принадлежности;
- самодостаточное существование культурного пространства.

Индустриальная революция XIX века «модернизировала» культурный ландшафт поселений и вывела на новый этап развития. Так, к примеру, в XIX веке индустриальное развитие Гомельского региона с развитием транспортных коммуникаций начало вносить кардинальное изменение в культурный ландшафт городов. В 1873 г. в эксплуатацию введён участок Молодечно – Минск – Бобруйск – Гомель Либаво-Роменской железной дороги [3, с. 8]. Гомельский железнодорожный узел, изначально находящийся на окраине города, способствовал его росту и впоследствии стал осью, соединившей две части города. Во второй половине XX века в пределах Гомеля уже проложена замкнутая «овальная» железнодорожная линия Гомель – Гомель. Сегодня она позволяет перемещаться в реальном времени в культурном ландшафте различных эпох.

Наряду с тем индустриальное развитие в XX веке затронуло культурный ландшафт территории всей области. На современном этапе создана замкнутая (округлая, близкая к форме треугольника) система транспортных коммуникаций, сформировавших основу планировочного каркаса региона в рамках железнодорожных магистралей между узловыми станциями в городах Гомель – Калинковичи – Жлобин (рис. 1).

Коммуникационные коридоры соединяют композиционно семь городов, где сегодня проживает 882,7 тысяч человек, и проходят через шесть районов. В зоне влияния находится 765 сельских населённых пунктов с населением 197,2 тысяч человек. Каждый город, каждая деревня – это наша вековая история, это судьбы людей и это наша память.

С 80-х годов XX века железнодорожные магистрали начали оказывать существенное влияние на трансформацию сложившейся системы расселения, выступая в качестве механизма возникновения застройки поселений и создания в культурном ландшафте нового культурного слоя.

Формирование среды жизнедеятельности в пространстве транспортных коридоров усиливалось в первую очередь за счёт создания системы дачных кооперативов. Только в непосредственной близости от магистралей расположенных в рамках рассматриваемой территории в 2009 году осуществляют деятельность 188 дачных кооперативов. Это способствовало становлению нового уклада жизни и новых взаимоотношений.

В самом дачном движении за истекшие два десятилетия также произошли качественные изменения. Если в конце XX века дача горожанина являлась средством выживания, то сегодня дача это уже больше рекреационное или культурное пространство.

В европейской теоретической архитектуре «революционный» шаг в развитии цивилизации XX века сделали в 1962 году молодые английские архитекторы, утверждая, что главными свойствами современной архитектуры являются текучесть, динамизм и ничем не сдерживаемая изменчивость.

Парадоксальная изобретательность авторов привлекла к ним всеобщее внимание. Изображались гигантские города в виде фантастических элементов, которые как функциональные ячейки подключатся через штепсель к любому гнезду в системе коммуникаций и также легко могли перемещаться или заменяться.

Было выдвинуто предположение, что, наконец, появилось предложение, адекватное уровню современной науки и техники, которое указывает им путь к дальнейшему маршу. Реализация концепции в своё время нашла применение в развитии индустрии бытовой техники.

Сильный импульс в этом направлении дали также произведения архитектора Седрика Прайса, выступившего с концепцией «недетерминирующей» архитектуры.

Прайс разработал проект-мечту «не города» Тинкбелт — железнодорожной магистрали, вдоль которой тянутся зоны: испытательных полигонов, социальных контактов и жилья. Все вместе, по мысли Прайса, должно было стать «поясом образовательной деятельности» и «поясом мышления» [4, с. 145, 146].

В нашей реальности транспортные коридоры перемещают человека в культурном ландшафте, позволяя выделить следующую классификацию: на дачу (городские жители); на природу или в деревню (городские жители); в областной или районный центр (сельские жители); коммерческие (городские и сельские жители); туристические (городские жители); связанные с трудовой деятельностью (городские и сельские жители).

Следует отметить, что железнодорожная магистраль сложилась как место соединения городских и сельских интересов, проживающих в разных слоях культурного ландшафта. Железнодорожный состав и прилегающая к железной дороге инфраструктура выступают в роли «совместного пространства», где происходит соединение городской и сельской культуры. Таким образом, существуют реальные предпосылки и для освоения этого пространства.

В принятии решений по созданию оптимальной среды в культурном ландшафте остановочных пунктов и участках перегонов железнодорожной магистрали можно предложить следующую методическую последовательность:

1) Изучение ритма и плотности передвижения людей в различных средах культурного ландшафта.

Ритм, плотность и расстояние передвижения напрямую связаны с определением основных фокусов тяготения, технологией распределения и организации человеческих потоков.

2) Выявление в культурном ландшафте взаимосвязи объектов (в том числе природных), населённых пунктов с остановочным пунктом и прилегающим к нему пространством.

Выявляется облик населённых пунктов, история их создания, история жителей, история ремёсел, основные достопримечательности, производственная база, коммуникационная доступность и наличие инженерных сетей.

3) Выстраивание в культурном ландшафте моделей структур объектов по функциональному признаку, способных обеспечить в пространстве развитие индивидуальной среды.

Концепция перспективного развития инфраструктуры вдоль железнодорожной магистрали в XXI веке предполагает расширение возможностей культурного ландшафта и способна решать следующие задачи: занятость городского и сельского населения в совместном пространстве; развитие народных промыслов на промышленном уровне; долгосрочное и текущее планирование развития территории; установление контактов и объединение интересов городской и сельской молодёжи; устойчивое развитие городских и сельских поселений; формирование позитивного мышления у различных возрастных групп; создание качественной среды жизнедеятельности.

Предлагаются следующие направления функционального освоения культурного ландшафта территории, прилегающей к транспортной магистрали:

– научное (прикладное) – включающее исследовательские лаборатории высших учебных заведений Гомельщины (медицинские, сельскохозяйственные, лесного хозяйства, рыбного хозяйства и т.д.);

– торговое – включающее развитие объектов торговли, хранения и складирования;

– производственное – основанное на экспериментальном выращивании садово-ягодных культур и сборе лесных плодов (ягоды, грибы, берёзовый и кленовый сок и т.п.) с развитием промышленной базы;

– туристическое – предполагающее развитие сельского туризма и посещение уникальных мест региона;

– культурно-просветительское – построенное на ознакомлении с бытом, фольклором, традициями деревни и проведением народных праздничных мероприятий; использование природного окружения и деревенского пространства в виде открытого музейного пространства.

Железнодорожная магистраль в данном случае рассматривается, как механизм для формирования среды жизнедеятельности и теоретически можно определить её как общественное сооружение в рамках культурного ландшафта. Отличительной чертой любого общественного сооружения является наличие факторов, способствующих психологической совместимости различных культур, обладающих потенциалом взаимодействия и взаимосвязанности. В данном случае – это городская и сельская культуры. Транспортная магистраль выступает в качестве своеобразного адронного коллайдера, являясь экспериментальной установкой для организации и ускорения процессов в «совместном пространстве».

Организация процесса выражается в стремлении соединения разнovidностей социального, функционального и культурного предназначения пространства с целью создания наиболее благоприятной реализации удовлетворения социальных, торговых, производственных, общественных и культурных потребностей.

Таким образом, по результатам исследования установлено, что существует связь в процессе трансформации пространства, построенная на сочетании старого и нового, тем самым подтверждая наличие линии преемственного развития пространственно-планировочной структуры. Материал показывает возможность постижения и применения забытых или утраченных закономерностей, действовавших в пространстве.

Следовательно, градостроительный процесс развивается гармонично, со временем лишь поступательно расширяя сферы влияния. Несмотря на смену градостроительных концепций, выявленные устойчивые элементы в композиционном построении пространственной структуры оставались неизменными, соединяясь и наслаиваясь в понятие «культурный ландшафт».

Используя взаимодействие градостроительных функций сооружений культурного ландшафта, участвующих в организации пространства поселений и территорий, прилегающих к транспортным артериям и решённых во взаимодействии с этим пространством, они могут способствовать самоорганизации процесса и зарождению самодостаточного существования планировочной структуры. Для организации освоения пространства требуется его научное обоснование, упорядочение и разработка соответствующей разрешительной документации. Выбор наиболее приоритетных направлений деятельности на конкретных участках планировочной структуры «совместного пространства» поможет создать возможности для самореализации участников проекта.

Полученные результаты позволяют наметить дальнейшие пути и направления формирования планировочного каркаса Гомельского региона, что непосредственным образом может способствовать инвестиционной активности и инновационной деятельности во всех сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Кишик, Ю. Н. Генеральные планы исторических центров городов. – Гродно: пособие проектировщику / Ю. Н. Кишик. – Минск: Минсктипроект, 2007. – 282 с.: ил. 222.
2. Морозов, В. Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура. Мн.: Изд-во «Четыре четверти», 1997. 336 с., ил.
3. Памяць: Гіст.-дакум.хроніка Гомеля: у 2 кн. – Мінск: БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 608 с.
4. Иконников, А.А. «Зарубежная архитектура» от «Новой архитектуры» до постмодернизма. – Москва: Стройиздат, 1982.

RESUME

In the article «The correlation of evidence of the value and sense component of the individuality of future pedagogues with indexes of interpersonal interaction in a small group» there have been reflected approaches to studying the notion of «a future pedagogue's individuality»; presented the results of a research on the value and sense component in the structure of individuality and indexes of interpersonal interaction in a small group; made an analysis of the correlation determined between them; described the methods and specific principles of the performed research.

The possibility of using the acquired results during the educational process for management of the development of future pedagogues' individuality as well as for realizing its potential in pedagogical interaction is of certain interest.

УДК 338.47: 947(476)

Малыхина Л.Ю., БрГТУ, Брест

ДНЕПРОВСКО-БУГСКИЙ КАНАЛ: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В средствах массовой информации Республики Беларусь активно пропагандируется идея возрождения сети водных путей с целью развития экологического туризма. Одним из интересных мест на Брестчине, которое можно посетить во время речной прогулки, является памятник гидротехнического строительства XVIII в. – Днепроовско-Бугский канал.

Наши предки могли попасть с Днепра на Западный Буг по рекам Пина, Припять, Волока Мухавец. На этом удобном водном пути было только одно препятствие – полоса заболоченной поймы, которую до появления канала приходилось преодолевать волоком. Идея о создании ещё в XVII в. водного пути, соединяющего бассейны Балтийского и Чёрного морей, принадлежала королю Речи Посполитой Яну II Казимиру Вазе (1648–1668 гг.), однако потеря Киег всех районов восточнее Днепра по Андрусовскому перемирию 1667 г. сделала невозмож её осуществление.

Большая грузоподъёмность при относительно малой затрате сил на транспортировку долгое время была главным преимуществом белорусских рек. По этой причине строительство судоходных каналов в западной части Беларуси в конце XVIII в. всё ещё было рентабельным. Строительство гидротехнического сооружения между притоком Буга Муховцем и притоком Припяти Пиной началось во время правления последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского. Поскольку канал располагался в пределах Берестейского воеводства, уроженцем которого он был (ныне – д. Волчин Каменецкого района) сначала канал назывался Королевским.⁹ Первый проект искусственного русла был сделан королевским картографом Ф.Ф. Чаки в 1766 г., строительство было начато в 1775 г. и завершено в 1783 г. – были выпрямлены извилистые русла Пины и Мухавца, канал использовался для сплава леса и прохождения небольших судов. Первый караван судов Королевский канал провёл лишь в конце XVIII в.

После вхождения в 1795 г. в состав Российской империи белорусская часть реки Западный Буг полностью занимала Брест-Литовский уезд Гродненской губернии и служила границей с Седлецкой губернией Польши, её течение было извилистым, с множеством отмелей, постоянно изменялось. Судоходной из впадающих в Буг притоков была только река Мухавец – она начиналась у г. Пружан и впадала в Западный Буг у Брестской крепости. В 1838 г. был утверждён проект очищения идущего через Беловежскую пушу русла ещё одного притока Западного Буга – небольшой сплавной реки Лесной [1, 3], введение этой реки в Днепровско-Бугскую систему произошло ещё в первой четверти XIX в. А уже в 1817 г. по каналу прошли 382 судна и 221 плот с лесом. По тем временам грузооборот в 3–4 судна и 1–2 плота был очень велик.

Большая часть искусственного канала располагалась в границах Кобринского уезда Гродненской губернии. По описаниям русского исследователя И. Столпянского, земная поверхность Кобринского уезда в южной части была низменной, переходящей в болото – ведь уезд составлял северную часть обширных Припятских болот и только в северо-западной части имел равнинность, возвышающуюся над уровнем моря на 550 футов [167,64 м. Здесь и далее по тексту в метрическую систему переведено автором – Л.М.]. В южной части уезда между рекой Пиной и Днепровско-Бугским каналом в те времена находилось очень много болот, из которых одно на протяжении 70 вёрст в длину и от 6 до 30 вёрст в ширину считалось абсолютно непроходимым, кроме того много болот располагалось в восточной части уезда вдоль реки Ясельды.

Как уточняет И. Столпянский, канал в рамках Кобринского уезда располагался «на протяжении 75 вёрст 160 сажень [79 км 840 м], шириною по дну 5 сажень [10,65 м], а сверху – 10 сажень [21,30 м], глубиною же доходит до 7 1/2 футов [2,23 м]. По каналу устроено несколько плотин и сделаны насыпи для бичевой тяги. Все гидротехнические сооружения, входящие для поддержания правильного судоходства, простираются на 411 вёрст [435,66 км], каковые сооружения начаты были в 1839, а окончены в 1843 г.» [2, с. 60].

На протяжении 1837–1848 гг., как свидетельствуют данные энциклопедии, были выполнены работы, позволившие проводить через канал баржи с большой осадкой. Необходимый уровень воды поддерживался 7 деревянными водозаборными плотинами [3, с. 245]. Для обеспечения высокой воды в канале дополнительно были сооружены ещё три водоподводные канала: Белоозерский, Ореховский и Турский. Канал расширился, а его длина достигла 196 км, из них 110 км искусственной части от города Кобрин до деревни Дубой на реке Пине были выкопаны вручную. После этой реконструкции, 9 декабря 1846 г., Королевский канал, чьё важное значение не единожды отмечало военное министерство, стал именоваться Днепровско-Бугским. Согласно документации того времени самая крупная по сравнению с другими Днепровско-Бугская система (от устья Припяти до устья Западного Буга) занимала 1010,977 вёрст, на ней располагались 22 шлюза [4, с. 125–127].

Известный в России писатель-этнограф П. Шпилевский в опубликованных в 1853 г. путевых заметках высказывал мнение о том, что «Кобрин лежит на пункте портовом и мог бы быть торговым городом, если б соединить Мухавец с Припятью посредством так называемого Королевского канала, тем более, что Мухавец, в других местах неспособный к портовым отправлениям от Кобрин становится судоходным» [5, с. 8].

⁹ Как справедливо замечает профессор кафедры географии УО «БрГУ им. А.С. Пушкина» Альберт Багдасаров, нередко Днепровско-Бугский канал ошибочно называют Днепро-Бугским, хотя такой канал протекает по югу Украины и соединяет воды реки Южный Буг с акваторией Черного моря. В связи с чем, каналу предлагается вернуть его прежнее имя – Королевский. Одним из направлений научно-исследовательской работы названной кафедры является поиск решения актуальных экологических проблем Белорусского Полесья, разработка концепции рационального использования и охраны ландшафтов зоны Днепровско-Бугского канала.

Пина и Мухавец часто мелели, подпитка водой была слабой, оттого местные торговцы избегали срочных контрактов, чтобы не терпеть убытки при просрочке доставки груза, вынужденной зазимовки. Сотрудник Императорского Русского Географического Общества второй половины XIX в. П. Бобровский в своём исследовании Гродненской губернии оценил водные пути «не вполне благоприятными для беспрепятственного движения транспорта... Важнейшие два пути, служащие для перехода транспорта из Днепра в Нёман и Вислу: системы Огинского и Днепроовско-Бугского каналов, местами до того мелководны, что судоходство, по необходимости ограничивается кратким периодом навигации» [8, 369]. Действительно, судоходство было возможным только в многоводные годы и, как правило, весной. Канал был построен преимущественно для транспортировки древесины в виде плотов, и, соответственно, грузопоток был в основном односторонним, т.е. большинство плотов направлялось в сторону Вислы. Например, в 1897 г. 241 судно с 14290 плотами прошло через г. Брест в Польшу и только 14 кораблей (без плотов) прошли в обратном направлении [7, с. 557].

Использование водных коммуникаций Гродненской губернии Российской империи в экономической жизни западно-белорусского региона в последней четверти XIX в. – начале XX в. значительно уменьшилось по причине их географической непригодности к активному использованию парового транспорта, возросшему объёму грузопотоков. В начале XX в. Днепроовско-Бугский канал почти бездействовал: за 1907 г. по каналу прошло только 1 судно и 2170 плотов, за 1908 г. – три судна и 1253 плота [8, с. 95]. Существенные изменения в использовании речных артерий и канала объясняются рядом взаимосвязанных факторов: дальнейшей капитализацией экономики и связанным с этим увеличением грузопотока товаров через дорожную сеть и водные артерии Брестчины, техническим переворотом, сменившим традиционные веками перевозки через реки и каналы и гужевой транспорт на более экономичные – железнодорожный и автомобильный.

В годы Первой мировой войны основные конструкции канала вышли из строя, однако в 1940 г. их отремонтировали, а сам канал расширили для облегчения судоходства. Была также выпрямлена часть его трассы к востоку от Кобрина. Однако во время Великой Отечественной войны гидротехнические сооружения были вынуждены разрушить партизаны. Дело было в том, что с ростом диверсий партизан на железных дорогах и растущими перебоями в их работе немецкие оккупанты с начала навигации 1942 г. стали активно использовать водные коммуникации – Днепр, Припять, Днепроовско-Бугский канал, Буг, Вислу. Днепроовско-Бугский судоходный канал имел большое значение для перевозки грузов противника как вверх, так и вниз по течению. И в начале 1943 г. Центральный штаб партизанского движения отдал директиву командиру Пинского партизанского соединения В.З. Коржу вывести из строя канал. Эту задачу было поручено выполнить самой боеспособной партизанской бригаде – им. Молотова, выполняющая которую летом и осенью 1943 г., отряды им. С. Лазо, Н. Шиша, А. Суворова, М. Калинина, Т. Костюшко разрушили важнейшие шлюзы на канале в н.п. Дубое, Овзичи, Ляховичи, Переруб, Радогощь. К январю 1944 г. были выведены из строя 10 шлюзов, большинство из 12 плотин и водоспусков, разрушен Белоозерский канал, подпитывающий Днепро-Бугский канал в его западной части. Было уничтожено также 110 км линий связи, без которой невозможна навигация. Партизаны спилили вековые деревья и дополнительно перекрыли ими канал, и водная артерия перестала быть судоходной. За каналом образовалась партизанская зона в длину 70–80 км и глубиной 50–60 км [9]. До освобождения Беларуси в 1944 г. оккупанты несколько раз пытались овладеть деревнями вдоль канала, например, 4-й гидроузел пришлось взрывать четыре раза, а вокруг 3-го шлюза оккупанты на километр выжгли всю растительность, чтобы нельзя было пробраться незамеченным, но партизаны устояли.

Во время восстановления канала в 1945–1946 гг. одновременно была проведена очередная его реконструкция, позволившая сократить общую длину и уменьшить количество шлюзов¹⁰ с 22 до 10. Благодаря шлюзам держится вся нынешняя мелиоративная система Брестского Полесья. На канале были задействованы 14 водовыпусков и 5 земляных плотин, которые в период навигации обеспечивают глубины 1,6 м при ширине 22–28 м. На берегу вдоль водного пути установили специальные знаки, ограничивающие надводные габариты, помогающие ориентироваться капитану, где проходит форватер, вехи и бакены, указывающие на мель. Позднее появилась световая сигнализация, деревянные ворота гидроузлов заменялись металлически-

¹⁰ Судоходный шлюз – сооружение на реке, канале для пропуска судов при разном уровне воды на пути их следования, состоящее из камеры (камер) с воротами.

ми. (На отдельных участках Днепровско-Бугского канала до сих пор сохранились береговые подпорные конструкции из дуба и элементы шлюзовых сооружений, являющиеся образцами гидротехнических сооружений конца XIX в. – начала XX в.)



Рисунок 1 – Днепровско-Бугский канал в Ляховичах. Автор А. Дыбовский. 2005 г.

В настоящее время канал проходит по Брестскому, Жабинковскому, Кобринскому, Дрогичинскому, Ивановскому и Пинскому районам Брестской области, по нему перевозят минеральное сырьё и лесоматериалы. Общая длина канала составляет 196 км, искусственная часть пути от Кобрина до д. Дубой на Пине – 105 км [3, с. 245]. Пункт водораздела этого канала непостоянный, зависит от водности года, им бывают устья Белоозёрского, Дятловичского и Ореховского каналов. Канал делится на три части: западный склон (от Бреста до Кобрина длиной 64 км) – зарегулированная р. Мухавец; водораздельный бьеф (от Кобрина до д. Ляховичи Дрогичинского района длиной 58 км); восточный склон – искусственный канал (от д. Ляховичи до д. Дубой длиной 47 км) и участок реконструированной Пины (от д. Дубой до Пинска длиной 27 км). Днепровско-Бугский канал – часть Днепровского-Бугского водного пути соединяющего бассейны рек Днепр и Висла. Головной центр по управлению водными ресурсами Днепровско-Бугского канала Белорусского речного пароходства находится в Пинске. Там же действуют порт и чуть ли не единственный реально работающий судостроительный завод.

Во времена расцвета речного флота по Днепровско-Бугскому каналу из Украины в ГДР через Брестский порт, образованный в 1950 г., возили железную руду из Кривого Рога. Для этого имела специальная европейская колея, в середине 1990-х её демонтировали, а руду возить перестали [10, с. 10–11]. Произошла переориентация на щебень и песок (только в 2005 г. Брестский порт перевёз наибольшее среди остальных белорусских портов количество этого груза – 733 тысячи тонн [11, с. 6]). В это же время на реке Мухавец в г. Бресте была построена глухая плотина для поддержания высокого уровня воды в канале. Тем самым гидрологическая связь между реками Мухавец и Западный Буг была прервана. Однако европейцы не раз проявляли заинтересованность в открытии этого пути.

Когда Республика Беларусь продала несколько кораблей Польше, их перегон осуществлялся по временной схеме: в акватории Брестского речного порта вырывали искусственные шлюзовые каналы-камеры, запускали туда корабли, за ними проход засыпался, а впереди открывалась земляная перемычка – и суда выходили на чистую воду. Таким образом, гидрологическая связь Мухавца и р. Западный Буг на время восстанавливалась. В 1997 г. правительством Беларуси была принята программа реконструкции гидротехнических сооружений Днепровско-Бугского канала, в соответствии с которой начались переделка шлюзов под европейские судоходные стандарты и замена устаревших гидротехнических сооружений. Очевидно, что восстановление судоходства между Днепром и Вислой в итоге может способствовать развитию и самого экологического транспорта, и открытию туристического маршрута Одер – Висла – Днепровско-Бугская система.

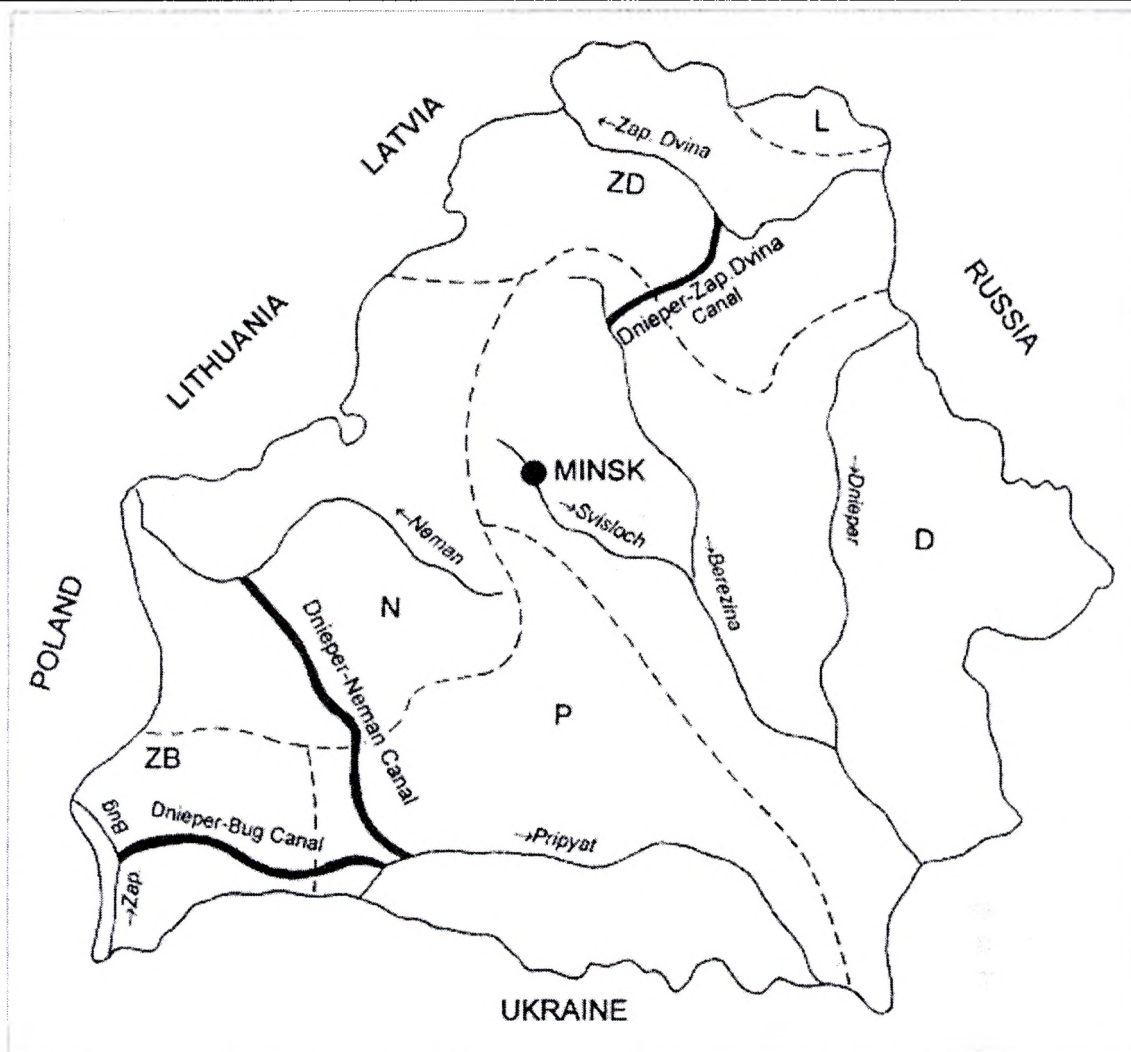


Рисунок 2 – Карта речных систем Республики Беларусь

Использование Днепроовско-Бугского канала для транспортировки грузов, пусть и уступающее по дешевизне железнодорожным перевозкам – не единственный ресурс, который можно задействовать в Прибужском регионе. Канал давно приобрёл туристическое значение и как самостоятельный объект, и как удобная в условиях Белорусского Полесья водная коммуникация. Используя лёгкие суда и прилегающие к Днепроовско-Бугскому вспомогательные каналы, можно использовать как уже разработанные, так и новые маршруты к памятникам архитектуры, военно-патриотическим памятникам, зонам отдыха, уникальным природным ландшафтам. У работников Брестского порта давно созрела идея построить или купить за рубежом комфортабельный теплоход и пустить его в путь от Бреста через Кобрин, Пинск, Туров – в Киев. Например, в Западной Европе особым спросом пользуются краткосрочные речные круизы до 5 дней, за время которых туристы успевают посетить много мест ни разу не сменив гостиницы. В этом случае используются однопалубные и двухпалубные теплоходы с низкой осадкой и надстройкой, приспособленные для прохождения по узким каналам, под низкими створами мостов. Имеется в наличии подобный прогулочный теплоход «Гродно» и в г. Бресте, который уже используется для отдыха. В городах можно причаливать на ночлег, в пути – проводить экскурсии, посещать поселения, характеризующиеся национальным колоритом, и другие места. Вот некоторые из возможных пунктов по Днепроовско-Бугскому водному пути из Бреста в Пинск, которые можно задействовать при разработке маршрутов историко-культурного и агроэкологического значения [12].

Брестский район:

(В настоящее время по р. Мухавец судоходство осуществляется до г. Кобрина (за 64 км от устья), продолжительность навигационного периода 230–240 суток).

- **д. Вычулки** – памятник-obelisk (1967) и братская могила советским воинам и партизанам Великой Отечественной войны;

• **Щебрин** – курганный могильник на правом берегу Мухавца, **Пречистинская церковь** 1793 г. – памятник архитектуры 1793 г. с местной трактовкой форм барокко.

Жабинковский район:

• **г. Жабинка – Покровская церковь** 1885 г. – памятник деревянной архитектуры в стиле неоклассицизма; **Николаевская церковь**, построена до 1727 г., перестроена в 1860-е гг. – памятник деревянного зодчества Белорусского Полесья;

• **д. Здитово** – на правом берегу Мухавца **Никитинская церковь**, известна с начала XVI в., перестроена в 1787 г. – памятник деревянного зодчества Белорусского Полесья.

Кобринский район:

• **г. Кобрин** (гидроузлы с дубовыми камерами в шлюзах №№ 6–7 вскоре будут заменены одним современной конструкции), обелиск в честь 200-летия начала строительства Днепро-ско-Бугского канала на ул. Первомайской на гидроузле № 7 (1975 г.);

• **Любань** – зона отдыха у одноименного озера в Кобринском районе, в бассейне Мухавца, в 3 км к северо-востоку от деревни Дивин. О. Любань на севере через систему каналов соединено с Днепро-ско-Бугским каналом. На восточном берегу озера археологические памятники – поселение бронзового века, мезолитические и неолитические стоянки;

• **д. Дивин** – Пречистенская церковь – памятник архитектуры ретроспективно-русского стиля начала XX в. и церковь Параскевы Пятницы – памятник архитектуры 1740 г., сочетающий строительные приемы местного деревянного зодчества с элементами барокко);

• **«Званец», республиканский ландшафтный заказник** – уникальный природный ландшафт на территории Беларуси, где располагаются самые крупные нетронутые низинные болота в Европе. Болотный массив «Званец» в Дрогичинском и Кобринском районах (150 км²) расположен в междуречье Днепро-ско-Бугского канала и его притоков – Белозерского и Ореховского каналов и является типичным примером водораздельных низинных осоково-гипновых болот Полесского региона, сохранившееся в естественном состоянии. Званец являлся частью ранее существовавшего крупнейшего болотного массива «Головчицкое болото», расположенного в восточной части междуречья рек Осиновка, Мухавец, Пина и Припять. После мелиорации 1960-80-х годов большинство низинных болот были трансформированы в агрофитоценозы. В Европе в естественном состоянии осталось только шесть крупных низинных болот, при этом Званец – самое крупное из них.

Интерес представляет и исторически сложившаяся система хозяйствования на этой территории. Практически до конца пятидесятых годов в западной и северной частях природоохранной территории на минеральных островах существовали многочисленные хутора. В настоящее время, несмотря на то, что практически все хутора в пределах заказника исчезли, земледелие на минеральных островах поддерживается в исторических границах наследниками бывших землевладельцев. Широко распространено в уголье бортничество. Колоды устанавливаются на дубах-великанах, которые уже сами по себе имеют определенную историческую, эстетическую и научную ценность;

• **д. Ямник** – объект исторического и этнографического характера в непосредственной близости к заказнику, практически сохранивший характерный исторический полесский облик. Крытые тростником крыши сараев, плетни, журавли-колодцы гармонируют с многочисленными гнездами белых аистов, расположенными на старых деревьях и стрехах домов;

• места, связанные с жизнью и деятельностью польско-белорусской писательницы Элоизы Ожешко недалеко от заказника «Званец»;

• **«Дивин-Великий лес»** – биологический заказник местного значения можно посетить используя прилегающий канал Ореховский;

• **четыре охотничьих угодия: ГОЛХУ «Кобринский опытный лесхоз»,; УП «Кобринское БООР»; «Еремичское ООР» площадь; «Городецкое ООР».**

Дрогичинский район:

• **д. Осиповичи** – памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1967 г.)

• **д. Галик** – памятник жертвам фашизма в 1943 г. на северной окраине деревни (1975);

• **д. Закозель**, в нескольких километрах от берега – памятник историко-культурного наследия садово-парковая усадьба XIX–XX вв. с часовней-усыпальницей рода **Ожешков**;

• **ОАО «Рыбхоз «Днепробугский»**, где можно выловить такие виды рыб, как карп, белый амур, толстолобик, карась, щука;

- **д. Радостово** (при использовании смежного Белоозёрского канала) – **Покровская церковь 1862 г.** – уникальный памятник церковного зодчества с чертами псевдорусского стиля; **«Радостовский»** – ботанический заказник лекарственной и редкой флоры, уникальный резерват, где сохранился неповторимый животный мир;
- **д. Заречка** – памятник (1966 г.) и братская могила партизан Великой Отечественной войны на северном берегу Днепровско-Бугского канала в 500 м от моста;
- **д. Ляховичи**, гидроузел № 5, **церковь Богородицы** второй половины XIX в. – памятник народного деревянного зодчества;
- 3 сельские усадьбы, расположенные в зоне водной магистрали Днепровско-Бугского канала, готовые оказать туристические услуги в вопросах агротуризма;
- **д. Новоселки – д. Белин** – действующий в районе водно-туристический маршрут по Днепровско-Бугскому каналу;
- **д. Перковичи** – памятник историко-культурного наследия садово-парковая усадьба XIX в. рода Вислоухов;

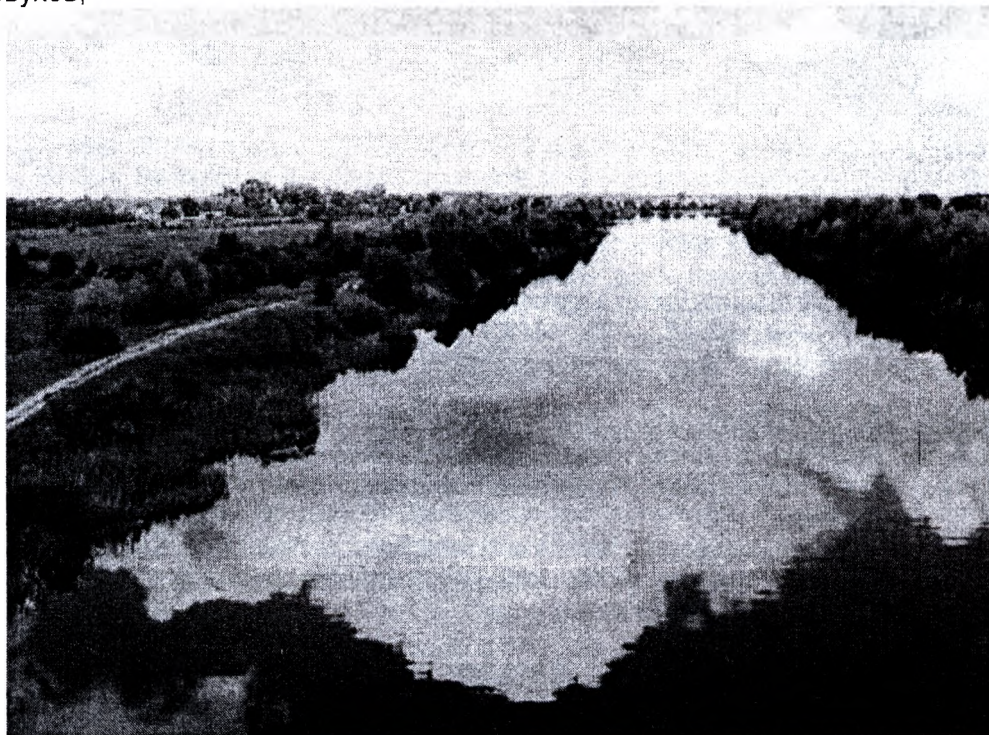


Рисунок 3 – Ляховичи, Днепровско-Бугский канал. А. Дыбовский. 2005 г.

Ивановский район:

- **д. Гневчицы** – памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1966); Пинский район:

- **д. Дубой** на р. Пина – памятник землякам Великой Отечественной войны (1968); парк «Дубой» – приусадебный парк середины XVIII в. – первой половины XIX в. – место рождения польского поэта **А. Нарушевича**, памятник усадебно-парковой архитектуры барокко; церковь **Рождества Богородицы** – памятник архитектуры классицизма 1811 г.;

- **Качановичи** – гидроузел № 11, живописные природные ландшафты.

Исходя из характера пунктов, встречающихся на пути следования, автором предлагаются к разработке следующие маршруты:

- 1) «Путешествие по Днепровско-Бугскому каналу – памятнику истории и гидротехнического сооружения XVIII–XX вв.»;
- 2) «Деревянное зодчество Белорусского Полесья и памятники садово-парковой культуры XVIII–XIX вв.»;
- 3) «Уникальные природные ландшафты Белорусского Полесья»;
- 4) «Отдых в духе Жан Жака Руссо» – охота, рыболовство, проживание в сельских усадьбах, сохранивших национальный колорит». (Известно, что этот великий французский просветитель имел намерение поселиться в условиях дикой природы Беларуси).

Материалы статьи могут быть использованы для экскурсий, касающихся истории Днепро-ско-Бугского канала, разработки новых туристических маршрутов в Республике Беларусь. Таким образом, туризм в зоне Днепро-ско-Бугской системы в форме речных путешествий является одним из наиболее перспективных видов туризма. Эффективно используя имеющиеся в Брестской области реки и каналы, он позволяет совместить такие туристические услуги, как перемещение и проживание. Поэтому Днепро-ско-Бугский канал, не утратив своего прямого назначения – по-прежнему являясь действующей водной артерией для транспортировки грузов Прибужского региона, представляет интерес и как самостоятельный объект для научного исследования (гидротехническое сооружение XVIII–XX вв.), и как экологическая магистраль для туризма.

Литература

1. О проекте на очищение русла р. Лесной через Беловежскую пуцу за 1838 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Фонд 8. – Оп. 1. – Д. 311. – Л. 3.
2. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях / Ред. И. Столпянского. – СПб., 1866.
3. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл.; Редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.] – Мн.: БелСЭ, 1990.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мн., 2005. – С. 126. (со ссылкой на Мейен, В.Ф. Россия в дорожном отношении. – СПб, 1902. Т. 1.). – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XIX ст.)
5. Шпилевский, П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник (СПб). – 1853. – Т. XL. – Отд. II.
6. Бобровский, П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. / П. Бобровский. – СПб., 1863. – Ч. 2.
7. Днепро-ско-Бугская система // Большая энциклопедия. Южаков, С.Н. (ред.). – СПб.: Просвещение, 1903. – Т. VIII.
8. Сведения о состоянии Гродненской губернии за 1902-1916 гг. // НИАБ в Гродно. – Фонд 14. – Оп. 3. – Д. 71.
9. Нордман, Эдуард. Речной флот гитлеровцев не ушёл на запад / Эдуард Нордман // «7 дней». 2005.
10. Козлович, Николай. Против течения: Репортаж с вод Днепро-Буга / Николай Козлович // Советская Белоруссия. 2007. – 28 августа.
11. Солодун, Алексей. Пароходы и другие долгие дела... // Брестский вестник. – 2006. – 6 июля. – С. 6.
12. Произведена выборка по источникам №№ 3,10, <http://portal.orsu.by/drogichin.brest-region.by/content/art-84.html>, belarustourism.by/.../369_16395.html

RESUME

Dnieper-Bug the channel – there is a monument to hydro-technical construction XVIII century. The article describes perspectives of development of the rivers tours in Belarus. Maps 1, photo 2. Bibliography: 12 titles.

УДК 947:378 (476)

Ковалёва Н.Н., БрГТУ, Брест

ДНЕПРОВСКО-БУГСКИЙ КАНАЛ: РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА В XIX в. И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Построенный в период с 1775 по 1783 год судоходный канал, соединивший реки Пина (приток Припяти, бассейн Днепра) и Мухавец (приток Западного Буга, бассейн Вислы), после его реконструкции в 1837–1848 гг. стал играть важную роль в экономике Прибужья. Королевский канал, названный так в честь последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, который в 1784 году посетил Кобрин и лично опробовал новый водный путь, проплыв на специально для этого случая построенном боте от Городца до Камня Шляхетского [1, с. 38], мало использовался для судоходства в период существования Речи Посполитой. Известный историк и этнограф Адам Киркор писал, что канал «был судоходен только весной при самых высоких водах, а летом совершенно высыхал и обращался в грязный ров» [2, с. 64].

В целях включения присоединённых белорусских земель в общероссийский рынок царское правительство развернуло активное строительство водных и сухопутных, а впоследствии (с 1862 года) и железнодорожных путей на территории Беларуси. В результате, в конце XVIII – первой половине XIX ст. белорусские губернии получили более развитую, в сравнении с другими регионами Российской империи, систему путей сообщения. Начиная с 1837 года, были проведены гидротехнические работы по углублению Королевского канала, строительству плотин и каналов из Ореховского, Белого и Волянского озёр [3, с. 262]. Реконструированный Королевский канал с 9 декабря 1846 г. стал называться Днепровско-Бугским. В сравнении с другими водными системами Беларуси (Огинской, Березинской, Августовской), он имел наибольшую протяжённость (1010,9 версты) и наибольшее количество шлюзов (22) [4, с. 126]. Разборные деревянные плотины (шлюзы) позволяли поддерживать необходимый для стабильного судоходства уровень воды в любое время навигации, что создавало условия для активного использования канала в развитии внутренней и внешней торговли.

Западно-белорусский регион, куда принято относить белорусские уезды Гродненской и Виленской губерний, в экономическом отношении традиционно был больше ориентирован на Польшу и Прибалтику. Строительство канала укрепляло эти исторически сложившиеся торгово-экономические связи и создавало хорошие перспективы для подъёма экономики региона. Исследователи отмечают, что большее экономическое значение для Литовского края¹¹ имел канал Огинского и меньшее – Днепровско-Бугский канал. Но в экономике Прибужского региона (Брестский, Кобринский уезды) более значимой была роль Днепровско-Бугского канала.

Рост товарности сельского хозяйства региона при сохранении до 80-х гг. XIX в. его зерновой ориентации заставлял местных производителей сельхозпродукции активно искать рынки сбыта. Как известно, Россия являлась ведущей хлебной державой мира. В конце XIX века она давала свыше половины мирового сбора ржи (по вывозу ржи Россия была почти монополистом в Европе), свыше 1\5 мирового сбора пшеницы, 1\3 – ячменя [5, с. 45]. На белорусских землях первое место среди зерновых культур занимала озимая рожь, являясь основной продовольственной и главной экспортной культурой. Белорусские производители ржи с трудом выдерживали конкуренцию со стороны российских производителей аналогичной продукции ввиду более низкой рентабельности производства зерновых на белорусских землях (тульский хлеб на нашем рынке был дешевле местного). Тем не менее, переход к повсеместному использованию наёмного труда, рациональной плодопеременной системы земледелия с многопольным севооборотом, активное применение сельхозтехники, распространение агрономических знаний и реализация других мероприятий в 80-е гг. XIX привели к повышению эффективности зернового хозяйства. Производство хлеба выросло с 11,6 до 15,1 пудов на душу населения, хотя урожайность зерновых в Беларуси уступала урожайности в большинстве других районов России [6, с. 14].

Проблема сбыта излишков производимого на белорусских землях зерна решалась путём расширения экспорта. Однако по железной дороге было дешевле вывозить зерно из центральных губерний России, чем из западных регионов, находящихся в непосредственной близости к границе. Таков был результат дискриминационной по отношению к белорусским губерниям политики царского правительства, установившего железнодорожные тарифы, выгодные, в первую очередь, для производителей зерна и муки из центральных губерний России (Приволжский регион и др.), где появились крупные предприятия с высокой степенью механизации производства. Местное мукомольное производство приходило в упадок. К 1880-м гг. в Брестском уезде осталось только одно мукомольное предприятие. Экспорт сахара из украинских губерний вызвал сокращение производства этого продукта на местных предприятиях и, соответственно, сокращение посевов сахарной свеклы.

Днепровско-Бугский канал давал местным производителям спасительную возможность сбыта хлебных излишков. Учитывая достаточно высокую рентабельность судоходных каналов в тот период времени ввиду возможности транспортировки больших грузов при относительно малых затратах, канал стал играть важную роль в хлебной торговле Прибужья. Важнейшими пунктами сосредоточения хлебной торговли были Брест и Пинск. Активная хлебная торговля шла на пристанях Мачта, Тарноватки и Яблонов на реке Буг, Брест и Кобрин – на реке Мухавец. Отсюда зерно отправлялось в Мемель, Данциг и Кёнигсберг [7, с. 28].

¹¹ Литовским краем Адам Киркор называет Гродненскую, Виленскую и Ковенскую губернии.

Из производимой в Прибужье продукции на экспорт шли также мясные и молочные продукты. Значительный рост цен на свинину в конце XIX – начале XX вв. и расширение масштабов вывоза сала за границу привели к тому, что свиноводство в западных регионах стало приобретать торгово-предпринимательский характер. В Европейской России и Польше Гродненская губерния к 1911 г. заняла 2-е место после Курляндской по количеству свиней в расчёте на 100 жителей [8, с. 164]. Проявилась также устойчивая тенденция прироста поголовья крупного рогатого скота. Но мясное животноводство, как и зерновое хозяйство, подрывалось невыгодными железнодорожными тарифами, в результате чего говядина, привезённая из степных районов России, была дешевле местной.

Благодаря наличию водных артерий, связывающих регион с Западной Европой, предприимчивые люди из числа городского населения смогли увеличить свои капиталы, занимаясь посреднической торговлей. Как отмечал упомянутый нами ранее Адам Киркор, «на этом пути пристани Литовской области грузят мало товаров, но зато транзит из верховьев Днепра и Припяти, т.е. из Малороссийской и Белорусской областей по этому водному пути весьма значителен» [2, с. 226]. Особое положение Пинска, как главного перевалочного пункта между водной системой Днепра и Балтийскими портами, содействовало развитию в городе предпринимательства и сосредоточению достаточно крупных капиталов. Выгодное географическое положение Брест-Литовска на перекрёстке торговых путей давало возможность местным предпринимателям принимать участие в комиссионной торговле.

Брест-Литовск, где размещалось одно из отделений Виленского округа, ведавших транспортировкой товаров по местным рекам, стал центром транзитной торговли. Через Брест шли товары широкого ассортимента: лес, хлеб, лён, шерсть. Значительная часть грузов направлялась в Германию, а оттуда – в Англию, Францию и другие государства. В обратном направлении через Брест-Литовск ввозились различные сорта вин, ром, портер, перец, корица, изюм и другие, как их называли, «колониальные произведения», аптекарские материалы, стеклянная, фаянсовая и глиняная посуда, зеркала, различные чугунные и железные изделия, машины и хозяйственные инструменты, различного рода железо для пароходов и локомотивов. При сохранении для белорусских земель северо-западного направления торговли лесом в качестве приоритетного, большое значение обретало и южное направление: по Днепру на Украину. Его преимущество заключалось в том, что южное направление было более универсальным: здесь брали все сорта леса, а не только отборный. Через Чёрное море белорусский лес поступал в Средиземноморье.

Учитывая отраслевую специализацию промышленности западно-белорусского региона, стоит отметить и важную роль канала в обеспечении сырьём местных промышленных предприятий. Промышленность Брест-Литовска получила стимул к развитию с превращением города в крупный железнодорожный узел и благодаря включению его в систему водных путей сообщения. Отраслевая специализация промышленности города формировалась, исходя не столько из потребностей местного населения, сколько с учётом запросов пассажиров поездов, людей, занимавшихся транзитной торговлей, и солдат регулярных войск, численность которых составляла 16% населения [9, с. 456]. В городе росло производство табачных изделий (табачная отрасль занимала прочные позиции в Гродненской губернии в целом) и производство изделий из бумаги (в особенности, производство папиросных гильз), создавались пивоваренные, мёдоваренные и другие предприятия, относимые к так называемой отрасли «переработка питательных веществ». В 1876 году в Бресте действовало 6 табачных фабрик (на них было занято 219 рабочих из общего числа 263 человек, работающих на предприятиях города). В 1882 году в Гродненской губернии – табачных фабрик уже 14 (1144 рабочих), из них 7 (139 рабочих) – в Бресте [9, с. 457]. Большинство фабрик использовали табак, выращенный на Украине и доставляемый сюда чаще всего водным транспортом.

Канал активно эксплуатировался до начала XX века, когда из-за обмеления прекратилось регулярное судоходство. В настоящее время по каналу, восстановленному и реконструированному после Великой Отечественной войны, перевозится на баржах минеральное сырьё и строительные материалы.

Учитывая позитивный опыт использования Днепровско-Бугского канала в развитии торгово-экономических связей Прибужского региона с соседними государствами, Беларусь и Польша ведут переговоры о создании воднотранспортного соединения Запад-Восток в рамках программы трансграничного сотрудничества Европейского союза "Польша-Беларусь-Украина», что позволит задействовать потенциал Днепровско-Бугского канала. Предполагается, что основные затраты

понесёт Польша, поскольку внутренние водные пути Беларуси пригодны для перевозки грузов, в частности Днепровско-Бугский канал, реки Припять и Днепр. В Польше же река Буг практически не судоходна, так что там должны быть построены гидроузлы с судоходными шлюзами.

Реализация указанной программы направлена, прежде всего, на решение экономических задач. Открытие движения судов по каналу поможет восстановлению давних торгово-экономических связей Беларуси с Западной Европой. Возникают и перспективы культурно-туристского использования Прибужья и Полесья. Движение пассажирских судов по каналу позволит достаточно искушённым европейским туристам ознакомиться с уникальным Полесским регионом.

«Пожалуй, уже нигде, кроме Полесья, – пишет Т. А. Хвагина, автор книги «Палессе ад Буга да Убарці», – не встретишь таких архаичных деревень на небольших островках среди болот, где почти всё осталось так, как сотню и более лет назад: камышовые крыши хат, колодезные журавли и замшелые кресты-обереги, на которых висят ручки с языческими орнаментами. Цивилизация, пронизавшая Полесье нитями дорог, мелиоративных каналов, линий электропередач, как бы в раздумье остановилась всего в нескольких шагах у их околиц...» [1, с. 7]. Интерес для туристов может представлять не только первозданная природа Полесского края, но и многочисленные памятные места, связанные с событиями белорусской и польской истории, которые расположены в непосредственной близости к каналу:

- Районный центр Жабинка. На правом берегу реки Мухавец, в местечке Здитово, располагается Никитская церковь, известная с XVI в., считающаяся одним из наиболее древних деревянных храмов Беларуси. Недалеко от райцентра находится деревня Малые Сехновичи – родовое гнездо Костюшко, старинного шляхетского рода.

- В треугольнике между Днепровско-Бугским каналом, Пиной и Ясельдой лежит часть белорусского Полесья, которая называется Загородьем. В этом уникальном регионе находятся несколько памятных мест: 1) Грушево – родина известной писательницы Марии Родзевич (1864–1944), где сохранился старинный парк с прудом и 500-летним дубом; 2) Перковичи – родина певца Полесья, как его называют, Франтишека Вислоуха (1896–1978), интерес к творчеству которого возрождается в Беларуси и Польше. Здесь сохранился старинный парк и усадебный дом с фигурным трёхступенчатым аттиком и ромбическими окнами на нём; 3) Закозель, Попина, Людвиново – места, связанные с именем писательницы Элизы Ожешко. Безусловно, уникальнейшим объектом является полуразрушенная часовня в деревне Закозель, которая задумывалась как «романтический цветок неоготики» в Полесском крае [1, с. 40–46]; 4) республиканский биологический заказник «Званец», расположенный на южном берегу канала; 5) Дубой – известный как бывшая летняя резиденция пинских иезуитов и как место, где прошли детские годы писателя, историка, просветителя Адама Нарушевича. Даже то, что сохранилось от некогда уникального парка (водоёмы прямоугольной формы, красивейшие деревья), представляет несомненный интерес.

Литература

1. Хвагина, Т.А. Палессе ад Буга да Убарці / Т.А. Хвагина. – Мінск: Вышэйшая школа. – 2005.
2. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и белорусское Полесье / репринтное воспроизведение издания 1882 года. – 2-е изд. – Минск: Белорусская Энциклопедия. – 1994.
3. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Мн.: «Беларуская Энциклапедыя» імя Петруся Броўкі. – Т.3. – 1996.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000-20008. – Т.4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005.
5. Измestьева, Т.Ф. Россия в системе европейского рынка в конце XIX – начале XX в. / Т.Ф. Измestьева. – М., 1991.
6. Карнаухова, Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1861- 1914) / Е.С. Карнаухова. – М., 1951.
7. Статистическое описание Виленского военного округа по отраслям промышленности, имеющим значение для Интендантского ведомства. Составлено в Интендантском управлении Виленского военного округа. – С.-Петербургъ, 1876.
8. Жытко, А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму 1861 – 1914 гг. / А.П. Жытко. – Мн., 2003.
9. Ковалёва, Н.Н. Брест – Литовск и Брестский уезд в конце XIX – начале XX вв.: основные тенденции экономического развития // Potencjal gospodarczy i spoleczny wybranych krajow Europy i swiata / Red. Zofia Tomczonek. – Bialystok, 2007. – S. 456–462.

RESUME

In article role Dnieper-Bug the channel in development of economy Pribuzhie region in XIX century (stimulation of rise of an agriculture and the industry, inflow of capitals is covered as a result of development of transit trade) and some prospects of development of trade and economic relations Pribuzhie region with other regions are determined in connection with realization of the program cooperation of European union " Poland - Belarus - Ukraine ". Offers of use of the channel in development of tourism and acquaintance of tourists with sights Pribuzhie region and Polesye are brought.

V РАЗДЕЛ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Dąbrowska-Milewska G., BUT, Białystok

TENDENCJE W KSZTAŁTOWANIU FORMY ARCHITEKTONICZNEJ ZABUDOWY MIESZKANIOWEJ W MIASTACH PŁN.-WSCH. POLSKI W LATACH 1990-2010

Wprowadzenie.

W przeciągu zaledwie 20 lat polska architektura mieszkaniowa przeżyła dwa radykalne „przewroty” estetyczne. Pierwszy miał miejsce na początku lat 90. i związany był z odejściem od monokultury prefabrykacji wielkopłytywowej i poddaniem się wpływom postmodernizmu. Drugi nastąpił po upływie niecałych 10 lat i polegał na wyparciu krytykowanego postmodernizmu przez neomodernizm. Historia zatoczyła koło. Wróciliśmy do pierwszego modernizmu (z lat 30. XX wieku), przerzucając kładkę nad okresem architektonicznych błędów i wypaczeń. Powyższe tendencje są charakterystyczne dla całej Polski, ale w regionie północno-wschodnim wykazują lokalne odrębności.

Dekada postmodernizmu 1990-2000

Polska przygoda z postmodernizmem była „realizacją popytu odłożonego w czasie”. Zaczęła się w czasie, gdy na świecie już od niego odchodzono, doświadczony, że jest drogą do nikąd. Przeżycie go na gruncie polskim było chyba naszą dziejową koniecznością. Postmodernizm był pociągający nie tylko w warstwie estetycznej, pozwalając na odświeżenie wzorców historycznych i swobodną nimi grę formalną, ale też w warstwie intelektualnej. Poszukiwanie ducha miejsca, tożsamości, odnajdywanie związków z przeszłością, powrót do tradycji lokalnej i narodowej - wydawały się drogą dla polskiej architektury, odradzającej się po czasach doktryny narzuconej przez obcy system.

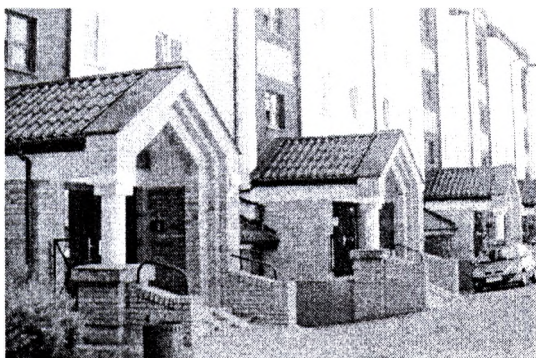
W rejonach północno-wschodniej Polski postmodernizm natrafił na szczególnie podatny grunt. Kompleks prowincji, ubogiej w architekturę historyczną wysokiej rangi, kompleks braku prawdziwej miejscowości – mogły znaleźć ujście w radosnym tworzeniu erztaków, w czerpaniu pełnymi garściami z dziedzictwa architektury niekoniecznie miejscowego pochodzenia. Jeżeli dodamy do tego wschodnie zamiłowanie do przepychu, dekoracyjności, wielobarwności, nie zawsze w dobrym guście, to otrzymamy przekonujące uzasadnienie, dlaczego właśnie w tym regionie postmodernizm trwał dłużej niż w innych i zebrał tak bogate żniwo.

W początkach lat 90. idee postmodernizmu wyrażały się w postaci ograniczonej, którą nazwałam umownie *quasi-postmodernizmem*. Reprezentują go obiekty, w których do modernistycznej bryły dodano - jak aplikacje - elementy z arsenału architektury historycznej lub regionalnej. Jest to architektura nieszczera i często zastępująca właściwe rozwiązania atrapami. (rys. 1)

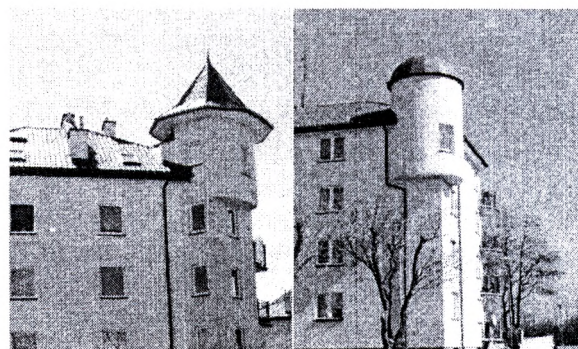
Postmodernizm pełniej zaznaczył swoje wpływy w obiektach, które dość swobodnie kompilują strukturalne elementy architektury historycznej, takie jak uproszczone, czasami zgeometryzowane stylizacje szczytów, wykusy, baszt, wieżyczek. W zależności od stopnia nasycenia detalem i całościowej kompozycji, w mniejszym lub większym stopniu osiągany jest efekt malowniczości, romantyczności (rys.2).

Najczęściej autorom nie chodziło o wierność konkretnej epoce, ale o stworzenie ducha architektury historycznej. Taką ocenę „bezstylowości”, a jednak „historyczności”, a więc może uniwersalnej historyczności przypisać można okazałej grupie budynków, które powstawały w różnych strefach miasta: nie tylko w sąsiedztwie zespołów zabytkowych, ale także w nowych osiedlach mieszkaniowych. Reprezentują one typ mieszczańskiej kamienicy, przekrytej stromym dachem i nasyconej detalem, opartym na zuniwersalizowanych wzorcach (rys.3).

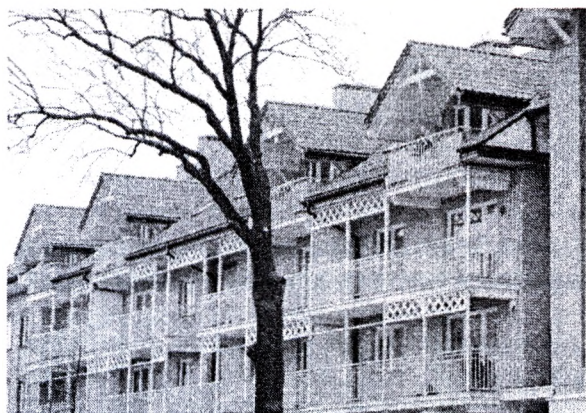
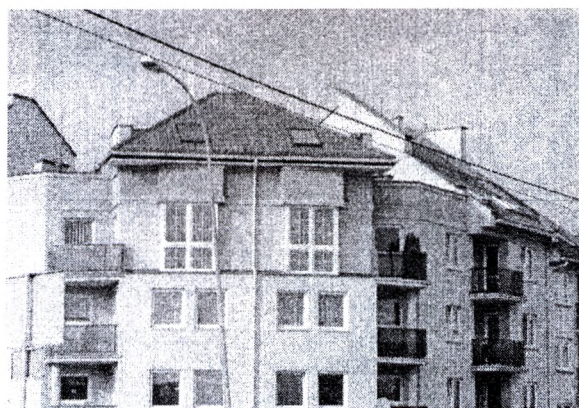
Niektóre przykłady architektury postmodernistycznej wykazują wyraźniejsze od innych oblicze historyzujące; można się w nich nawet doszukać odniesień do konkretnych stylów historycznych: baroku, secesji, renesansu. Ponieważ rzadko wykazują one jednolitość stylową, a ponadto splatają się z wątkami współczesnymi – można je zmieścić w nurcie eklektyzmu historyzującego (rys.4).



Rys. 1 – Stylizacja historyczna wejść do budynków. Zespół TBS a osiedlu Fasty-Bacieczki, Białystok (1999).
Projektant: arch. Marian Szymański.



Rys. 2 – Narożniki budynków zaakcentowane romantycznymi wieżami. Zespół „Nadstawem”, Białystok (1997).
Projektant: arch. Andrzej Kiluk.



Rys. 3. Architektura zespołu „Oaza”, Białystok (1999). Projektant: arch. Agnieszka Duda.

Rys. 4. Eklektyzm historyzujący z wątkami neorenesansowymi w budynku przy ul. Warszawskiej, Białystok (2000). Projektant: arch. Józef Matwiejuk

Rys. 5. Regionalizm łączący wątki miejscowe z wątkami z regionu sudeckiego w budynku przy ul. Słonimskiej na Bojarach, Białystok (2000). Projektant: arch. Adam Grochowski

Rys. 6. Przekorny dialog z lokalną architekturą regionalną w budynku przy ul. Skorupskiej na Bojarach (2004). Projektanci: arch. Justyna Zalewska, arch. Andrzej Chwalibóg

Kontestacją modernizmu była też próba nawiązania do tradycji regionu. Północno-wschodnie rejony Polski charakteryzują się stosunkowo dużym stopniem zachowania oryginalnej zabudowy regionalnej, która występuje także w miastach. Na przykład w Białymstoku dzielnice z drewnianą zabudową są ważnym, akceptowanym elementem lokalnej tożsamości.

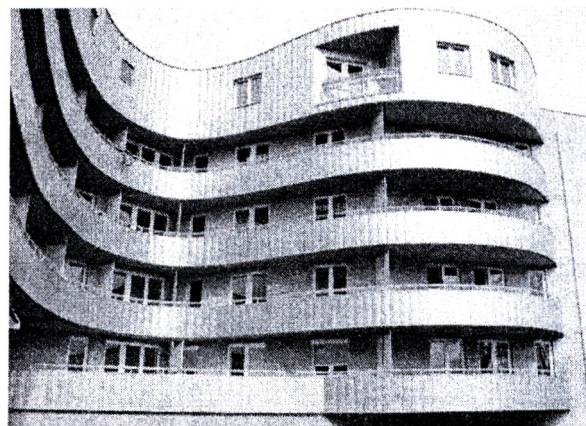
Neoregionalizm z lat 90. daleki jest jednak od radykalnego regionalizmu, odwołującego się do wzorów i cech formalnych charakterystycznych wyłącznie dla danego miejsca. Zapewne pod wpływem postmodernizmu, przybrał postać regionalizmu eklektycznego, łączącego wątki rodzime z formami pochodzącymi z innych regionów. Można powiedzieć, że stał się regionalizmem uniwersalnym – używającym syntetycznych form kojarzonych z architekturą regionalną (rys. 5).

Zwolennicy krytycznego regionalizmu twierdzą, że nie chodzi o to by sztucznie rekonstruować przeszłość, lecz by trzeba czerpać z lokalnego ducha, klimatu, kultury, używając współczesnej technologii i uwzględniając współczesne potrzeby użytkowe (rys. 6).

Pomiędzy postmodernizmem a neomodernizmem

Pomiędzy postmodernizmem a modernizmem wystąpiła faza przejściowa, charakteryzująca się łączeniem wątków modernistycznych z postmodernistycznymi. Można ją nazwać *soft-modernizmem*. Ta hybrydowa konwencja miała swoje lokalne odmiany, najwyraźniej wynikające z indywidualności miejscowych twórców. W Białymstoku cechuje się ona zamiłowaniem do miękkich linii, operowaniem krzywiznami ścian zarówno w zarysie pionowym jak i poziomym. W Lublinie są to zgrabne zabawy w geometrię, wykorzystujące efekt przenikania brył prostych i obrotowych, bliskie postmodernistycznej „romantycznej geometrii” (rys. 7).

Nurtem estetycznym, który nie mieści się ani w modernizmie ani postmodernizmie, a który przejawia się w niektórych realizacjach mieszkaniowych, jest ekspresjonizm (rys. 8.). Aczkolwiek został niegdyś uznany za styl, jest raczej sposobem projektowania, szukaniem rozwiązań niekonwencjonalnych, wyrazistych, często w oparciu o aprioryczne założenia formalne, którym podporządkowuje się funkcję, konstrukcję, materiały i technologie.



Rys. 7. Przenikanie brył prostych i obrotowych, romantyczna geometria – Zespół Rogatka
Warszawska, Lublin, arch. Bieńkowski, Lis, Mierzwa

Rys. 8. Ekspresjonistyczny modernizm – budynek przy ul. Wiejskiej w Białymstoku,
Arch. J. Zalewska, (2003)

Dekada neomodernizmu 2000-2010

Pierwsze realizacje w duchu neomodernistycznym pojawiły się w rejonie północno-wschodnim w połowie lat 90-tych, ale dopiero od początku nowego stulecia neomodernizm stał się stylem tutaj dominującym

Pojęcie neomodernizm (zamiennie: neofunkcjonalizm, neoawangarda) nie jest jednak precyzyjne. Sugeruje bowiem powtórkę z przeszłości, powielanie wzorów z lat 20. i 30. XX wieku, czyli z okresu wczesnego modernizmu. Tymczasem, po 10 latach, możemy stwierdzić, że kierunek ten, mimo niewątpliwych cech retrospekcyjnych, ma również cechy rozwojowe, że jego kontynuacja w nowych warunkach wnosi elementy nowatorskie, odzwierciedlające ducha czasu.

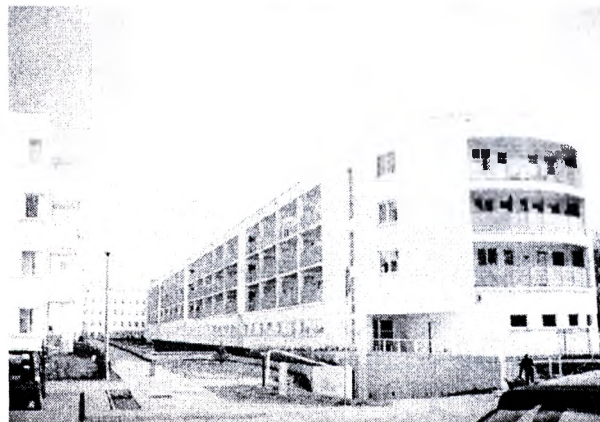
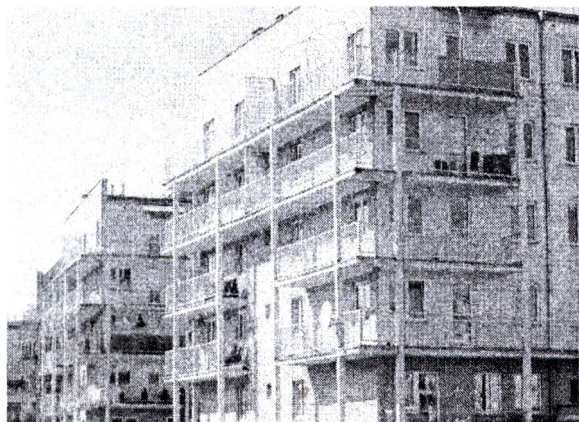
Podobnie jak przedwojenny modernizm, który oprócz nurtu awangardowego, miał nurt klasyczny, funkcjonalny, styl okrętowy, międzynarodowy, tak również współczesny modernizm nie jest jednolity i stale wzbogaca arsenał stosowanych środków formalnych.

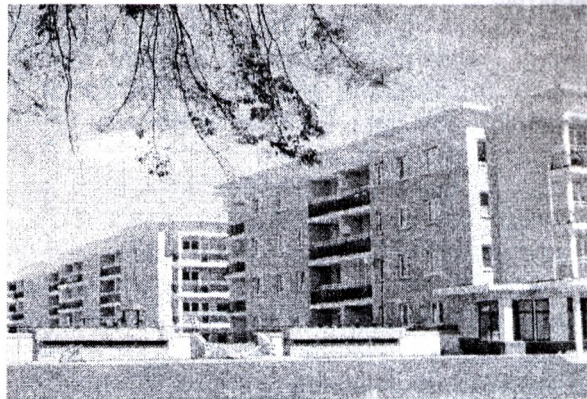
Niewiele realizacji nawiązuje rygorystycznie do ascetycznego funkcjonalizmu, którego wyznacznikami są proste pudełkowate bryły, duże powierzchnie gładkich ścian, oszczędny detal. Niewiele też kontynuuje biały styl międzynarodowy z charakterystycznymi elementami nautycznymi (rys. 9, 10).

Dzisiejszy modernizm jest mniej dogmatyczny, nie stroni od koloru, zróżnicowanych faktur i materiałów. Nie stroni też od wyrazistego detalu, który staje się wyróżnikiem formy. O ile cechą wspólną są kompozycje z prostych brył i dominacja układów ortogonalnych, o tyle rozwiązania warstwy elewacyjnej mają różny stopień „przestrzenności” i złożoności. W rozwiązaniach formalnych odchodzi się od rygorystycznie uporządkowanych podziałów elewacji (rys. 11, 12, 13).

Obok znanych z przeszłości elementów, jak narożne balkony, narożne okna, bulaje i okrętowe balustrady, do wzornika modernistycznego weszły: szklane pudełka z balkonami, kubiki-ramy loggii, balustrady ze szkła, perforowanej blachy i drucianej siatki, szklane zadaszenia, a także potężne gzymsy wieńczące (rys. 14).

Najnowsze realizacje zmiernają w kierunku wykorzystania współczesnych możliwości technicznych z myślą o humanistycznym i ekologicznym wymiarze środowiska mieszkaniowego.





RESUME

The last two decades are the period of significant changes in formal features of residential architecture in Poland. During 1990-2000 architecture of "east region" has been strongly influenced by postmodernism, which lasted here much longer than in other parts of the country. Acceptance of this trend stemmed not only from searching local identity of architecture, but also from eastern taste for rich, ornamented forms, of historical provenance. Some of the examples of postmodernistic architecture can be placed in mainstream called historical eclecticism, some - represent the universal trend of regionalism. Since the mid-nineties post-modernism began to be displaced by Neomodernism, that has become the dominant direction in the new millennium. In early 90. appeared in the form of hybrid, as the "soft" modernism. In the next phase was clearly referring to the modernist avant-garde tradition of the thirties. Currently, modernism is continued in several ways, among which is ascetic functionalism, as well as finding new expression in conjunction the threads of high-tech and organic architecture.

УДК 726.54.036 (476.7)

Малков И.Г., БелГУТ, Гомель, Ковалев Д.П., БрГТУ, Брест

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В БЕЛОРУССКОМ ПОЛЕСЬЕ

Введение. Культурные сооружения играли и играют заметную роль в формировании градостроительной планировочной структуры. Культурное зодчество Беларуси, в целом, представлено следующими типами зданий и сооружений: часовни (каплицы), колокольни, церкви.

Каплицы, согласно православному словарю, это постройки с крестом на крыше, в которых могут совершаться отдельные виды служб. В XVIII—XIX вв. каплицы возводились на кладбищах, возле населенных пунктов, на площадях, как для совершения религиозных мероприятий, так и в ознаменование каких-нибудь важных событий.

Каплицы строили двух видов: открытые столбовые и с закрытым внутренним пространством. Самые простые из открытых каплиц состоят из одного или нескольких столбов, на которых покоится пирамидальная крыша. Под крышей икона или резная фигурка святого. Такие упрощенного вида каплицы размещались на перекрестках дорог либо у въезда в населенный пункт.

К более сложному виду сооружений можно отнести каменные каплицы в виде четырехугольной башни высотой до 3–3,5 м под четырехскатной крышей. В стороне, обращенной к улице, устраивалась ниша с арочным завершением, на плоскости которой размещался крест. Другой вид – квадратная в плане со стороной около 2 м каменная или деревянная каплица в виде навеса, завершенного четырехскатной крышей. Под навесом размещался крест или столбовой алтарь. Такие каплицы возводились в центрах сел или на перекрестках больших дорог.

На больших городских кладбищах до наших дней дошли каплицы-мемориалы. Как правило, это каменные постройки квадратной в плане формы с двускатной кровлей. Вход каплицы акцентируется колонным портиком.

Колокольни. Отдельно стоящие колокольни обычно возводились перед главным входом в церковь, в углу ограды или над воротами. По конструктивному решению они были двух типов -

открытые столбовые и башенные. Основа первых – врытые в землю столбы с облегченной пирамидальной крышей. Наибольшее распространение имели колокольни башенного типа, как правило, квадратной в плане формы. Как отмечает С. А. Сергачев, определяющим в композиционном построении колоколен Беларуси являлась их ярусность. По объемному построению можно назвать одно-, двух-, трех- или четырехъярусные. Конструктивно это были каркасные, рубленые или смешанные сооружения. В последних – нижний ярус рубленый, а верхние – каркасные. Всем этим деревянным колокольням, возводившимся в Беларуси, по свидетельству А. И. Локотко, С. А. Сергачева, Ю. А. Якимовича, присущи стройность пропорций и выразительный силуэт [1,2,3].

Следует отметить, что как отдельно стоящие сооружения колокольни в Беларуси существовали только в деревянном зодчестве. Как отмечается, каменные и деревянно-каменные колокольни в XVIII – начале XX века встречались редко. В Беларуси, возводимые в последнее время колокольни выполняются из кирпича и являются частью основного культового сооружения, возвышаясь над верхними ярусами притворной части церкви.

Церкви. Распространение христианства на восточнославянские земли обусловило появление в городах и крупных поселениях Древней Руси деревянных и каменных храмов. Появление этих сооружений имело огромное общественное, духовное и эмоциональное значение. Особенно велико было значение каменных храмов, учитывая, что вся жилая общественная застройка городов велась из дерева. Такие храмы становились центрами городов, вертикальными доминантами их силуэта, символами значимости для всех близлежащих поселений, отражением политической и экономической значимости княжеств.

В начальной стадии культового строительства обозначалась прямая связь композиционного построения каменных и деревянных церквей. Предполагают, что сначала возводились деревянные церкви в качестве временных сооружений на площадках, где затем вырастали каменные постройки.

Непреложным элементом православных церквей со времен Византии является купол. Купол дает чувство безопасности, выражает заступничество, направляемое Божией Милостью, а сферичность его линий – единение всех христиан в Церкви. Форма купола бывает разной в зависимости от местных традиций и времени постройки, начиная от полусферы (характерной для византийских, греческих и сербских церквей), древнерусского «шлема» и, наконец, луковичной главы.

На архитектуру культовых деревянных построек на территории нынешней Беларуси оказывали влияние многие факторы. Первым стилем, принципы которого нашли отражение в строительстве церквей, был византийский. Анализ пропорций древних белорусских, в частности, полесских храмов показывает, что в пропорциональных построениях местные строители придерживались также приемов древнерусской каменной архитектуры. Вместе с тем по свидетельству А.И. Локотко, отличительной особенностью белорусских церквей в сравнении с архитектурой культовых сооружений России является формирование пятиугольной алтарной части. В деревянных церквях России, как правило, алтарная часть выполнялась трехстенной и четырехугольной. Как считает автор, это является следствием влияния архитектуры каменных храмов, где обычной являлась полукруглая форма апсид. В последующем влияние архитектура деревянных церквей России оказывала непосредственное влияние на композиционное формирование храмов Беларуси.

Согласно исследованиям С. А. Сергачева, А. Ю. Якимовича, существует два типа архитектурно-художественного облика белорусских деревянных церквей – осевой композиции и крестово-центрической. По обобщенной классификации В.А. Чантурия, белорусские деревянные церкви делятся на односрубные с алтарным прирубом, трехсрубные глубинно-пространственной и пятисрубные пирамидально-центрической композиций [4].

Наибольшее распространение получили осевые композиции, когда формирование объемов, а ими являются деревянные срубы, происходит по одной оси. Продольно-осевые композиции – развитие объемов церкви идет по горизонтали, в ярусно-осевых дополняется формированием срубов разных размеров по высоте. Детальная классификация белорусских деревянных церквей, учитывающая все многообразие и региональные особенности, дана А.Ю. Якимовичем. Автором предложено 5 типов и 8 подтипов.

Важной архитектурно-художественной особенностью деревянных церквей являлось достижение максимального эстетического эффекта при использовании ограниченных средств, в числе которых следует назвать создание выразительного силуэта постройки и элементов крыши.

В качестве примера современного строительства деревянных церквей можно назвать Свято-Параскевенскую в населенном пункте Бостынь Каменецкого района. Она представляет

собой постройку продольно-осевой композиции с размерами в плане 23,4x9,0. Кровлю венчают два шлемоподобных небольших купола на барабане над колокольней и центральным залом.

Снаружи деревянное здание церкви обшито обрезной доской, типа «вагонка». Подобная по архитектурно-планировочному и конструктивному решению церковь находится в агрогородке Круппец Добрушского района (рисунок 1).

Здание Свято-Георгиевской церкви в населенном пункте Каменюки крестово-центрической композиции имеет размеры в плане 16,6x15,6 м. Четыре сруба, создающих в плане крест, перекрыты двускатными крышами, на пересечении которых установлен мощный купол на световом барабане. Верх купола имеет отметку + 32.00 м. Центральный храмовый зал площадью 114,8 м² имеет боковые пристройки. С западной и восточной сторон к нему примыкают притвор площадью 16,1 м² и алтарь – 28,7 м². К помещению алтаря с двух сторон примыкают небольшие ризницы, каждая площадью 3,4 м². Внешняя отделка, как и в первой церкви, обшита «вагонкой», горизонтально опоясывающей наружные стены.

К числу первых каменных церквей на территории нынешнего Полесья следует отнести здание, возведенное в XII веке в Турове. По данным археологов, это была трехнефная шестиколонная базилика со стенами из плинфы. Как свидетельствует А. Трусов, туровская церковь являлась представителем киевской архитектурной школы, основной чертой которой была каменная кладка стен одинаковыми пластами без использования утопленных рядов [5].

В дальнейшем, на протяжении XI-XIII вв. установились и получили развитие следующие основные планировочные типы церквей: однефовые, одно-, трехапсидные, трехнефовые и крестовые с тремя притворами, размещенными с западной, северной и южной сторон. Считается, что именно они положили начало двум основным.

В более поздний период, с конца XVIII века в архитектуре каменных культовых сооружений заметно влияние канонов классической архитектуры. Основой культовых и в первую очередь православных церквей, является крестово-купольный объём. Элементы классических архитектурных ордоров становятся неотъемлемыми атрибутами пластического решения церквей. Наиболее ярким примером этого направления является Петропавловский собор в Гомеле, возведенный в первой четверти XIX века. Четко обозначенный крестово-центричный план выявляет объём квадратного нефа, завершаемый широким цилиндрическим барабаном с высоким куполом. Пилястры стен и колонны портиков завершаются дорическими ордерами [6].

Собор стоит на высоком мысе, образованном рекой Сож и ранее существовавшим притоком Гомеюк. Благодаря этому собор господствует над окружающим пространством поймы реки. В современных условиях главный его фасад обращен к центральной площади города и поэтому здание активно участвует в формировании ее архитектурно-планировочного решения. Силуэт собора и в настоящее время играет важную роль в архитектурной организации центральной части города, хорошо обозреваемой со стороны заречного Новобелицкого района (рисунок 2).

В архитектуре современных каменных церквей нашли отражение многолетний опыт зодчих и традиции народа. Большинство православных церквей – здания своеобразной, монументальной архитектуры – вносят в градостроительную структуру города элементы торжественности, красоты, удивления и благодарности зодчим за эти прекрасные постройки. В качестве примеров каменных построек, возведенных в последние годы в Белорусском Полесье, можно назвать церкви Иконы Божьей Матери в г. Гомеле, Свято-Покровскую в г. Хойники. Преображения Господня в г. Светлогорске и другие (рисунок 3). Еще в больших масштабах ведется строительство церквей в сельских населенных пунктах. Таковы возведенные в последние десятилетия церкви - Успения Пресвятой Богородицы в агрогородке Красное Гомельского района, Рождества Пресвятой Богородицы в агрогородке Урицкое Гомельского района и другие (рисунки 4–5).

Ещё более велика роль церквей в сельских населенных местах, а в настоящее время показательных объектах – агрогородках. Рядом с такими зданиями, которые служат притягательными объектами для большинства селян, может формироваться второй общественный центр. Велика их роль, как высотных доминант в формировании силуэта агрогородка.

Традиции в формировании архитектуры вновь возводимых церквей без труда прослеживаются во внешнем облике. Продольно-осевая или крестовая форма плана, закоморы и кокошники наружных стен, купола на световых барабанах - все эти элементы деревенской архитектуры можно взять в церквях, построенных в последние 10-15 лет. Однако время вносит свои коррективы в архитектурно-планировочное решение новых построек. Трехчастная форма плана, делящая храм на три части, – алтарь, средняя, основная часть и притвор – претерпела изменения за счет трансформации последнего элемента. Притвор, служивший в старом храме для пребывания

«оглашенных, которые готовясь стать христианами, еще не сподобились таинства крещения»¹⁾ в современных церквях потерял свое значение и выполняет функцию либо входного вестибюля, где размещена лестница, ведущая в подвальные помещения.

Значительно возросла в современных церквях площадь помещений вспомогательного назначения. Кроме традиционных для старых церквей – жертвенника, ризницы и др., в современных значительное место занимают служебные и технические помещения, размещены в цокольном или подвальном этаже и по общей площади сопоставимые с основной «рабочей» площадью.



Рисунок 1 – Церковь в агрогородке Крупец Добрушского района

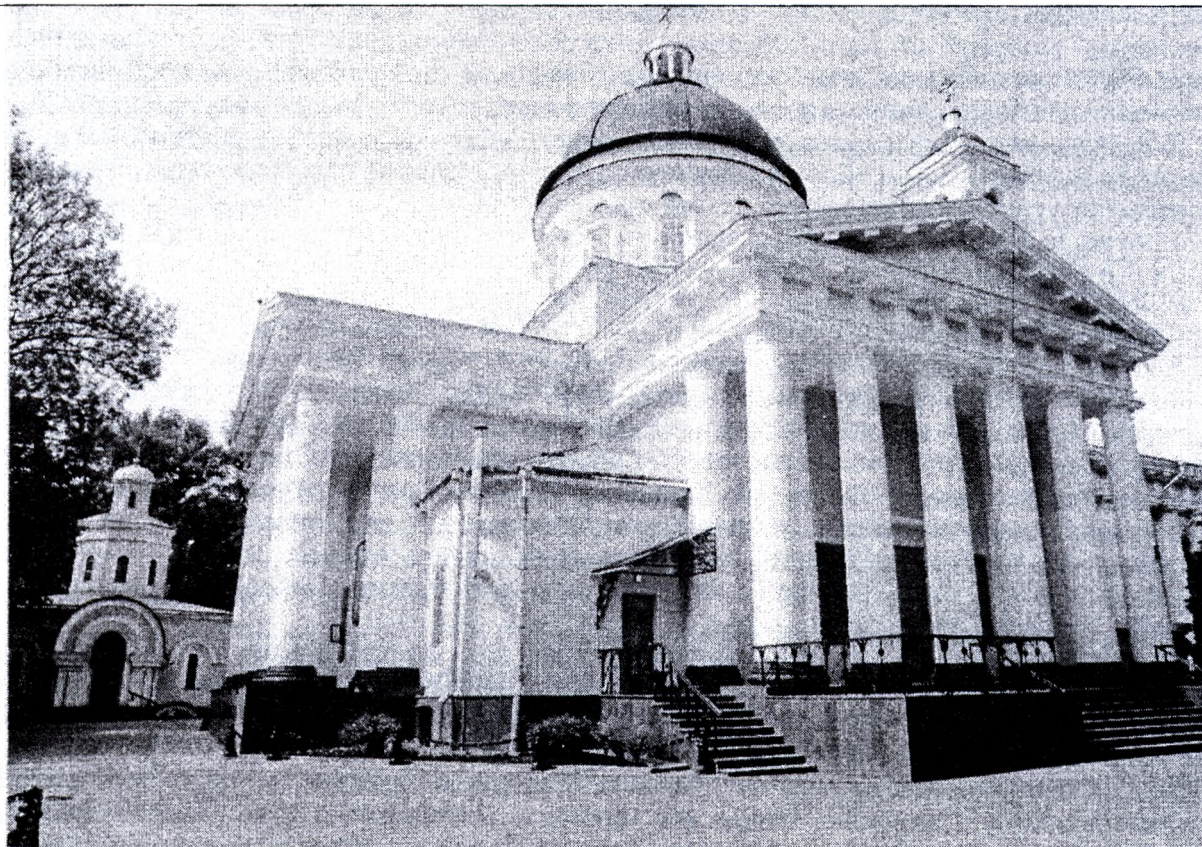


Рисунок 2 – Петропавловский собор в г. Гомеле

¹⁾ Закон Божий для детей и родителей. — Минск: ООО «Хапвест» 7004.



*Рисунок 3 – Церковь Преображения
Господня в г. Светлогорске
Гомельской области*



*Рисунок 4 – Церковь Успения Пресвятой
Богородицы в агротвородке Красное
Гомельской области*



*Рисунок 5 – Церковь Пресвятой Богородицы
в агротвородке Урицкое Гомельской области*

Заключение. Перечисленное нами позволяет показать влияние современных условий на проектирование и строительство зданий, основы формирования которых вырабатывались веками. Вместе с тем в настоящее время после длительного периода забвения проблем культовой архитектуры возрождается интерес к ней и ведется новое строительство.

Литература

1. Лакотка, А.І. Беларусь. Дойлідства / А. І. Лакотка. – Мінск: Тэхналопя, 1997. - 389 с.
2. Сергачев, С. А. Беларусское народное зодчество / С. А. Сергачев. – Минск: Ураджай, 1982. - 296 с.
3. Якімовіч, Ю. А. Драўлянае дойдства Беларускага Палесся: XVII—XIX ст. / Ю. А. Якімовіч. - Минск.: Навука і тэхніка, 1978. – 152 с.
4. Чантурия, В. А. История архитектуры Белоруссии. Дооктябрьский период / В. А. Чантурия. - Минск: Выш. шк., 1969. – 263 с.
5. Трусов, О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVIII вв. Архитектурно-археологический анализ / О. А. Трусов. – Минск: Наука и техника, 1988. - 160 с.
6. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов – Мн.: Изд-во «Четыре четверти», 1997. – 336 с.

RESUME

It was followed more than 1000 year period of Orthodox churches construction in Belarus Polesye. There were considered the types of Orthodox cult constructions. The characteristic features of architectural -planning decisions of historical and modern churches are exposed.

УДК72.03(476)

Панченко Т.А., БрГТУ, г. Брест

**ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ
ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА**

В историко-культурном контексте православные духовные центры всегда развивались как средоточие духовной жизни Церкви, поэтому они имеют особенное значение в формировании градостроительной структуры поселений на территории Беларуси. В современной ситуации при создании православного духовного центра вопросы его градостроительного размещения являются важнейшими для рациональной пространственной организации ПДЦ. Его местоположение на территории различных планировочных зон определяет, например, возможность и частоту его посещения, соответственно широту и насыщенность функциональной программы. Обобщение и анализ опыта градостроительного размещения ПДЦ необходимы для выявления принципов их размещения в историческом контексте и разработки предложений по формированию сети православных духовных центров Беларуси.

Из общего числа православных объектов и комплексов различного назначения и величины были выявлены объекты, основа функционирования которых – различные формы образовательной, просветительской и миссионерской деятельности Православной Церкви. В Прибужском регионе в общем историко-культурном контексте были выделены следующие типы ПДЦ:

- резиденция епископа;
- епархиальный духовный центр;
- монастырь;
- храм-памятник.

Появление первых объектов Православной Церкви в регионе относится к XIII в. О епархиальном духовном центре – кафедральной церкви и монастыре в Бресте, на территории укрепленного города упоминается в XIV в., когда на территории Берестейского замка строится каменная церковь св. Петра.

На плане города 1657 г. на территории укрепленной части «места» (непосредственно территория города) обозначена православная церковь. Примерно на этой же укрепленной части города известно о расположении двора православного епископа с кафедральной Николаевской церковью. При сравнении планов 1657 и 1798 гг. видно что место, занимаемое в XVII в. двором православного епископа с кафедральной Николаевской церковью в XVIII в., занял монастырь базилиан.

Документальных исторических сведений по описанию архитектурного облика и пространственного решения сооружений этих комплексов практически не сохранилось. Известно изображение Николаевской кафедральной церкви на заглавном листе Брестской унии 1596 г. и её описание, сделанное во второй половине XVIII в., более позднего внешнего облика в книге Л. Паевского, который характеризует её как каменное крестообразное сооружение с деревянным

куполом над серединой крыши, покрытой гонтом. Согласно изображению 1596 г. церковь представляла собой крестообразное в плане здание с двумя угловыми двухъярусными цилиндрическими башнями оборонительного характера на главном фасаде, верхний ярус которых имел купольное завершение и обрамлён волютами. Фронтальные фасады украшали барочные щиты с башенками. Известно, что в 1613 г. в Бресте произошёл пожар. От него пострадал храм Св. Николая – сгорела крыша и звонница с колоколами, весь двор митрополита и много других городских построек. На плане города 1798 г. месторасположение православной церкви изменилось, так же как и её рисунок. Кроме того, церковь обозначена как соборная неоконченная, в более поздних документах о ней также сообщается как о незавершённой. В стадии разрушения храм изображён на картине Б. Залесского «Брест-Литовск в 1840». (Как известно, в 1830-е годы церковь, как и весь древний город были снесены), а православная церковь (крестообразная в плане) на плане 1798 г. сместилась ближе к Мухавцу. [1]

С XIII века крупным городом становится Пинск. В Свято-Успенском мужском монастыре, который находился в восточном предместье Пинска – Леща, находилась резиденция Турово-Пинского епископа. С момента основания был одним из авторитетнейших центров православного монашества, о чём свидетельствует то, что до XVII в. митрополиты западнорусской церкви называли себя Лещинскими (в дополнение к титулам Киевских, Галицких и Всея Руси) и только позднее Киево-Печорскими.

По преданию, был основан равноапостольным князем Владимиром во время похода на ятвягов. Здесь велись летописи, переписывались книги. Первая церковь была посвящена во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Она упоминается в 1263 г., когда в монастыре скрывался инок Роман (Войшелг – сын Миндовга). В 1340 г. пинский князь Георгий, внук великого князя литовского Гедымина, пожертвовал монастырю остров между реками Пина, Струмень и Оречица. Комплекс значительно потерпел во время татарского нашествия в 1540 г., во время которого погибла значительная часть монастырского архива и летопись Пинска, составленная монахом Митрофаном. В 1630 г. монастырь становится униатским (в 1596, 1605–1623, 1639), окончательно в 1668 г., через 30 лет – базилианским. Его описание приведено в инвентарях 26.12.1588 г. и 1595 г. В 1615 г. по распоряжению Сигизмунда III монастырь перешёл к Василисе Сапежанке, игуменье виленских базилианок, в ведении которой находился до 1631 г., когда она уступила свои права униатскому митрополиту Иосифу Рутскому. По описанию монастыря в инвентаре 1588 г. он был полностью деревянным, двор был окружён дыльями (дубовыми пластинами), в ограде имелось 2-ярусная брама-звонница с 5 колоколами. В составе комплекса находилось 2 церкви: главная Свято-Успенская и «тёплая» Свято-Духовская. Справа от брамы стоял жилой монастырский корпус, слева – дом архимандрита. Кроме этого, срубные стайня, баня, пивоварня. За стенами монастыря находились дом священника, гумно, сад, огород и лес [2].

В книге Лысенко стр.226 указано, что, по сообщению А.К. Миловидова, в Пинске в 1893 году во время строительных работ на территории «Старостинского замка» (детинец древнего Пинска) на месте, отведённом городской думой под мясные ряды, были выявлены три полукруглые апсиды диаметром по 5 аршин крупного кирпичного храма, ориентированного на восток. По мнению Миловидова, эти остатки принадлежали кафедральному собору во имя св. Дмитрия, который был патроном великого князя киевского и Туровского Изяслава Ярославовича.

Брестская епархия была возрождена в 1990 году. В настоящее время кафедральным является Свято-Симеоновский собор, расположенный в центральной части города по пр. Машерова. Он был построен в 1865–1868 гг. по проекту брестского городского архитектора В. Поликарпова. Собор имеет центричную крестовую композицию плана. Основной объём поднят на высокий ярко выраженный цоколь. Над основным объёмом возвышается высокий парапет с треугольными фронтонами. Над кровлей – центральный и дополнительные барабаны церковных глав с шатровым покрытием. Стены оформлены профилированными карнизами с узкими арочными оконными проёмами. Главный вход в свою очередь также имеет обрамление – перспективный портал с килевидным завершением.

С момента упразднения в 1823 г. мужского Симеоновского монастыря до конца XX в. в Прибужье не существовало ни одного православного монастыря. Только в июле 1995 г. Патриарх всея Руси Алексий II во время архипастырского посещения Бреста дал благословение основать мужской монастырь на месте кончины мученика Афанасия (Филлиповича). Располагается монастырь в д. Аркадия г. Бреста. Вначале была расширена часовня, в которой совершались богослужения,

а к небольшому церковному домику пристроена трапезная и несколько келий для монахов. К 1998 г. в обители было два монаха и три послушника. Был перевезён ещё один дом, оборудованы мастерские и хозпостройки. В дальнейшем осуществлялась разработка проекта постройки нового монастырского корпуса с надвратной церковью и архиерейскими покоем.

Комплекс храма-памятника – Свято-Воскресенского собора в г. Бресте, посвящённого 50-летию победы в ВОВ, построен в 1995–1998 гг. В его составе – Свято-Воскресенский собор, с нижним храмом-криптой в честь Казанской Божией Матери, четырёхъярусная колокольня, вспомогательные постройки. Четырёхлепестковая форма плана определяет центричное объёмно-пространственное построение храма, завершённое пятикупольем. Он расположен на перекрёстке ул. Московской и пр. Республики, на территории жилого микрорайона города, входит в состав его общественного центра. Хорошо просматривается как вдоль Московской, так и с дальних точек, в том числе с другого берега Мухавца.

Таким образом, в общем историко-культурном контексте комплексы православных духовных центров Прибужья на территории городских поселений размещаются:

- в составе общественного центра городского поселения (в центральной зоне);
- в составе общественного центра планировочного района (в срединной и периферийных зонах);
- на территории пригородной селитебной зоны.

Многие комплексы духовных центров, основанные до 1988 года, изменили свою пространственную организацию, утратили своё ключевое значение в формировании городской среды поселений. Тем не менее, они занимают важное место в градостроительной организации территорий и являются важными разномасштабными структурными элементами этих территорий.

RESUME

In a historical and cultural context the orthodox spiritual centres always developed as centre of a spiritual life of Church, therefore they have especial value in formation of town-planning structure of settlements in territory of Belarus. Generalisation and the analysis of experience of town-planning placing OSC is necessary for revealing of principles of their placing in a historical context and workings out of offers on formation of a network of the orthodox spiritual centres of Belarus.

УДК 725.8(476.7)(09)

Свибович И. И., магистр архитектуры ОАО «Брестпроект», Брест

АРХИТЕКТУРА ЗРЕЛИЩНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ СРЕДЕ г. БРЕСТА

В настоящее время зрелищные здания, построенные в XX в., не удовлетворяют многим требованиям. Отсутствие регулярного финансирования и должного внимания со стороны государства в советские годы обернулось для сооружений сферы культуры и спорта разрушением и старением строительных конструкций. В связи с тем, что здания проектировались без учета возможного развития техники, их моральное старение зачастую наступает раньше, чем физический износ. Это связано не только со скоростью развития мультимедийной индустрии, но и с постоянным совершенствованием строительных материалов и конструкций, постоянным изменением в представлениях людей о культурном досуге, все возрастающей скоростью обмена информацией. Чтобы соответствовать реалиям времени, устаревающие зрелищные здания нужно постоянно реконструировать, подвергать частичному или тотальному сносу, уступая место сооружениям, которые востребованы обществом. И коль скоро сооружения эти чаще всего находятся в пределах исторического центра, немаловажную роль в создании вновь строящихся или реконструируемых зданий играет окружающая застройка, городская среда.

В 70-х гг. XX в. на ул. Советской в г. Бресте был построен кинотеатр «Беларусь», который и по своему масштабу и стилистике выделялся из застройки этой улицы. Но сейчас без него невозможно представить пешеходную магистраль города, т.к. объем кинотеатра является доминантой центральной ее части. В настоящее время в историческом районе Бреста планируется реконструировать кукольный театр. Его облик основательно изменится, как изменятся его техническое оснащение и планировочная структура. Улица Ленина также претерпит изменение, т.к. масштаб нового объекта контрастирует с существующим окружением. Будут ли изменения к лучшему, покажет время. Поскольку в целом проектирование в историческом районе ведется

без необходимых предпроектных исследований и должного анализа окружающей застройки, можно говорить о том, что формирование городского облика пускается на самотек. Архитекторы упускают благоприятные возможности и создают неудобства для будущих поколений горожан, поскольку не учитывают широкий спектр факторов, влияющих на восприятие и эксплуатацию исторически сложившейся городской среды. Это явление характерно не только для Бреста и Брестского региона, но и для республики в целом.

Историческое наследие является неотъемлемой частью зрелищности современных городов. Связь старого и нового, сегодняшнего и уходящего корнями глубоко в прошлое, во временные пласты, придает комплексу среды в нашем восприятии некую четырехмерность, где четвертое измерение – время. Среда, хранящая информацию о прошлом, запечатлевшая следы движения времени, обладает особой ценностью в представлениях современного человека, удовлетворяя тягу к временной перспективе, которая привита ему историчностью культуры XX века. Для нас вещественные следы исторической судьбы во многом – если не в главном – определяют особый образ города, наделяют его «лица необщим выраженьем». И этот образ – не только воплощение прошлого культуры, близкого и давнего, но и опора для ее действующей, развивающейся в будущее формы [1].

В Бресте размещены зрелищные здания следующих типов: театры, кинотеатры, дома культуры, музеи, спортивные сооружения универсального использования и специализированные. Ниже приведен перечень зрелищных сооружений в историческом районе г. Бреста:

- театры: Брестский драматический театр, здание кукольного театра;
- кинотеатры: кинотеатр «Беларусь», кинотеатр «1 мая», кинотеатр «МИР»;
- спортивные демонстрационные сооружения: стадион «Динамо»;
- музеи: краеведческий музей, музей спасенных ценностей, музей города, музей железной дороги;
- дом культуры: ОКЦ.

Зрелищные здания в историческом районе начали появляться в первой половине XX в. Те, что дошли до наших дней, появились уже в советский послевоенный период. Преимущественно это отдельно стоящие здания, построенные в 1960–80-х гг. в стилистике неофункционализма. Но есть также те зрелищные учреждения, которые располагаются в исторических памятниках архитектуры, а также встроенные в жилые дома. В высотном отношении зрелищные сооружения вписаны в историческую застройку, но из-за отсутствия предпроектных исследований и ограниченности строительной индустрии не в полной мере передают особенности участка и местный колорит.

На примере кинотеатра «Беларусь» автор проанализировал точки соприкосновения современного зрелищного здания и окружающей исторической застройки. Взаимодействие объема кинотеатра с окружающей застройкой происходит в нескольких аспектах: форма, габариты сооружения, его масштаб (пропорции, членения фасадов), цветовое решение фасадов, стилистика. Авторы проекта стремились создать доминанту в исторической застройке, не превышая ее этажности, поэтому использовали приемы контраста, подчеркивающие значимость зрелищного здания.

Можно назвать несколько причин, почему здание кинотеатра воспринимается как доминанта застройки Советской на пересечении с ул. Буденного:

- 1) здание стоит отдельно от застройки, которая выстраивается в пределах красной линии, выходя главным фасадом на пешеходную улицу;
- 2) объем кинотеатра – цилиндрический, замыкается сам в себе;
- 3) крупный масштаб зрелищного здания контрастирует с интимным масштабом архитектуры жилых зданий исторического района и подавляет своей массивностью;
- 4) стилистика решения фасадов периода неофункционализма, бескомпромиссного в своей геометричности и простоте, противопоставляется насыщенной деталями исторической застройке. Остекленная поверхность фасада, с одной стороны, увеличивает ощущение изолированности, а с другой, напротив, связывает внутреннее пространство кинотеатра с исторической средой.

Но, несмотря на кажущуюся отрешенность объекта от окружения, авторы учли ряд особенностей окружающей городской среды. Своими габаритами здание кинотеатра не мешает восприятию исторической застройки, хотя и привлекает внимание. Монотонный фасад с окнами административных помещений обращен во внутреннюю часть квартала, хотя и открытую для вос-

приятия, но организованную современной застройкой. На ул. Советскую обращены помещения зрелищной группы, открывая через остекленный фасад панораму исторической застройки. Важной особенностью является также то, что восьмигранник стен размещавшейся прежде на этом месте синагоги сохранился как во внутренней планировке, служа остовом сооружения, так и во внешнем виде, возвышаясь над основным объемом. Таким образом, можно говорить о дуализме образа современного здания и его преемственности, обращению к истории.

Пример анализа существующего зрелищного сооружения.

Композиция. Основной объем кинотеатра представляет собой цилиндр, разделенный по высоте на две части: нижнюю, западающую, и верхнюю, нависающую. В центральной части располагается преобразованный восьмигранный объем, который очерчивает стены размещавшейся здесь ранее синагоги. Этот восьмигранник переходит в квадратный выступ дворового фасада. Плоскость симметрии кинотеатра перпендикулярна улице Советской. Модель объема кинотеатра дана в рисунке 1.

В связи с особенностью зрительного восприятия человека можно выделить **зоны визуального воздействия** объема кинотеатра на наблюдателя [3] (рисунок 2):

1. Фронтальная картина (на расстоянии не более, чем 36 м, что составляет две высоты кинотеатра). Расположение кинотеатра позволяет беспрепятственно обойти его вокруг. В этом радиусе отчетливо читаются вспомогательные средства композиции объема (шаг и изгиб витража, глубина железобетонного ограждения первого этажа, фактура поверхности элементов), элементы дизайна (детали дверей, мусорные урны, ограждения пандуса), оперативная информация (афиши, реклама, объявления на цифровом табло).

2. Объемное построение (на расстоянии более 36 м). Частично ограничено соседней застройкой по ул. Советской и Буденного. Оптимальные видовые точки находятся на углу выше-названных улиц, с Советской в направлении Московской, со стороны фонтана и с дворовой стороны кинотеатра, где имеется незастроенная площадка. На этом расстоянии взглядом можно целиком охватить объем кинотеатра, составить представление о его композиции. Особное значение приобретают выступающие детали, ниши, членения плоскостей фасада, которые создают игру светотени и разбивают крупные детали объема кинотеатра на более мелкие, создавая характерный масштаб.

3. Глубинное построение (на расстоянии 110 м, что составляет два диаметра кинотеатра в плане). Видовые точки находятся выше по ул. Советской и на пересечении Буденного-Куйбышева. На этом расстоянии можно оценить здание кинотеатра в пространстве, организованном застройкой улиц Советская и Буденного. Воспринимаются более крупные детали объема: читаются не только верхний и нижний цилиндры кинотеатра, но и восьмигранная надстройка, призматический объем дворового фасада.

4. Панорама (далее 200 м) с объемом кинотеатра. Ее можно наблюдать только с пересечения ул. Советская-Гоголя. Кинотеатр виднеется из-за выступающего здания передней цилиндрической частью. На этом расстоянии можно оценить только высоту здания и пропорции членения фасада.

Идеология или концепция. Говоря об идеологии сооружения, в первую очередь нужно вспомнить, в какое время было это сооружение построено и может ли человек непосвященный «на глазок» определить, какие это были годы. В нашем случае это вопрос разрешимый. И композиция здания в целом, и некоторые декоративные приемы, отделочные материалы пробуждают в голове образы аналогичных сооружений, построенных в то же время: кинотеатр «Октябрь» в Минске, здание драмтеатра в Гродно. Неофункционализм в советской архитектуре 60-80-х гг. К особенностям архитектуры этого периода следует отнести выявление конструктивной и функциональной логики, геометрическая четкость связей во внешнем виде, просторные, нерасчлененные и перетекающие внутренние пространства, наполненные светом и воспринимающиеся в единстве с внешней средой. Его принцип формообразования не ограничен чисто функциональными требованиями и ориентируется на поиск образной идеи. Демонстрация эстетической выразительности конструкции, использование больших поверхностей остекления. Пространственность ассоциируется с духом эпохи освоения космоса и технического прогресса. В членении объемов используются приемы ритмического членения формообразующих поверхностей и членения архитектурных масс [2].

Прослеживается также синтез искусств, характерный для того времени – в фойе второго этажа, на торцовой стене, ограничивающей пространство справа от входа, декоративная композиция

«Беларусь» (художник И. Крупский; сграффито). Принцип введения монументально-декоративного произведения в интерьер здания, рассчитанного на восприятие с улицы, под-держивает также идею связи внутреннего и внешнего пространства.

Зрелищные здания в историческом районе, построенные с учетом сложившейся ситуации и использованием творческого подхода в проектировании, способствуют созданию уникального образа города. Бережное отношение к историческому наследию заключается не только в сохранении и реставрации памятников архитектуры, но и в правильной организации современно-го проектирования, основанного, прежде всего, на всестороннем предпроектном исследова-нии, визуальное восприятие в котором занимает не последнее место. Музеи, театры, концерт-ные залы и прочие зрелищные сооружения, строящиеся в Западной Европе, яркое тому под-тверждение. Увеличение доли науки в проектиро-вании зрелищных зданий Бреста, несомненно, будет способствовать повышению качества жизни и культурного отдыха жителей города, чему уде-ляется недостаточно внимания в свете неоправ-данно сжатых сроков, отведенных на проектиро-вание ответственных объектов.

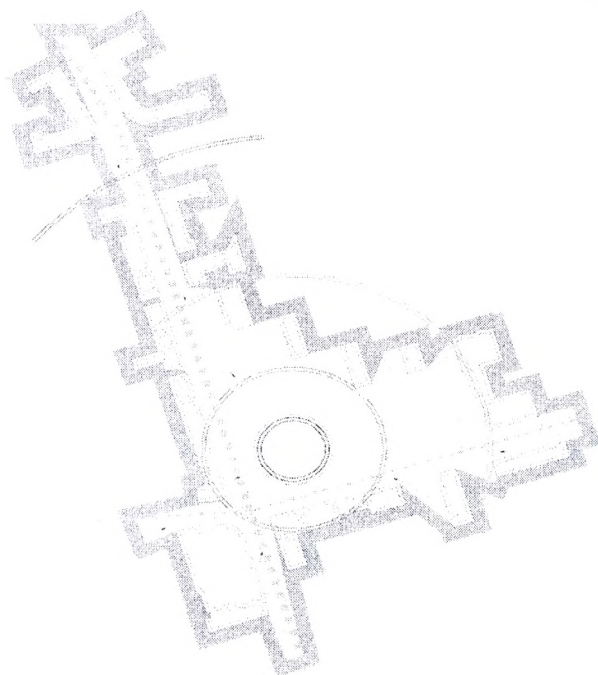


Рисунок 2 – Схема восприятия здания кинотеатра в застройке ул. Советской

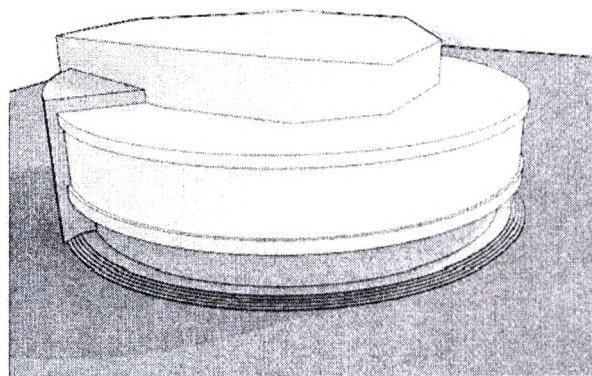


Рисунок 1 – Модель кинотеатра «Беларусь»

Литература

1. Иконников, А.В. Искусство, среда, время. (Эстетическая организация городской среды) / А.В. Иконников. – М.: Советский художник, 1984. – 336 с.
2. Шамрук, А.С. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в.: эволюция стиля и художественных концепций / А. С. Шамрук. – Минск : Белорус. наука, 2007. – 335 с.
3. Шимко, В. Т. Архитектурное формирование городской среды / В.Т. Шимко. – М.: Высш. шк., 1990. – 223 с.

RESUME

Now the entertainment buildings constructed in XX century, do not meet many requirements. Absence of regular financing and a proper attention from outside the states in the Soviet years has turned back for constructions of sphere of culture and sports by destruction and ageing of building constructions. Because buildings were projected without meaning possible development of techniques, their obsolescence frequently comes earlier, than physical deterioration. It is connected not only with speed of development of the multimedia industry, but also with constant perfection of building materials and designs, constant change in representations of people about cultural leisure, escalating speed of information interchange.